

А. Попов

ДОРОГА К ИСТОКУ

Записки краеведа

А. Попов

Дорога к истоку

Записки краеведа

Волкота как крылатая птица

Где находится летописный Бую?

Следы на камнях

Тверь 2009

Попов Алексей Сергеевич

Дорога к истоку. Записки краеведа. - М.:2009.-С.

В этой книге собраны краеведческие работы известного исследователя Тверского края и верховьев Западной Двины -А.С. Попова. Она является продолжением ранее вышедших изданий этого автора - «В поисках Дивьего камня» (1981) и «Загадка Янтарной реки» (1989). В ней повествуется об удивительной лесной речке Волкоте - притоке Зап. Двины, чистейших родниковых озерах Бросно, Бойно, Отолово, о тайнах истории, поисках летописного городка Буец, камней с таинственными знаками, разгадке названий населенных пунктов с помощью Толкового словаря В.И. Даля. Автор, который сам уже давно живет в этом краю и искренне любит его, рассуждает также о непростых проблемах современной деревни, ее упадке и путях возрождения. В книге много юмора, походных приключений, встреч с людьми и ...лирических стихов, написанных прямо у костра самым юным участником путешествий - Димой Поповым.

Книга написана по материалам путешествий по р. Волкоте в 2005 - 2008 г.г.

Фото на авантитуле: Автор книги А.С.Попов

Фото на обороте авантитула: Река Волкота у впадения в нее речки Городницы

Автор благодарит за содействие в подготовке книги заведующую андреапольским районным архивом Н. Баранник и директора районного краеведческого музея В. Линкевича (Тверская обл.).

ISBN

© Попов А.С., текст, 2009

© Попов Д.А., стихи, 2009

© Попов А.С., Попов С.А., Попов Д.А., фото, 2009

© Попов Е.С., составление карт и схем, 2009

© Издательство ИНИКО макет, оформление, 2009

Озёрный край

Внашей стране немало красивых и благодатных уголков, по своей прелести и девственности не уступающих экзотическим заморским красотам. Наверное, у каждого из нас в жизни есть такой знакомый с детства тихий уголок, где ты впервые научился плавать, ловить рыбу, вытаскивать скользких раков из-под камней в маленькой речушке, сидеть у костра на берегу озера. Для меня таким сказочным местом на всю жизнь останется небольшой кусочек Тверской земли в верховьях Волги и Западной Двины. Но не огромный и шумный Селигер и Верхневолжские озера, дающие начало нашей матушке-Волге, а протянувшийся к западу от них всхолмленный болотистый и озерный край.

Такое впечатление, что когда-то очень давно по этой нехоженой земле прошелся невиданный великан с огромным лукошком, разбросав из него по болотам пригоршнями, словно изумрудные камни, десятки и сотни маленьких и больших озёр и озерков, низав их, как бусинки, на голубые прожилки бесчисленных рек и проток.

Этот край, расположенный на стыке границ Новгородской, Псковской и Тверской областей, издавна считался «медвежьим углом», сюда и добраться-то можно было только летом и зимой, а весной и в осеннюю распутицу лишь верхом на лошади да на лодке-долбленке.

Первое, что поражает, когда попадаешь в эти места, - удивительная, какая-то неземная тишина. Ухо глохнет от тишины этих огромных сосновых боров, тянущихся на многие километры по берегам рек и озер, от чистого бездонного неба, в котором где-то высоковысоко описывает свои хищные петли орлан - белохвост, высматривая свысока свою добычу, от тихой глади воды на озерах, которая в безветренную погоду замирает, словно накрытая огромным куском прозрачного стекла.

Здесь не слышатся человеческие голоса, потому что давно уже обезлюдели деревни, заросли березняком и кустарником бывшие пахотные поля.

Но если вслушаться в эту гулкую тишину, привыкнуть к ней, то можно различить и трепетный шелест листочков в соседней ольховой роще, и тихое бормотание тростника, шепот волн на озере, и далекие раскаты грома над притихшим лесом, звон колокольчика соседской коровы, гортанный крик чаек и приглушенный звон ручейков, сочащихся с соседнего бугорка.

Озерный край - это море воды. Она здесь не только в речках, озерах и болотах, она окружает тебя со всех сторон: хлупает под ногами, сочится между корнями деревьев, низвергается на тебя сверху холодными хрустальными струйками.

Когда идешь по дну лощины, то попадаешь в пелену невесть откуда взявшегося дождя. Поднимешь голову, а на небе ни облачка. Это земля сочится, не в силах удержать в своих недрах kloкочущий и бурлящий поток родниковой воды. Как будто где-то там внизу под землей находится огромная купель, которая, наполняясь до краев, выплескивает свою энергию в бесчисленные родники, речки и болота.

Люди давно подметили характерную особенность здешних мест: эта небольшая и не такая уж высокая гряда Валдайских гор давала начало десяткам, а может быть и сотням больших и малых речек и рек, и, среди них таким, которые ныне составляют гордость России - Днепру, Волге и Зап. Двине. В Повести временных лет - древнейшей русской летописи - этот уголок русской земли назван Оковским лесом - лесом воды, лесом истоков, где зарождаются большие и малые русские реки.

Верховья Зап. Двины и Волги как раз и находятся в самой сердцевине этого летописного леса. Раньше горы, откуда стекали реки, называли Алаунскими, сейчас - это отроги Валдайской возвышенности. Слово «горы» как-то непривычно звучит применительно к этим лесистым и болотистым местам. По Валдайским горам не надо, как на Кавказе, взбираться с ледорубом, и нет здесь ни ледниковых вершин, ни горных перевалов. Это обширная всхолмленная равнина с верховыми болотами на плоских «вершинах», каскадом спускающихся по обе стороны гигантской природной пирамиды.

С ее вершины реки могут скатываться в разные стороны.

Здесь каждая ложина, каждый холмик могут определить направление течения любого ручейка. Тут можно подняться на ближайший холм и наслаждаться увиденным зрелищем - слева от тебя у подножия холма река течет на север, а справа, наоборот, в противоположную сторону.

В этих местах проходит знаменитый валдайский водораздел, разделяющий реки разных бассейнов. Но Оковский лес не только разделял, но вместе с тем и объединял эти реки в единую водную систему, в единый водный путь, который, начиная со второго тысячелетия н.э. стал поистине Великим торговым путем «из варяг в греки». Верховья рек здесь так близко подходили друг к другу, что первым землепроходцам и торговым людям не составляло труда найти сухопутные волок и перетаскивать по ним свои ладьи из одних рек в другие. Вот почему здесь так много деревень с названием Волок, да и приток Зап. Двины тоже называется Волкотой.

Историей была уготована особая роль этого края, находящегося на перекрестке торговых путей и интересов различных племен, народов и государств. Здесь рождалась и мужала русская народность, формировался единый русский язык, закладывались основы русской государственности.

Район Верхнего Подвинья долгое время был пограничным, немало войн прокатилось по этой земле. Да и сам край нередко переходил из одних рук в другие. В разное время эти земли видели и немцев, и поляков, и литовцев. За обладание ими соперничали и Ржев, и Тверь, и Великий Новгород, и Москва. Многие деревни по рекам и озерам разорялись, уничтожались и сжигались. Но потом снова, как птица Феникс, возрождались из пепла.

Немало жителей окрестных деревень находило защиту в глухих местах, переживая здесь нашествия врагов, губительные войны и набеги грабительских шаек.

Озерный край - это настоящий археологический заповедник под открытым небом: по берегам рек и озер вереницами тянутся славянские курганы, селища, городища, жальники. Древняя земля хранит много тайн и загадок, которые еще ждут своих первооткрывателей. Каждый год местные жители находят на своих огородах старые монеты и нателные иконки, черепки от глиняных горшков, наконечники стрел, а то и бронзовые топоры. Здесь, кажется, сама история стучится в пятистенки бревенчатых изб.

Каждый, кто побывает в этих местах, будет очарован его тихой, скупой и задумчивой природой. Что можно увидеть в этих местах?

Тихие речки с белыми кувшинками, лесные озера с зарослями тростника, бобровые плотины и хатки по берегам, буйный ход уклейки в соседней речке, вмиг ставшей серебряной от блестящей чешуи, грозовые сполохи над темным лесом, радугу над древним погостом, красный круг солнца, медленно закатывающегося за горизонт, светлый серп луны, выглянувшей из-за тучи, бледное мерцание рыбацкого костерка на том берегу...

Здесь даже воздух какой-то другой, необычный. Он пахнет шишками, прошлогодней листвой, грибами, ягодами и луговыми травами, а еще - сеном, и парным молоком от коров, бредущих на вечернюю дойку, и сладким дымком от только что затопленной бани...

Но в этом удивительно красивом и тихом уголке Тверского края можно увидеть и другое: покинутые жителями деревни, заросшие лесом поля и пашни, разрушенные животноводческие фермы, законченные магазины и закрытые за отсутствием детей школы.

Я уже давно живу в этом удивительном крае, когда, почти 20 лет назад, побывал здесь с экспедицией на истоке Зап. Двины и приобрел в деревне Жуково старую бесхозную почву на берегу озера Бойно.

С тех пор мы с друзьями исходили пешком или на байдарках почти весь этот озерный край. Побывали на озерах и в деревнях, познакомились со многими жителями, их нуждами и заботами. Да и сами мы теперь, кажется, здесь тоже стали своими.

Вот из таких путешествий, совершенных совсем недавно или несколько лет назад, и сложилась эта книга. У нее есть подзаголовок - «записки краеведа». Потому что, эти очерки - не рассказ о прогулочных походах по рекам и озерам края и не о приятном отдыхе на лоне природы. Это - знакомство с краем, его историей, с первыми исследователями этих мест, со многими загадками и тайнами, которые хранит эта древняя земля, с историей краеведения. Как сказал один наш известный путешественник: «если ты просто отдыхаешь на этой земле, то ты дачник, а если ты пытаешься ее понять и исследовать, то ты - открыватель».

Основное место в книге занимает очерк о путешествии на исток реки Волкоты - маленькой лесной речки, правом притоке Зап. Двины. Поиски нам дались непросто - в течение нескольких лет

мы исследовали этот район, изрядно покопавшись в архивах и библиотеках. Волкота - маленькая речка, и поэтому обделена исследованиями и публикациями. Но значение её велико. Если, как утверждают, короля делает свита, то большую реку делают малые, такие как река Волкота. И нам не должна быть безразлична судьба этих маленьких речек, многие из которых в недалеком прошлом были обезображены бездумной мелиорацией, обмелели и превратились в сточные каналы.

По берегам Волкоты в прежние времена стояли десятки деревень, хуторов, мыз и усадеб. И все они имели свое название. Многие деревни исчезли, исчезают и их названия. Хотя в пору открывать музеи исчезнувших деревень и выпускать о них книгу исторической памяти, как о неизвестных солдатах, погибших в Великую Отечественную войну. А ведь названия - это тоже своеобразные памятники культуры, как книги, картины, архитектурные сооружения.

Поэтому еще одной целью нашего похода было найти хотя бы остатки этих деревень и попытаться проникнуть в смысл их названий, который уже давно забылся и покрылся пылью далеких времен.

Заняться топонимикой побудил меня «Толковый словарь» Даля, доставшийся мне в наследство от моего отца - краеведа. Я с детства любил копаться в его страницах, выписывая какие-то странные, непонятные и поэтому такие таинственные слова: выползина, рагоза, стрыч, отол, учуг...

Конечно, разгадать названия деревень с помощью одного, хотя и такого интересного, словаря В. Даля - задача дерзкая, а, может быть, и непосильная. Но удивительно увлекательная и романтическая. Ведь учёные-топонимисты в основном имели дело с письменными (летописными или литературными источниками), а мы могли воочию на месте убедиться - как метко и точно называли первопоселенцы свои деревни, исходя из местного рельефа или конфигурации реки. И когда получалось - мы были на седьмом небе.

Озерный край - это край тайн и исторических загадок. Здесь много курганов, селищ и городищ, здесь проходил знаменитый «серегерский путь», где-то тут должен находиться и легендарный Игнач-крест, о котором я уже писал в своей книге «В поисках Дивьего камня».

Где-то здесь, в районе д. Жуково, где я живу, находился средневековый город Буец, который вот уже более 150 лет никак не могут отыскать наши историки и археологи.

Я - не археолог и не историк, а всего лишь журналист и краевед, но когда ты из окна своего дома каждый день видишь развалины старого погоста, который упоминается в древних книгах и летописях как центр Новгородской Буюцкой волости, а вокруг простираются земли, озёра и деревни, которые входили в эту самую волость и существуют до сих пор, - так и хочется взяться за перо. «Где находится летописный Буюц?» - это наше своеобразное краеведческое расследование и второй очерк, вошедший в эту книгу.

Поисками таинственных камней со знаками мы занимаемся уже много лет, их до сих пор находят не только в Тверской области, но и в соседних областях - Псковской, Новгородской, а так же в Белоруссии и Прибалтике. С тех пор как мы заинтересовались этими памятниками прошлого, прошло много лет. Если раньше - это был удел краеведов-одиночек, то теперь изучением этих памятников стали заниматься многие ученые. Очерк «Камень в лесу» - это итог наших многолетних исследований этих удивительных каменных свидетелей истории.

Конечно, путешествия по озерному краю, - это не только изучение старины, поиски истока или занятие топонимикой, это - встречи с людьми, беседы с местными жителями, учителями, рыбаками, работниками сельских советов, библиотекарями, это знакомство с современной тверской деревней, её жизнью и непростой судьбой. Нам постоянно, на всем протяжении пути разные люди задавали один и тот же вопрос: «А что же будет с деревней? И есть ли у неё будущее?» И мы, как смогли, тоже пытались ответить на этот вопрос.

Озерный край - это только одна небольшая точка на огромной карте России. Но где бы я ни был и куда бы снова ни занесла меня жизнь, я всегда буду вспоминать этот лесной и болотистый край с бескрайними озерами, реками и лугами, с обнищавшими и обезлюдевшими деревнями, старыми сельскими кладбищами и ... разноцветную, наполненную покоем и надеждой, радостную раду-гу, взметнувшуюся над крестами древнего Жуковского погоста...

Этот край для меня - не безымянная точка на географической карте России.

Этот край - моя вторая Родина, которая навсегда останется в моём сердце.

Волкота как крылатая птица

*Краеведческое путешествие
на исток реки Волкоты*

Эта чудная и таинственная Волкота

В поисках истока

Со словарём В. Даля в рюкзаке

Старые карты

Памятные книжки губерний

Ошибка гидролога Штукенберга

»Чудовище» озера Бросно

»Болдинская осень» Димы Попова

Есть ли у деревни будущее?

Впервые я побывал на реке Волкоте лет пятнадцать назад, когда наша экспедиция изучала верховье Зап. Двины. Мы шли тогда пешком от города Андреаполя к пос. Охват по правому берегу Двины. И к исходу дня вышли на Мартынов Рог: так назывался поросший соснами мысок у самого впадения реки Волкоты в озеро Охват. Дорогу нам перегородил огромный залив, поросший травой и осокой. И, собственно говоря, было не понятно, где тут река Волкота, а где озеро Охват. Волкота широким рукавом вливалась здесь в озеро, образуя огромный залив, окаймленный на горизонте далёким лесом. И чистая вода Волкоты долго еще светлым пятном плыла по озеру, не смешиваясь с бурой торфяной охватской водой.

Перейти этот залив было невозможно, и мы двинулись от Мартынова Рога вверх по Волкоте, чтобы наконец - то выйти на её узкое русло и перейти реку вброд.

На следующий день мы вышли, наконец, к деревне Волкота. Если говорить точнее, деревни уже не было - от неё остались кое-где кирпичные остоны печных труб и заросшие крапивой фундаменты некогда стоявших здесь изб. Но была видна ещё деревенская улица с вереницей развесистых лип и тропинка, сбегаящая вниз к реке, туда, где был брод на другую сторону Волкоты.

Вот такой она нам и запомнилась: стремительная, быстрая с чистой родниковой водой, русло которой уходило куда-то вдаль и скрывалось в зарослях леса на горизонте. Таинственная, чистая, девственная река. Она загадочно шелестела в зарослях высокой травы, а на дне её резвились солнечные зайчики, и желтые облачки песчинок, потревоженных нашими ногами, уносились куда-то в даль веселыми хороводами.

- Ну и красотища, - вырвалось у кого-то из нас.

- Интересно знать, где она начинается?

Вот тогда я дал себе слово обязательно вернуться сюда снова и совершить путешествие по этой сказочной реке - не пешком, а по воде, чтобы пройти её всю - от устья до истока и отыскать тот самый загадочный родничок, в котором и хранилась тайна рождения реки.

Прошло много лет, прежде чем я снова попал на Волкоту.

Старая почта. «Деревня моя, золотые осинки»

Этот дом мне помог приобрести тогдашний секретарь Андреапольского райкома партии Н.Соловьёв. Когда мы зимним днём прибыли в деревню, уже смеркалось. Слева от дороги машина затормозила, и перед нами вырос силуэт большого темного дома.

- Ну, вот и приехали,- сказал Соловьёв.

Мы открыли скрипучую дверь и оказались внутри. Почта, видимо, давно не работала, и внутри в ней царил полный разгром, как будто кто-то хотел разобрать её на дрова: стены ободраны, в потолке зияла дыра от разобранной печки, на полу валялись горы штукатурки и битого стекла. А сверху, с потолка, словно в пыточной комнате, свисали петли от оборванных электрических проводов.

- Ну как?- неуверенно посмотрел на меня Соловьёв.

Я толкнул дверь наружу, чтобы скорее вырваться из этого бедлама и сказать свое «нет», но застыл на крыльце, увидев огромное белое поле, которое все переливалось в лучах только что вышедшей из-за туч луны.

- Что это? - изумленно спросил я.

- А это озеро Бойно, оно уже замерзло. Можно рыбу ловить. Ну, так как?

И я, только что в избе решивший отказаться от этого заброшенного казённого дома, взглянув на озеро, неожиданно изрек:

- Подойдет, конечно, подойдет.

Радуга над деревней Жуково

Так я стал владельцем старой почты в д. Жуково, приобретая её за бесценок, как на дрова, у андреапольского почтового ведомства.

Изба была самая крайняя в деревне и стояла на берегу великолепного озера Бойно. С крыльца озеро было как на ладошке в окружении леса и кустарника, на другом берегу чернели остатки домов бывшей деревеньки Пузаново. А с другой стороны крыльца сквозь деревья блестела поверхность другого озера - Бакановского, и дом как бы находился на полуострове, омываемый озерами и маленькой протокой между ними.

Изба оказалась исторической. Во всяком случае, так утверждал местный краевед - учитель Торопацкой школы Валерий Константинович Разживин. Он жил в соседнем посёлке Торопаца, в доме, который стоял совсем рядом с небольшой часовенкой с колодцем. Отсюда берет начало еще один крупный приток Зап. Двины - река Торопа.

Однажды Валерий Константинович привёз ко мне в Жуково

две потрёпанные и нечёткие копии со старинных фотографий. На них был изображён какой-то большой неизвестный мне дом.

- Узнаёте?

Я пожал плечами.

- Так это же ваш дом. Только раньше он находился в соседней деревне Подберезье и принадлежал зажиточному эстонцу по фамилии Таск.

Я смотрел на старую, потемневшую от времени фотографию и не узнавал на ней своего дома. Эстонский особняк выглядел солиднее, великолепнее и богаче, чем отслужившая все свои сроки почта. Наверху, на самой крыше эстонского дома изящно примостилась мансарда в три окна, которой не было на почте. Да и весь дом Таска казался длиннее, вместительнее. У почты с этой стороны было всего три окна, а у эстонского дома четыре с изящными и нарядными ставнями. Но вот деревянный забор со штакетниками и крыльцо, перевитое хмелем, немного походило на детали почтового дома. Когда я только что приобрел этот дом и вступил на крылечко, оно предательски зашаталось и заскрипело - настолько было ветхим. Наш сосед Вася, видя, как я мучаюсь, приводя его в порядок, посоветовал:

- А зачем оно тебе? - снеси и сделай еще одно окно: и то толку будет больше.

Но мне почему-то не хотелось этого делать. Ведь кто-то же жил в этом доме до меня, кто-то его строил, и мне казалось, что надо все оставить так, как было раньше. Его бывшие хозяева хотели, чтобы дом был красивым, уютным, чтобы в нём удобно было жить многодетной эстонской семье. Ну, снесу я это ветхое крылечко - и дом превратится в обычный сарай, каких и так немало построено на Руси.

И я решил сохранить это уютное крылечко, и сам смастерил на окна ставни, примерно такие же, какие были на доме Таска. На ветхой фотографии смутно просматривались фигуры женщин, сидящих на крылечке, и силуэт мужчины в картузе за забором. Не сам ли это хозяин? Или его сын?

Мне захотелось побольше узнать о первых обитателях этого дома, их жизни и судьбе. И я написал письмо андреапольскому краеведу А. Соламесу, эстонцу, который недавно издал книгу «Из истории Российского государства и месте в нём эстонского наро-

да» (2007). Антон Александрович живёт в Андреаполе и изучает историю эстонских родов, в конце XIX в. переселившихся из Эстонии в Россию и осевших на территории нынешнего Андреапольского района.

Вот, что он мне сообщил: «Вы действительно живёте в доме Петра Андреевича Таска - моего дедушки по линии матери. Прадедушка Андрей - по-русски, а по-эстонски - Индриг (Hendrik). Индриг приехал в Россию в д. Подберезье в январе 1877 года. У него было 4 сына и 4 дочери. Долгое время отец и два его сына жили в одном доме, который состоял из двух частей, разделённых коридором. Этот дом не сохранился. Индриг умер где-то в году 1915.

Пётр был участником Первой мировой войны, демобилизован

Наш деревенский дом - старая почта в д. Жуково (по рассказам старожилов - бывший дом эстонца Петра Таска, перевезённый в Жуково из д. Подберезье (фотография дома Таска не сохранилась)

досрочно - заболел туберкулезом... В 1923 году стал строить новый дом и осенью окончил строительство. Известно, что он поздней осенью крыл крышу на холодном ветру. Очевидно, простудился, болезнь активизировалась. В 1924 году умер и был похоронен на Ишутинском лютеранском кладбище, которое находится на южном берегу оз. Бросно. Через некоторое время дом был брошен женой Петра - Лилией Даниловной Янтер, и она переселилась с детьми на попечение родственников... Этот дом был перевезён в Жуково. После перестройки в нем была школа, потом - почта. В настоящее время в живых из 14 детей осталась одна его дочь - Елена Петровна 97 лет. Она блокадница Ленинграда, слаба, но в ясной памяти. Я часто прибегаю к её памяти о прошлом... Мне интересно с вами встретиться и побывать внутри дома дедушки Петра Таска. Я в нём никогда не был».

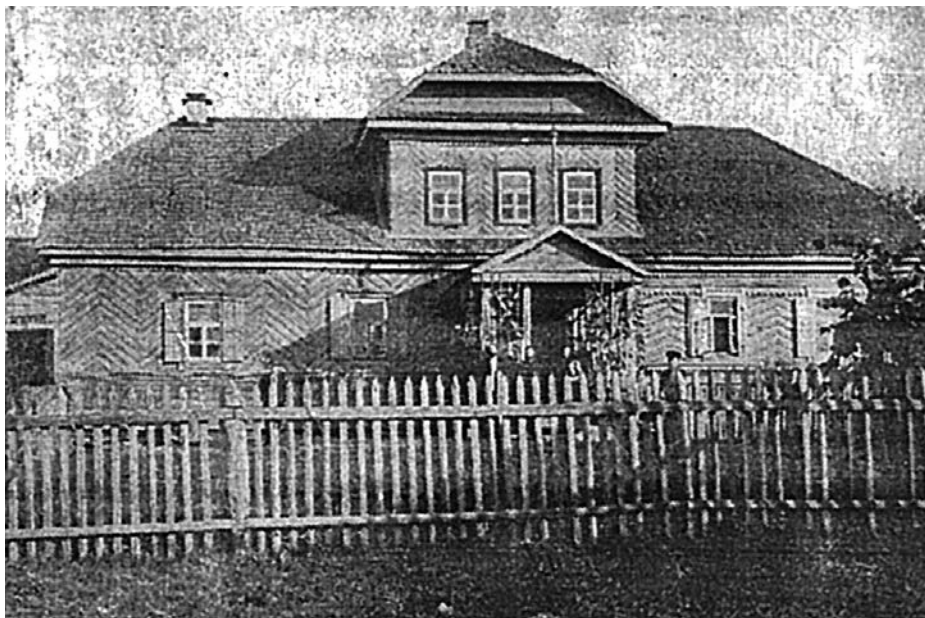
Позже, когда книга была уже закончена, я встретился в Андрееполе с А. Соламесом.

- А знаете, - сказал он мне, - я вас немного разочарую.

Оказывается, произошла ошибка. На имеющейся у вас фотографии изображён дом не Петра Таска из Подберезья (его фотография не сохранилась), а дом его брата - Югана Таска, который стоял в д. Ишутино и был разрушен в 1920-х гг. А дом Петра действительно был перевезён в Жуково, и в нём впоследствии разместили почту.

Но я не стал исключать фотографию ишутинского дома Югана: пусть это и не тот дом, но он тоже исторический и даёт представление о том, как жили эстонцы в Андреепольском крае накануне революции.

Вокруг озёр Бойно, Бросно, Тюковское было немало эстонских хуторов. Хуторяне были людьми работающими, имели большие семьи (10-15 детей), и поэтому быстро обустроились на новом месте. Они пахали землю, сеяли, развивали животноводство. У многих были свои пруды, где разводился карп. Эстонцам принадлежали рыболовные тони на местных озерах - у деревень Жуково, Литвиново, Пузаново. К рыбной ловле они подходили по-хозяйски - чистили дно озёр, углубляли протоки, выращивали мальков и зарыбляли ими окрестные озёра. А владельцу хутора Морозово, что вблизи озера Бойно, как считает А. Соламес, мы обязаны появлением в озере так называемой жуковской селявы (селёдки), на ху-

А это дом брата Петра - Югана Таска в д. Иштуино. Фото начала XX в.

торе выращивали мальков и вёдрами носили в Бойно.

Эстонцы к началу XX в. настолько обжились в здешних местах, что для них в г. Торопце построили лютеранскую кирху, открыли эстонскую школу-гимназию, куда везли на учёбу детей-эстонцев со всей округи, действовал свой драматический кружок. А вокруг озёр Бойно и Бросно проводились спортивные соревнования - марафонские забеги бегуна «на спор» с всадником на лошади - кто кого перебежит. Маршрут проходил аккуратно мимо моего нынешнего дома в Жуково через Подберезье вокруг озера. Как рассказывает А. Соламес в своей книге, в одном из таких забегов победил сын Петра Таска - кузнец Александр, обладавший большой физической силой и выносливостью. Лошадь настолько была изнурена борьбой с человеком-бегуном, что всадник был вынужден прекратить скачку. Александр прожил большую жизнь и умер в 1992г., когда ему было 88 лет.

Судьба эстонских хуторян, как, впрочем, и русских крестьян, была трагична - по ним и по их хозяйствам после 1917г. историческим катком прошли революция, коллективизация, раскулачи-

вание, начисто уничтожив нажитые тяжёлым трудом хозяйства и разметав по свету многолетние эстонские семьи. Большинство из них были объявлены «кулаками», «врагами народа», репрессированы, сосланы, расстреляны. А многочисленные хутора вокруг озёр разорены и исчезли, зарастая лесом и бурьяном. Ну, а такие оставшиеся без хозяев строения, как дом Таска, были разобраны и перевезены в другие места, чтобы послужить новым социалистическим хозяевам. Строили раньше хорошо и добротнo, так что многие из старых «раскулаченных» домов, как и наша старая почта, стоят и донныне и ещё простоят, надеюсь, не один год.

Если сказать честно, то старая жуковская почта мало похожа на роскошный деревенский особняк эстонца Таска. Это видно из помещенных в книге фотографий. Если уж что их и роднит, то это брёвна, из которых был построен эстонский дом. Вот их-то, наверное, и перевезли из Подберезья. А сама постройка сугубо советская, административная. Впрочем, именно этим она и отличается ото всех других Жуковских деревенских изб.

В крестьянских избах потолки низкие и окошки маленькие, чтобы тепло сохранялось, а печки огромные, занимающие чуть ли не полдома. А на моей почте до потолка и рукой не дотянешься - свыше трёх метров, да и окна, пожалуй, не меньше, чем в «особняке» у Таска. А вот знаменитой русской печки нет. Зато есть два обтянутых жестью столба, подпирающих потолок с топкой внизу. Такие печи и сейчас стоят во многих сельсоветах, клубах и библиотеках. Тепло они держат неплохо, но вот для приготовления пищи совсем непригодны. На первых порах, пока я обзавелся газовыми баллонами, приходилось с опаской всовывать в огненное жерло чайник и сковородку с картошкой - и не зевать, чтобы всё это не сгорело в огненном чреве.

Соседи говорят: - «Да сломай ты эти печные чудовища, сложи голландки». А мне не хочется - пусть всё остаётся так, как было 50 и 60 лет назад. Ведь через почту за это время прошла, наверное, не одна тысяча односельчан. Здесь был междугородний телефон и переговорный пункт, принимали и отправляли посылки, получали денежные переводы, отправляли письма, получали газеты. Отсюда с толстыми сумками за плечами отправлялись месить грязь почтальоны по окрестным деревням. Здесь назначали свидания, влюбленные вырезали на перилах крыльца имена сво-

их девушек: Маша, Нина, Света.

Когда мы с моим внуком Димой красили перила крыльца, он натолкнулся на вырезанные перочинным ножиком слова: Вася + Нина = любовь.

- Закрасить? - спросил он?

- Нет, давай оставим для памяти.

Мы облазили весь чердак и обнаружили массу бесхозных вещей - старых почтовых ящиков, дырявых сумок почтальонов, телефонных трубок, почему-то неотправленных писем, пожелтевших квитанций от денежных переводов. И это тоже решили сохранить: повесили на калитку старый выдавший виды синий почтовый ящик с гербом теперь уже несуществующего государства - Советского Союза, водрузили на деревянный столбик тяжелые чугунные весы, на которых, наверное, взвешивали посылки, а на нашу входную дверь Дима торжественно прибил найденную в чулане табличку с расписанием работы почты - с 9 до 18 часов, обед с 12 - 13.

Так дух старого эстонца Таска смешался в нашем доме с запахами деревенского почтового ведомства середины 1950-х годов.

И рано этот дом ещё сдавать на дрова.

Прямо напротив моего дома находится старый деревенский погост. Когда он основан - никто не знает, да и кирпичной церкви, построенной ещё в позапрошлом веке, - тоже уже нет: после Великой Отечественной войны её разобрали на печи, да кирпичные фундаменты. От старого погоста остались только вековые деревья да изгородь, сложенная из обросших мхом камней - валунов. Погоста уже нет, а кладбище осталось, и в местный престольный праздник - Обретов день сюда съезжаются многие окрестные жители, чьи родственники похоронены на этом кладбище.

Каждый раз, когда я приезжаю в деревню, спрашиваю:

- Ну, как - все живы - здоровы?

И получаю в ответ:

- Да нет, вот весной похоронили Галю и Алексея (продавщица местного магазина и её муж). А совсем недавно Володю, ну, который тебе в прошлом году забор ставил...

И так каждый год.

Деревня хиреет, а кладбище растёт. Скоро дойдёт и до самой дороги...

- А как дойдёт, - философски заметил один мой знакомый старик, - так и деревне капут.

Деревня Жуково, как и многие деревни вокруг, тоже приходит в упадок. Село стареет, люди умирают, а молодежь уезжает в города. Совсем недавно это был центр сельского совета. Но вот перевели его в соседние Студеницы, и закрыли почту, клуб, медпункт, магазин, разваливается и само здание бывшего сельского совета. А ещё раньше здесь были и школа и пекарня. Школу перевели в соседнюю деревню Студеницы, а теперь и её закрыли из-за отсутствия учеников.

Сама же деревня - старинная, с богатой историей, где-то здесь несколько столетий назад находился средневековый новгородский городок Буец и проходили древние водные торговые пути. Ведь отсюда рукой подать и до озера Бросно, и до Западной Двины, и до Торопы, и до таинственной лесной речки Волкоты, куда мы уже давно мечтали попасть.

Этот дом и эта маленькая тверская деревня Жуково давно уже стали для нас вторым домом, а для Димы, который провел здесь всё своё детство, настоящей школой жизни. Здесь он научился любить природу, здесь впервые посетила его поэтическая муза...

* * *

Вот из этого старого дома мы и решили отправиться на поиски истока р. Волкоты. Там, в тесном чулане нас уже давно дожидались две издавшие виды старые байдарки с боевыми ветеранскими наклейками на иссечённых заплатках боках.

Деревня моя, золотые осинки

*Деревня моя, золотые осинки,
И край мой неброский, такой дорогой,
Где тучи роняют небрежно дождинки
Своею лохматой свинцовой рукой.*

*Но я почему-то люблю непогоду,
Что каждое лето идёт чередой.
Уснули озера, утихла природа
И лес над угрюмой рекой Волкотой.*

*Туманом укрылась родная Песчаха,
Окутался дремой любимый мой край.
И отмели, камни, что в русле песчаном
Меня так и манят на горный Валдай.*

*Деревня моя, золотые осинки,
И край мой неброский, такой дорогой,
Я рад, что родился в российской глубинке,
Где в сердце надежда, а в душах покой.*

Мой дом

*Мой дом стоит над Бойно,
Где как пожар - рассвет,
Там бор знакомый, стройный
Шумит уж много лет.*

*Кукуют в нём кукушки.
Здесь, грустен иль весёл,
На солнечной опушке
Всё детство я провёл.*

*В бору, где ветер строгий,
Гудящий иногда,
Влекли меня дороги
Неведомо куда.*

*Здесь в милой мне деревне,
Где дождик прошуршал,
За радугой вечерней
Я все бежал, бежал.*

*Растаял, затерялся
На небе светлый мост.
В душе моей остался
Задумчивый погост.*

*Где бор знакомый, стройный
Волнуется, шумит,
Над озером над Бойно
Мой дом в красе стоит.*

Четверо в лодках. Не считая Маруськи

Вообще для любого путешествия важно не только добротное снаряжение - лодки, палатки, рюкзаки, а и состав участников. У нас походный коллектив формировался по родственному принципу. Что, как оказалось впоследствии, иногда давало о себе знать. Впрочем, мы уже давно путешествуем по здешним местам в таком составе и уже притёрлись друг к другу.

Нашего руководителя мы не выбирали. Он на первом же собрании заявил:

- Командовать парадом буду я, - и сквозь свои очки с чувством явного превосходства посмотрел на притихших участников похода.

- А почему ты? - пытался робко возразить Дима.

Сергей не ожидал такой дерзости.

- Ну, если кто из вас в одиночку может собрать байдарку, тогда с удовольствием сложу с себя полномочия.

Байдарки мы собирали на берегу озера Бойно

Странное дело, но никто не хотел собирать байдарку в одиночку, и команда смиренно подчинилась воле командора.

Да и с самого начала было ясно: никто другой, кроме Сергея, эту должность не потянет. В отличие от остальных участников-гуманитариев, которые любили получать от походов эстетическое удовольствие и совсем не жаждали собирать и клеить байдарки, ставить заплаты на палатки и надувные матрацы. Сергей был типичный технарь-инженер, конструктор одного из московских авиастроительных предприятий, к тому же заядлый байдарочник, с большим опытом водных походов. Он умел делать все: клеить байдарки, ставить палатки, перетаскивать байдарки через плотины и заколы и, что оказалось крайне важным, без всяких споров ходить с рюкзаком в деревенские магазины за продуктами иногда за десятки километров. Но, пожалуй, самым ценным его качеством, которое сразу все оценили - Сергей, когда был в армии, научился, а главное полюбил, чистить картошку и мыть посуду. Да и управлять людьми он тоже умел - как-никак дослужился до старшего лейтенанта не каких-нибудь, а ракетных войск. Сейчас, конечно, в запасе, и все командирские замашки он отрабатывает на нас, которые в армии никогда не служили по возрасту - кто по малому, а кто уже и по слишком большому. Особенно эти замашки проявлялись у него по утрам, когда он сам отходил ото сна, вылезал из палатки и противным хорошо поставленным командирским голосом отдавал так всеми нами нелюбимую команду: «Подъем!» Как будто мы в армии на срочной службе, а не в обычном туристском путешествии.

Вот за этот противный, как иерехонская труба, голос мы и понизили его в звании и дали прозвище Сержант, но, дабы он не обиделся на нас, почтительно возвысили Сергея до уровня Сэра-Жанта, а иногда и стали называть просто Сэром или Жантом. Но если серьезно, то у Сержанта было много положительных качеств: он по роду службы был знаком с метрологией, определением высот местности, спутниковой связью и т.д. Все помещенные в этой книге спутниковые карты по нашему маршруту, - это дело рук его и его сына Егора.

Егор, пожалуй, самая колоритная фигура из всей нашей группы. Большую часть похода он провёл в лодке, на берегу - на складном стульчике с ноутбуком на коленях. С этим ноутбуком он не расставался во время всего похода. Он не только брал его с собой, ког-

Сэр-Жант, в просторечии именуемый Сержантом - основная руководящая и направляющая сила нашего путешествия. Он же Помогайло, он же - Погоняйло

да мы отправлялись в лес за грибами или за ягодами, но и даже спал с ним в палатке.

Однажды все мы с наслаждением наблюдали такую картину: Егор спал в палатке, развалившись на надувном матрасе в наушниках и в спящем виде твёрдо держал в руке «мышку» от лежащего рядом любимого им ноутбука.

Вообще Егора - студента авиационного института, тоже, наверное, можно было отнести к категории технарей. Но если Сержант свои познания и опыт щедро дарил всем нам, то Егор предпочёл пользоваться благами цивилизации индивидуально. В его распоряжении была подзорная труба, в которую он рассматривал редкие в

тех местах рыбацкие лодки и даже сообщал нам об их улове, и цифровой фотоаппарат, с помощью которого было сделано большинство фотографий для этой книги. На озере Бросно он часами сидел на берегу в ожидании появления бросненского чудовища или, запрокинув голову, снимал с помощью телеобъектива чаек или уток, в изобилии водившихся в этих местах. А на озере Бросно попытался соединить фотоаппарат с подзорной трубой, чтобы рассмотреть на том берегу корягу, похожую на голову какого-то чудовища.

А ещё у Егора была одна положительная черта, которой были начисто лишены другие члены группы: он патологически любил чистоту, и никому не позволял мыть свою миску после трапезы. Любовь к чистоте была у Егора в крови: он требовал, чтобы никто не ел и не пил из его миски и кружки, и не дай бог, если кто-то передал ему кусок хлеба своими руками. Этот кусок тотчас же

отправлялся в миску к собаке Маруське.

Егор жил какой-то своей индивидуальной жизнью, хотя и был незаменим в экстренных ситуациях. Все наши байдарки и поклажу через волоки, мостки и заколы Сержант перетаскивал именно с Егором: тут ему не было равных.

В походе, как правило, всем даются прозвища. Не избежал этого и Егор. Дима, который любил придумывать для всех прозвища, почему-то назвал его Нагом. Нет, не из-за злой очковой змеи из рассказа Р. Киплинга о мангусте, а совсем по другой причине. Однажды, наблюдая, как Егор сидит в отдалении на пенёчке и играет в игры с компьютером, Дима задумчиво произнёс: «И горд и наг», - вспомнив цитату из А.С. Пушкина.

Первая часть фразы как-то отпала, а вторая почему-то напроць прилипла к Егору. Так он стал Нагом..

Но и Наг не остался в долгу. Уже потом, в походе, увидев, как Дима по вечерам уединяется где-нибудь на пенёчке с тетрадкой и авторучкой и вдохновенно сочиняет стихи, он, не обнаружив его за ужином, невинно спросил: «А где же наш Пушкин?». Сказал не в бровь, а в глаз: Дима действительно с детства писал стихи, причём довольно приличные. Ему только недавно исполнилось 14 лет, а районная газета «Андреапольские вести» уже опубликовала подборку его стихов. Конечно, они ещё во многом «детские», местами чувствуется влияние наших классиков - Пушкина, Фета, Тютчева, Некрасова, но именно путешествие по Волкоте вдохнуло новую струю в его творчество, помогло раскрыться его способностям.

Дима - мой внук. Так уж получилось, что родился он в Андреаполе, но потом родители перевезли его в Москву, где он и учится в 9-ом классе московской школы. Но каждое лето он проводит в Жукове. Там мы вместе ходим в походы, изучаем край, ищем камни с таинственными знаками. Так что, д. Жуково, Тверской край он считает своей родиной и посвятил им немало искренних и чистых стихов. Путешествие по Волкоте вызвало у юного поэта такой прилив вдохновения, что на наших глазах стали рождаться всё новые и новые стихи. Стихи совершенно конкретные, посвященные реке Волкоте, поиску её истока, природе этого удивительного края. Стихов во время похода у него накопилось столько, что мы стали шутить: у Димы, мол, наступила своя «болдин-

ская осень», хотя наше путешествие и проходило в конце августа. Некоторые стихи ещё далеки от совершенства, но в них есть главное - искренность, поэтический взгляд на окружающий мир, и, самое главное, любовь к родному краю. Трудно сказать, как сложится дальнейшая судьба юного поэта: он ведь так молод и всё ещё у него впереди.

Уже после возвращения из путешествия, я просмотрел написанные в походе Димины стихи, и мне показалось интересным включить некоторые из них в эту книгу под рубрикой «Болдинская осень» Димы Попова.

Но прозвище за ним закрепилось совсем не то, которое дал ему Наг. Дима - мальчик музыкальный, он учится в одной из московских музыкальных школ по классу баяна и очень любит петь, хотя, особыми вокальными данными, на мой взгляд, не отличается.

На стоянках во время похода Дима любил ходить в лес за грибами или ягодами. В чистых сосновых борах за километр слышно, как он читает стихи или распевает любимые песни. Насчет музыкальности и мелодичности - ничего сказать не могу, но по громкости его голос перебивал шум бора и скрип еловых деревьев. Поэтому мы вместе с Сержантом на одном из привалов на озере Бросно, хотя и с большим трудом, выдали такое четверостишие:

То не буря бушует сквозь сосны
И не ели скрипят меж ветвей.

Егор по прозвищу Наг любил уединяться в лесу и решать какие-то неведомые нам проблемы мироздания

Дима - наш юный поэт и тверской Соловей: «Тетрадь моя колышется в предчувствии стихов»

Это песнь распекает над Бросно
Наш походный тверской Соловей.

Так Дима стал тверским Соловьём.

Четвёртым участником похода был я. Официально моя «должность» называлась «научный руководитель похода». Что это такое - никто не знал, но согласились из уважения к моим годам. Прозвище по этой причине мне тоже не дали, поддерживая мой авторитет. Сержант собирал по вечерам весь личный состав, дабы, как он говорил, «не забыть о цели похода». Я раскладывал на траве карты и схемы и рассказывал о крае, Оковском лесе, реке Волкоте и её истоке, который мы должны обязательно отыскать. А тверской Соловей улаждал наш слух новыми «болдинскими» стихами.

Ну, вот, пожалуй, и весь состав нашего предстоящего путешествия по Волкоте. Впрочем, нет - я забыл ещё об одном члене нашей группы, который требовал к себе внимания не меньше, чем любой участник похода. Четверо, если считать по человеческим головам. А у нас в походе была ещё одна голова - собачья, и звали эту голову человеческим именем - Маруська.

Я не знаю, зачем берут с собой в поход собак, наверное, для охраны, для большей безопасности - скорее от зверей, чем от человека. От таких собак, наверное, и есть какой-нибудь толк. Но вот для чего Сержант взял с собой эту Маруську - непонятно.

Существо это оказалось весьма породистым и настолько же бестолковым. Обросшая почти до земли чёрной шерстью, с клоком волос, закрывающим напрочь глаза, длинным, как у таксы туловищем, и до смешного короткими ножками, она постоянно путалась под ногами, деловито сновала между нами в поисках ка-

В пешем походе по Волкоте. Сзади семенит Маруська

Всё дело в том, что Маруська была не простой дворняжкой, а собакой даже не дворянских, а прямо-таки королевских кровей. Родина её предков - остров Скай вблизи Шотландии. Как уверял Сержант, она носит звонкий титул шотландского скай-терьера и, как потом оказалось, была дипломированным специалистом по лисам и барсукам. К тому же имела всяческие медали и ордена.

Сержант заплатил за неё большие деньги и заботился о её сохранности больше, чем о нашей. Ведь эта аристократка с простым русским именем Маруська стоила больше, чем все мы вместе со своим походным снаряжением.

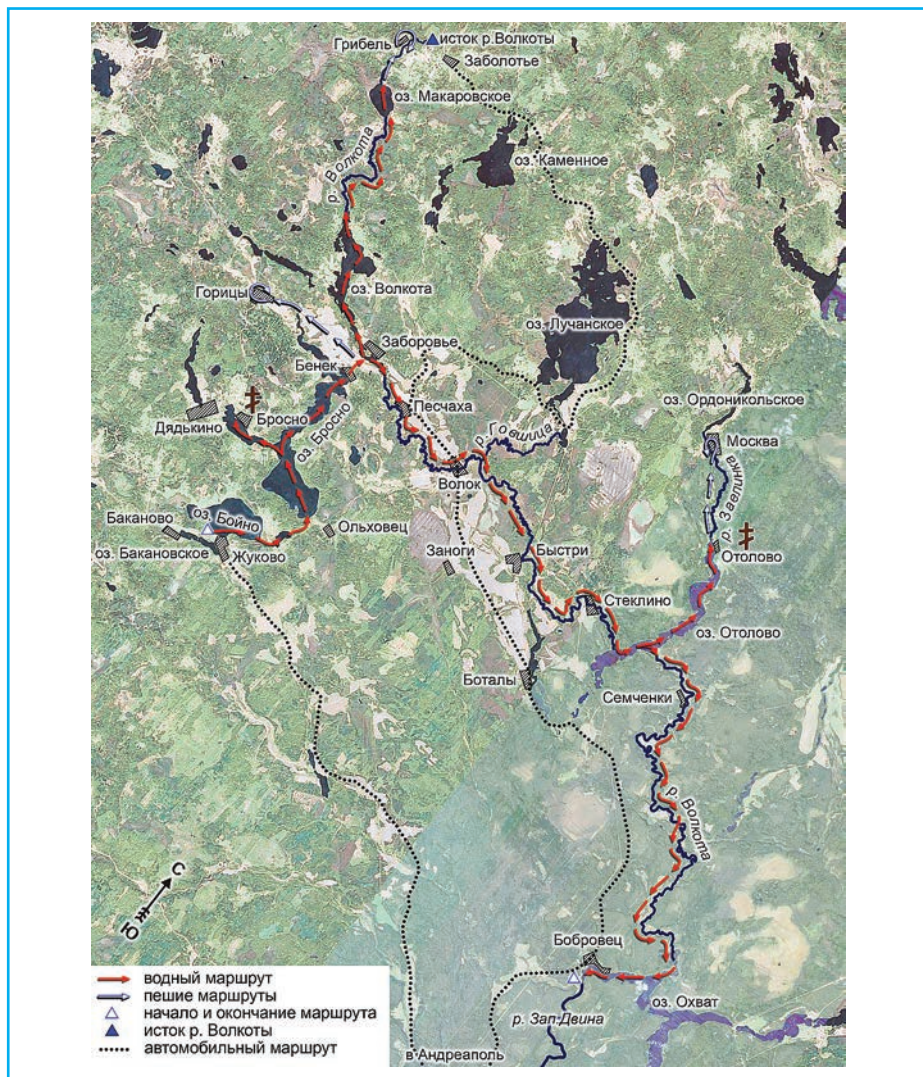
И не она охраняла наш лагерь, а мы должны были охранять её от различных

ких-нибудь норок под землёй. То есть постоянно демонстрировала свою деловитость и активность.

Но главным её качеством была необыкновенная прожорливость и постоянное желание что-то съесть. У Сержанта была огромная миска, в которую он накладывал всяких вкусностей из большого ящика с собачьими съестными припасами, который занимал половину лодки. Там был и сухой корм, и разные деликатесные мясные консервы, которые в походе вызывали у нас обыкновенную человеческую зависть.

Маруська - наш главный барометр и предсказатель погоды. Главное - не забыть её вовремя накормить

Общая схема нашего путешествия - от д. Жуково до истока р. Волкоты

опасностей. Она до того изнежилась и обленилась, что на ночь залезала в палатку и совершенно не реагировала на то, что происходило снаружи.

Вот такой и получился у нас состав участников путешествия по Волкоте - четверо в лодках, не считая Маруськи.

Письмо девочке, остающейся на лето в городе

*Костёр разгорается снова,
И день догорает другой.
Ты края не встретишь такого,
Красы не увидишь такой.*

*Всё ярче восходит денница,
И падают капли с ветвей.
Тебе никогда не приснится
Тот край, где поёт соловей.*

*В делах городских, повседневных
Ты думаешь всё о своём -
Ведь ты не бывала, наверно,
В краю первозданном таком.*

*И думаешь в городе снова,
Что жизни нет больше другой.
...Ты края не встретишь такого,
красы не увидишь такой.*

Мне кажется, скоро сирень зацветёт

*Мне кажется, скоро сирень зацветёт
В объятьях душистого мая.
И лучик на землю весны упадёт,
В траве серебрясь и играя.*

*Мне кажется, скоро растают снега,
Ветра зашумят у оконца,
И речка вольётся в свои берега
Средь майского тёплого солнца.*

*Мне кажется, я повстречаю тебя.
Нам станет намного теплее.
Хоть серый туман накрывает поля,
И холодом с севера веет.*

*И будет цвести, улыбаясь, сирень,
Как ты улыбалась когда-то.
И снова наступит безоблачный день,
Дыша неземным ароматом.*

Со словарём В.И.Даля в рюкзаке. *Откуда пошли названия деревень?*

Впрочем, я был не совсем прав, когда сказал, что нас было четверо. Был среди нас и ещё один участник. Он не плыл на байдарке и не сидел с нами у костра, не ставил палатки и не ходил в лес за дровами.

Но он незримо присутствовал среди нас, и не было для нас большего авторитета, чем он.

В моём рюкзаке на самом дне лежала толстая тетрадь в синей клетчатой обложке. На ней крупными буквами было написано: «Выписки из Толкового словаря В. Даля». В тетради хранились названия населённых пунктов, когда-либо стоявших на берегах реки Волкоты - деревни, погосты, усадьбы, хутора, мызы. Большинство из них не дожили до наших дней, но в справочнике по Псковской губернии 1872г. они сохранились, причём часто с двойным - старым и новым названием - Бобровая Лука - Леохино тож или Семехино-Каракулино тож.

Деревень было много. Большинство их названий были прозрачны и ясны, как вода в реке Волкоте. В них явно были отражены особенности местности, рельеф, своеобразие растительного и животного мира: Заболотье, Залесье, Песчаха, Ольховец. Но были среди них и названия, происхождение которых мы не знали. И таких деревень на карте было немало.

Вот тогда-то у нас и возникло это может несколько наивное и детское желание - а не обратиться ли к помощи такого знатока живого русского языка, как Владимир Иванович Даль, который в позапрошлом веке как раз и собрал в своём Толковом словаре особенности говоров этих мест и толкования слов, которые давно уже исчезли из современного языка. Так, к первоначальной главной цели нашего похода по Волкоте - поиск истока реки, у нас прибавилась ещё одна цель - попытаться разобраться в смысле географических названий этих мест с помощью Толкового словаря В. Даля.

Немного в нашей литературе найдётся таких по-настоящему великих трудов как этот четырёхтомный словарь. Даль собирал

материалы для него почти 50 лет, потратив на это всю свою жизнь. Он был не только автором словаря, но и моряком, хирургом, писателем. Но в русской истории остался как автор гигантского труда, который под силу был, пожалуй, целому институту русского языка или Российской Академии Наук.

Этим одним своим трудом Даль внёс такой же громадный вклад в русское языкознание, как Пушкин в становление русской литературы и русского литературного языка.

И вот парадокс - этот замечательный памятник русского языка и культуры создал человек, в котором не было ни капли русской крови.

Владимир Иванович Даль родился в 1801 г. в Луганске Екатеринбургской губернии. Его отец - Иоганн Даль был датчанином, учился в Германии, где окончил Иенский университет. Человек он был образованный - знал несколько европейских языков, а также греческий, латинский и даже древнееврейский. Известия о его учёности дошли до Екатерины II, и она вызвала его в Россию на должность библиотекаря. Иоганну Далю показалось недостаточно быть отличным лингвистом, и он решил заняться более полезным, с его точки зрения, делом - снова поехал в Иенн и окончил медицинский факультет университета. Вернувшись в Россию, он стал врачом, поселившись при Луганском казённом литейном заводе. Мать В.И. Даля - Мария Фрейтаг была немкой, дочерью петербургского чиновника, служившего в ломбарде. Хотя сама она и была немкой, но с матерью Даль говорил только по-русски, читал тоже по-русски и был воспитан на русской литературе.

С детства В.И. Далю была уготована карьера военного, отец - военный медик отдал служить сына в морской кадетский корпус. Как вспоминал потом Владимир Иванович, «о нём в памяти остались одни розги, так называемые дежурства, где дневал и ночевал барабанщик со скамейкою, назначенною для этой потехи (т.е. для розг. - А.П.)». Так что дедовщина, оказывается, это не порождение только нашей современной действительности, она была свойственна и прежней царской армии и с успехом использовалась для воспитания молодых воинов. От пребывания в кадетском корпусе на теле Даля остались следы от розг, а на голове - вмятины от серебряной табакерки их воспитателя Марка Филипповича Горковенко.

В гардемарины Даля произвели в 1816 г. С отрядом русских кораблей он побывал на своей исторической родине - в Дании и даже присутствовал на приёме у датского короля. Но уже тогда, четырнадцатилетним мальчиком, он вовсе не ощущал себя датчанином. «Ступив на берег Дании, - вспоминал он, - я на первых же порах окончательно убедился, что Отечество моё - Россия, что нет у меня ничего общего с Отчизною моих предков. Немцев же я всегда считал народом для себя чуждым». И это притом, что его мать, которую он очень уважал, была чистокровной немкой.

Его первый биограф, ученик и соратник известный писатель П.И. Мельников-Печерский, автор «Критико-биографического очерка», помещённого в первом томе полного собрания сочинений В.И. Даля (1897) писал со слов самого Даля, что ещё во время пребывания Владимира Ивановича в морском кадетском корпусе, тот с удивлением замечал, что «русская грамматика ... вздор на вздоре, чепуха на чепухе», что русский язык засорён всякими иностранными словами, и вообще простой народ говорит совершенно на другом языке, чем люди из приличного общества». В.И. Даль вспоминал, как в 1819 году, уже произведённый в мичманы, он из Петербурга поехал в Москву на паре почтовых лошадей. Дело было в марте, стояла пасмурная, холодная погода.

- Замолаживает, - сказал ямщик, указав на пасмурное небо, - к перемене погоды.

- Как замолаживает?

Ямщик объяснил.

Тогда Даль выхватил записную книжку и окоченевшими пальцами стал писать мелким бисерным почерком: «Замолаживать - иначе пасмурнеть, в новг. губ. значит, заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью».

Вот эти строчки, записанные семнадцатилетним юношей, и стали первыми записями к будущему толковому словарю.

Теперь, куда бы судьба ни бросала Даля, он всегда записывал в свою тетрадь всё новые и новые слова. Тетрадь пухла и превратилась в толстый фолиант. Не успев окончить один, он сразу же принимался за другой.

Даль служит на Черноморском флоте, затем оставляет морскую службу, оканчивает медицинский факультет Дептского университета, становится, как и его отец, военным лекарем, участву-

ет в 1828 г. в войне с турками, в 1831 г. - в польской кампании, в неудачном для русских Хивинском походе 1839 г. И везде записывает и записывает всё новые слова.

Сам Даль отмечал впоследствии, что именно в военных походах было всего удобнее вести эти записи. В перерывах между боями он собирал солдат (а были там солдаты из разных губерний) и начинал расспрашивать, как в той или иной местности называется какой-либо предмет. Солдаты отвечали, а записная книжка пополнялась «целой вереницей областных речений».

Уже в 1829 г., в период русско-турецкой войны, у Даля образовалось столько записок, что ему потребовался отдельный вьючный верблюд. Он перевозил свой бесценный архив в перемётных сумах, вместе с походной кладью. И надо же такому случиться: однажды в военной суматохе верблюд исчез, исчез и бесценный груз. «Я осиротел, - в отчаянии вспоминал позже Даль, - пропали мои записки». О чемоданах с одеждой он и не думал.

Так толковый словарь В. Даля был захвачен в плен и, казалось, навсегда потерян для Отечества. И вдруг радость - казаки отбили у турок обоз и среди него того самого верблюда с чемоданами далиевских записок. Для турок записки В. Даля, сделанные от руки, не представляли никакой ценности. Вещей, правда, не нашли, но это был пустяк по сравнению со спасённым грузом. Владимир Иванович был на седьмом небе.

Уже в то время Даль хорошо разбирался в областных диалектах и мог, поговорив с кем-либо из солдат, сразу определить, из какой губернии он родом.

Однажды он увидел, как возле ограды стоят несколько нищих и монахов - сборщиков денег на церковные постройки. Среди них выделялся белокурый стройный монах.

- Какого ты, батюшка, монастыря? - спросил Даль.

- Соловецкого, родненький.

- Да нет, ты из Ярославской губернии («родненький» - это говор ярославских простолюдинов. - А.П.).

- Нет, я в Соловецком монастыре живу.

- Да ещё из Ростовского уезда, - продолжал Даль.

Монах побледнел и рухнул на колени:

- Не погуби, батюшка.

Он оказался беглым солдатом, отданным в рекруты из Рос-

товского уезда и скрывающимся под видом соловецкого монаха.

В 1833 г. Даль окончательно расстаётся с военной медициной и переезжает в Петербург. Занимается литературой, пишет свои знаменитые русские сказки, знакомится с Языковым, Гоголем, Крыловым, Пушкиным, Жуковским, Одоевским, которые становятся его друзьями.

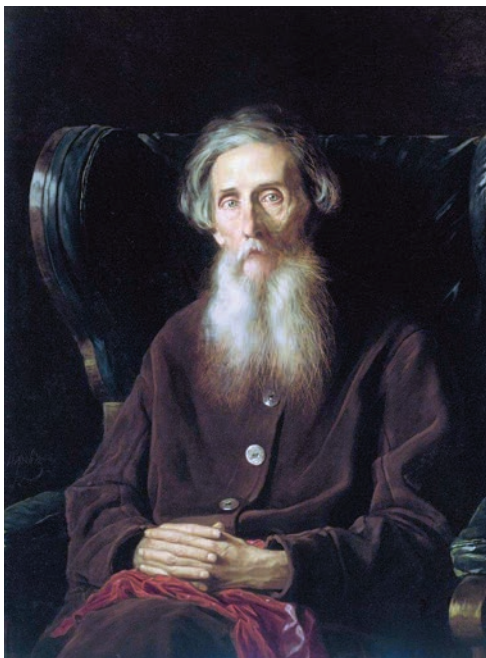
Пушкин был в восторге от сказок Даля. Возможно, именно под воздействием Даля он написал свою одну из самых знаменитых сказок - «Сказка о золотой рыбке». Во всяком случае, в 1833 г. он дарит Владимиру Ивановичу рукопись своей сказки с надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику казаку Луганскому (литературный псевдоним В. Даля. - А.П.), сказочник Александр Пушкин».

Вообще дружба с Пушкиным имела для Даля огромное значение. Два гиганта русской культуры - один в литературе, другой - в языкознании имели родственные души и общие интересы. Во всяком случае, Даль всегда с благоговением относился к Пушкину, который оказал на него огромное влияние, в том числе и на создание знаменитого словаря.

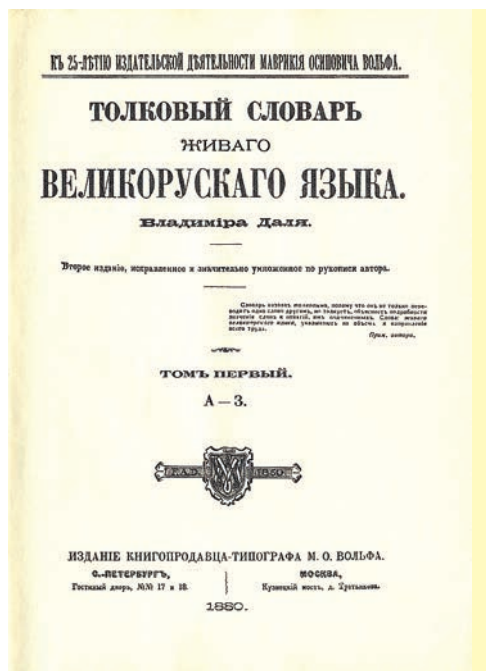
Незадолго до смерти Даль рассказал Пушкину о новом слове, которое он записал для своего словаря - выползина (сброшенная шкура змеи). Пушкин с грустью сказал:

- Да. Вот мы пишем, зовёмся тоже писателями, а половины русских слов не знаем!.. Какие мы писатели? Горе, а не писатели! Зато по-французски так нас взять - мастера».

На другой день, за три дня до смерти, Пушкин пришёл к Да-

В.И. Даль (1801-1872) - создатель «Толкового словаря живого великорусского языка». Портрет худ. В.Г. Перова

Титульный лист первого тома
«Толкового словаря» В.И. Даля

мет, его покинет божественный дар поэзии, - тоже перед смертью подарил Далю, сняв со своей руки и надев на руку Владимира Ивановича.

Это был глубоко символический жест. Пушкин как бы передавал Далю эстафету, благословляя его на дальнейший подвиг во славу русской словесности, на продолжение дела, которому он посвятил всю свою жизнь.

Этот перстень Даль носил до самой своей смерти на той же руке, что и Пушкин, и именно этой рукой были написаны все последующие страницы знаменитого толкового словаря.

Вместе с перстнем Пушкин передал Далю и свой сюртук-выползину, тот самый, в котором он был смертельно ранен на Чёрной речке:

- Выползину тоже себе возьми, - прошептал поэт слабеющим голосом.

Этот сюртук с отверстием от пули Дантеса на правой стороне

лю в новом сюртуке:

- Какова выползина! - сказал он, смеясь. - Из этой выползины я не скоро выползу. В этой выползине я такое напишу, что и ты не охнешь, не отыщешь ни одной французятины».

Как самый близкий друг Пушкина и к тому к этому времени известный врач-хирург, он все трое суток был вместе со смертельно раненым Пушкиным. Он же принял его последний вздох и закрыл глаза.

И свои последние слова Пушкин тоже сказал ему, Далю. И свой знаменитый перстень с изумрудом, который Пушкин никогда не снимал, потому что верил - если сни-

долго находился у Даля. Потом он передал его М.П. Погодину, который хранил его у себя под бюстом А.С. Пушкина.

Мне почему-то кажется, что вся дальнейшая жизнь и деятельность Даля проходила именно под знаком предсмертного напутствия великого поэта. Кто знает, не будь этого напутствия, хватило бы у Даля сил для завершения его гигантского труда: до первых выпусков словаря оставалось ещё почти 25 лет.

Выйдя в отставку, Даль ещё долго служил чиновником в Оренбургской и Нижегородской губерниях, министерствах уделов и внутренних дел в Петербурге и везде продолжает работать над словарём. Но только в Москве, куда он переехал в 1859 г. и где окончательно поселился, Даль, наконец, заканчивает свой грандиозный труд. Из Нижнего он привёз начало словаря до буквы «П». Первый том (А-З) он в 1864 г. представил Александру II, и тот взял все издержки издания на счёт казны. В 1867 вышли в свет все 4 тома - плод почти 50-летней работы составителя.

Современники удивлялись - как мог создать такой словарь один человек. Но у Владимира Ивановича были и помощники, которые доставляли ему с мест богатый лингвистический материал. Об этом свидетельствует путешественник Павел Якушкин, оставивший нам интереснейшие «Путевые письма из Новгородской, Псковской и Тверской губерний», вышедшие в свет в 1860 году. В одной новгородской деревне - Ям-Мшаги с ним произошёл такой случай: вместо того, чтобы засвидетельствовать своё почтение местному приставу, он отправился на посиделки записывать деревенский фольклор. Наутро обиженный пристав учинил ему настоящий допрос: «А зачем вы сюда приехали?»

Пришлось Якушкину показать письмо на бланке Русского Географического общества. В нём говорилось, что Географическое общество направило Якушкина в указанные губернии для изучения деревенской жизни, занятий населения, сбора песен, сказок, местных говоров. В то время это общество состояло под высочайшим председательством Великого князя Константина Николаевича. «А у вас есть какая-либо бумага от него?», - допрашивал путешественника бдительный пристав.

Такой бумаги не оказалось, зато Павел Якушкин сказал, что он направлен в эти губернии по личному ходатайству В.И. Даля, который являлся одним из организаторов и руководителей этого

общества и который поручил ему изучать местную жизнь, в том числе и народные говоры.

»А кем же тогда подписано письмо?» - не унимался пристав. «Генерал-адъютантом Литке ¹», - отвечал путешественник. Но ни фамилия В. Даля, ни фамилия генерал-адъютанта Ф. Литке не произвела никакого впечатления на пристава - они просто ни о чём ему не говорили. Он подверг обыску личные вещи путешественника и хотел его даже арестовать, но автора «Путевых писем» спасло письмо, обнаруженное в его бумагах при обыске, от местного новгородского чиновника некоего Куприянова, которого пристав по счастью знал лично. И это письмо оказалось для представителя местной власти значительно авторитетнее, чем рекомендации неведомых ему В. Даля и Ф. Литке. Оно спасло путешественника от ареста.

О том, что П. Якушкин собирал различные местные слова для Даля свидетельствует перечень некоторых из них, которые он приводит в своей книге.

В Новгородской губернии он записывает названия трав со слов местного мужика Григория Абрамова, которыми лечились местные жители: сорокоприточная медуница - «от грудей пьют», заячья кислица - «когда женщина разрешается, так та трава»; в Псковской губернии возле Юрьева монастыря беседует с местным рыбаком о ветрах и тоже записывает их названия в свой дневник: сиверик, озёрник, шелоник, мокряк, падыря. Беседует с местными крестьянами о хозяйственных делах и сначала даже не понимает, о чём идёт речь: «хлеб здесь кладут в стойки, а потом везут на гумно и складывают в оденья», - записывает он, «лён тягают» (т.е. вытягивают), в деревне есть ровень и даже арбан.

Я специально решил проверить, а вошли ли эти слова в словарь В. Даля. Посмотрел и убедился: да, вошли примерно с такими же толкованиями, которые приводит Павел Якушкин. В словаре есть упоминания и о лечебных травах, о которых сообщает путешественник, и о ветрах - шелоник - юго-западный

¹ Фёдор Фёдорович Литке (1797-1882) - известный русский мореплаватель и географ, участник кругосветного путешествия 1817-1819гг. под руководством адмирала В.М. Головнина, исследователь Северного ледовитого океана, начальник кругосветной экспедиции на шлюпе «Сенявин» (1826-1829) и, как и В. Даль, один из организаторов и руководителей Русского Императорского Географического общества.

ветер, сиверик - северный холодный, мокряк (или мокрик) - западный, падыря (падора, падера) - ветер с вихрем, дождём, со снегом, зимнее ненастье, метель, вьюга. Стоянками псковские и тверские крестьяне называли бабки хлеба, крестец из 10 снопов (в копне было 5 стоянок), а оденье (одонок, одонье, одёнок) - это по В. Далю круглая кладь сена, стог, скирд в 25-40 копен.

Слово ровень (колодец) и арбан (амбар) тоже есть в толковом словаре. И что интересно, возле каждого из слов, записанных посланцем В. Даля, сделаны пометки - пск., новг., тверск., т.е. записанные в Псковской, Новгородской и Тверской губерниях. Я не знаю, много ли таких корреспондентов было у Даля, но наверняка географическое общество отправляло своих эмиссаров и в другие губернии.

Читатели по-разному оценили труд В.И. Даля. Большинство с восторгом - ведь такого словаря в России ещё не было. Академик М.П. Погодин в письме Академии Наук восторженно писал: «Словарь Даля окончен. Теперь

Русская Академия Наук без Даля немислима... Предлагаю: всем нам, академикам, бросить жребий кому выйти из Академии вон, и упразднившееся место предоставить Далю». Академия Наук единогласно избрала Даля почётным членом, присудила ему серебряную Ломоносовскую премию, Географическое общество наградило Константиновской золотой медалью. Даль стал почётным членом общества любителей российской словесности. Тогдашняя пресса писала: «Едва верится, чтоб это был труд одного человека», «словарь, подобно которому нет на других языках».

Но была и жёсткая критика, особенно со стороны учёных - языковедов и лингвистов. Академик Пыпин писал: «Надо указать, где и кем сообщены слова составителю, иначе - это вымышленные или, по крайней мере, весьма сомнительного свойства слова». В словаре Брокгауза и Ефрона прямо говорится, что это труд не профессионала, а дилетанта - самоучки: «На свой настоящий путь Д. попал чисто интуитивно, и собрание материалов у него шло сначала без всяких определённых научных целей...». «Его словарь памятник огромной личной энергии, трудолюбия и настойчивости, ценен лишь как богатое собрание сырого материала, лексического и этнографического ...

к сожалению не всегда достоверного». «Да разве можно писать мужицкою речью далева словаря, - возмущались ревнители «чистоты русского языка», - от которого издали несёт дёгтем и сивухой или по крайности квасом, кислой овчиной и банными вениками».

Даля упрекали в ненаучности, дилетантизме, в языковом пуризме, в том, что он не учёный, не академик, а созерцатель, художник, и знания в области русского языка - чисто созерцательные, интуитивные, без умения формулировать особенности великорусских говоров.

Время всё расставило по своим местам. Словарь Даля остался и остаётся великим творением национальной русской культуры и науки. И чем дольше будет уходить от нас тот незабываемый «золотой пушкинский век», одной из вершин которого и стал Толковый словарь, тем большую ценность будет приобретать это бесценное творение.

Главная заслуга Даля как раз и состоит в том, что он не дал кануть в лету язык, которым говорили наши предки 150 - 200 лет назад, что он сохранил весь очаровательный аромат его диалектов, всех этих «выползин», которыми так восхищался Пушкин. И запах дёгтя, сивухи, кваса и кислой капусты нам ближе и роднее, чем изысканные запахи, исходящие из надушенных писем на французском языке.

Уже в то время читатели словаря недоумевали, как это датчанин по национальности, лютеранин по вероисповеданию обскакал всех наших русских учёных, как человек, в жилах которого не было ни одной капли русской крови, смог так глубоко проникнуть в тайны русской души, в тонкости русского национального мышления и языка (а именно в этом и заключается главная тайна создания знаменитого словаря).

Ответ на это дал писатель П.И. Мельников - Печерский: Даль - «инородец по крови, но по духу такой русский, каких дай Бог побольше в среде прямых и кровных сынов России». Даль настолько был русским, что, по отзывам современников, перенимал иногда даже не самые лучшие черты народного характера. Он, например, довольно недоброжелательно относился к инородцам, хотя сам тоже принадлежал к этой категории, не любил поляков и даже написал дерзко пахнущую

книжку, о которой сейчас не любят вспоминать современные исследователи, - об употреблении евреями христианской крови, увлекался спиритизмом.

Он с большим уважением относился к главной религии российской империи - православию. «Православие - великое благо для России, несмотря на множество суеверий русского народа. Сколько я не знаю, нет добрее нашего русского народа и нет его правдивее, если только обращаться с ним правдиво... А отчего это? Оттого, что он православный ... Поверьте мне, что Россия погибнет только тогда, когда иссякнет в ней православие...»

»Я умру православным по форме, хоть с юности православен по верованиям«.

Владимир Иванович Даль умер 22 декабря 1872 г. по старому стилю в возрасте 71 года в своём доме в Москве на Пресне. Незадолго до смерти он вызвал священника и принял православие.

Так окончилась жизнь этого выдающегося деятеля нашего Отечества, полудатчанина, полунемца по крови, но русского по духу и по служению своему новому Отечеству. Ведь для того, чтобы быть истинным патриотом не обязательно быть русским по происхождению.

В 2001г. исполнилось 200 лет со дня рождения В.И. Даля. Но юбилей прошёл как-то тихо и незаметно. Может быть, потому, что Даль вошёл почти в каждую семью, и на полке у многих рядом с томиками Пушкина стоит четырёхтомник его знаменитого словаря. Привыкли.

* * *

Вот таким был Даль и его толковый словарь. И когда мы в первый раз открыли карту озёрного края, то сразу поняли, что без Даля нам не обойтись. С карты на нас смотрели десятки названий рек, озёр, урочищ, существующих и уже несуществующих деревень с самыми удивительными названиями - Занogi, Боталы, Выползово, Вдовец, Бенёк, Бросно, Херово, Дураковка, Москва... Как музыка, звучали названия - Бобовая Лука, Ладомиро, Добромysel, Быстри, Розовые Пучки, Любино, Лучане, Иставница, Долосец, Святые Леса, Тёмный Рог, Грустынка...

Географические названия - это тоже памятники культуры, наряду с картинами, скульптурами, архитектурными сооружениями. И их тоже надо сохранять и беречь как наше историческое и культурное наследие. Ведь в этих названиях - и наша история, и наш язык, и прошлое наших предков, которые точно, а иногда и очень умело нарекали места, в которых некогда они поселились.

Хорошо сказала об этом уроженка здешних мест Андреапольская поэтесса Н. Шабанова:

Разбросала Россия, как мачины¹,
Деревеньки вокруг дорог.
И названья не с неба схвачены,
Их придумать ведь кто-то смог.

Из глубоких времён прадедов
Притулились у вязких болот
Деревеньки Квашня, Надино,
Шинкарёво ещё живёт.

Малахово, Васьково, Марьино,
Есть и Пушкино, Пивовар.
В той деревне, где пиво варено,
Мой отец и мой дед жывал.

Есть Ананьино, есть Назарово,
Петрочиха, Тимонькино есть...
Всех имён, что деревни названы,
Словно на небе звёзд, не счесть...

Конечно, расшифровать названия, которым не одна сотня, а, может быть, и тысяча лет - дело непростое. Изучением происхождения географических названий занимается целая наука - топонимика, и учёные не один десяток лет разрабатывают эту дисциплину, привлекая данные не только языкознания, но и истории, географии, литературные и летописные источники.

¹ Стог сена.

Разве может здесь помочь словарь, который каким бы он ни был фундаментальным, всего только словарь «живого великорусского языка»?

Оказывается, может.

Если посмотреть на карту, то действительно большинство названий в районе Волкоты славянского или русского происхождения, в отличие, скажем, от севера или северо-востока Тверской области, где нередки такие названия, как Удомля, Песьво, Максатиха, явно угро-финских корней. И связано это с историей заселения края, где в разные времена жили разные племена и народы.

Человек здесь появился ещё 5-8 тыс. лет назад, в эпоху каменного века. Потом в эти места с северо-востока пришли финно-угры, а позже - примерно в третьем тысячелетии до н.э. эти земли заселили древние балты. И только в VI веке уже нашей эры в Верхнее Подвинье приходит славянское племя кривичей, а позднее новгородские словены.

Прежние жители этих мест оставили после себя многочисленные памятники-селища, городища, могильники, которые и сейчас целыми цепочками тянутся по берегам рек и озёр. Вот поэтому в ареале расселения древних кривичей и новгородских словен и преобладают славянские названия.

По-видимому, древние славяне ассимилировали или вытеснили жившие здесь до них племена, переняв у них многие обычаи. Затем эти в значительной мере пустынные земли стали заселяться новгородцами и надолго попали в сферу влияния Великого Новгорода. Растекаясь по рекам и озёрам, осваивая великий водный путь «из варяг в греки» они строили здесь свои торговые города, ставили церковные погосты, обустраивали волоки, рубили новые деревни в глухих и необжитых местах и, естественно, давали им свои названия. Особенно интенсивно этот процесс шёл в период христианизации края.

На волоках и берегах рек появилось немало каменных крестов, а на древних культовых камнях с высеченными на них языческими знаками вырубались христианские кресты.

Позже, уже после отмены крепостного права в 1861г. и проведения Столыпинской реформы, в этом районе появились десятки новых населённых пунктов-хуторов, починков, мыз,

усадеб, и большинство из них, естественно, с русскими названиями.

Что же удивительного в том, что в районе реки Волкоты и на всём северо-западе Андреапольского края преобладают новгородские и псковские, т.е. славянские и чисто русские названия?

В. Даль считал, что новгородские и псковские говоры - одни из самых древних, восходящих к нашим предкам, что именно в них больше всего сохранилось старинных русских слов. И самых чистых - меньше смешанных с языками других народов: «Губерния Псковская (а северо-западная часть нынешнего Андреапольского района в те времена входила в состав Псковской губ. - А.П.), - писал он в предисловии к своему словарю, - далеко не представляет той пестроты смешения наречий, как Тверская». И к числу городов, говорящих на «чистом наречии» Новгорода и Пскова он причислял и Холм, и Торжок, и Осташков, т.е. район Верхней Волги и Верхнего Подвинья.

Первопоселенцы этих мест, не мудрствуя лукаво, часто называли свои деревеньки в зависимости от того, что видели вокруг: рельефа местности (Горица, Занюги, Болотово, Лучане), строения почвы (Песчаха), растительности (Ольховец, Подберезье, Заборовье), характера течения реки (Стеклино, Быстри, Торопово), занятий населения (Отолово, Боталы), особенностей древних водных путей (Волок, Волкота), земледелия (Гари, Курово), типов поселения (Мыза, Новинки, Выползово), животного мира (Бобровая Лука, Бобровец, Мольгино). Много на карте и более поздних церковных названий (Ордоныкольское, Владимирское, Покровское) и, конечно, деревень, чьи названия произошли от имён и прозвищ первопоселенцев (Аксёново, Жуково, Андронов, Антоново).

Но если расшифровка многих из этих названий не представляет большого труда, то смысл некоторых из них остаётся для нас загадкой, потому что утеряно, забыто или исчезло из нашего языка первоначальное значение этих слов.

Вот, например, слово - *уста*. Вместо него сейчас мы употребляем слово *губы*, а в средние века на Руси это слово упоминалось в значении *устье*. Не знаем мы, что такое *багно*, а это нынешнее слово - *болото*. Да и славянские слова *десна*

(правый) и *шуя* (левый) у нас тоже забылись. А кто вспомнит, что раньше у новгородцев слово *бенёк* - означало обычные вилы, которыми убирали сено? Слово *мох* мы знаем - это лишайник, растущий на влажных местах. Но в древнерусском языке *мох* - это болото. Посмотрите сколько этих мхов на карте Тверской области - *Мох Журавельник*, *Мох Морошный*, *Мох Отока*, *Мох Чистяк*, *Мох Палец* и просто бесчисленные *Мхи*. Болота во многих местах уже давно осушены, а название *Мох* - осталось. А что такое *веретьё* и что такое *наволоок*, *наговье*?

Мы зачастую не знаем значения этих слов, а вот во времена В. Даля знали. Так что наш интерес к словарю Даля и намерение использовать его как один из источников для «расшифровки» географических названий - были не такими уж утопическими и далёкими от здравого смысла. А потом разве не интересно докопаться до истинного значения слов языка, на котором некогда говорил сам легендарный вождь кривичей - Крива, приведший в середине I тыс. н. э. одно из славянских племён в эти места?

Если же одного словаря В. Даля было недостаточно, мы обращались и к другим авторитетным топонимическим источникам, в частности к «Словарю народных географических терминов» Э. Мурзаева и др. Но в каждом из них мы снова и снова видели ссылки на знаменитый словарь Даля, который давно уже стал для учёных одним из авторитетных топонимических источников.

* * *

Это окончательно убедило Сержанта в серьёзности наших намерений:

- Ну, если уж учёные ссылаются на Даля, тогда конечно ...

Так к рубрике «Болдинская осень Димы Попова» в этой книге прибавилась ещё одна - «Со словарём В.И. Даля в рюкзаке». В ней в стихотворной форме мы попытались «оживить» топонимику и рассказать читателям о наших лингвистических изысканиях, находках и предположениях, часто в забавной, шутиливой, а иногда и иронической манере с объяснениями смысла старых слов с помощью словаря В. Даля.

Эти стихи мы окрестили краеведческими, познавательными в

отличие от лирических стихов нашего тверского Соловья.

Окончательный приговор вынес Сержант, когда ознакомился с первым нашим краеведческим опусом:

- Не знаю как насчёт стихотворной формы, но старик Даль был бы доволен.

Со словарём В.И.Даля в рюкзаке

Как считают учёные, около 50% географических названий образованы от личных мужских имён или прозвищ (фамилии появились на Руси только в XVII в.). В районе озёр Бойно, Бросно, Тюковское (Бриссо) тоже немало названий, возникших от имён первых жителей деревень или владельцев земельных угодий, покосов. Многие из них появились ещё в славянский период, другие - в более позднее время, уже в XIX - начале XX вв. Большинство деревень не дожило до наших дней, от них остались лишь названия урочищ, небольших рек или озёр (но некоторые всё-таки сохранились). Вот таким деревням и посвящено это шуточное стихотворение.

Жил на Тюхове Матвей

Жил на Тюхове Матвей,
Неуклюж он был, техтерь¹.
Звали парня просто Тях -
Что поделаешь - пентях.

У него дружок был - Утка²,
Тоже глупый был - не шутка,
Но прожорливый, как волк -
Знал в еде большой он толк.

Тях сказал, что надо к Гуще³,
Что живёт на Бросно в пуще,
Заглянуть на огонёк
И поужинать чуток.

¹ Дер. Тюково (не сохранилась). Название от крестьянского имени Матвей>Тях, Тимофей>Тях, Тихон>Тях. Тяхтерь - неуклюжий мужик, тыщиться - суетиться.

² Дер. Уткино(не сохранилась) - от имени или прозвища Утка в значении глупый, прожорливый, с валкой походкой.

³ Дер. Гушино - от личного имени Гуща; гуща (пск., новг, твр.) - густая похлёбка, каша из ячменя с горохом.

Знали все - похлебку с гущей
Варит он в деревне лучше,
Чем красавица жена -
Многим нравилась она.

Раз гулять, так уж гулять:
И Ишуту¹ надо взять,
Ну, и Пузо², его жёнку,
И бутылку самогонки.

А потом ещё Андрона³,
Что сидит он как ворона?
А в добавок Литвина⁴-
Тоже парня хоть куда.

Все гурьбой пошли к Жуку⁵,
Удальцу - не старику.
Был красавцем женский льстец
И до девок молодец.

Добрались к Гуще к ночи,
Похлебали вместе щи.
Ну, а Жук как выпил раз,
Не спускал с Гущиhi глаз.

Слово за слово - пошло,
Гущу тоже понесло.
Он схватил Жука в охапку
И на двор погнал без шапки.

¹ Дер. Ишутино (не сохранилась) - от личного крестьянского имени Ишута. Возле деревни - старое эстонское кладбище.

² Дер. Пузаново (не сохранилась) - от личного имени Пузо>Пузан; пузо- брюхо, живот, чрево, тазево, иезево, полость брюшная, со всеми черевами и покровами; пузан - пузатый человек.

³ Дер. Андронов - от личного имени Андроник, Андрон, муж, мужчина - победитель.

⁴ Дер. Литвиново (не сохранилась) - от личного имени (прозвища) Литвин - литовец, белорус.

⁵ Дер. Жуково - от личного имени (прозвища) Жук - черноволосый человек, льстец, любовник (одна из самых распространённых фамилий в XV-XVII вв.)

Пуза бросился с Ишутой
Разнимать тех баламутов,
Но проход в дверях был узок -
Не прошло сквозь двери пузо.

Вышла из дома жена,
Посмотрела - обмерла:
Утка, Пуза - на траве
И висит Жук на трубе.

На Гуще сидит Андрон -
Победитель точно он.
А Литвин дубасит Тюха -
Баламута и пентюха.

* * *

Если будешь ты на Бросно -
Заходи в деревни просто.
Все расскажут про Жука
И про Утку и Пуза.

Лет прошло с тех пор немало,
Деревень вокруг не стало.
Ну, а Жуково - стоит,
Жук - на кладбище лежит.

Отсюда Россия начало берёт

*И всё мне казалось,
Что это не лес,
И солнце касалось
Лучами небес.*

*И таяли тучи
В лазурной дали,
И высились кручи
Валдая в пыли.*

*Петляла дорога,
Как тонкая нить,
Где я любил много
По лесу бродить.*

*Повсюду дремота,
Подул ветерок.
И может быть кто-то
Нашёл ручеёк,*

*Что вьётся как змейка,
Зеркальный от слёз.
На взгорке аллея
Тенистых берёз.*

*Как в детстве красиво.
Без дна небосвод.
Отсюда Россия
Начало берёт.*

Догорай, костёр

*Догорай, костёр,
Согревай меня.
Я уйду тропой
На исходе дня.*

*А моя душа
Не устала ждать
Долгожданных встреч,
Что придут опять.*

*Буду я грустить
На исходе дня...
Догорай костёр,
Согревай меня.*

Озеро Бросно. Дорога к храму

Байдарки для похода мы собирали на берегу озера Бойно, на так называемой Поляне мельника. Здесь раньше на протоке между озёрами Бокановским и Бойно была запруда и стояла мельница, а рядом - дом самого мельника. От него сохранились лишь остатки фундамента да одичавшие яблони на берегу озера.

Байдарки были старые, все в шрамах и заплатах, клееные переклеенные, побывавшие во многих походах по нашим озёрам и рекам. Сержант ходил между ними и с недовольством осматривал эту изрядно потрёпанную флотилию. Каждая заплатка - это как боевой шрам на лице ветерана: эта от похода в Карелию, эта по реке Угре, а вот эта - от сучка, лежащего на дне бревна на речке Пре, что в Рязанской Мещёре. Сержант отдирал старые резиновые ленты на стрингерах, и как доктор, который ставит банки на спину больного, клеил на днища байдарок круглые разноцветные заплатки. Многих деталей не хватало, и мы бегали за ними к нашему дому.

Наконец, Сержант, вытерев пот на лице и посмотрев на собранные байдарки, сказал: «Всё, можно отправляться». Маруська, оценив момент, прыгнула в лодку и блаженно растянулась там на палатке.

Байдарки, предательски кряхтя от старости, позволили отнести себя на руках к берегу и окунуть в воду в том месте, где протока из Бокановского озера впадает в озеро Бойно.

Здесь все озёра связаны между собой речками и протоками, образуя обширную водную систему, по которой проходила одна из местных ветвей Великого водного пути из варяг в греки. В этих самых местах некогда находился центр новгородской Буюецкой волости, откуда, кроме сухопутной дороги, шёл водный путь на реку Волкоту и далее в Западную Двину или на север в Новгород. Но для того, чтобы попасть в Волкоту, надо было пересечь озеро Бойно, по узкой и быстрой протоке добраться ещё до одного озера - Тюковского, откуда уже другая протока вела в озеро Бросно. Путешествуя по этим, ныне узким и мелким речкам, заваленным стволами деревьев и обильно заросших кустарником, мы сами

убедились, сколь непросто было в старину передвигаться по здешним местам новгородским ушкуйникам и купцам.

Раньше реки были полноводнее, а сейчас протока в Тюковское озеро встретила нас частоколом кустарника и чахлых берёз, корягами и полузатопленными брёвнами. Кусты и деревья смыкались над рекой тёмной зелёной аркой, цепляясь за байдарки и нашу одежду. Было мелко, да и речка извивалась по полузатопленному лесу, как змея, ползущая к воде.

Работать вёслами было трудно, и мы сложили их вдоль бортов, отталкиваясь руками от берега или хватаясь за нависшие над водой ветки. То и дело поперёк русла попадались берёзы со свежими погрызами бобров, прорытые ими ходы прямо от воды тянулись вглубь берега.

На первой лодке ехал Сержант с топором в руках. Когда мы подъехали к очередному препятствию, он влезал на берёзу верхом и долго рубил ствол, чертыхаясь и отмахиваясь от комаров, или прорубал дорогу в кустарнике. Время от времени приходилось вылезать из байдарки и по пояс в воде, увязая в вязком иле и торфе, проводить их по узкой, извилистой протоке.

- Да, - сказал Дима, - не позавидуешь древним мореходам.

- Это почему же?

- Что же они так всё запустили. Неужели и новгородским купцам тоже приходилось снимать штаны и лезть в воду?

- Нет, - сказал я, - при них-то как раз водные пути были в полном порядке, а в негодность они пришли тогда, когда за ними перестали следить.

В средние века новгородцы много сил тратили на поддержание своих водных путей в рабочем состоянии. За протоками, мелкими речками и волоками следили, выжигали по берегам лес и кустарник, углубляли и чистили русла, да и сами реки и озёра в те времена были значительно полноводнее, чем сейчас.

До наших дней сохранился знаменитый Стерженский каменный крест, который стоял у впадения реки Волги в озеро Стерж. На нём была высечена надпись: «6641 год месяца июля 14 день почая рыти реку сю я, Иванко Павлович, и крест сей поставях». Раньше года исчислялись от сотворения мира, значит крест был поставлен в 1133 году. Как считают учёные, именно тогда новгородцы под руководством своего посадника Иванка Павловича уг-

лубляли русло реки.

Таких каменных крестов немало стояло на речных и озёрных волоках. Так что купцам не надо было снимать штаны и лезть в воду: водный путь поддерживался в полном порядке.

Но мы были не новгородцами, а наш Сержант совсем не походил на Иванка Павловича, поэтому нам приходилось значительно труднее.

Протоки были узкими, и, путешествуя по этим местам, было непонятно, куда и зачем плавали купцы. Ведь для того, чтобы эта ветвь речного пути работала, где-то здесь, в этих местах, должен был находиться какой-то довольно крупный торговый центр, в который свозили товары и грузы со всей округи и вывозили на более оживлённые торговые водные магистрали, на реку Западная Двина.

Такой торговый центр здесь был и именно он активно использовал этот местный водный путь, по которому с таким трудом продвигались наши байдарки. О поиске места, где мог находиться этот средневековый торговый городок, мы расскажем в другом очерке, помещённым в этой книге - «Где находится летописный Буюц?»

От Жукова до озера Бросно километров пять, если идти по дороге, у нас же плавание по заросшим протокам заняло целый день. Уже смеркалось, когда лес расступился, и мы буквально вкатились в огромное озеро, сверкающее в лучах заходящего солнца. Перед нами было море воды - она играла и искрилась на просторе и с лёгким шумом волнами накатывалась на берег, тихонько шурша в зарослях осоки. А прямо под нами, как белые молнии, проносились чайки, описывая круги над озёрной гладью...

-А почему озеро так называется? - пристаёт ко мне Дима. - Может потому, что глухое, заброшенное?

Мне тоже интересно узнать происхождение этого названия. С корнем «брос» у Даля приведено несколько слов. *Бросать* (*бросить, броснуть*) - это значит: кидать, метать, швырять, лукать, покидать, оставлять без внимания. *Бросновать* - обивать или ошмычивать руками махалку, семя; обивать со льна колоколку и головки. *Бросновка* - дощечка с зубьями на одном конце. И, наконец, *броснеть* - плеснеть, плесневеть, цвести гнилью.

Многие топонимисты отдают предпочтение последнему толкованию, что маловероятно: озеро Бросно - одно из самых чистых

озёр и вряд ли к нему пристало бы такое название.

По мне можно бы выводить это название от слова «броский» - настолько озеро красиво, необычно и загадочно или от слов - «бросать», «броснуть», т.е. озеро, когда-то покинутое, оставленное по каким-то причинам древними обитателями, жившими на его берегах. А может это отголоски каких-то культовых обрядов, когда в озеро бросали жертвенные приношения или дары для задабривания озёрного духа и вымаливания у него удачной рыбалки? Кто знает?

От деревни вдоль берега идёт старая тропа. Она проходит по косогору, на котором некогда много веков назад находилось древнее поселение. Овальная площадка, заросшая кустарником и лесом, круто обрывается к озеру. Ты идёшь по тропе и не представляешь, что под твоими ногами затаилось первобытное селище, где жило племя рыбаков и охотников. Противоположная его сторона примыкает к лесу, где видны остатки древнего земляного рва. Эту стоянку обнаружила в начале 1950-х годов ленинградский археолог Я. Станкевич, которая много сделала для исследования озёрного края.

А к северу от селища находится более поздний курганный могильник. Тропа идёт как раз вдоль цепочки заросших лесом курганов. Это целый городок мёртвых, растянувшийся почти на полкилометра. Мы считаем встретившиеся нам курганы: - один, два, три и сбиваемся со счёта. Учёные обнаружили здесь большой могильник из нескольких десятков курганов. В центре могильника находилась каменная прямоугольная плита с высеченным четырёхконечным крестом. Некоторые курганы у основания достигали 18 метров.

Озеро Бросно - одно из самых красивых и таинственных озёр Андреапольского края. Озёр вокруг много - и Бакановское, и Жуковское, и Тюковское, но это особенное: оно значительно больше и глубже других, к тому же окружено глухим лесом и топкими болотами. Лес подступает к самой воде, и по вечерам тени от деревьев падают на зеркальную поверхность озера и придают ему какую-то особую таинственность и загадочность. В сумерках лес темнеет, и тогда его кромка на том берегу напоминает гряду скалистых гор с причудливыми средневековыми башенками и шпилями.

На днѣвку мы остановились на небольшой песчаной отмели. Это наше любимое место отдыха.

Каждый раз, когда мы бываем здесь, мы подмечаем перемены - вот из-за дождей поднялась вода и почти целиком затопила песчаную отмель, вот ураган вывернул с корнем огромную берѣзу, и она упала в воду, обнажив свои корни, вот тут на деревьях видны новые бобровые погрызы, а старая рыбацкая лодка, на скамеечках которой мы сидели в прошлом году, теперь уже покоится в воде, доверху засыпанная песком.

Поляна на берегу озера на вид кажется необитаемой, но мы-то знаем - здесь под деревом живѣт большая гадюка с тѣмными узорами на боках. Днѣм она выползает из-под берѣзы и греется на камне неподалѣку от стоянки. Вначале мы настороженно относились к этой «хозяйке поляны», но потом привыкли. Ведь она была частью этого мира, хранительницей своего жилища.

Змея вела себя весьма порядочно и никогда не пересекала невидимой границы, а мы со своей стороны приносили к еѣ камню остатки нашей походной трапезы, чтобы задобрить опасную соседку. Она жила здесь давно, и, наверное, знала многие тайны озера Бросно. Когда Наг хотел палкой отогнать змею подальше, Сержант строго сказал:

- Не делай этого. Ведь она хозяйка этой поляны, а мы только гости. Негоже гостям ссориться с хозяевами.

На эту поляну от деревни Ольховец можно добраться только пешком вдоль берега по узкой и заросшей тропе - это старая колѣсная дорога, которая вела от деревни к бывшей барской усадьбе Покровское. От неѣ остался только фундамент да одичавший фруктовый сад.

Вообще по берегам Бросно стояло много усадеб, маленьких деревушек и хуторов, которых давно уже нет и в помине: Никольское, Добромysel, Михалѣво, Пучково, Владимирское, Осипово, Истомино, Иштутино, Уткино, Фомино...

Позади нашей стоянки - и сейчас стоят дома бывшей д. Ольховец. Говорю бывшей, потому что года три-четыре назад местные «умельцы» оборвали электрические провода, ведущие в деревню, и сдали их на металлолом. Деревня была полностью дачной, ну, а какая же дача без электричества? На следующее лето сюда, в эту живописную лесную деревеньку, приехали уже не-

Бросненский погост стоит в руинах

сколько человек, а через год она окончательно обезлюдела. Идёшь по ней, а на тебя смотрят глазницы разбитых окон, открытых настежь дверей, заросших бурьяном огородов. Местные бомжи разграбили всё, что только можно - от холодильников до пиломатериалов, и теперь в эти ещё довольно добротные избы изредка заходят разве только редкие туристы, охотники да рыбаки. Обидно...

А раньше, ещё до революции, это было довольно большая по здешним меркам деревня. В 1872 г. в этом месте стояло 10 домов, в которых жили 29 мужиков и 29 женщин. Здесь даже проходили местные ярмарки - первый день она открывалась на Жуковском погосте, а на второй обязательно переезжала в Ольховец.

От прежних деревень, что стояли на озере, ныне осталось всего три - Ломинское, Дядькино и Бенёк. Место расположения других многие уже и не помнят: в лучшем случае они сохранились в названиях урочищ - Покровское, Розовые Пучки, Никольское ...

В глубине одного из плёсов возвышается полуразрушенная

церковь, видная издалека - это бывший Бросненский погост. Вблизи него «между с. Сущино и д. Дядькино, - как сказано в старой археологической карте Псковской губернии, - на земле г. Арбузова имеется 10-12 курганов от 1 1/2 до 12 саженьей высоты и 4-5 саженьей в окружности».

Погост воздвигнут, видимо, на языческом культовом месте древних славян, а каменная церковь в честь Святой Троицы построена намного позже - в 1751 году. Тогда в церковный приход входило 41 населённый пункт, где проживало почти 900 человек. Сохранился архивный документ - «Ведомость Холмского уезда погоста Бросно за 1813-й год». «В оном погосте, - говорится в нём, - церковь во имя Святыя Живоначальныя Троицы с приделом Святого Иоанна Милостивого, каменная, твёрдая, построена в 1751 году, однокомплектная, приходская, при ней церковной отмежеванной земли 47 десятин ... приходских дворов 106, в них мужеска пола 462, женских 464 души. Церковной денежной суммы ныне налицо 9 ру. 65 ко., которым приходная и расходная шнурозапечатанные книги имеются, а деньги самые хранятся в Церкви во всякой целости за печатью священноцерковнослужителей и замком церковного старосты помещика Матфея Семенова Ярышкина деревни Острова крестьянина Якова Евменова. ...При церкви караула нет... В близости к оному погосту имеются погосты Торопаца в 7, Жуково - в 8 верстах». В 1872 г. на погосте было 5 домов и жило 21 человек.

В 1927 г. в районе озера Бросно побывал краевед В.Р. Соловьёв. По возвращении он опубликовал большую статью в сборнике Холмского общества краеведения, в котором часто печатался и генерал А.Н. Куропаткин. Озеро Бросно поразило В.Р. Соловьёва своей красотой и очарованием: «Местность чрезвычайно красивая, - пишет он. - Высокие холмы и гряды, густозелёные леса, весёлыми гривами избегающие среди лесных опушек зеркальные поверхности озёр - всё это вместе даёт прекрасное сочетание, и надолго запечатлевается в памяти ... Озеро Бросно чрезвычайно напоминает реку. Длина его около 9,5 км, ширина же в большей части около 400 м и лишь в одном достигает 1100 м ... Наибольшая глубина озера Бросно достигает 41,5 м.

Заключённое в высоких берегах, изрезанных глубокими лощинами и оглаженными формами оврагов, озеро Бросно средь яр-

Дорога к храму. Берег озера Бросно

кой зелени хвойного и лиственного леса, густыми зарослями покрывающего во многих местах крутые скаты берегов, представляет собою чарующую картину. В тихий летний вечер, при солнечном закате, когда зеркальная гладь прозрачной воды разрисована тенями и бликами прибрежной растительности и высоких холмов, можно часами стоять на берегу озера и любоваться красотою окрестностей погоста Бросно».

После такого восторженного описания озера у В. Соловьёва вырываются слова сожаления и грусти: «К стыду нашему, мы ещё так мало знаем наш край, часто не знаем или не замечаем находящихся около нас красот, не ценим здесь же лежащих богатств, не умеем их использовать».

С тех пор прошло почти целое столетие, но, увы, мы так же мало знаем об этом крае, как и во времена Соловьёва, и так и не научились использовать красоты и богатства этого уникального озера.

От нашей стоянки до погоста по воде - километра 4. Примерно за час мы с Сержантом добираемся до церкви. Она стоит на

480

ПСКОВСКАЯ ГУБ.—VIII. уездъ холмскій. — станъ 2.

№	НАЗВАНІЕ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНІЕ.	РАЗСТОЯНІЕ ВЪ ВЕРСТАХЪ.		ЧИСЛО ДВУРОДЪ.	ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ.		Церкви и молитвенныя зданія; учебныя и благотворительныя заведенія; почтовыя станціи; ярмарки, базары, ярстаны; фабрики и заводы и т. п.
			Отъ уѣздн. города.	Отъ станов. кварт.		и. п.	ж. п.	
14753	Ольховецъ, дер.	при рч. Студенцѣ.	80	31	10	29	29	
14754	Никольское, усадьба.	при оз. Броснѣ.	75	32	3	2	2	
14755	Хероно, усадьба.	при оз. Броснѣ.	74	30	4	3	4	
14832	Босскъ, дер.	при оз. Броснѣ.	75	33	2	10	6	
14833	Фомино, дер.	при оз. Броснѣ.	75	33	3	12	9	
14834	Владимирское, усадьба.	при оз. Броснѣ.	78	30	5	5	9	
14835	Пучково (Роговыя Пучки), усадьба.	при оз. Броснѣ.	79	31	3	1	1	
14836	Матасово, усадьба.	при оз. Броснѣ.	80	34	5	—	2	
14837	Добромыслъ, дер.	при оз. Броснѣ.	80	36	3	7	6	
14838	Гущино, усадьба.	при оз. Броснѣ.	80	35	5	4	5	
14839	Осиново, село.	при оз. Броснѣ.	83	34	1	—	2	
14840	Бросно, волость.	при оз. Броснѣ.	83	34	5	9	12	Церковь православная.
14841	Аксеново, дер.	при оз. Броснѣ.	85	39	2	5	4	
14842	Исегомино, дер.	при оз. Броснѣ.	85	37	5	16	18	
14843	Иштутино, село.	при оз. Броснѣ.	85	37	1	3	3	
14844	Этинно, дер.	при оз. Броснѣ.	85	37	8	19	26	
14845	Дятлино (Дядькино), дер.	при оз. Доловаѣ.	85	37	7	12	18	

Список деревень на озере Бросно в конце XIX в. Из списка населённых мест Российской империи по сведениям 1872-77гг. (1885)

высоком холме, поросшем вековыми деревьями. Прямо с берега видны развалины храма и покосившийся крест на куполе. На фоне безоблачного неба он смотрится печально и тоскливо.

Но если Жуковскую церковь растащили всю до кирпичика, то здесь ещё сохранились каменные стены храма, увитые корнями деревьев, растущих прямо на верхушке купола. Сохранились даже кусочки росписи на стенах и проёмы окон под куполом, откуда сверху льётся свет на обломки кирпича, штукатурки и всякого хлама. Мы долго ищем место, где располагался алтарь, но вместо него в стене зияет огромная пробоина, сквозь которую виден кусочек озера Бросно.

Боже мой, сколько же вот таких заброшенных обитателей с покосившимися или скинутыми крестами и заросшими кладбищами разбросано ещё по Руси? Они стоят как напоминание о нашем беспамятстве, о наших грехах и о нашем ещё не свершившемся покаянии за всё то, что сотворили и наша прежняя власть и мы сами, позволившие это сделать.

Кладбище при церкви совсем заросло, но рядом на холме стоят оградки новых захоронений. Простые русские лица на фотографиях и русские фамилии на крестах: Петровы, Поповы, Ивановы. Кресты сбегают прямо к самому берегу Бросно ...

Мы сидим с Сержантом на холме возле церкви, смотрим на скорбно покосившийся крест на куполе и на всю эту окружающую озёрную красоту и думаем, что настоящая Россия - она не в Москве и не в Петербурге и не в других городах: она здесь, в глубинке, в древних сёлах и погостах, на этой политой кровью и потом исконно русской земле. И вряд ли Россия встанет в полный рост с колен, если мы не восстановим все наши духовные ценности, не выпрямим кресты на поросших деревьями куполах и не расчистим дороги, ведущие к храмам.

* * *

Мы уже несколько дней живём на Бросно - кругом ни души, только на другом далёком берегу тускло горит костерок рыбаков. Да и откуда здесь взяться людям, если обезлюдела даже соседняя деревня Ольховец?

- Как будто на необитаемом острове, - говорит Дима.

- Да там хоть у Робинзона был Пятница, - возражает ему Наг.
- Без Марушки вообще была бы тоска...

Услышав своё имя Марушка поднимает голову, потом поворачивается в сторону озера и начинает лаять: наверное, почувствовала что-то.

Через полчаса и мы начинаем слышать какие-то звуки.

Наг вооружается подзорной трубой и сообщает последнюю информацию: к нам плывут гости.

Это жители из соседней деревни Ольховец - Николай и его жена Валентина. А мы-то думали, что в деревне никто не живёт.

- Последний коренной житель Ольховца, - представляет свою жену Николай.

Я знаю их дом - он стоит на самой окраине, на берегу речки Студеницы, протекающей прямо по деревне. Валентина действительно родилась и выросла в этой деревне, но уже давно не живёт там, а только приезжает с Николаем сюда летом на отдых из Твери, где работает библиотекарем. Но родные места притягивают, и

кажется, что ничего нет на свете лучше них.

Николай - отставной офицер, подполковник и выпускник Московского авиационного института, как и наш Сержант. Поэтому подружились они быстро. В отличие от тихой немногословной Валентины Николай любит поговорить и пошутить. А собеседник он интересный, потому что хорошо знает здешние места, озеро Бросно, увлекается историей края.

- Ну как - не скучно жить в мёртвой деревне? - спрашиваю я.

- Да какая тут скука, - отвечает Николай, - рыбалка, ягоды, грибы - только поворачивайся.

- Если бы ещё бомжи и браконьеры не грабили, - вздыхает Валентина.

На зиму они не закрывают избу (всё равно замок сорвут), оставляют на кухне посуду, ставят на стол бутылку водки и кладут на стол записку: живите, ешьте, пейте, но только не бейте стёкол, не ломайте мебель и будьте осторожны с огнём.

- И что - помогает?

- Иногда помогает, разные ведь люди заходят...

- Ну, а если подожгут - дом-то старый?

- Старый - 1899 года постройки, но ещё крепкий, - улыбается Валентина. - Да и застрахован он у нас. На 175 тыс. рублей. Сгорит - новый построим.

Уже смеркалось, когда Валентина и Николай прощаются с нами. Но расставаться не хочется: Николаю с Сергеем, а мне - с Валентиной.

- Хотите я вам завтра ручей покажу, откуда брал воду для своей водки знаменитый заводчик Смирнов? - говорит Николай.

- Тот самый, который выпускал смирновскую водку?

- Тот самый.

Я недоверчиво посмотрел на него.

- Не верите? Сами увидите, какая это вода.

...Утром мы с Димой и Николаем на лодке отправляемся к «пьяному ручью», как мы окрестили этот родник. У Николая к колену привязан эхолот, и мы время от времени прощупываем дно. На экране видны косяки рыб, щуки и огромные лещи. Глубина порядочная - эхолот зашкаливает. Правда, он рассчитан всего на 30 м, а глубина озера, как говорят, не менее 40 метров. А некоторые утверждают, что в отдельных местах доходит и до 70 метров.

Гости из д. Ольховец

Лодка уткнулась в пологий берег, по которому из заросшего оврага хлестали потоки холодной и кристально чистой, родниковой воды. Мы попробовали её на вкус - вода была прозрачной, без единой песчинки. И такой холодной, как бывает запотевшая бутылка водки, только что вынутая из холодильника.

- Хороша, хоть и без градусов, - заметил я.

- А градусы уже добавлял сам Смирнов. Не случайно же он был поставщиком двора самого Николая II.

Поперёк ручья лежало старое прогнившее бревно, видимо от прежнего сруба, а в самом овраге валялись старые, почерневшие брёвна. Наверное, здесь вода отстаивалась и очищалась, проходя через насыпанный в сруб песок.

- А вот там, наверх вела ныне заброшенная старая колёсная колея - отсюда бочки с водой вывозили на дорогу.

Дима взобрался по еле заметной колее на вершину холма, где, как утверждал Николай, находилась усадьба какого-то помещика с довольно-таки странным названием - Херово.

- Вот отсюда, судя по всему, и возили эту воду, - говорит Николай, - я сам читал об этом в старых рекламных проспектах Торгового Дома Смирнова. Помещик вроде был большим картёжником и проиграл этот ручей в карты. За что и прозвали его Хером.

- А усадьба Херово существовала на самом деле? - Всё же сомневаюсь я.

- А как же - пошли, посмотрим.

Тропинка выводит нас на высокий берег озера. Отсюда с высоких холмов, поросших вереском, открывается сказочный вид на озеро.

Мы долго ищем остатки фундаментов от Херово и другой расположенной неподалёку усадьбы Никольское, но находим только груды камней-валунов.

- Сколько времени прошло, - говорит Николай.

Уже вернувшись из путешествия, я решил проверить, а не выдумка ли это всё о Смирнове и хуторе Херово на озере Бросно? Насчёт использования бросненской воды мне так ничего и не удалось узнать, а вот усадьбу Херово, названную так, видимо, по фамилии или, скорее всего, прозвищу владельца, которую потом якобы приобрёл Смирнов, я обнаружил в списке населённых мест за 1872 год. Там действительно значилась такая усадьба на берегу озера Бросно рядом с Никольским и состояла она из четырёх дворов, в которых жила, видимо, обслуга помещика - 3 мужика и 4 бабы. Кстати, ничего неприличного в этом слове нет. По В. Даю «хер» - это название буквы Х в русском алфавите.

Вот такая любопытная история. Хоть открывай на Бросно новый экскурсионный объект с памятником поставщику Двора его Величества - Смирнову и разливай в бутылочки в качестве сувенира чистейшую родниковую воду.

Валентина - последний коренной житель д. Ольховец

Возвратившись в лагерь и запалив костёр, мы с Димой садимся в надувную лодку и отправляемся на прогулку по озеру. Солнце уже село и над лесом возшла яркая луна. Мы плывём к далёкому тёмному берегу. Вода сверкала, переливаясь в лучах лунного света, и тонкими серебряными струйками сбегала с весел: тук-тук. Мы ехали долго в полной темноте прямо по лунной дорожке. Но она вдруг оборвалась у противоположного берега и пропала где-то в зарослях тростника. Лес стоял тёмной, почти чёрной стеной, а из воды торчали сучья и чёрные стволы деревьев, похожие на каких-то странных и причудливых чудовищ, выползших из леса на водопой. Они опрокинули свои туловища в воду да так и застыли в ней, как будто пытались выпить всё озеро.

Вдруг рядом с нашей лодкой раздался глухой и тяжёлый всплеск, а в темноте что-то ухнуло и тревожно заклокотало.

- Что это? - прошептал Дима и схватил меня за руку. - Слышишь?

- Наверное, чудовище, - попытался отшутиться я, хотя у самого тоже стало как-то тревожно на душе.

- А что - тут водятся чудовища? - не понял Дима.

- Да всякое говорят...

- Расскажи, - потребовал он и резко повернул лодку обратно, туда, где в крошечной темноте сверкал маленький спасительный лучик карманного фонарика Сержанта. И пока мы плыли к берегу, не могли избавиться от странного ощущения - будто кто-то из глубины наблюдает за нами и терпеливо ждёт, пока мы покинем его владения.

Со словарём В.И. Даля в рюкзаке

Херово

Херово - усадьба на восточном берегу оз. Бросно (не сохранилась). В 1872 г. здесь стояло 4 избы и жило семь человек. Недалеко от усадьбы в озеро впадает ручей с удивительно чистой и прозрачной водой, из которого по преданию доставляли воду для знаменитой смирновской водки.

Есть на Бросно ручеек -
Бьёт в овраге родничок.
Вода чистая, как слёзы:
Ни соринки, ни занозы.

Все лечились той водой¹,
Говорили - не простой.
В головах шибала рьяно,
И ручей прозвали пьяным.

Наглотавшись влаги зная,
В карты барин сел играть.
Видно, быстро захмелел -
Взял и пропил тот ручей.

Никому не продавал,
Просто в карты проиграл.
Хочешь верь, хочешь - не верь,
Получил он кличку Хер².

Как узнал - лишился слов
Виноводочник³ Смирнов:
»Я не знаю как там квас,
А вода для водки - класс».

Пьют с поры далёкой той
Водку с бросненской водой.
Пили все - и стар, и млад,
И помещик, и бедняк.

По утрам царь Николай
Рюмку водки пропускал
И хвалил: «Вино - слеза,
Хороша, видать, вода».

Водка не херовская,
А знатная, Смирновская.
А вода в ней из ключа,
Что из Пьяного ручья.

¹ Вода - «стихийная жидкость, ниспадающая в виде дождя и снега, образующая на земле родники, ручьи, реки, озёра, в смеси с солями, - моря».

² Хер - так называлась буква Х в старом русском алфавите; херить письмо - перекрестить либо вымарать, зачеркнуть вкрест; у него ноги хером (т.е. кривые).

³ Водочник - водочный заводчик или торговец.

* * *

С той поры прошло сто лет,
Уж давно Смирнова нет.
И давно не видит снов
Бедолага тот Херов.

И давно не возят бочки -
Вся дорога ныне в кочках.
А ручей и счас не спит,
Всё бежит, бежит, бежит.

Только редко из пучины
Выплывает чертовщина,
Подплывёт, глоток хлебнёт
И хмельным на дно идёт.

Мы отправляемся в поход

*Студёный ключ за перевалом
Бормочет гулко и поёт.
Пора чудесная настала -
Мы отправляемся в поход.*

*Всего святее и дороже
Для нас с тобой исток реки.
Несём мы дружно наши ноши -
Палатки, лодки, рюкзаки.*

*Здесь на тропе легко поётся,
Здесь как гроза уходит грусть,
И песня бодрая несётся
Из чёрных от черники уст.*

*Маруся лаает под ногами,
Змеёю преграждая путь.
А мы мотаем рюкзаками,
И ветерок ласкает грудь.*

*А в рюкзаках гремит посуда,
Лес был чему-то удивлён.
И доносился отовсюду
До всех зверей игривый звон.*

*Дошли уж к ночи до стоянки;
Сержант был мудр, а Наг остёр.
И на загадочной полянке
Мы разожгли ночной костёр.*

*Потом уснули все в палатках.
Наг чистит зубы. Слышен звон.
А нам в мешках уютно, сладко,
И снится бодрый милый сон:*

*Несём мы дружно наши ноши -
Палатки, лодки, рюкзаки.
Всего святее и дороже
Для нас с тобой исток реки.*

На берегу озера Бросно

Горит костер, и пламя бьётся.
Я очарован всем вокруг.
Протяжно по лесу несётся
Могучих сосен гулкий звук.

Над камышом победоносно
Застыла полная луна,
Там на песке остывшем Бросно
Незримо пенится волна.

Забылись прошлые печали
И грусть разлук с девчонкой той,
А угольки во тьме трещали,
Заворожённые игрой.

Я все сидел и слушал шёпот
В костре игравших угольков
И тихий приглушенный топот
Зверей с тех дальних берегов.

Бенёк. В гостях у «хозяина» динозавра

Лет пять назад о бросненском чудовище никто не знал даже из местных жителей. Мне довелось беседовать на эту тему со многими сторожилами д. Ольховец. Они все очень сомневались в существовании озёрного чудовища, хотя многие из них родились и прожили в этой деревне (до переезда в другие места) многие годы. А ведь плёс возле д. Ольховец, это - если верить легендам, одно из вероятных мест обитания чудовища. Здесь находится и деревенский пляж, откуда это чудовище вполне могло «утаскивать» в воду и скот, и людей.

Центром распространения легенд и слухов был совсем не Ольховец, а расположенная на другом берегу озера маленькая деревенька Бенёк. Именно здесь вроде бы видели этого монстра, и именно отсюда слухи о бросненском чудовище стали проникать в центральную прессу, и в деревню зачастили журналисты и телевизионщики. А озеро, как снежный ком, стало обрастать новыми легендами и слухами.

Они были самыми невероятными: о том, как чудовище проглотило резиновую лодку чуть ли не с самим рыбаком, увлекло в пучину девочку, оставленную без присмотра родителями на берегу, погубило трёх рыбаков, у которых в «глазах застыл ужас», «скушал» одного зазевавшегося геолога, что житель д. Бенёк Василий Петров потерял зрение после встречи с чудовищем, а жена местного председателя фермерского хозяйства Белоусова при встрече с озёрной змеей «повредила умом», и теперь якобы сам Белоусов «не теряет надежду рассчитаться с чудовищем за загубленную жизнь его жены».

Но есть легенды вроде бы даже претендующие на некое «научное» объяснение появления в этих местах бросненского чудовища.

В одной из них речь идёт о времени Великой Отечественной войны, когда к осени 1941 года немцы вплотную подошли к озеру Селигер, оккупировав места вокруг озера Бросно. Как рассказывают, один учёный-палеонтолог при раскопках нашёл в этой местности окаменевшее яйцо древнего ящюра-ихтиозавра. И про-

водил успешные научные эксперименты по его оживлению. Но фронт приближался к этим местам, и учёного с его уникальными яйцами решено было погрузить на самолёт и вывезти подальше от фронта, в тыл. Но на беду немецкие самолёты атаковали наш воздушный корабль и сбили его прямо над озером Бросно. Что стало с самолётом и учёным - неизвестно, но одно яйцо со сбитого самолёта якобы упало в озеро Бросно и опустилось на его дно. Условия оказались настолько благоприятными для оживления, что оно вскоре созрело в тёплой воде озера и из него и вылупился этот самый ящер, который и ныне обитает в Бросно.

Эту легенду вам расскажет любой житель д. Бенёк, хотя никто не знает, почему и откуда она возникла. Некоторые верят - сколько в нашей печати за последние годы появилось сообщений об оживлении давно умерших мамонтов и других ископаемых существ, живших на земле тысячи лет назад. Почему же не поверить и в этот научный эксперимент?

К периоду войны относятся и другие легенды. Вроде бы местные жители (называют фамилию Савелия Калмыкова) видели, как над озером случилась катастрофа с немецким самолётом «месершмидтом». То ли из озера выплеснулся столб воды и задел самолёт, то ли это была голова самого чудовища, но самолёт потерял управление и рухнул прямо в озеро.

Появились очевидцы, которые охотно расскажут вам, что сами «видели» это чудовище. Но их рассказы тоже похожи на легенды. Вот одна старушка из д. Выползово божилась, что сама видела, как какое-то чудовище, похожее на огромную змею, выползло в сумерках на песчаный берег («страшное такое, а на голове немецкая каска»).

Те, кто не верит во все эти легенды и свидетельства, прямо говорят: «брехня всё это, нашим мужикам поставь бутылку, они и не такое расскажут».

От этих «свидетельств» действительно можно было бы отмахнуться как от «брехни»: мало ли что может показаться в потёмках местным жителям. Но вот заковыка - есть и другие, так называемые «исторические» свидетельства странностей озера Бросно, чем история с яйцом динозавра или сбитого немецкого самолёта. Обнаружился «краевед», который якобы нашёл их в русских летописях.

Так, в одной из новгородских летописей вроде бы говорится,

что однажды дракон уничтожил целый остров на озере Бросно, где варяги прятали огромные сокровища.

Или вот более поздний случай, на этот раз связанный с известным походом отряда хана Батыя на Новгород. Легенда гласит, что на озере Бросно лёд под конницей вдруг треснул, и монголы в панике бежали обратно. И своим спасением Новгород вроде бы был обязан опять этому легендарному бросненскому чудовищу, проломившему лёд своей огромной головой.

Как видим, в разных легендах и преданиях чудовище выступает то как злая сила (поедает детей и рыбаков), то чуть ли не народным заступником от иноземных захватчиков (гибель отряда Батыя).

Вроде бы есть даже летописные свидетельства, которые, правда, связывают странности озера Бросно не с чудовищем, а с какими-то естественными природными явлениями. Одно из них приписывается бельскому летописцу, который рассказывает о необыкновенном явлении, свидетелями которого были жители окрестных деревень. Летом 1600 г. они с удивлением увидели, как из озера вдруг появилась песчаная гора. Это было настоящее чудо - песча-

Озеро Бросно вечером: «Мне чудовище озера Бросно что-то шепчет издалека»

ный остров на озере, которого раньше не было. Рыбаки причаливали к нему и сушили здесь свои сети. Так продолжалось дней двадцать. Но однажды рыбаки снова направились к острову и в изумлении остановились - остров исчез так же неожиданно, как и появился, исчез вместе с их сетями и лодками. Кстати, на озере возле д. Бенёк действительно есть остров, возле которого тоже вроде бы видели чудовище.

Можно верить или не верить в чудеса озера Бросно, но ведь почему-то эти легенды связаны не с соседними озёрами - Бойно, Тюковским или Лучанским, а именно с этим озером. Как известно, легенды и слухи не рождаются на пустом месте.

Вот почему мы с таким интересом подъезжали к деревне Бенёк. Здесь не только проживали очевидцы, которые «видели» это чудовище, но и находилась резиденция «хозяина динозавра», как прозвали Николая Александровича Белоусова, руководителя местного крестьянско-фермерского хозяйства. Его огромный и просторный дом виден с воды издалека, когда подъезжаешь к Беньку на лодке. Белоусов - самый главный и самый авторитетный свидетель и очевидец странностей озера Бросно.

Бенёк - небольшая деревенька, вытянувшаяся вдоль берега озера. По данным 1872 г. здесь было всего два дома и жило 16 человек. Сейчас на берегу выделяются два дома - белоусовский и слева от него на пригорке недостроенный дачный дом какого-то высокопоставленного военного чина. Когда тот был при должности, дом строился активно, но когда он вышел в отставку, работы затормозились - видимо, исчез финансовый и административный ресурс. Два человека с лицами кавказской национальности уныло копошились возле ограды.

Сами жители не помнят и не знают, почему их деревня носит такое название. У Даля мы нашли объяснение старого слова бенечка. Это вилка, рогатка, вилашка, вилы «для подачи снопов при кладке скирд и при молотье». В Ярославской губернии вилку тоже называли «бенечкой». Но какое отношение вилы имеют к названию деревни - не потому же, что они были здесь одними из основных сельскохозяйственных орудий? А что в других деревнях обходились без вил, что ли?

Как считают топонимисты, это название связано с расположением деревни - на развилке местных дорог на северном берегу оз.

Бросно. Да, конечно, из Бенька ведёт «развилка» в соседнюю д. Выпозово, что стоит уже на берегу оз. Волкота. Но сколько деревень стоят на развилках дорог, а носят совсем другие названия?

Мы появились в деревне с воды, повторив путь средневековых купцов. От городка Буюц они плыли на север, здесь их водный путь раздваивался - налево большой плёс вёл в сторону Дядькино, Ломинского, Гориц, а направо - другой плёс в залив реки Бросницы, и далее в р. Волкоту. Бенёк стоял прямо в центре этой водной развилки и был как бы черенком огромных вил, чьи два конца расходились в разные стороны озера. А от самого «черенка» шёл известный волок из озера Бросно в реку Волкоту. Вот отсюда, по-видимому, это странное на первый взгляд название деревни Бенёк. Спасибо В. Далю за ещё одну подсказку.

Белоусова я знаю давно - лет 17, наверное. Помню, как привёз меня сюда зимой бывший первый секретарь андреапольского райкома партии Александр Иванович Воробьёв. Белоусов только что отстроил свой дом прямо на берегу озера Бросно и с гордостью показывал свои владения. На фоне обычных почерневших от дождя и ветра крестьянских изб он выглядел как помещичья усадьба с многочисленными комнатами и обширной залой, в центре которой возвышалась гордость хозяина - огромная печь, облицованная узорчатой керамической плиткой.

На столе тотчас же появилась местная закуска - грибочки, солёные огурчики, рыба и горячая картошка со знаменитой беньковской селёдкой, о которой уже тогда ходили легенды. Она была настолько нежна и приятна на вкус, что мы тотчас же опорожнили большое блюдо.

- Сходи в погреб, принеси ещё, - скомандовал хозяин молодой стройной девушке.

И та лёгкой походкой поднялась из-за стола и вскоре вернулась с новой порцией селёдки. Вот тут-то я и оконфузился.

- Красивая у вас дочка.

- Люба? - засмеялся явно довольный хозяин, - да какая же она дочка, жена она мне.

Меня тут же наказали, налив большую штрафную рюмку. Кстати, это была та самая Люба, которая по слухам «повредила умом» при встрече с бросненским чудовищем.

Во время той встречи за столом речь шла о чём угодно, но толь-

ко не о чудовище. Такое впечатление, что никакого чудовища и не водится в озере Бросно. Возможно потому, что сам Белоусов ещё не «встретился» с ним на озере.

За прошедшие годы Николай Александрович изрядно погрузнел, как, впрочем, и я, стал более солидным и вальяжным. Да и тайнами озера он делится далеко не со всеми. В последнее моё посещение я пытался расспросить его об этом, но Николай Александрович, пытливо посмотрев на меня поверх очков и сощулив глаза, сказал:

- Тайн-то много, но ведь на то они и тайны, чтобы рассказывать не всем. Теперь, знаешь, любая информация денег стоит.

И, взглянув на меня, спросил:

- Есть у тебя 100 тыс. долларов?

- Откуда, - смутился я.

- Вот видишь, а у голландцев есть, ничего не поделаешь - рыночные отношения.

Его сын Алексей - оказался более словоохотливым. Я помнил его по той же давней встрече у Белоусова, когда он - тогда ещё подросток (охотиться начал по его словам с семи лет) - ворвался в залу с горящими от азарта глазами, держа в руке охотничий нож, и радостно поведал нам:

- Кабана завалили...

Теперь - это красивый стройный мужчина с крепкими крестьянскими руками, на котором, видно, и лежит всё беспокойное хозяйство отца.

Мы выходим на берег озера, и Алексей прямо на капоте машины раскладывает старую карту озера Бросно 1898 г. выпуска, где масштаб указан в вёрстах.

- Вот на этом плёсе мы и столкнулись с отцом в первый раз с этим Нечто.

Он говорит Нечто, а не Чудовище, потому что сам не знает, как назвать это странное существо. В легенды и рассказы местных очевидцев не верит, не верит в клады на дне озера и в слухи о том, что какое-то чудовище похищает людей и утаскивает их в озёрную пучину:

- А причём тут динозавр? - Выпили, вот и утонули.

Первая встреча с «чудовищем» состоялась в октябре 1998 г. Плыли с отцом на лодке, было сумеречно и тихо. В этом месте глу-

бина большая - метров 50-70 будет. Вдруг примерно в 30 метрах впереди показалось какое-то существо, вот это самое Нечто: какой-то большой круглый предмет, похожий на ржавую бочку. Но бочку большую - величиной с легковую машину. Но это был не металл, а что-то живое.

- Мы от внезапности оцепенели. Смотрим - а впереди ничего нет: исчезла бочка.

Приплыли в деревню, но никому ничего не сказали. Ну, что тут скажешь? Подумают ещё, что выпили, вот и показалось.

Было это на Никольском плёсе, там находилась барская усадьба, и в своё время жил дед Алексея. Когда деда раскулачили и сослали, то избу перевезли в д. Андроново. Была она, видать, большая, поэтому там и разместили детский интернат для школьников. Вот, значит, какая судьба - пришлось внуку учиться и жить в избе раскулаченного деда.

Вторая встреча с «чудовищем» произошла уже в 2000 году.

-Возвращались мы с отцом на моторке с другой стороны Никольского плёса. Опять осенью, вечером. Вдруг впереди метров в 150 увидели над водой какой-то большой коричневый шар. Полметра в окружности, как голова какого-то живого существа, но вид с затылка. Я схватился за карабин и хотел выстрелить, но отец не дал. Пока я опускал карабин, «голова» тихо, без всплеска, ушла в воду и исчезла. Как будто рубка погружающейся подводной лодки. Мы сидели потрясённые.

- Так, значит, в Бросно действительно живёт чудовище? - спрашиваю я.

- Не знаю, чудовище ли это, но что-то там есть.

Алексей достал из-под крыльца глиняные черепки от разбитого горшка.

-Вот это я поднял со дна озера с глубины 40 м. Откуда они взялись там?

- Может, кто-то уронил с лодки?

- Нет, уж больно древние. Надо показать Линкевичу (директору местного краеведческого музея).

* * *

Есть много версий и гипотез, пытающихся хоть как-то объяснить феномен озера Бросно. Многие считают, что это кабаны или

лоси, переплывающие плёс. В темноте их вполне можно принять за голову чудовища. Не исключено, что резвился бобёр - его спинка, покрытая шерстью, очень походила на цвет ржавой бочки, которую видели Белоусовы на озере. А может это и гигантская щука или сом с длинным бревнообразным телом.

В озере Бросно водится немало щук. Науке известно, что многие из них достигают гигантских размеров. Да и жить они могут не одну сотню лет. В Москве, например, в конце XVIII в. при чистке прудов была поймана трёхаршинная щука (более 2-х м) с золотым кольцом и с надписью: «Посадил царь Борис Фёдорович». Она весила около 4-х пудов (64 кг). А самая крупная щука из когда-либо пойманных - это историческая щука императора Фридриха II Барбароссы, выловленная в одном из германских озёр в 1497 г. Её размер был более 8 аршин (свыше 5 м), а весила она 8 пудов 30 фунтов (более 140 кг). Подобная щука вполне бы могла сойти за бросненское чудовище. Правда, таких огромных экземпляров в озере Бросно никогда не вылавливали.

Но вот, что касается гигантских сомов, то они с давних пор обитали в бассейне Зап. Двины. Автор книги «Западная Двина» А. Сапунов писал: «Есть много рассказов, что сом схватывал купающихся людей и утаскивал их в глубь реки ... В 1820 г. в Краславле сом схватил девочку, купавшуюся у берега Двины, втащил её в глубь реки и отгрыз руку. Другой случай. В июле 1884 г. в реке Дриссе близ её впадения в Десну купалась 20-летняя девушка; едва она отплыла несколько сажень от берега, как сом схватил её за ногу; с большим трудом удалось спасти её».

В яйцо динозавра, упавшее когда-то в озеро, вряд ли кто поверит. Но если вспомнить легенды об образовании и исчезновении песчаного острова или странной катастрофе над озером немецкого самолёта, может и стоит задуматься, что тут дело вовсе и не в чудовище, а в каком-то природном явлении, связанным, например, с выбросами газов, извержениями подводного гейзера, наконец, со смерчами и бурями, которые часто встречаются в этих местах.

Но, Алексей считает, что Нечто - это какое-то существо, живущее в озере, но ещё не обнаруженное и не изученное, как не изучен ещё ни его образ жизни, ни место обитания.

- А как же случай с Любой? - спрашиваю я.

Алексей Белоусов показывает место, где он видел «бросненское чудовище»

- Брехня, - рубит воздух Алексей, - мать действительно умерла в 2003 году, но от тяжёлой болезни. Отец даже дал опровержение в газету «Московский комсомолец».

Народная молва сходится в одном - это водяная змея с длинным тёмным (коричневым или чёрным) телом и с большой головой. И вроде бы она обладает даже разумом и каким-то средством воздействия на людей.

Возможно, это исходит из традиций русского фольклора, где нечистая сила или чудовище всегда предстаёт в виде змея (Змей-Горыныч, Кащей Бессмертный), изрыгающего огонь.

Как считает тверской краевед Смирнов, в русских летописях есть упоминания о каких-то странных существах - полунечисти, полуживотных, похожих на змей, но на четырёх лапах. Волхвы держали эти существа в своих жилищах. Человеку они вроде бы зла не причиняли, но были весьма противны на вид. Зато в одной из псковских летописей, утверждает краевед, наоборот, сказано, что эти существа весьма злы и кровожадны - из реки Великой вышло множество «ящеров» и поели людей. Как видим, существование каких-то таинственных российских «ящеров» (по определению В. Даля, «четырёхпалые змейки») интересовало наших предков ещё в средние века.

Вообще змея, дракон, ящер - это излюбленные мифологические персонажи древних легенд и преданий, связанные с верованиями наших древних предков.

Изображение змеи или дракона мы видим и на гербе Москвы и на российском государственном гербе. Там святой воин Георгий Победоносец, сидя на коне, поражает чудовище копьём. Этот символ утверждается в государственной российской символике с конца XV в., а ещё раньше с XIII в. он изображался на русских княжеских печатях, монетах Тверского и других русских княжеств.

Култ Святого Георгия (или Егория, как называли его в России) проник в Киевскую Русь из Византии ещё в X в. и получил широкое распространение. Один из подвигов в житии святого описывался так. Однажды из озера, расположенного вблизи города Бирит (нынешний Бейрут, где родился Георгий) на берег выползло страшное чудовище - огромный зелёный змей. Оно хватало (как и Бросненское чудовище?) случайных путников и детей: увлекало в воду и там пожирало. Каждый день испуганные жители должны были отдавать на съедение по жребию своих детей. Дошёл жребий и до дочери царя, которую доставили на берег. Змей уже был готов схватить её, как вдруг появился святой Георгий на белом коне и копьём поразил чудовище. Он повелел царевне обвязать змея своим поясом и, как пса, вести в город. Тут его и убили, а на этом месте, где свершилось чудо, воздвигли прекрасную церковь, в честь святого Победоносца Георгия.

Конечно, это легенда, хотя сам Георгий - личность вполне конкретная, он жил 700 лет назад в период царствования римского правителя Диоклетиана (284-305 гг.).

На сохранившихся до нас старых иконах и древних гербах дракон выглядит по-разному: кое-где с крыльями, кое-где без них, иногда он коричневого, иногда чёрного цвета с ушами или без них. Но везде он имеет форму змеи на четырёх ногах, т. е. вид огромной ящерицы, и очень похож на описание ящеров из псковской летописи: они тоже жили в озере, и волхвы их тоже водили за собой, как царевна из жития Святого Георгия, и тогда они тоже становились кроткими и покорными.

Схожих сюжетов о подобных монстрах в мире предостаточно. Самый известный - о гигантской рептилии, живущей в шотландском озере Лох-Несс. Там тоже многие «видели» огромную змею, по-

хожую на бросненское чудовище. Не случайно по аналогии с Несси наше чудовище получило прозвище Бросси. В Англии, как и у нас, речь тоже идёт о легендах и слухах, и пока никому так и не удалось пощупать его, так сказать, своими руками, несмотря на то, что в этих местах уже побывало немало научных экспедиций.

Кроме Несси, побратимом Бросси можно считать и так называемого Якутского дьявола, якобы живущего в озере Лобынкыр.

Об этом озере тоже сложено немало легенд. Многие рыбаки видели в его водах какое-то странное тёмное тело, которое при приближении лодки сразу же уходило вглубь. Как и на Бросно, здесь тоже по берегам часто исчезали домашние животные - скот, олени и даже маленькие дети. Поэтому здесь чудовище прозвали «чёртом». А встреча с ним вызывала чувство страха, оцепенения и ужаса. Да и внешние очертания «чёрта» и Бросси схожи друг с другом: длинное тёмное тело и большая голова.

Впервые об этом чудовище стало широко известно в начале 1950-х гг. Тогда учёный Виктор Твердохлебов, побывавший на озере в августе 1953 г., сообщил, что видел какое-то странное существо чёрно-серого цвета. Говорили, что однажды, местные рыбаки, пытаясь поймать «чёрта», набили раскалёнными углями кожаный мешок, привязав его верёвкой к железной бочке. Эту «рыболовную снасть» они отбуксировали на середину озера и оставили на ночь.

И чудовище «клюнуло». Оно проглотило себе живот и выбросилось на берег. Так оно и лежало на отмели, пока его тело не растащили звери. Рассказывают, что было это в начале 1920-х годов. Но чудовище видели и намного позже, уже в наше время.

Однако экспедиции, побывавшие на озере в 1962 и 2005 гг., так и не смогли зафиксировать существование этого загадочного существа, хотя и пытались поймать специально изготовленными сверхпрочными сетями. Когда одну из сетей подняли, увидели, что в ней зияла огромная дыра, которую могло пробить только большое и сильное существо. Но кто же? Это так и осталось загадкой. Было предположение, что это морская касатка. Но как она попала в материковое озеро?

Удивительно, но озера Бросно и Лобынкыр очень похожи друг на друга. Это глубокие озёра, их средняя глубина - около 40 м, а подводные камеры фиксируют глубину 70, 80 и более метров. На дне озера Лобынкыр на стометровой глубине исследователи обна-

ружили глубоководную расщелину, в которую, как в воронку, уходила вода - что-то вроде подземной реки. А у входа в разлом среди подводных камней глубоководный аппарат зафиксировал вход в пещеру и груды костей каких-то животных - своеобразную «столовую» подводного чудовища.

Или вот ещё одно свидетельство о встрече с монстром наподобие Бросси. На этот раз вдалеке от нас - в Аденском заливе.

16 января 1879 г. пассажиры парохода, совершающего плавание по этому заливу, увидели исполинскую «морскую змею». Она поднимала голову над водой на 20-30 футов (6 - 9 м). Один из очевидцев успел зарисовать «змею», и её рисунок появился на страницах многих зарубежных и русских газет того времени (см. рис. из русской «Газеты Гатцука» за 1880 г.).

* * *

Как относиться к слухам о бросненском чудовище? Что это - легенды, мифы, выдумки Белоусовых и местных «очевидцев»? Или за этим действительно скрывается какая-то пока неизвестная нам тайна, которую хранит странное и загадочное озеро Бросно?

Конечно, большинство случаев и рассказов «очевидцев» - это,

Морская змея, которую видели 16 января 1879 г. в Аденском заливе. Рис. из «Газеты Гатцука» (1880)

как выражаются местные жители, - «брехня», особенно разговоры о кровожадности чудовища и связанных якобы с ним человеческих жертвах. Не выдерживают критики и некоторые «исторические» сведения. Нигде, ни в каких летописях не говорится о «кладе» варягов на озере Бросно, нигде, ни в одной летописи вы не найдёте сведений о том, что чудовище «спасло» Новгород от нашествия войск Батыя и что вообще он был на озере Бросно. Всё это - досужие выдумки доморощенных «краеведов».

Единственно, во что можно верить и что соответствует действительности - это участие Белоусовых в поддержании интереса к «брошенскому чудовищу». Если местным «очевидцам» верить нельзя, то Белоусовы - это авторитетные жители Бенька, так сказать, местные «олигархи», которые к тому же и лично встречались с этим «чудовищем». Им можно и поверить, и это к ним зачастили газетчики, телевизионщики и многочисленные любители сенсаций. Вот тогда Николая Александровича с их лёгкой руки и прозвали «хозяином» динозавра, а заодно и озера Бросно.

Впрочем, хозяином Белоусов был всегда - в мой первый приезд к нему он был председателем местного колхоза, потом возглавлял такое же хозяйство в Горицах. И сейчас он хозяин крестьянско-фермерского хозяйства «Коммунар», в котором работают, как он говорит, одни непьющие мужики (где только он таких нашёл - ума не приложу).

Ему льстит, что его называют «хозяином динозавра» и озера Бросно, что к нему приезжают как к главному «очевидцу» именитые гости из Москвы, Твери, из-за рубежа, любопытные туристы. Вот кому уж выгодно существование Бросси, так это Белоусовым. Да они и не скрывают этого - время-то нынче рыночное, коммерческое. А Бросси это, выражаясь современно, очень даже неплохой торговый бренд, не хуже, чем Несси.

Я думал, что Николай Александрович шутил, когда сказал мне, что поделится информацией об озере Бросно за 100 тыс. долларов. Оказывается, нет. Как рассказывал один из участников экспедиции «Космопоиск», побывавший на озере Бросно, Белоусов и ему обещал показать место обитания чудовища, правда, за 25 тыс. долларов. Но, узнав, что имеет дело с научной экспедицией, отказался быть даже проводником. Тайны озера тоже имеют свою рыночную стоимость.

Таким представляет себе «чудовище» наш юный художник. С картины Димы Попова

Так или иначе, но вся эта шумиха привлекает на озеро всё новых и новых любопытных посетителей. Один такой любитель приключений, приехав в Бенёк, долго ходил по берегу, и был страшно разочарован, что не нашёл на песке следов от озёрной змеи, как будто она каждый день вылезает из воды и ползает по деревне. Поверивших в Бросси любопытных туристов с каждым годом становится всё больше. И вот уже Белоусовы подумывают о строительстве на Бросно целого гостиничного комплекса, у которого уже есть название «Бросси». Соорудить настоящую русскую баню, провести дорогу. В общем - превратить озеро в зону экологического отдыха, охоты и рыбалки.

В деревне говорят, что Николай Александрович приватизировал не только «чудовище», но и всё озеро, и даже считается его «хозяином». Вроде бы есть у него и лицензия на владение озером. И собирается он его превратить в культурное коммерческое хозяйство: хочешь рыбу ловить - плати.

- Что, и на удочку тоже? - спросил я его.

- И на удочку - покупай лицензию и лови, как в Германии. Хо-

чешь чудовище ловить - тоже плати.

Вот такой коммерческий взгляд на озеро, как на «свое», хотя пока, слава Богу, озёра ещё не передаются в частную собственность, они сдаются только в аренду.

С точки зрения коммерции «Бросси» может быть вполне доходным и полезным для экологии предприятием и буквально преобразить жизнь маленькой деревни, дать работу её жителям.

Кстати, первым, кто в 1933 году впервые «увидел» лохнесское чудовище, тоже были лицами заинтересованными - владелец местной гостиницы и его жена.

Любопытно, что легенда об озёрном чудовище успела «перекочевать» и в художественную литературу. У известного тверского писателя В. Кириллова есть рассказ «Козырный туз», герои которого тоже пытались решать свои деревенские проблемы с помощью легенды о чудовище. Чтобы привлечь внимание к своей Богом забытой деревеньке, где нет ни электричества, ни дороги, они выкинули «козырный туз» - запустили вместе со своим племянником из города по интернету сенсацию о якобы увиденной ими в озере на Никольском усохе змеи «с туловищем метров эдак шести или восьми длиной и сантиметров эдак двадцать в диаметре» с продолговатой головой, и «глаза в ней горят, как мелкие угольки».

Кириллов частый гость у Белоусовых, и хорошо знает все перипетии с чудовищем. Так вот в этом рассказе о вымышленной деревне угадывается и сам «хозяин» озера Бросно:

- Что же мне и удить будет нельзя, - спрашивает герой рассказа у приезжего коммерсанта, решившего приватизировать местное озеро.

- Можно, но лишь на удочку.

- И что в лес по грибы - ягоды нельзя?

- Можно, но заплати за путёвку. Частная собственность неприкосновенна.

И всё же я не стал бы объявлять «брехнёй» все слухи и легенды об озере Бросно. Озеро действительно необычное и загадочное, хранящее какие-то неизвестные нам тайны. Это одно из самых глубоких озёр Тверской области. Средняя его глубина - 42 метра, а местами, как считают рыбаки и аквалангисты, доходит до 70 и даже 100 метров. И вроде бы какая-то экспедиция обнаружила на большой глубине отвесную каменную скалу с пещерами. Но Алексей

Белоусов спускался в этом месте с аквалангом на глубину 50 метров и увидел на дне только толстый слой ила.

Но тайн, в которые не хотел нас посвящать «хозяин» чудовища, у озера немало. И одна из них - подземная река возле д. Ольховец. Аквалангисты боятся спускаться в этом месте - мощный поток несётся здесь под водой и, как в воронку, засасывает в провал на дне. Вода в этой реке летом холодная, а зимой, наоборот, тёплая. И куда течёт эта «река» и не имеет ли она связи с другими озёрами? И как попал в Бросно язь, закольцованный учёными совсем в другом водоёме?

Озеро ещё совсем не изучено и не исследовано. Мы даже не знаем точно, какая у него глубина. Одна из немногих экспедиций, побывавших на озере - «Космопоиск» установила, что максимальная глубина озера - не превышает 43 метров, и что для существования популяции крупных хищников пищи в озере недостаточно. И что это существо не может быть динозавром - науке неизвестны существа с продолжительностью жизни в миллион лет. И что сделанные «видеоизображения чудовища», показанные по одному из каналов телевидения, относятся вовсе не к чудовищу, а к кабану, переплывающему озеро, а на втором снимке угадывается «головка на длинной шее, принадлежащая утке».

Но та же экспедиция с помощью эхолота зафиксировала странный движущийся предмет размером 40х8 метров. Правда, определить, что это такое - не представлялось возможным. Значит, интрига остаётся?

Изучение озера Бросно продолжается, и только учёные могут ответить на главный вопрос: если «чудовище» ещё не нашли, значит - или его плохо искали, или его вообще нет в озере Бросно.

Но пока больше вопросов, чем ответов.

И никто не знает, с какими неожиданностями придётся встретиться исследователям, и какие сенсационные открытия, а может, и разочарования ждут нас впереди.

Чудовище озера Бросно. Фантазия

Над водою качаются сосны,
Отражаются в ней облака.
Здесь чудовище озера Бросно
Вылезает на берега.

Понемногу вода отступает,
Начинают блестеть валуны.
А чудовище шеей мотает,
Навевая тревожные сны.

Оно ест деревенских детишек,
Что купаться пришли налегке.
И виднеется пара штанишек
На горячем от солнца песке.

Не поймёшь, почему же спросонку
В хлеве место пустеет одно.
Знать чудовище поросёнка
Утащило на самое дно.

Плёс в барашках играл, словно в сказке,
Чайки быстро неслись над водой.
Здесь в немецкой чудовище каске
Выходило на берег крутой.

А когда оно шею бросает
В мир подводной святой тишины,
То вода прибывать начинает,
Поглощая песок, валуны.

Хорошо мне здесь было и сладко,
Не «прощай» говорю, а «пока»...
Но останется вечно загадка
В том краю, где плывут облака.

В Заболотье леший бродит

*В Заболотье леший бродит
И качает бородой.
Он девиц с собой уводит
С ненаглядной красотой.*

*В Захолустье дуб зеленый.
Луг спускается на брег.
Здесь живя, я очарован:
Я счастливый человек.*

Озеро Волкота. Остров Кур - почему его так называли?

От Бенька до озера Волкота - всего полтора километра. Здесь между двумя озёрами - Бросно и Волкота проходит водораздел, а через него - волок, где в старину ладьи ставили на катки и по суше волокли до новой воды: озера или речки. Бенёк и Выползово как раз стоят на различных концах волока. Само название деревни говорит, что она из чего-то или откуда-то выползла. Как тут не вспомнить пушкинскую «выползину»!

У Даля это слово объясняется, как «шкурка насекомого или гада, из которого животное выползло, покинув её, как делают гусенички, змеи». А само слово выползово в старину в Новгородской губернии обозначало «оболонье, предместье или крайние в поселении дома, избы». Стало быть, Выползово - это деревня, избы которой буквально выползли (из Бенька?) на берег озера Волкота.

А на другом берегу озера Волкота находилась большая по тем временам деревня Заборовье из целых шести изб, а жило в ней не мало- не много - около 50 человек. По названию деревни эта часть озера Волкоты и называлась Заборовским озером, а его верхняя часть - собственно озером Волкота.

Сейчас деревни Бенёк и Выползово фактически слились в одну, и мы, разгрузив байдарки, переносили свою поклажу по длинной деревенской улице, откуда на нас с любопытством смотрели местные жители.

Со стороны это было похоже на погребальную процессию - впереди Сержант и Наг с байдаркой на плечах, за ними мы с тверским Соловьём, а замыкала шествие Маруська. Она семенила на своих коротких ножках и изящно виляла своей породистой талией. Местные кобельки сладострастно застыли по краям дороги. Старушки на лавочках цокали языками и сочувственно качали головами - туристов с байдарками в этих местах не видели давно, хотя с журналистами и иностранными гостями уже свыклись.

Так мы совершили несколько рейсов от Бенька до озера Волкота, т.е. по-старому Заборовскому, и каждый раз встречали под-

выпившего пастуха, который предлагал нам купить на шашлык любую овцу.

- Щас за ножом сбегаю - подождите чуток.

От наших хождений туда и обратно у него, видимо, двоилось в глазах, и он философски заключил:

- А может и две овцы, у вас же целая экспедиция. Одной не хватит.

Но потом, видя, как мы совершаем очередную ходку тем же людским составом, засомневался:

- А что это вы сами байдарки таскаете? А где же носильщики?

На эти слова, наверное, ушли последние его силы: во время последней нашей ходки его тело уже мирно покоилось на траве в окружении сохранивших свои жизни невинных овечек, а на лице играла блаженная улыбка.

Озеро Волкота протянулось с севера на юг километров на десять. Мы остановились на привал в самой южной его части. Из озера вниз по течению р. Волкота текла в сторону Отоловского озера, а вверх против течения - в Макаровское озеро, в самые дебри Оковского леса, где среди болот и глухих и таинственных лесов, как мы предполагали, и брала начало эта река.

Исток был где-то там, наверху, и Сержант решительно направил нашу флотилию на северную оконечность озера. В этом месте река разлилась вширь, заполняя обширную впадину, оставшуюся от отступавшего ледника.

Озеро Волкота совсем непохоже на Бросно. Там тебя постоянно окружает какая-то суровая и мрачная тишина, ощущение чего-то таинственного и загадочного. Здесь, наоборот, убаюкивают тихий шёпот воды, светлые сосновые боры, зелёные лужайки по холмистым берегам, кудрявые островки с белоснежными берёзками и ощущение какой-то праздничности, когда всё это пространство воды весело сверкает и серебрится под яркими лучами повисшего над озером солнца.

Да и по своим размерам озеро Волкота намного меньше Бросно. В 1898 г. в Холмском уезде, куда тогда входил район Волкоты, было проведено межевание озёр. Их площадь в десятинах¹ выглядела так: Лучанское - 1083,1, Бросно - 780,8, Бойно - 289,5, Бака-

¹ Десятина - старинная русская мера площади = 2400 кв. казённых саженьей (1,09 га)

новское -51,4, Торопатцо - 18,8, Брисцо (Тюковское) - 26,1. Озеро Волкота в этом ряду занимало только четвёртое место - 243,3 сажени, т. е. немногим более 245 гектаров.

Заросшей узкой протокой озеро делится на две части. Через неё когда-то был перекинут мост, и проходила дорога от Заборовья на деревню Горицы. Но мост давно подгнил, и огромные сосновые комли рухнули прямо в протоку, перегородив путь не только машинам, но и байдаркам и лодкам. Пришлось нам снова перетаскивать наши суда волоком через перешеек.

Наг бегаёт по берегу и щёлкает фотоаппаратом - очень уж живописен этот старый, разрушенный мост, будто только что сошедший с картины Левитана «У озера».

Это место давно уже облюбовали московские туристы, путешествующие на машинах. Вот и сейчас у моста стояло несколько автомашин с московскими номерами, разбиты палатки, а прямо через разрушенный мост натянута верёвка, на которой сушилась одежда. Мы разговорились: москвичи уже не раз бывали в этом месте и расхваливают его на все лады: и рыба здесь есть, и грибы, и ягоды. Путешествуют они семьями - с дедушками, бабушками и детьми.

Сержант вынимает из рюкзака бутылку вина и предлагает отметить встречу. Но в ответ - полное непонимание:

- Нет, мы не пьём.

На нас смотрит мужик с помятым лицом и характерным для этой категории людей красноватым носом.

- Всё, завязали, - говорит он. - Раньше пили, и как ещё пили, а теперь всё - конец.

Туристы за мостом согласно закивали головами.

В походе случаются самые неожиданные встречи, но вот таких у нас ещё не было. Оказалось, что мы встретили весьма любопытную группу московских туристов, которые проводят вот такие «сухие» путешествия под девизом: «Ни грамма спиртного». В прошлом все они хорошо выпивали, а некоторые были даже запойными пьяницами. Но то ли сами, то ли под влиянием своих жён «завязали». Для крепости кое-кто даже зашил, чтобы отрезать дорогу назад. Бывало, не выдерживали, срывались. Но вот уже несколько лет не берут в рот ни грамма.

- В одиночку с пьянкой не покончишь, - делились с нами «опы-

Этот старый мост делит озеро на две части - озеро Волкоту и озеро Заборовье

том» туристы. - А в компании это легче сделать, да и жёны поддерживают. Но главное - чтобы ты сам захотел.

Маруська одобрительно зарычала. Я слышал о таких безалкогольных походах от многих туристов.

Можно даже говорить о начале некоего движения, объявившего борьбу за трезвый образ жизни. Неужели лёд тронулся, и у нас стали бороться с этой многовековой российской «болезнью»?

Сержант смутился и незаметно спрятал бутылку: ему стало стыдно.

На ночлег мы остановились чуть дальше, уже за мостом, на просторной поляне в чистом и светлом сосновом бору. Берег высокий, весь, словно ковром, усыпанный шишками и сосновой хвоей.

Сосновые боры тянутся по берегам Волкоты на многие километры. Идёшь по такому бору, а нога легко и бесшумно ступает по белому мху с тёмными пятнами созревшей черники. Но есть боры морошковые, костеничные, брусничные. Сосны стоят как бронзовые свечи, устремляясь вверх своими острыми зелёными верхушками. Такое впечатление, что находишься в светлом, волшебном храме, а сверху на тебя, словно из-под церковных куполов, льются яркие солнечные лучи. Трава и мох внизу - в ярких пятнах от солнечных бликов и похожа на огромную леопардовую шкуру.

Утром после завтрака Дима брал ведёрко и отправлялся за ягодами. Мы не боялись отпускать его одного в лес. Бор насквозь просвечивался солнечными лучами, а зычный голос нашего тверского Соловья слышался издалека. Возвращался он с полным ведёрком черники, и по его голосу мы заранее узнавали, удачно ли прошла «тихая охота».

От нашей стоянки хорошо виден маленький кудрявый островок. До него всего несколько десятков метров. Наши пловцы пытались одолеть пролив вплавь, но к острову не пробиться - он окружён плотным кольцом тростника и осоки. Только в середине островка растёт несколько деревьев, прикрывая его от лучей тёплого августовского солнца.

На карте место обозначено как остров Кур. Неправда ли - любопытное название? Откуда на этом острове взялись куры?

Сержант берёт подзорную трубу, долго изучает остров и со свойственной ему практичностью выдвигает версию:

- Да тут, наверное, колхозная куриная ферма находилась, а вон там, в центре острова курень стоял - ну, значит, сарайчик для птичников.

- А что же они на остров на лодках ездили? - недоверчиво переспросил Дима.

- И комбикорма в мешках возили, а обратно - корзины с яйцами, - съязвил Наг.

- Ну и что, - не сдавался Сержант, - зато тут куры были в полной сохранности - они ведь плавать не умеют.

- Как индейцы в резервации, - добавил наш тверской Соловей.

Это объяснение нам не понравилось, и мы дружно отвергли его.

- Хорошо, - обиделся Сержант, - давайте ваши версии.

Но сколько бы предположений мы не выдвигали, они всё равно крутились вокруг кур и производных от них слов: потому, что вода в протоке, отделяющей берег от озера, течёт быстрее, чем в озере - «куролесит»; потому, что на острове росла трава - куриная слепота, потому, что здесь, на этом острове, поросшем кустарником и берёзами, раньше водились куропатки. Потому, что здесь гнали, «курили» смолу. Или жил какой-то мужик по прозвищу Кур... В общем, как это обычно бывает, началось гадание на кофейной гуще.

Итоги наших топонимических изысканий подвёл Сержант:

- Моя версия имеет хоть какой-то смысл, а ваши - вообще - курам насмех.

Ещё в начале XX в. известный русский географ В.П. Семёнов-Тян-Шанский в своей статье «Как отражается географический пейзаж в русских названиях населённых мест» (1924) сделал вывод, что от одной пятой до одной десятой части всех географических названий составляют названия деревень и сёл с отражением в них черт местного географического пейзажа.

Так может и название нашего острова Кур тоже связано не с курами-несушками, а с природными особенностями острова?

В словаре В. Даля слов с корнями «кур» оказалось так много, что они составили целых две страницы. Конечно, были среди них и чисто «куриные» значения - петух, певень, петел, кочет, куропатка, курохват (ясреб), курятник и даже «курник» - так в русских деревнях раньше назывался круглый пирог с курицей и яйцами.

Но были и другие значения: курицею назывались «стропила на крестьянских избах из клюки или кокоры», а также железный крюк, на который вешали рукомойник и полотенце («курочка с хохлом, да кажинному поклон»), также именовалась и ловушка для щук. Ну, и конечно, различные наименования растений: кура - вид молочая, изгон, частотел, куриная слепота...

Так что, развивая куриную тему, можно предположить, что своё название остров Кур получил из-за того, что здесь обитали куропатки, ловили щук или росла трава под названием куриная слепота.

Но у В. Даля с корнем кур связаны толкования и других слов. Прежде всего - это курить - «дымить, производить дым или

смад», курить вино, водку - сидеть, гнать, выделявать, перегонять через «куб». Так и представляешь себе местных мужиков, которые уединялись на остров, чтобы подальше от своих жён заняться любимым делом - гнать самогон. И, может, не случайно встреченных нами анонимных алкоголиков тянуло на свою историческую родину?

Между прочим, как у псковичей, так и у тверитян, курой назывался дым, чад, смад, да и дома, в которых они жили и которые топились по-чёрному, именовались курными избами. Курой, куревом и курёхой называлась также метель, выюга, буран, шуга, пурга, падера, кубиха, кутерма и катерга.

От этого же корня произошло и слово *курень* - отара овец, овечье стадо в поле; временный приют в лесу, поле; шалаш, балаган, землянка, шатёр, хижина. И, что интересно, так называлось и место выжига в лесу уголья, поташа, угольная яма, изба для рабочих, а также небольшие островки тростников среди открытых плёсов озера.

Слово *курень* встречается в русских летописях с XVII в. Это значение не однозначное. Учёные сводят их в следующие группы: 1) пекарня, чайная, кухня; 2) значения, связанные с лесными промыслами: смолокурня, место, где жгут уголь, место лесоразработок, посёлок в лесу на расчищенном месте; 3) жилище - шалаш, будка, хлев, курятник; 4) совокупность домов, небольшая группа деревьев, кустарников, грибов и ягод; 5) густо ветвящееся дерево, куст или другое растение, крутой поворот дороги, излучина реки.

Мне представляется, что название острова совсем не связано с курами и куропатками, а имеет больше отношение или к занятиям местного населения или природным особенностям острова. Вполне возможно, что здесь в старину располагались печи, в которых жгли уголь и выгоняли смолу - этот промысел был широко распространён в здешних местах. Курнями назывались коптильни для выделки сажи, а рабочие - угольщики - курепниками.

Но имеет полное право на существование и другая версия. Слово *курья* - обозначало речной залив, заводь, узкий проток реки, текущий параллельно с нею, долгий залив реки, в котором нет течения; затон или длинный речной залив, отделяющийся косой или полуостровом; мелкая и длинная заводь, речной залив.

Если посмотреть с крутого берега, где находилась наша стоянка, на остров Кур, то он, пожалуй, больше всего соответствует последнему определению. Между ним и берегом проходит протока, текущая параллельно главному руслу и напоминает залив реки, в котором нет течения. Здесь озеро Волкота действительно разбегается в разные стороны, а сам остров похож на большую кочку в окружении воды, поросшую берёзами, кустарником и тростником. Однако у учёных нет чёткого объяснения слова «кур», хотя этот термин и широко распространён среди географических названий Тверской области и даже за её пределами.

Вот и российский город Курск, получивший своё название по ручью Кур, впадающего в р. Тускарь, тоже связан с народным термином курья в значении «речной залив, узкий проток реки, заводь». Однако, до сих пор неясно, откуда заимствовано это слово.

На озере Волкота много других живописных островков - Липовик, Подмасленник, Большой, Семешинский. Но мы остановились на одном из них - самом маленьком и симпатичным с таким загадочным и легкомысленным «куриным» названием - острове Кур.

Со словарём В.И. Даля в рюкзаке Бенёк - Выползово

Деревни находятся в 1 км друг от друга: Бенёк - на берегу оз. Бросно, а Выползово - на берегу оз. Волкота. О названии деревни Бенёк мы уже говорили в предыдущей главе. Что же касается названия д. Выползово, то происходит оно от слова выползово новг., - «оболонье, предместье или крайнее поселение дома, избы» (В. Даль). Деревня, видимо, «выползла» из Бенька или прямо на берег оз. Волкота. В конце XIX в. различали две деревни под таким названием - Выползово «при оз. Заборовье» (Волкота) и Выползово «при колодце» - ближе к Беньку. В 1872 г. в первой деревне стоял всего один дом, в котором жило 9 человек, а во втором - два дома с 19-ю жителями. Сейчас это одна деревня - Выползово, а рядом другая - Бенёк.

Две деревни - прямо рядом,
Не заметишь как пройдёшь.
Из Бенька к родному свату -
В Выползово попадёшь.

Перепутал кум спросонья,
Где находится Бенёк.
Думал он, что в оболонье¹,
В крайнем доме есть шинок.

Нет шинка. Тут кум дал маху:
Рассердился он и в бок
Со всего воткнул размаха
Слобожанину² бенёк.

¹ Оболонье - так новгородцы называли предместье или крайние дома, избы.

² Слобожанин - житель д. Выползово. -А.П.

³ Бенёк, беньки - вилы для снопов.

Остров Кур

Милое озеро, остров Кур...
Сосны, о сосны мои!
В этих местах я впервые шепнул
Им о своей любви.

Рыбы, о рыбы, за валунами,
Что в камышах на мели!
Я бы хотел побеседовать с вами,
Хоть вы совсем и немы.

Камни, о камни, пороги, пороги...
Горы - считай не считай.
Хоть холодны вы, но на истоке -
Расскажете мне про Валдай?

Птицы, о птицы, за облаками.
Полёт ваш прекрасен и смел.
Я бы к истоку слетал вместе с вами,
Если бы крылья имел.

Милое озеро, остров Кур...
Сосны, о сосны мои!
В этих местах вы впервые шепнули
Мне о своей любви.

Черника сыплется в корзинку

Черника сыплется в корзинку,
Иду я тихо, не спеша,
Там, где стоит моя осинка,
Нагнувшись, листьями шурша.

И ветерок волнует косы
Осинки в призрачной глуши,
Грибы стоят наги и босы
И улыбаются в тиши.

Как будто лампочки на ёлке,
Висят на искристом кусту
Тех ягод сладкие метёлки -
Я их срываю на лету.

Черника сыплется в корзинку,
Рука моя черна-черна.
А на поляне под осинкой
Стоит корзинка - вся полна.

Можно ли путешествовать по старым картам? Карта Ф.Ф. Шуберта

Готовясь к путешествиям, всегда бывает полезно познакомиться со старыми картами. И вовсе не для того, чтобы по ним путешествовать или потому, что они точнее современных карт. Путешествовать по старым картам трудно, а иногда и просто невозможно - местность за сто или двести лет настолько изменилась, что даже русла рек и те пролегают уже у других берегов и петляют по другим поймам. Там, где были протоки, теперь сплошные заросли тростника, где были песчаные отмели - образовались новые острова, а лес, судя по карте, подступавший к самой воде, - теперь виден только на горизонте. Появились новые деревни, новые мосты, новые дороги или, наоборот, исчезли старые деревушки, простоявшие по берегам сотни лет и теперь известные нам разве что по летописям или старым книгам.

Ценность старых карт совсем в другом - в них, как и словаре В. Даля, застыло время, которое уже никогда не наступит вновь. И, как многие старые слова и названия, исчезнувшие из нашего литературного языка и сохранившиеся только в словарях, так и карты запечатлели те названия рек, озёр, деревень, пустошей, которые давно уже забылись и остались только вот на этих старых картах.

Карта очень похожа на человеческое лицо - когда оно молодо, на нём не видно морщин, оно гладко и девственно чисто. Но чем старше человек, тем больше на его лице появляется морщин - они паутиной покрывают его лицо, сливаясь, словно ручейки, в глубокие морщины и борозды. На лице появляются веснушки, какие-то пятна, прожилки сосудов, похожих то ли на русла рек, то ли на ниточки дорог и тропинок. Густая шевелюра на голове сменяется глубокими, как лощины, залысинами и поредевшей порослью, похожей на чахлые деревца на месте прежних лесных вырубок. Так и на картах - чем они современнее, тем больше на них всяческой «нагрузки», привнесённой человеком в эти места, - новые населённые пункты, предприятия, дороги, линии электропередач, нитки газо- и нефтепроводов и всё то, что связано с современной цивилизации.

ей - на месте старых фольварков, мельниц, погостов, речных переправ, постоянных дворов и ямских станций. А некогда дремучие леса уступают место пашням, пустошам и сенокосным угодьям.

Зато по старым картам вы можете проследить, как изменился тот или иной район за сто или двести последних лет, почувствуете аромат того, уже далёкого от нас и неповторимого времени. А заодно узнаете, как раньше называлась та или иная деревня или озеро, и когда возникла новая деревня или исчез погост, и почему на карте появилось так много новых деревень, мыз, починок, усадеб. Как происходила смена эпох.

Русская картография прошла большой и долгий путь своего развития. Сначала это были иностранные карты, составленные путешественниками, купцами, землепроходцами, иностранными послами и другими «сведущи-ми людьми». Составлялись они преимущественно по расспросам местных жителей, были неточны, приблизительны, а иногда и просто содержали фантастические сведения о народах, населяющих эти места. Первые составители карт не гнушались и тем, что если им попадались какие-либо неизвестные названия, давали им свои, более привычные.

Все эти карты и чертежи составлялись «на глазок», без производства съёмок местности, определения высот, нанесения сетки. И только с эпохи Петра I начинают проводиться серьёзные картографические съёмки местности. Первые государственные сухопутные съёмки в России начинаются с 1715 г., а планомерные работы - с 1720 г.

В декабре 1720 г. Пётр I издаёт указ о проведении съёмок в 6 губерниях: «Великий государь указал: которые в СПб Академии геодезию и картографию обучили, тех послать в губернии для сочинения ландкарт». При этом Пётр I сам составил свою знаменитую инструкцию, в которой первым геодезистам даются подробные наставления по составлению карт: «в ландкартах же писать каждые города и каждые сёла и деревни и реки, откуда которая вытекла и в которую реку впала, также и озёра, и из них реки, и леса и поля, так как ландкарты сочиняются». Это, пожалуй, первый государственный акт, который пытался навести хоть какой-то порядок в определении истоков многих рек, где до этого царил полный беспредел. Впрочем, с истоками рек русские картографы так и не могли разобраться вплоть до конца XIX в.

После петровского указа в России стали появляться уже серьёзные карты и атласы. Во многом этому способствовало проведение с 1765 г. работ по Генеральному межеванию. В 1801-1804 гг. выходит фундаментальная столитовая карта генерала Оппермана - «Подробная карта Российской империи и близлежащих владений», а некоторое время спустя одна из лучших карт того времени - «Спецкарта Российской империи», известная под названием «Карты Шуберта».

Эта карта, которая составлялась под руководством военного топографа Ф.Ф. Шуберта в течение 1821-1839 гг., вышла в свет в 1840 г. и стала первым капитальным трудом в русской картографии. Она, как отмечали специалисты, по своим качествам и точности превосходила столитовую карту Оппермана.

Карта Шуберта Западной части Российской империи представляла собой три солидных тома, обтянутых кожей, на корешках которых золотом были выбиты названия всех 60 листов, из которых состояла карта. Она настолько была популярна в России, что имелась в библиотеке каждого русского интеллигента. Экземпляр, который хранится в Государственной библиотеке в Москве, некогда принадлежал графу А.И. Чернышеву, и на каждом томе был обозначен его экслибрис с изображением фамильного герба Чернышевых.

Карта Шуберта была известна всему учёному миру России. На юбилейном заседании, посвящённом 100-летию Шуберта, начальник военно-топографического отдела член-корреспондент Академии наук генерал И.И. Стебницкий сказал: «Эта карта, известная также под названием «шубертовской карты», после академического атласа России и столитовой карты генерала Оппермана была третьей стадией развития русской картографии».

Кто же такой был этот Фёдор Фёдорович Шуберт (1789-1865), оставивший столь заметный след в русской картографии?

А был он немец по национальности, как и Штукенберг, Опперман и другие, для которых Россия стала второй Родиной. Его отец Фёдор Иванович Шуберт (1758-1825), выходец из Германии, сделавший большую научную карьеру в России. Он стал выдающимся русским астрономом, академиком Российской Академии наук. Сын его Фёдор Фёдорович родился уже в России. «Университетов» он не кончал, но получил отличное домашнее образова-

ние. В 14 лет - он уже колоновожатый в Генеральном штабе, в 1805 г. вместе с отцом отправляется в научную экспедицию, сопровождавшую русское посольство в Китай. Участвует в войне против Наполеона в составе авангарда армии Барклая-де-Толли. Был ранен, награждён двумя орденами, золотым крестом и «за отличие в сражениях» чином поручика. Во время Отечественной войны 1812 г. Ф. Шуберт - обер-квартирмейстер 2-го кавалерийского корпуса 1-ой армии, воевал под Смоленском, Бородиным,

Военный геодезист и картограф Ф.Ф. Шуберт (1789-1865)

Тарутиным, награждён двумя орденами, а за бои под селом Красным - чином подполковника. Вступил вместе с войсками во Францию. Вернулся в Санкт-Петербург уже полковником.

С 1819 г. вся жизнь Фёдора Фёдоровича связана со становлением российской военной картографии, которой он отдал 60 лет своей жизни. Возглавляет картографическое отделение Военно-топографического депо при главном штабе корпуса военных топографов, а в 1822 г. сам становится директором этого корпуса. Среди достижений Фёдора Фёдоровича - организация масштабных картографических съёмок местности, в том числе в Псковской губернии, восточнее Великих Лук, уже в пределах нашего озёрного края.

В то время проведение геодезических съёмок было связано с большими трудностями. Для работ и перевозки инструментов формировались целые обозы. Оборудование было тяжёлым и объёмным.

ёмным. Громоздкие квадранты занимали в поперечнике более 2-х метров, а зрительные трубы для определения долготы достигали 5-7 метров длины. Они не умещались даже на одной телеге.

Поэтому и составление карты - главного труда Ф. Шуберта - продвигалось с трудом. Работы над ней начались в 1821 г., но шли крайне медленно. Они то приостанавливались, то возобновлялись снова. С 1826 г. начались гравировальные работы. Это тоже был довольно трудоёмкий процесс. Карты гравировались на больших медных досках и печатались непосредственно с гравюр. В медно-печатной мастерской имелось всего 4 печатных станка, но из них только два были в исправном состоянии - один для больших досок, другой - для маленьких. По инициативе Фёдора Фёдоровича в Германии был приобретён новый большой чугунный станок. Печатание пошло быстрее. Весь Северо-Запад России уместился на 60 листах при масштабе 1:420 000. Так как в то время все расчёты производились в вёрстах и дюймах (1 дюйм - 2,5 см), то карта получила название десятивёрстной, т.е. в 1 дюйме - 10 вёрст, а в переводе на наши стандарты - примерно 4,2 км в 1 см. Вполне приличный масштаб.

Карта по тем временам была весьма подробная, составленная по сведениям с мест. В ней указаны все церкви, кирхи, монастыри, деревни: менее 5 дворов, от 5 до 20 дворов, от 20 и более дворов; фольварки и хутора, разорённые деревни, корчмы, господские дома, почтовые станции, мельницы - ветряные, водяные и пильные; рудники, крепостцы, маяки, якорные места, подводные и надводные камни, мосты, зимние и летние дороги. Не на всех наших современных картах можно найти такую информацию.

Ф. Шуберт был не только военным топографом. Его можно назвать и одним из первых псковских краеведов. Он не только составил одну из первых карт Псковской губ., но и основал в Пскове на р. Великой первую обсерваторию. Человек он был любознательный и неравнодушный, состоял членом всевозможных академий, советов и комиссий, не всегда связанных с его основной деятельностью: комиссии по приведению к однообразию российских мер и весов, московского общества естественных наук, почётный член Петербургской академии художеств, минералогического общества, королевского астрономического общества в Англии, общества естественных наук в Дании, королевской академии наук

в Палермо, Шведской военной академии наук...

Нашлось у него время и для участия в защите участника тайного общества декабриста В.Д. Вальковского - товарища А.С. Пушкина. И для занятий музыкой и живописью. Шуберт был организатором и 10 лет возглавлял общество любителей классической музыки - «симфоническое общество». Принимал участие в деятельности «Общества поощрения художников». К тому же - он был знатоком нумизматики, коллекционером и собирателем русских монет и медалей. В 1843 г. издал их каталог, а в 1857 г. - опубликовал книгу по нумизматике.

Вот таким замечательным человеком был этот генерал от инфантерии, геодезист, астроном, почётный член Петербургской Академии наук и русский учёный. Я говорю русский, потому что Фёдор Фёдорович всю свою жизнь посвятил России, и потому, что его род пустил такие глубокие корни в российскую жизнь, что теперь уже трудно определить, где кончается «немецкость» Фёдора Фёдоровича и начинается его подлинная «русскость». Свой талант учёного он передал и своей внучке Софье Ковалевской - первой в России женщине-математику, члену Петербургской Академии наук, талантливой писательнице и активной участнице российского общественного движения. Да, да Фёдор Фёдорович Шуберт - дед нашего русского «математического чуда». Мать Софьи - Елизавета Фёдоровна Шуберт (1820-1879) вышла замуж за русского дворянина генерала от артиллерии Вас. Вас. Круковского, кстати, одного из помещиков Невельского уезда Псковской губернии.

Но кем бы ни был Фёдор Фёдорович - учёным, военным, общественным деятелем, он навсегда останется для нас в первую очередь автором одной из лучших карт того времени - «Карты Шуберта».

Фрагмент этой карты (верховья Волкоты) вы можете видеть на страницах этой книги.

Дело Шуберта продолжил его коллега - известный картограф Иван Афанасьевич Стрельбицкий (1828-1900). Он окончил школу землемеров при киевском университете и военную академию. В 1861 г. зачислен в Генеральный штаб, а с 1865 г. стал редактором Спецкарты Европейской России (на 178 листах). Карта составлена на основании Положения об освобождении крестьян от крепо-

стной зависимости в феврале 1861 г. и во многом основана на материалах «Карты Шуберта».

Сам Иван Афанасьевич в предисловии к карте рассказывает об этом так:

»В 1821 г. ген.-лейтенантом Шубертом была составлена спец-карта Европ. России в масштабе 10 в. в 1 дюйме, но за недостатком картографов это издание в 1824 г. было приостановлено. Ввиду же громадной потребности на эту карту, в 1826 г. снова приступили к продолжению составления и началу гравирования её, однако в 1839 году, когда карта ещё не была доведена до конца, пришлось вторично прекратить эту работу ...

Начало составления и издания современной специальной 10-ти верстовой карты было положено в 1863 г., когда бывший генерал-лейтенант Веригин возбудил вопрос и указал в заседании Соевещательного Комитета на старость и неточность карты Шуберта и на необходимость иметь более подробную и современную карту Европейской России, могущую служить для общих стратегических соображений. После целого ряда совещаний и попыток, наконец, остановились на карте 10-ти верстового масштаба, и были выработаны, а 29-го сентября 1865 года и утверждены военным министром проекция, условные знаки и инструкция для её составления. В ноябре того же года было приступлено к составлению и гравированию на меди новой специальной карты Европейской России под редакцией капитана Генерального штаба Стрельбицкого ... Карта начата в 1865 г., закончена в 1871 г.»

Но карты, как и человек, быстро стареют, и едва-едва успевают за нашей быстротекущей жизнью. И как бы ни хороши были для своего времени «Карта Шуберта» и «Карта Стрельбицкого» к началу XX в. потребовались новые, более подробные и точные карты. Тем более, что у порога стояла I мировая война. Одной из таких новых карт стала Военно-топографическая карта Европейской части России, изданная в Санкт-Петербурге в 1915 г. - в самый разгар войны, причём в таком масштабе, что по ней можно было не только вести военные действия, но и путешествовать: в 1 см умещался всего-навсего 1,26 км (см. фрагмент этой карты).

Но ценность её для нас была совсем в другом. Если на Генеральной карте Псковской губернии Я.Ф. Шмидта (1829), в районе р. Волкоты населённые пункты были довольно редки, то на

карте 1915 г. ими буквально пестрели берега рек и озёр. И возникли они совсем недавно - после реформы 1861 г. и особенно Столыпинской реформы начала XX в.: крестьянская община разрушалась, а на её месте возникали десятки хуторов, починков, мыз и деревенок.

Бывший военный министр России, а в начале 1920-х гг. один из активных краеведов Холмского уезда Псковской губернии А.Н. Куропаткин писал, что в те годы целые селения переходили с общинного земледелия к хуторскому и отрубному: в 1908 г. только одних так называемых показательных хуторских хо-

На этой карте - как на ладонке - вся наша деревня, такая она была в период I мировой войны и накануне Революции 1917. Что стало потом с деревней - вы можете увидеть, сравнив с современными картами этого района.

Небольшой фрагмент этой последней предреволюционной карты России преподнёс нам ещё один сюрприз: мы натолкнулись в нём на географическое название, которое вот уже почти двести лет никак не могли отыскать на картах историки. Мы обязательно расскажем вам об этом.

Конечно, первые карты изобиловали многими ошибками и неточностями. Ещё при выходе в свет многие современники кри-

Фрагмент Спецкарты западной части
Российской империи Ф.Ф. Шуберта (1840)

яйств в Холмском уезде было более 300.

ною рекою, а главная - притоком. В неполноте описания, пожалуй, нечего и извиняться».

»Озеро это (Охват. - А.П.) на карте Шуберта названо Жадерем, в атласе Менде названо *Охватом*, или *Жеданьем*, а в различных описаниях всегда *Охватом-Жаденьем*; но местные жители и понятия не имеют ни о Жадере, ни о Жаданье, ни о Жаденье. Это прилагательное дано, вероятно, первым составителем карты, который, поленившись справиться хорошенько в межевых книгах Генерального межевания о названии озера, называет Охват Жаберию по имени впадающей в него из Бельского уезда речки Жабери, а потом Жабер переделана в Жаденье или в Жадерье».

Да и сама река Волкота на многих картах тоже пишется по-разному - и Вельхота, и Велькота, и Волокоть, и даже почему-то Вологда.

Топонимика тесно связана и с историей и с географией, а наука эта молодая - в России географическими названиями стали интересоваться не так уж давно - с XVIII в. И пионером здесь можно считать нашего выдающегося историка и географа В.Н. Татищева (1686-1750). Именно он первым составил исторический и географический лексикон с объяснением многих географических названий. После него начинается изучение многих старинных русских карт - «Книга Большому чертежу», «Чертежная книга Сибири» С.У. Ремизова и др. В 1885 г. вышла в свет книга историка Н.П. Барсова «Очерки русской исторической географии», в которой собраны географические названия, содержащиеся в древних русских летописях и старых картах, приводятся их толкования.

Вообще изучение карт - это в первую очередь изучение истории района, края, мест, по которым ты путешествуешь. Русский историк Н.И. Надеждин ещё в 1837 г. писал, что изучение русской истории должно начинаться с географической карты: «Первой страницей истории должна быть географическая ландкарта, должна не только как вспомогательное средство, чтобы знать, где что случилось, но как богатый архив самих документов, источников».

Этому правилу всю жизнь следовал наш выдающийся географ и путешественник П.П. Семёнов-Тян-Шанский. Именно по его инициативе в 1904 г. в Русском Географическом обществе была создана подкомиссия географических названий, в состав кото-

рой вошли такие известные учёные как Ю.М. Шокальский, В.В. Бартольд, А.А. Шахматов, С.Ф. Ольденбург (в 1920-х гг. - председатель Центрального бюро краеведения), И.А. Бодуэн де Куртенэ, К.Г. Залеман, П.М. Меморанский. Эта работа продолжалась и после революции.

И дело вовсе не в ошибках, которые нет-нет, да и встречаются в картах. Для меня карта, особенно старая, - это определённый срез жизни края, места, его ландшафта, населённости, занятий его населения - времени, отдалённого от нас десятилетиями, а может и сотнями лет, которое, увы, уже никогда больше не повторится.

Путешествуя по Волкоте, нам постоянно приходилось исправлять старые карты: река сильно изменилась, во многих местах она пробила новые русла, на её берегах исчезали и возникали новые деревни. Да и протяжённость самой реки тоже изменилась. Во всяком случае, нам представился случай «поправить» самого П.П. Семёнова-Тян-Шанского, утверждавшего, что протяжённость Волкоты составляет всего 50 вёрст. Сержант «исправил» данные выдающегося географа с помощью спутникового навигатора и определил, что длина Волкоты от Макаровского озера до её впадения в оз. Охват составляет не 50 вёрст, а около 74 км, т.е. в полтора раза протяжённее семёновской Волкоты. И был страшно горд своим открытием.

Таких маленьких открытий мы немало сделали во время своего путешествия.

Старые карты, как и словарь В. Даля, были нашими верными походными спутниками.

Зашуршали осенние листья

*Зашуршали осенние листья
В поредевшем осеннем лесу.
Зашептались тревожные мысли,
Унеслись далеко по ветру.*

*И опять над знакомой рекою,
Где блуждают и грусть и печаль,
Я смотрю с непонятной тоскою
На озёрную тихую даль.*

*В ней хранится любовь и тревога,
И не знаешь, что ждет наперёд.
Здесь надежды любая дорога
Неизвестно куда приведёт.*

*Проходя по дороге красивой,
Мы подумаем, видно, не раз:
Сколько стёжек таких в России,
И куда приведут они нас.*

Тропа Евдокимова

Очень старая дорога
В Тюково идёт.
Нас она к деревне строго
Лесом приведёт.

Знаю я тропу медвежью,
Где места родны:
Колеи колёс тележных
И сейчас видны.

Но народ тропу покинул -
Нету ездить сил.
А недавно Евдокимов
Тут траву косил.

Стал стареть уж Евдокимов,
Лошадь - померла,
И народ куда-то сгинул,
Тропка - заросла.

Здесь теперь уж не проедешь,
Не пройти и мне.
И прохожего не встретишь
На лесной тропе.

Где дорога - неизвестно
И куда ведёт.
И теперь никто из местных
Тропку не найдёт.

Бобровая Лука. Исчезнувшие деревни

На Волкоте стояло немало деревень, от которых остались лишь названия урочищ или островов, возле которых они притулились. О многих деревнях вообще уже никто не помнит - и не только, где они находились, но и сами названия уже стёрлись из памяти. Только на старой карте и отыщешь эти деревеньки и хутора: Чепелёво, Мыза, Круглое (Новое), Семехино (от неё осталось название островка Семешинский), Новосёлки, Судережье...

Я сижу на деревянном кресле, вырубленном рыбаками из огромного пня, как на высоком троне, и смотрю на озеро. Небо заволкло облаками, моросит мелкий дождь. Время от времени со стороны озера налетают порывы ветра, и тогда вся серебряная гладь воды покрывается мелкими пупырышками, какие появляются на теле, когда тыходишь в холодную воду. Но стоило солнцу на время выйти из облаков, как всё вокруг мгновенно преобразилось, за сверкало, заблестело, словно в волшебном калейдоскопе.

На том берегу виднеется мыс, сползающий в озеро, и большой залив с берёзовой рощей на берегу. Там, судя по карте, некогда стояла деревня с поэтическим названием - Бобровая Лука, обозначенная на карте Шуберта как Бобровая Лучка. Это место полностью соответствовало объяснению Далем слова «лука» - «изгиб, погиб, кривизна, излучина; заворот реки, дуга; низменный и травянистый лесной луг, огибаемый рекою». Волкота действительно образует здесь большой залив, в глубине которого и стояла эта небольшая тверская деревушка. В 1872 г. здесь было 8 домов и жило довольно много людей - почти 50 человек. Ну, а Бобровой Луки стала потому, что это место издавна облюбовали бобры - их свежие погрызы на деревьях и бобровые норы и хатки и сейчас встречаются на Волкоте.

Бобры - животные сумеречные, ночные, и по вечерам мы видели, как они трудятся возле воды, сооружая подземные ходы, хижины или плотины.

В прошлые годы бобры занимали огромные пространства на берегах рек и озёр в Псковской и Тверской губерниях, но из-за ценности своей шкуры (до революции за одну шкурку давали

свыше 1000руб.), из которых выделявали знаменитые шапки и шубы, они ещё в позапрошлом веке были почти полностью истреблены. Потребовались большие усилия наших биологов, работников Воронежского, Окского и других заповедников, чтобы уже в наше время их популяция снова была восстановлена, и они опять вернулись на свои исторические места обитания. Сейчас бобры вольготно чувствуют себя в этих местах и продолжают свою весьма нужную для природы работу.

Как сказал нам в Беньке один местный охотник: «Бобры - это лучшие регуляторы водного баланса. Они исправляют то, что сделали с нашими речками в 1950-1960-х гг. мелиораторы, осушив болота и испортив всю местную флору и фауну».

Бобр - удивительное животное. О нём говорят - бобёр - строитель, бобёр - труженик. Он постоянно трудится, сооружая в реках или на озёрах бобровые плотины, хатки, строя в берегах длинные норы, в которых он живёт и спасается от врагов. За время своего путешествия мы часто видели и хатки, и плотины, и самих бобров, прыгающих в воду при нашем приближении. Они громко шлёпали о воду своими плоскими хвостами, словно предупреждая других о приближающейся опасности. Охотники рассказывают, что бобры, живущие колониями, даже выставляют по берегам своеобразные посты для предупреждения об опасности. Как только их что-то настораживает, «часовые» бросались в воду и подавали сигналы своими хвостами.

Бобр достигает в длину около 1 метра, а весит 20-30 кг. Имеет острые, как долото, зубы, которыми он валит деревья, достигающие до полуметра в диаметре. А сучья в несколько сантиметров они легко перегрызают своими зубами, как секаторами, и обглаживают так гладко, что на ветках не остаётся следов от погрызов. Поваленные деревья и ветки - это бобровый строительный материал. Интересно, что в качестве строителя, как правило, выступает самка, а самец выполняет снабженческие функции, - обеспечивая работы строительными материалами. Мы видели немало бобровых плотин, перегораживающих речки или протоки. Говорят, что эти плотины могут достигать длины 150-200 метров. Сучья и стволы деревьев бобры связывают тонкими прутьями, наподобие плетней, и скрепляют их тростником, землёй, илом или грязью.

В верховьях р. Волкота проходит через цепочку озёр. Озеро Волкота

Бобры славятся своим мехом. Он - густой и мягкий, а короткий пушистый подшёрсток делает его почти непромокаемым. Красоту меху придают длинные мягкие и слегка блестящие щетины, из-за них кажется, что мех серебрится.

Бобровый мех стал причиной безжалостного истребления бобров.

На Руси издавна устраивалась охота на этих животных - так называемые бобровые гоны, когда охотники выгоняли бобров из нор с помощью борзых собак и стреляли в них из ружей, как только голова зверька показывалась над водой. Бобры могут выдерживать под водой не так уж много времени, и, имея лёгкие, должны периодически всплывать, чтобы набрать воздух.

Русские цари - и Алексей Михайлович, и Иван Грозный - любили устраивать бобровые гоны в своих загородных усадьбах. Да и крестьяне тоже охотились на этих зверьков и платили за это подать бобровыми шкурками. На этот счёт издавались даже специальные указы.

В одном из старинных документов (1657 г.) читаем: «А во всех пущах наших и общих, где прежде крестьяне наши для нас бобров ловили, там и теперь по-прежнему ловить должны. А если бы где

в реках и озёрах наших бобры показались вновь, то там крестьяне ловить должны; а за работу брать им пятого бобра или подбрюшек (т.е. детёнышей. - А.П.) от каждого».

Но с течением времени бобры всё реже и реже «показывались вновь». Охота на них в России приняла такой размах, что уже в конце XIX в. учёные с грустью констатировали: «В прежние времена...здесь царили бобры, возводившие свои города и плотины; теперь, однако, от них не осталось и воспоминания, и, если бы не исторические документы и не находки ископаемых останков, мы, вероятно, и не подозревали бы о том, что когда-то в реках работали эти четвероногие архитекторы».

Существовали даже особые пошрины с бобрового гона - *бобровье*, а те люди, кто занимался ловлей бобров, назывались *бобровниками*. В ходу были *бобровки* - шапки из бобрового меха, а в деревнях было много любителей *бобровины*, т.е. бобрового мяса. Мне рассказывали многие охотники, что мясо это вполне съедобное и приятное на вкус.

В. Даль отвёл немало места бобрам в своём Толковом словаре: «Речной бобр, бобр строитель,...попадающийся ныне изредка в запад. губ. и в Сибири; это строитель мазанок и плотин». Ценен он не только своей шкуркой, но и так называемой бобровой струей - «аптечным снадобьем, находимым у речного бобра в особой сумочке, как кабарговая струя у кабарги». Пишет он и о бобровых гонах на Руси - «местах, где речной бобр водится и ловится; некогда по всей России, а нынче почти нигде».

В русском языке сохранилось немало пословиц и поговорок об этих удивительных животных: убить бобра - не видеть добра; все мужья добры - покупали жёнам бобры; все бобры добры до своих бобрят; Настя, Настенька, шубейка красненькая, сама черноброва, опушка боброва...

Сейчас этот живописный уголок озера Волкоты облюбовало охотхозяйство НОРМИКС, которое строит здесь базу отдыха. Со стороны д. Горицы провели дорогу, поставили на выезде шлагбаум - «посторонним вход воспрещён». А на месте бывшей деревни прямо на берегу озера сооружаются бревенчатые двухэтажные дома, похожие, как говорят местные жители, на скворечники. Весь берег изрыт канавами и котлованами для будущих построек, вырубил кустарник.

От бывшей деревни Бобровая Лука осталась только чудесная берёзовая роща, которая видна издалека.

* * *

От нашей стоянки в сторону соснового бора отходила просёлочная дорога. Она шла между увалами, то по косоугору, то вдруг ныряла в ложину, чтобы снова взлететь вверх. Старых тележных дорог даже в этих пустынных местах немало. Мы постоянно натыкались на них, когда ходили в лес по ягоды или грибы. Многие из них заросли кустарником и лесом, прежние колеи доверху завалены шишками и листьями. Просеки в лесу на месте старых дорог часто перегорожены упавшими деревьями, и надо долго обходить их по лесу. Но если вы встретите в лесу вот такую заросшую дорогу, просеку или просто тропинку, знайте - она обязательно выведет вас на сенокос, поляну или к заросшим фундаментам деревеньки, некогда стоявшей в этих местах.

Все эти хутора, мызы и усадьбы были связаны между собой многочисленными колёсными дорогами и тропами, а через реки, протоки и болота были проложены мосты и гати. Правда, в половодье и осенью связь между многими деревнями нарушалась. Вот как описывал в начале XX в. местные дороги один путешественник, побывавший в здешнем «медвежьем углу»: «Целый ряд деревень... в течение большей части года почти совершенно отрезаны от всякого сообщения с внешним миром. Весной, осенью и даже летом туда нельзя проехать не только в каком-либо экипаже, но даже и верхом. В некоторые деревни можно проникнуть по ряду мелких речонков и ручейков на лодке, в других - приходится идти пешком по так называемым «кладкам», нередко представляемым одним не особенно толстым брёвнышком, брошенным среди моховой трясины до сажени глубиной. Местные жители босиком, а иногда и без нижних частей костюма, с палкой в руке ухитряются безнаказанно путешествовать по «кладкам», экскурсанту же нередко приходится при таких путешествиях принимать болотные ванны и считаться со всеми последствиями таковых. Вот почему такой упомянутый район не мог быть обследован с той детальностью, с которой изучались остальные части уезда».

Это написано вот о таких местах, по которым проходил наш маршрут.

Да и сейчас, чуть в сторону свернув от проезжей дороги, вы оказываетесь в глухом, заваленном деревьями лесу или обширном болоте, поросшем чахлыми берёзами. И выбраться из них можно, лишь отыскав старую заброшенную дорогу или едва заметную тропку.

* * *

Эта лесная дорожка, уходящая в лес от нашей стоянки, с утра не давала покоя нашему Соловью. После завтрака он решил прогуляться по ней и ... пропал на несколько часов. Мы начали уже беспокоиться, когда он, довольный и радостный, выскочил на поляну и радостно сообщил:

- А я деревню заброшенную нашёл. Яблок - навалом. Пошли, покажу.

На нашей карте никаких деревень в этих местах на берегу озера обозначено не было. Правда, была в этом районе одна деревня - Микшино, но в стороне - километрах в полтора от Волкоты. В Списке 1872 г. она значилась как «деревня при ручье», и в ней в то время насчитывалось 8 домов и 46 жителей, по местным меркам - немаленькая деревня.

Лесная дорога привела к поляне - видны фундаменты какого-то здания, заросшие поля, вокруг - одичавшие яблони с уже поспевшими яблоками, а совсем рядом озеро Волкота. Прошли ещё немного, и впереди показались два дома - один недостроенный, а за ним другой, жилой под черепицей. Нас встречает огромный пёс и поднимает дикий лай. Хорошо, что с нами нет Маруськи. Мы долго ждём, пока на пороге не появляется красный, распаренный хозяин. Сегодня у Гены (так звали хозяина этой дачи) - банный день, и вся его семья предавалась банным утехам. Из небольшой баньки прямо на берегу озера выбегали в чём мать родила какие-то люди и с шумом и гиком бросались в озеро.

Гена - москвич, и живёт в этих местах уже давно. Избу купил у деда Василия. К этой одной избе и проведено электричество из д. Микшино.

- Не знаете, кто такой дед Василий? - переспрашивает он нас.

- Да это же знаменитая личность - о нём местный писатель Валерий Кириллов даже рассказ написал.

Дед Василий появился в этих местах после войны. Электриче-

От д. Мишутино осталось всего два дома, в которых уже никто не живёт

ства тогда не было, даже в деревенской школе и то занимались при керосиновых лампах. Но место было настолько привлекательное, что к дедовой избе зачастили представители местной власти - на рыбалку и в баньке попариться. Говорят, сам Саоляте - это местный Чубайс, в руках которого были все электрические сети района, приезжал в гости к деду Василию и вроде бы даже, по словам Гены, имел здесь свой огород.

Изба Гены - это всё, что осталось от деревни Новосёлки. Раньше здесь была и школа, и дом культуры, и магазин. Деревня старая - в 1872 г. в Новосёлках насчитывалось всего два дома с девятнадцатью жителями.

Населённых пунктов с таким названием немало на карте Тверской области. По В. Далю новосёл - это «переселенец, недавний поселенец», а новосёлок - «новое селенье». Отсюда произошли и многочисленные Нововыселки, Новоселья, Новоселицы и т. д. Особенно много таких деревень возникло после реформы 1861 г. и столыпинских реформ. По-видимому, новосёлы пришли сюда ещё в 1860-х годах из соседней деревни Микшино и образовали деревню Новосёлки на берегу озера Волкота. А может, это были новопоселяемые из других мест, как сказано у Даля, «селенные крестьяне, поселенцы, новосёлы».

Рядом с домом Гены стоит недостроенная изба, тоже на самом берегу озера. И несколько строительных вагончиков. Хозяев, ви-

димо, давно здесь не было, и часть шифера уже кто-то успел снять с крыши.

- А это чей дом?

Гена рассказывает неохотно.

- Да это какие-то крутые ребята из Москвы строят. Хлопот от них не оберёшься. Как приедут, напьются, и давай бабахать вокруг из ружей.

О том, что в здешних местах дома покупают и строят «новые русские» - известно давно. Это - не дачники: те ведут себя тихо, трудятся на огородах и отдыхают на природе. А эти - хуже местных бомжей, потому что чувствуют полную безнаказанность, ощущая себя полновластными хозяевами здешних мест. У них нет огородов, они не собирают грибы и не засаливают огурцы. Они классические потребители, прожигатели жизни. А отдых для них

- веселье и стрельба по пустым бутылкам. Когда напьются становятся грубы и опасны.

- А вы их не боитесь?

- Да что бояться - я и мои друзья сами в органах служили. Можем и приструнить, участковый из Выпозова с ними разговаривал. Да что толку?

Дом Гены прилепился к самому берегу озера, но старая просёлочная дорога идёт дальше. Где-то там, в лесной глухомани стояла ещё одна небольшая деревенька - Мыза. Но её давно уже и след простыл. И она, как и множество других старых деревень, тоже исчезла с географических карт.

...Уже вечерело, когда мы поднялись на холм в окре-

Развалины дома в мертвой деревне Коростино

Сержант у своего разграбленного дома в д. Абаканово

стностях этой деревеньки. С него хорошо видны блюдце маленького озера Плотвичное с бурой и тёмной болотной водой и бронзовая поверхность вечернего озера Волкота.

Со стороны Новинок раздавались радостные вскрики, и голые тела сигали из маленькой баньки в прохладные и чистые воды озера, поднимая снопы серебряных искр.

В хороших, красивых местах ставили раньше деревни. Как жаль, что многие из них не дожили до наших дней, навсегда исчезнув с географических карт района.

Со словарём В.И. Даля в рюкзаке Бобровая Лука

Старая деревня стояла на правом берегу озера Волкота. Название от слова лука: «излучина, изгиб, поворот реки или озера» (В. Даль). Буквально - «залив, где живут бобры». В этом месте озера Волкоты образовался большой залив, в котором издавна обитали эти трудолюбивые животные. На карте Тверского края сохранилось немало «бобровых» названий: пос. Бобровец (на озере Охват), деревни - Бобров Городок, Боброво, Бобровка, Бобровниково, реки Бобровица, Бобровка, Бобровочка и др. В окрестностях деревни обнаружены следы древних поселений. В 1872 г. в д. Бобровая Лука (Леохино) стояло 8 домов.

Там, где вьётся Волкота,
Притаилася **лука**¹,
Очень уж здоровая
И что ни есть бобровая.

Вольно здесь жилось бобрам
И **лукавым**² мужикам.
Их всего-то было пять,
А бобров - не сосчитать.

Когда стало холодать,
Бабы начали роптать:
»Нет, не надо нам добра,
Хотим шубу из бобра».

Хоть и было неохота
Мужикам идти в болото,
Но **полукали**³ дела,
Взяли **лукино**⁴ неспеша.

Шла охота та на славу -
Помогал им сам **лукавый**⁵:
Вся Бобровая Лука
Была в шубах из бобра.

Нет житья от мужиков-
Не падят они бобров.
Хоть всего их было пять,
А бобров не сосчитать.

¹ Лука - «изгиб, погиб, кривизна, излучина; заворот реки, дуга; низменный и травный или лесистый мыс; поёмный луг, огибаемый рекою».

² Лукавить - «ходить криво, луками, изгибами; хитрить, замышляя, действовать лживо, притворно, коварно, скрытно и злоумышленно; кривить душою, идти скрытными поисками».

³ Лукать - «кидать, метать, бросать, швырять».

⁴ Лукино - пск. « плетёнка, корзинка из прутьев». В данном случае - плетёная верша, с помощью которой ловили бобров.

⁵ Лукавый- «бес, дьявол, сатана, нечистый, злой дух».

Взбунтовались тут бобры
И полезли из норы.
Долго-долго совещались,
Ну, а ночью все собрались.

Перекрыли всю реку,
Запрудили здесь луку.
Речка смыла огород -
Начался большой потоп.

И поплыла вся деревня,
Вместе с бабами - деревья,
А потом за стогом стог -
И лукавый не помог.

Нет в луке давно домов
И лукавых мужиков.
А бобрам вольготно тут -
До сих пор в луке живут.

Мыза

Деревня (не сохранилась) в северной части озера Волкота. В 1872 г. здесь было три дома, жили 9 мужиков и 10 женщин. Название от мыза - усадьба, небольшое имение.

Где-то здесь стояла **Мыза**¹
Деревенька без каприза.
В общем целых три дома,
В каждом - по три мужика.

Чтоб попасть на эту мызу,
Брать совсем не надо визу.
Поезжай до Микшина -
Ведь дорога здесь одна.

А потом вдоль Волкоты
Толай берегом реки.
Здесь места с землёй в придачу.
Словно созданы для **дачи**².

¹ *Мыза* - «отдельный загородный дом с хозяйством, хутор, заимка» (В. Даль).

² *Дача, мыза* - усадьба, небольшое имение с сельскохозяйственными постройками (северо-запад, Прибалтика). В Белоруссии - мыза: дача, хутор, отдельно стоящее небольшое место, имение (Э. Мурзаев).

Где-то Мыза впереди,
Но поди её найди.
Чудеса и чудеса -
Всё вокруг - одни леса.

Улетела та Мыза
Видно прямо в небеса.
И обидно до слезы,
Что не стало здесь Мызы.

О чём стонет ветер

*О чём стонет ветер
Средь сонных полей?
Быть может, о лете,
Что нету милей?*

*Быть может, о тучах,
Что ходят кругом,
Что с пасмурной кручи
Обрушится гром?*

*Быть может, о зное,
Что сушит траву,
Чтоб в гулком покое
Запеть наяву?*

*Так что же ты бродишь
Средь сонной глуши?
О чём же ты стонешь,
Скажи мне, скажи!*

Покинутая деревня

Весь в грусти я. Деревня умирает.
Все тихо, мрачно, ни одной души.
Как будто Всемогуший расставляет
Над каждым домом серые кресты.

Не слышен звон. Все клонится к могилам.
И небо хмурое все плачет по утру.
Люблю тебя, земля, но мы забыли
Деревни, погруженные во тьму.

Вошел я в дом. Чердак совсем провален.
В печи - забытый кем-то чугунок.
И средь стекла, железа и развалин
Увидел я лишь детский сапожок.

Весь рваненький. Размер всего в ладошку...
Была семья, и жил один малыш.
Купаться бегал он по этой самой стежке.
Сейчас - безлюдье, запустенье, тишь.

Весь в грусти я. Деревня умирает.
Все тихо, мрачно, ни одной души.
Как будто Всемогуший расставляет
Над каждым домом серые кресты.

Горицы. Реквием по деревенским школам

Утром Сержант, осмотрев наш катастрофически скудеющий продуктовый запас, сказал: - Продукты на исходе, скоро перейдём на маруськин харч. Надо искать магазин.

Все переглянулись и проглотили слюну: банки сверкали яркими наклейками - «молодой барашек», «телятина в желе», «рагу из говяжьих потрохов», «мясо заливное с горошком»...

Этот маруськин продуктовый погребок давно волновал наше воображение, и на него уже пытались покушаться многие. Но Сержант был непреклонен. Маруськин корм был свят и неприкосновенен и не подлежал использованию ни под каким предлогом. Мне даже казалось, что если бы у нас кончились продукты, то выжила бы только одна Маруська - её продуктовые запасы были неисчерпаемы.

- Собака должна хорошо питаться, - убеждал нас Сержант.

- А что мы хуже Маруськи? - обиделся наш Соловей. - Я тоже хочу попробовать «молодого барашка».

- А я бы не прочь отведать «телятину в желе», - это сказал Наг, - от тушёнки одна изжога.

В нашей байдарочной эскадре явно назревал продовольственный бунт, который мог привести к неуправляемой ситуации: мы ощущали себя матросами с броненосца «Потёмкин», которые во время революции взбунтовались из-за червивой солонины.

Видя это, наш адмирал махнул рукой и выставил на стол маруськины деликатесы:

- Пробуйте.

Тверской Соловей ткнул вилкой в «молодого барашка» и поперхнулся:

- Ну и гадость.

Я решил провести эксперимент над «рагу из говяжьих потрохов».

В банке в каком-то непонятного цвета соусе плавали подозрительные кусочки мяса неизвестного животного: от них несло не то собачатиной, не то кошатиной.

- Давайте, давайте пробуйте, - оценил ситуацию Сержант, -

Маруська же ест, а чем она хуже вас?

Маруська стояла рядом и очень внимательно смотрела на нас: ей так хотелось, чтобы нам не пришлось по вкусу её продукты. Рагу оказалось удивительно невкусным, каким-то пресным, несолёным и вонючим.

- Боже мой, - вырвалось у меня, - как же собаки едят эту гадость.

Сержант ехидно улыбался, а Маруська весело завертела хвостом.

После этой собачьей дегустации все мы дружно согласились сходить в ближайший магазин за нормальными человеческими продуктами.

Ближайший магазин оказался вдали от Волкоты, в деревне Горица - по карте километров 6-7 в один конец.

Снова нам пришлось пройти мимо лагеря «анонимных алкоголиков» по гнилому мосту через озеро. Когда-то по нему проходила дорога от д. Заборовье на Горицу, где размещался сельсовет со всей деревенской инфраструктурой - почтой, медпунктом, школой, клубом и, конечно, магазином.

Пока мы шли, нашего тверского Соловья снова посетила муза:

После утренней денницы (т.е. зари. - А.П.)

Мы идём в село Горицы.

Поднимаемся мы в гору

Средь избушек и заборов...

Сама деревня стоит на песчаном холме. Отсюда и её название - деревня на горе, т.е. на холмистой гряде между озёрами Долосец и Бросно. У Даля приведено много объяснений слова «гора» - гряда, кряж, хребет, гребень, косогор, утёс, скала, сопка, бугор, курган, холм. «Между притоками двух соседних рек, - замечает Владимир Иванович, - всегда тянется возвышенность, кряж, гряда: это сырть, водопуск, водораздел, вододержа». По другую сторону «вододержи» на низменном берегу озера Бросно находилось село Ломинское.

Название этой деревни - от *лома* - болото. Так в псковских и тверских деревнях, согласно В. Далю, называли луг «поемный, заносный, с кочкарником и дрязгом».

У этого слова есть и другие значения: *ломина* - заросшее и заболоченное место, заваленное сучьями; *лома* - низина, удобная и

По дороге в Горицу

длинная долина, место на лугу, поляна; яма. Предполагают, что возникновение этого слова могло быть связано с подсечно-огневым земледелием, которое было распространено в здешних местах в средние века. Отсюда и слова - «ломать целину, пахать, подымать».

По здешним меркам Горица - деревня немаленькая. Здесь около 40 домов, да и жителей - не менее 60 человек, здесь до недавнего времени находилась центральная усадьба совхоза «Рахновский». Да и сейчас здесь действует крестьянское фермерское хозяйство.

На окраине деревни - восьмилетняя школа, как и положено центру сельского округа. Школа новая - светлая, приветливая, да и открыта совсем недавно - в 1989 г. А до войны она находилась в соседнем селе Ломинском, правда, была начальная, и занималось в ней 40 учеников (по нынешним временам - цифра немаленькая). После войны школа стала семилеткой, и в ней учились почти все ребяташки Горицкого сельсовета. И только в 1988 г. школа переехала в Горицу, тогда в ней было 55 учеников.

Об истории школы нам рассказали учительницы Наталия Васильевна Павлова и Валентина Геннадиевна Давыдова. Наталия Васильевна - преподаёт географию и краеведение, а Валентина Геннадиевна - литературу.

- Преподавали, - поправляют они меня.
- Почему? - не понял я.
- Нет у нас больше школы, закрыли, - посмотрели на меня учительницы грустными глазами. - Этим летом и закрыли.
- Как, - у вас же такая замечательная, новая школа?
- А учеников нет. На 17 школьников - 7 учителей. И это ещё хорошо, в других школах учителей больше, чем самих учеников. Говорят - нерентабельно.

Учительницы наперебой рассказывают о своём, наболевшем - они местные, тоже учились в этой школе, можно сказать срослись с ней, а сейчас - куда деваться, где найти работу, когда всё село, считай, безработное? Обида - пожалуй, это главное чувство, которым они охвачены сейчас.

- Уезжать надо из деревни, - грустно говорит Наталия Васильевна. - Но куда?

- Неужели вам не предлагали работу в другой школе? - спрашиваю я.

- Предлагали, в соседнюю школу в Волоке, но ведь там уже есть свои учителя. Или переехать в другие школы, ну а как же дом, корова, хозяйство - у нас всё здесь, в Горицах.

Да и с учениками тоже непросто - вроде обещали их возить на автобусе в соседнюю школу в Волок, но родители не хотят: лучше тогда уж в д. Болотово - хоть немного дальше, но школа, говорят, лучше.

Школы закрываются и в других соседних деревнях - в Любине, например, в Студеницах, везде, где число учеников сократилось до такого уровня, что выгоднее возить их на автобусе в соседнюю школу или в райцентр, чем содержать убыточные малокомплектные школы. Да и качество обучения в них тоже обеспечить довольно трудно.

Я всё понимаю - школы нерентабельны, учеников нет, оборудование устарело. Но посмотрим правде в глаза: закрытие школ на селе - это верный путь к угасанию, увяданию деревни, к деградации всего сельского уклада. Это трагедия не только сельских

учителей, но и всей деревни, её культуры, её населения.

О каком возрождении сельского хозяйства можно говорить, если в деревне нет молодёжи, если некого учить и негде работать. И как на селе будут осуществляться национальные проекты, если в деревнях остались одни старики, а школы закрываются одна за другой?

Сейчас в деревнях идёт охота за каждым учеником, учителя уговаривают родителей отдать детей в школу с шести лет, а некоторые учителя даже берут на воспитание детей из детдомов, лишь бы только увеличилась «наполняемость» класса. Волнуются родители - если школу закрывают, где учить детей? И не лучше ли уехать из деревни в другое место, где есть школа, где можно получить образование? Даже в деревне сейчас понимают, что без образования нынче нельзя, время такое.

Я смотрю на этих оставшихся без работы учителей, на их грустные лица и беспокойные глаза и мне их до боли жаль. Но чем им поможешь, какие слова утешения скажешь? Да и нужны ли им эти слова?

В Андреаполе в районном архиве мне показали интересную папку о работе школ района в 1957/58 учебном году. Казалось бы, и срок небольшой - прошло всего 50 лет, а сколько воды утекло с тех пор.

Мы по привычке ругаем советское время. Но что касается народного образования, организации школьного дела, ликвидации неграмотности, то в те годы было сделано немало. В 1926-1927 гг. в Ленинской волости (потом - Андреапольский район) было 18 школ первой ступени, одна девятилетняя в Андреаполе, одна школа для подростков. В них учились 335 учеников. В селе Торопаца действовала даже эстонская школа (1 учитель, 17 учеников). В 1928 г. в районе насчитывалось уже 22 школы, а в 1958/59 гг. - 38. Из них 24 начальные, 12 семилетних и 2 средние, и обучалось в них 2542 ученика. А учителей было 183.

В 1959 г. в Боталах (Одоевская начальная школа) училось 10 учеников в обыкновенной избе площадью 42 м² (директор Перовская), в Быстри (Стеклинская начальная школа) - 7 учеников (директор та же Перовская), в Новинках - 14 учеников, из них 5 девочек (директор - Фёдорова), Заболотье - 17 учеников, из них 10 девочек (директор - Суворова), в д. Внучки - 7 учеников (дирек-

тор Гукова), Коростино (Леонтьевская начальная школа) - 20 учеников, из них 9 девочек (директор - Пурышина).

Сейчас не найти даже места, где стояли эти школы, и многих деревень тоже не найдёшь - умерли деревни, и обучать стало некого.

Любопытно, что в графе количества учеников в те годы обязательно указывалось, сколько из них девочек. Видимо, власти хотели знать, какова демографическая перспектива у той или иной деревни.

В сельских школах в первые годы после революции работали бывшие земские учителя, и их самоотверженной работе, бескорыстию и любви к детям мы обязаны первым успехам советского народного образования.

Интересные сведения о первом съезде учителей в г. Холме (в этот уезд в 1919 г. входила часть территории Андреапольского района) приводит краевед Ю.Попов (его статья опубликована в газете «Андреапольские вести» 27.07.1999 г.). Съезд учителей открылся в Холме 9 января 1919 г. В нём приняли участие 372 учителя. Возраст - самый разнообразный: от 20 до 65 лет. Бологовскую школу представляли супруги С.Е. и Н.В. Покровские, Волчинскую - Е.И. Куропаткина, Матенецкую - С.И. Софийская и П.К. Захарова. Были представители и от школ, расположенных в районе р. Волкоты: от Внучанской - Е.Я. Кузнецова-Сиполь, от Каракулинской - А.В. Богданова, Боталинской - М.В. Смирнова, Заборовской - К.В. Бангер и М.И. Дранда, Лучанской - А.Т. Смирнова, Стеклинской - Е.П. Иванова.

В разгаре была гражданская война, голод и разруха, не было учебников, тетрадей, учебных пособий, учителя не получали зарплату, в школах - холодно, не хватало дров, а съезд учителей обсуждает казалось бы такую далёкую от тогдашней жизни проблему - об изучении родного края, развитии краеведения.

И кто бы вы думали выступал по этому вопросу перед сельскими учителями? Генерал А.Н. Куропаткин (1848-1925) - да, да тот самый «бездарный» царский генерал от инфантерии, бывший военный министр России, «предатель» и главный «виновник» поражения России в русско-японской войне, если верить прежним советским учебникам истории.

Между тем, этот генерал - сподвижник знаменитого генерала Скобелева, военный министр России в 1898 - 1904 гг., главноко-

мандующий войсками в русско-японскую войну в 1905 г., командующий армией и северным фронтом в 1-ую мировую войну - был одним из самых образованных и либеральных военных деятелей своего времени, не боявшихся спорить с самим Верховным главнокомандующим - Николаем II. После себя он оставил много военных трудов и дневник, который вёл в течение многих лет. В 1915 г., отправляясь на западный фронт, он сдал его в архив военного ведомства в Лефортове, где дневник, как писал об этом советский историк, академик М.Н. Покровский (1868-1932) исчез при таинственных обстоятельствах.

«В январе 1918 года, - пишет М.Н. Покровский, - в архив явился бывший член военного совета ген.

Нищенков, снабжённый (увы!) соответствующими полномочиями от военных властей, и увёз из куропаткинских бумаг - только дневник. Все прежние остались в неприкосновенности, - дневник исчез неизвестно куда. Сколько мы знаем, не найден он и там, где находился Куропаткин в последние месяцы своей жизни. Бывший начальник штаба Скобелева, видевший своими глазами больше «военных действий», чем какой бы то ни было русский генерал нашей эпохи, кончил для такой карьеры весьма прозаически: был убит бандитами на своей родине, где скромно подвизался после 1917 года в качестве сельского учителя»

Он жил тогда в своём имении Шешурино в Холмском уезде Псковской губернии, не став на сторону ни красных, ни белых, разочаровавшись в кровавых войнах и занявшись на старости лет самой мирной профессией - обучением сельских детей и изучением родного Холмского края. И было ему тогда 77 лет.

Из сохранившихся копий дневников видно, что Алексей Николаевич был весьма либеральным и прогрессивным деятелем, ду-

Генерал А.Н. Куропаткин (1848-1925) - бывший военный министр России, командующий войсками в русско-японской войне 1905 г. и ...один из деятелей школьного краеведения в Холмском у. Псковской губ. Снимок 1880-х гг.

мающим прежде всего о благе России. В 1902 г. при усмирении войсками «бунтовщиков» в Ростове он говорил тогдашнему премьер-министру Витте, считавшего, что войска действовали крайне робко: «Нам легче идти на любой штурм, чем стрелять по беззащитной толпе. Что не надо так действовать по внутренним делам, чтобы такая необходимость участия войск являлась. Что это развращает войска, и может привести те или другие отдельные части их к неповиновению».

Накануне войны с Японией он пишет Николаю II, предостерегая того от военных действий: «...война с Японией будет крайне непопулярна в России, что противоправительственная партия воспользуется этою войною, чтобы увеличить смуту и пр. Писал с полною откровенностью. Читать государю эту записку будет тяжело, ибо в ней есть осуждение его политики, его мнений. Но надо, чтобы государь знал правду. Эта правда принесёт пользу не только России...»

Но, по иронии судьбы, царские власти назначили именно А.Н. Куропаткина главнокомандующим войсками в русско-японской войне, тем самым «подставив» боевого генерала, не знавшего до того поражений.

Конечно, Алексея Николаевича не любили как царская военщина, так и новая власть. Поэтому сказка о его убийстве бандитами - это наверняка придуманная ЧК легенда об устранении одиозной фигуры, тем более, что в те годы среди крестьян и интеллигенции Холмского уезда Алексей Николаевич пользовался огромным авторитетом. А зачем большевикам такие авторитеты, вышедшие из бывших царских генералов и военных министров?

Как известно, у А.Н. Куропаткина в усадьбе была великолепная библиотека. Мне удалось познакомиться с описью книг, которые в ней хранились. Конечно, в первую очередь это были книги по военной тематике - истории войн, родов техники, военной стратегии и тактике, но вместе с тем, много книг по картографии, статистике, этнографии, путешествиях, национальному вопросу в России, природе, сельскому хозяйству, охоте; огромный список книг по художественной литературе, периодические издания («Русская старина», «Исторический вестник», «Русская мысль» и т.д.), карты, планы, атласы, в том числе и шубертовская спецкарта Российской империи. Эта библиотека свидетельствовала не

только о вкусах автора, но и о его глубоком интересе к России, к родному краю.

И вот этот опозоренный и оболганный большевистской пропагандой генерал выступает перед сельскими учителями с докладом о воспитании у учеников любви к родному краю, о его изучении и исследовании.

Самое интересное, что местные власти не только не арестовали «бездарного генерала», чьё родовое поместье находилось в Холмском уезде, но и, учитывая его большую культуру и авторитет среди населения, привлекли к участию в культурно-просветительной работе в уезде. И выступал бывший военный министр России перед учителями вовсе не как генерал, а как консультант холмского народного музея. И вовсе не с рекомендациями, как надо учить детей, а с советами, как надо воспитывать любовь к Отечеству.

Суть его выступления сводилась к следующему. Надо сохранять то культурное наследие, которое накоплено предыдущими поколениями, коллекции картин, монет, археологические памятники, предметы быта, собирать старинные книги, рукописи, планы и чертежи архитектурных построек и наиболее ценные находки для сохранности направлять в местные музеи. Надо, чтобы ребята хорошо знали местную природу - умели собирать гербарии, работать в саду и на пасеке, разбирались в породах рыб.

-И ещё, - говорил А.Н. Куропаткин, - в сельских школах надо изучать крестьянский быт, убранство изб, земледельческие орудия, собирать крестьянскую посуду, одежду, музыкальные инструменты.

Наверное, тогда, в 1919 г., в разгар гражданской войны, местные руководители хотели бы услышать от генерала другие слова, более важные и нужные для текущего исторического момента. Но Куропаткин призывал не к розни, не к борьбе, не к противостоянию старого и нового мира. Он призывал к тому, чтобы учителя вместе с учениками записывали воспоминания сторожилов деревни, песни, сказы, легенды, чтобы они брали на учёт памятники старины, курганы, храмы и старинные усадьбы. Именно это и было для него самым важным в те годы.

-И ещё, - закончил своё выступление генерал, - надо приступить к составлению истории школ. Школ у нас на селе много -

пусть же все знают, когда они возникли, кто в них учился и кто учил наших детей.

Вот такое своеобразное «генеральское» напутствие из далёкого 1919 г.

Пройдёт всего несколько лет, и идеи, с которыми выступал генерал, будут объявлены новой властью буржуазными и контрреволюционными, а многие краеведы той поры станут «врагами народа», будут сосланы в сталинские лагеря, репрессированы или расстреляны.

Школа, и особенно деревенские учителя, сыграли огромную роль в послереволюционные годы, в ликвидации неграмотности, в культурном развитии деревни. И об этом нельзя забывать, как нельзя забывать и о маленьких бревенчатых деревенских школах и первых наших учителях, которые обучали детей в любую погоду при тусклом свете керосиновых ламп. Как жаль, что от этих начальных деревенских школ остались теперь только одни фундаменты, заросшие бурьяном и крапивой.

Советская школа многое сделала не только для обучения и воспитания детей, но и для изучения своего края, воспитания чувства патриотизма, развития краеведения. Ведь именно в школах начали создаваться первые краеведческие кружки и музеи, а некоторые из них впоследствии стали основой для городских и районных музеев. В общем, неизвестно смогли бы мы выиграть Великую Отечественную войну, если бы первые поколения наших учителей не сумели бы воспитать у своих учеников уважение и любовь к своей земле, к своему краю, своей Родине.

Но школа и школьное краеведение вместе со всей страной пережили и годы гонений и периоды сталинских репрессий. В той же папке из местного архива я обнаружил несколько страниц воспоминаний Татьяны Васильевны Супоновой об учителях Андреапольской средней школы №1, работавших там в предвоенные годы и пострадавших от сталинских репрессий. Среди них: *Александр Эрастович Юргенсон*, директор школы в 1934-1936 гг. *Анна Петровна Юргенсон*, учительница литературы и библиотекарь. Уехали летом 1936 года из Андреаполя «из-за неприятностей, связанных с репрессиями».

Шимкевич Эдуард Эдуардович, историк, краевед. От репрессий его спасло то обстоятельство, что перед войной в 1937 г. он

был направлен учиться в город. Участвовал в Великой Отечественной войне в составе Войска Польского. Демобилизовался. Вернулся в школу. Организатор первого школьного краеведческого кружка в Андреапольском районе, на основе которого был создан Андреапольский краеведческий музей, который ныне носит его имя. Почётный гражданин г. Андреаполь.

Шимкевич Алиса Эрнестовна, преподаватель немецкого языка. Репрессирована, потом реабилитирована, снова вернулась в школу.

Василий Алефонсович Лещинский, преподаватель химии, пожилой человек. «Кем-то оклеветан» в 1936 или 1937 гг., сидел в тюрьме, вскоре был оправдан, но выйти из тюрьмы не успел - умер.

Юрий Самуилович Саминский, преподаватель. Во время репрессий арестован, как и Алиса Эрнестовна.

И это учителя только одной Андреапольской школы.

Но, несмотря на это, именно в те далёкие 1920-ые и 1930-ые годы и закладывались основы современной школы и современного краеведения, успехи которых признавались не только в нашей стране, но и за рубежом.

Вот почему сейчас, когда по всей стране идёт школьная реформа, хочется сказать большое спасибо всем тем сельским учителям, пожилым и молоденьким учительницам, которые вырастили и воспитали целые поколения сельских жителей, передав им всё, чем в избытке обладали сами - знания, умения, терпение, любовь к ученикам и своей земле.

Школа на селе - явление особенное. Это - не только обучение детей школьным предметам. Это - огромный духовный центр, то, что делает жизнь в деревне интересней и насыщенней, даёт её жителям надежду на будущее и будущее своих детей, вносит ту живую струю, которая рождает у детей и взрослых интерес ко всему, что делается в их крае и в стране. Школа - это окно в большой мир, сопричастность с жизнью нашего огромного государства, это та культурная и нравственная сила, которая делает людей лучше, чище, порядочнее.

В общем - уберите школу из деревни, и начнётся её медленное и неуклонное угасание. И очень тревожно - количество школ на селе продолжает сокращаться.

В 2006-2007 учебном году в Андреапольском районе работало 5 средних школ и множество начальных, а общее количество учеников по всем школам составляло 1400 человек (на тысячу меньше, чем в 1958/59 гг.), из них только 305 учеников из сельских школ. Катастрофически падает число детей, впервые переступающих порог школы: если в районе в этом же учебном году их было 100 человек, то на селе всего 22.

По некоторым сельским школам эта картина вообще выглядит удручающе. В 2007 году впервые порог школы переступили в Бологовской - 2 ученика, Хотилицкой -3, Торопацкой -2, Жуковской, Балбекинской, Скудинской, Луговской школах - всего по одному. Есть школы, в которых вообще нет первоклашек, а это означает только одно - у этих школ нет будущего.

Всего 50 лет назад, когда демографическая ситуация на селе была совсем другая, даже в деревенских школах наполняемость, как выражаются специалисты, была совершенно другой: в той же Торопацкой школе только в первом классе учились 13 человек, в Мишутинской начальной - 8. А сейчас первоклашек на селе приходится искать, как иголку в стоге сена, уговаривая родителей отдавать их не только в семилетнем, но и шестилетнем возрасте.

Сельские школы уже перестали быть поставщиком российского генофонда, кадров для нашей экономики, науки и культуры: если в 2007 г. средние школы района выпустили 163 ученика, то в будущем ожидается только 125, а на селе и того меньше - всего 10. Падает и число учеников по общеобразовательным школам - в Волокской - осталось только 34 ученика, Скудинской - 26, Торопацкой - 20.

Виновата ли в этом школа? Конечно, нет. Высосав из деревни весь человеческий капитал, разорив её и этим ещё более усугубив и без того сложную демографическую ситуацию, власти ещё в советский да и в перестроечный период толкнули сельскую школу в такую глубокую пропасть, из которой ни школа, ни деревня, если им не помочь, не могут выбраться самостоятельно.

Можно понять и нынешние власти - они закрывают школы не потому, что хотят их закрыть, а потому, что в школах на селе уже некого учить, потому, что многие деревенские школы лишены нормального оборудования, потому, что если на одного школьника приходится по одному учителю, работа и школы и самого учи-

теля становится неэффективной и нерентабельной. Если можно применить эти термины к такой сложной и такой тонкой сфере как народное образование.

...Вот почему наше расставание с учительницами только что закрытой Горицкой школы было таким грустным.

- А мы-то в чём виноваты?- говорят они. - И что с нами будет? И что будет с самой деревней, - думаю я, - и не покинут ли её те молодые и работоспособные семьи, в которых ещё растут дети школьного возраста? И не захотят ли они переехать туда, где имеется школа, и где их дети смогут получить нормальное образование?

И кому нужна деревня, у которой нет будущего?

Возвращаясь обратно, мы проходим мимо просторного школьного здания с огромными светлыми окнами, которое в течение многих лет было родным домом и для учителей и для многих местных ребятшек. Но сюда они больше не вернуться. И никогда здесь больше не прозвучит первый звонок. Потому что это уже не школа, а так - здание, каким бы милым и родным оно не было все эти годы.

Говорят, что на него уже нашлись покупатели: из района приезжала какая-то комиссия посмотреть помещение - вроде бы для какого-то оздоровительного центра.

- Может и нам найдётся там местечко? - говорят при расставании учителя, и в их глазах мелькает робкая надежда.

Достал я звёздочку рукой

*В лесу задумчивый покой,
Чуть шелестит трава.
Достал я звёздочку рукой
Едва, едва, едва.*

*И в реку кинул я её,
Чтоб не страдать душой.
Вокруг всё тихо, не поёт
В душе моей покой.*

*Так может быть, в краю моём -
Неясна синева?
Всё спит волшебным лёгким сном
Едва, едва, едва.*

И юность приходит... уже

*Алеют стога,
Алеют луга
В заре.*

*И утром дышу я,
По лесу брожу я:
Трава в росе.*

*Повсюду прохлада,
И это награда -
Моей душе.*

*И детство проходит,
И юность приходит
Уже...*

Памятные книжки губерний. О чём писали краеведы 100 лет назад

В середине XIX века северо-восточная часть Андреапольского района входила в состав Холмского уезда Псковской губернии. Псковичи считали Волкоту «своей» рекой, поэтому те немногочисленные исследования, которые осуществлялись в то время, проводились псковскими краеведами, а сведения об этом районе, правда, довольно скудные, публиковались в псковских краеведческих изданиях.

Одним из таких источников вплоть до первой мировой войны были Памятные книжки, которые издавались губернскими статистическими комитетами во всех губерниях, в том числе в Псковской и Тверской. Надо сказать, что именно статистические комитеты, архивные комиссии в то время стали центрами изучения края. Они выпускали интересную литературу о губерниях, проводили исследования различных районов, организовывали анкетирование на местах, привлекая к этой работе учителей, священников, землемеров, агрономов, врачей. При газетах «Губернские ведомости» стали выходить специальные прибавления, в которых публиковались разнообразные краеведческие материалы.

Вторая половина XIX в. стала важным этапом в развитии отечественного краеведения, в исследовании родного края, в познании России, и Памятным книжкам здесь принадлежит особая роль.

Это небольшие справочные издания - маленькие энциклопедии о губернии и входящих в неё уездах. Они выходили в Пскове с 1850 года и служат до сих пор источником бесценной информации. Их достоинство - в получении буквально «из первых рук» конкретной, не искажённой информации о крае - его территории, экономике, народонаселении, местных промыслах, культуре, природе, составе и занятиях населения, вероисповедовании, церковных делах, состоянии здравоохранения, образования, судопроизводства и т.д.

Благодаря Памятным книжкам мы знаем сколько врачей, поживальных бабок было в Холмском уезде, их адреса и фамилии, какие сельские церковные приходы имелись в этом районе и фа-

милиии их батюшек, количество скота в уезде и видах на урожай, число родившихся и умерших детей в том или ином году, в каких местах проходили сельские сходы и ярмарки, в каком состоянии находилось судоходство и дороги, каковы расстояния между населёнными пунктами, месторасположения переправ через реки и даже какие цены в том или ином году были на скот, хлеб и на гербовую бумагу. В общем - уникальный срез местного общества со всеми его заботами и трудностями в том или ином году.

Когда мы впервые познакомились с этими книжками, с их страниц на нас так и пахнуло стариной, ароматом повседневной провинциальной жизни России XIX в.

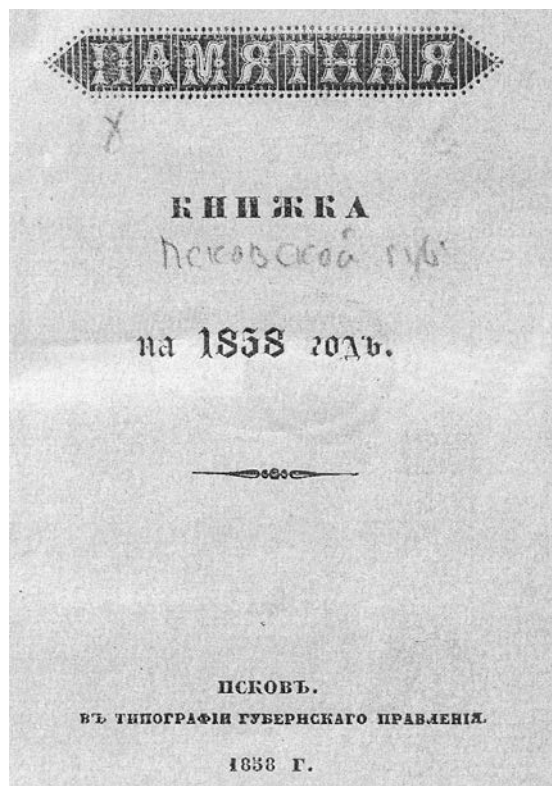
Последняя Памятная книжка Псковской губернии вышла в 1914 г. К сожалению, и по остальным губерниям они перестали выходить примерно в то же время - мировая война, революция, гражданская война: тут уж было не до краеведения и не до Памятных книжек.

Далеко не все из этих уникальных изданий дошли до нашего времени. И сегодня ни одна библиотека России не имеет их полного собрания. Они выходили небольшими тиражами, а некоторые из этих редких и ценных книг сохранились только в одном экземпляре. Мы знакомимся с этими раритетами по далеко не полному собранию Государственной исторической библиотеки в Москве.

В каждой такой книжке был так называемый официальный раздел. Мы знаем, кто управлял Холмским уездом, допустим в 1850 г., кто был предводителем уездного дворянства, какие государственные учреждения располагались на территории уезда. Знаем, что священником погоста в Жукове в 1882 г. был Пётр Михайлович Карзов, волостным старшиной 2 стана (Жуково-Торопацкой волости) был Наум Ананьев, а становым приставом - губернский секретарь Николай Алексеевич Иванов, и находился этот стан в с. Аксёнове - на севере нынешнего Андреапольского района, совсем недалеко от верховьев р. Волкоты.

В каждом выпуске публиковались статистические материалы.

В 1857 г. в Холмском уезде жило 27.517 человек мужского и 27.878 женского населения, из них 49.607 - православных, 61 - раскольников, 37 - протестантов и ни одного еврея или мусульманина. По сословьям картина была такая: 179 дворян, 732 служителя церкви, 63 купца, 247 мещан, 39.960 только помещичьих

В этой Памятной книжке Псковской губернии за 1858 г. опубликовано одно из первых упоминаний о р. Волкоте

крестьян и всего 10 иностранных подданных.

Число селений по уезду достигало тогда невиданного по нынешним меркам количества - 2.454, лавок было 20, а питейных заведений - 30.

По списку населённых мест Российской империи я выписал все деревни и усадьбы на 1872 г., расположенные по берегам Волкоты. Их оказалось 26, а сейчас осталось всего семь - Выползово, Заборовье, Песчаха, Волок, Быстри, Стеклино, Семченки. Да и в них живут одни дачники. А раньше в этом районе проживало 800 человек.

И это при высокой смертности и крайне

скудном медицинском обслуживании тогдашних деревень. Как сказано в Памятной книжке за 1869 г., на весь Холм и уезд тогда был только один врач - коллежский ассессор Карл Леонтьевич Мейер, фельдшер земской больницы Александр Громов, младший лекарский ученик Пётр Петрович Попов и одна повивальная бабка Федосия Топоркова. Но, несмотря на это, сельское население продолжало расти.

«...Впрочем, вообще, - как писал один исследователь этого края, - все жители, хотя ведут жизнь здоровую, но умирают между шестьюдесятью и осьмьюдесятью лет не старостию, а болезнями, к освобождению от которых не знают других, кроме простых, к перенесению весьма жёстких. При всём том, по соображению

умирающих со вновь рождёнными оказывается новое годное народное приумножение, которое, по всей вероятности, было бы ещё гораздо более, если б суровое детей в чёрных избах и почти без всякой одежды содержание и оспа, истребляющая множество малолетних, очевидно тому не препятствовали».

Конечно, самым желанным было рождение сыновей - без мужиков в деревне не прожить. Раньше говорили: «Первый сын - Богу (может умереть), второй (рекрут в армию) - царю, ну, а третий - себе на пропитание (останется работать в деревне)». Но и девочкам тоже радовались: «Девочка не щепочка - за окошко не выкинешь».

Вот так, несмотря на высокую смертность, население в здешних местах постоянно росло, потому что в каждой семье было по 7-10 детей, а не как сейчас - хорошо, если по одному ребёнку. Вот и получается - за счёт «народного приумножения» население России до революции продолжало расти, а мы сейчас каждый год не досчитываемся около миллиона человек... Этак лет через 50 от великой России останется только её обширная территория, которую, увы, уже некому будет защищать.

Интересные цифры мы нашли в Памятной книжке на 1857 год о состоянии народной нравственности и преступности. Там приведена любопытная табличка по Холмскому уезду, в которой сообщалось о количестве преступлений, совершённых за год. Так вот: выступлений против питейных заведений и акцизов (погромов трактиров и кабаков как в результате высоких цен на спиртное, так и против спаивания мужиков) в уезде вообще не было зарегистрировано ни одного, случаев бродяжничества - 11, преступлений с нанесением ран и увечий - 6, поджогов - 11, грабежей - 4. И ни одного убийства или самоубийства, воровства, и, что примечательно, преступления против веры и правительства, а также оскорбления чести и достоинства. Вот какие нравственные и порядочные люди жили в этих местах.

Если сравнить эти цифры с состоянием нравственности и преступности в нынешнее время, то оно будет явно не в нашу пользу. Только за первое полугодие 2006 г. по данным отдела внутренних дел Андреапольского района здесь было зарегистрировано 185 различных преступлений, из них 33 - тяжких и особо тяжких, одно убийство, 5 грабежей, 2 разбойных нападения.

И что примечательно - это значительно меньше, чем в любом другом районе области. Ведь по итогам I полугодия 2006 года работа отдела внутренних дел Андреапольского района признана лучшей по области, и ему было вручено переходящее знамя.

И дело даже не в качестве работы современной милиции, а в нынешнем колоссальном упадке нравственности не только на селе, но и вообще во всём нашем российском обществе.

В те годы на «состояние народной нравственности» большое влияние оказывала сельская церковь и сельские приходы. Органы правопорядка в виде жандармских чинов, исправников, судов и тюрем находились в губернских и уездных городах, а в волостях и деревнях располагались волостные правления, квартиры волостных старшин и становых приставов.

В то время на селе не было ни больниц, ни клубов, ни библиотек. Все эти функции приходилось выполнять сельским общинам и церковным приходам. Приход как раз и был тем общественным объединением, где решались многие текущие вопросы местной жизни, а батюшки часто были не только священниками, но и судьям, и учителями, и врачами.

Вот какое сообщение прислал в 1907 г. в Псков один деревенский священник: «При отсутствии медицинской помощи поневоле, за исключением иного прочего, приходится после напутствия своими же руками ставить и клистирную трубку: не дать же человеку умереть из-за того только, что операция эта не из приятных и для священника менее всего подходящая».

И если становой пристав или волостной старшина не могли добраться до каждой деревни, то сельские батюшки хорошо знали своих прихожан, да и приходы были «нарезаны» таким образом, что даже самая удалённая деревня находилась от церкви не далее 12-15 вёрст.

В общем священник и церковный приход были в то время самой влиятельной силой в деревне, так как были ближе всего к прихожанам, к их нуждам и повседневной жизни. По сведениям Памятной книжки на 1861 год в Холмском уезде тогда было 25 каменных церквей, 23 деревянных и 32 деревянных часовни. Но, естественно, наибольшим влиянием пользовались церковные погосты и приходы.

В Памятной книжке на 1879 г. помещена статья коллежского

ассессора Петра Евгеньевича Иванова «Статистические сведения о церквях, причтах и приходах Псковской епархии». В ней приводится не только перечень церквей и погостов, но и сообщается, когда они построены, какой землёй владеют, сколько приходов имеют, количество деревень и жителей в каждом приходе, средства на содержание причта, и даже расстояние дальней деревни от церкви. Как бы мы сейчас сказали, в то время церковная жизнь в деревне была максисально прозрачна.

В Жуково-Торопацкой волости в 1876 г. было шесть каменных церквей (погостов): *Бросно* (построена в 1761 г.; 46 десятин земли; в приходе 41 деревня, 111 дворов, 859 прихожан; средства на содержание причта - 800 руб.; самая дальняя деревня - в 15 верстах); *Жуково* (1801, 84 десятины, 32 деревни, 129 дворов, 1041 прихожанин, 1150 руб., 10 вёрст); *Торопаца* (1731, 60 десятин, 45 деревень, 1800 прихожан, 950 руб., 12 вёрст); *Говье* (1796, 139 десятин, 41 деревня, 117 дворов, 1113 прихожан, 12 вёрст, 1250 руб.); *Лучани* (1839, 67 десятин, 50 деревень, 204 двора, 1446 прихожан, 1050 руб., 12 вёрст); *Бологово* (1787, 212 десятин).

А теперь давайте посмотрим - сколько же сейчас церквей и часовень осталось в Андреапольском районе. В Холском уезде в 1861 г. было только каменных - 25 церквей, сейчас - одна в деревне Луги; было 23 деревянных храма - сейчас в г. Андреаполе один, да и тот новодел; раньше по деревням и на перекрёстках сельских дорог стояло 32 деревянных часовни, сейчас стараниями дачников построена одна часовня в д. Колотилово, строится одна небольшая церковь в пос. Бобровец, на берегу оз. Охват, часовня в Андреаполе. Уничтожена церковь в Жукове, в развалинах стоит погост в Бросно...

Но в Памятных книжках публиковались не только официальные материалы и статистические сведения. Для нас особый интерес представляют, хотя и редкие, но очень познавательные краеведческие статьи о крае, его истории и природе. Они помещались в четвёртой части сборников. В Памятной книжке за 1862 г. председатель псковского статистического комитета С. Бочков, который и издавал эти сборники, так определял назначение краеведческого отдела: «Хорошо было бы, если бы эти статьи были началом местных исследований, более точных и полных; если бы по поводу их явились опровержения и поправки. Деятельности, мыс-

ли, знания требует местная жизнь, потому что в местной жизни совершается движение, формируются новые интересы. Обо всём этом необходимо знать, необходимо и думать для живого дела». В подтверждение этих слов в том же номере Памятной книжки была помещена большая статья «Историко-статистические очерки Псковской губернии».

Но ещё за 4 года до этого призыва в Памятной книжке за 1858 г. в краеведческом разделе появилась статья о географической характеристике этого района с картой Псковской губ. по уездам. Как видно из этой карты, территория нынешнего Андреапольского района занимала часть Холмского уезда Псковской губ.: - на северо-востоке с границей по р. Волкоте с Тверской губ. и часть Торопацкого уезда (- на западе и юго-западе, включая погост Дубно).

Северо-восточная часть района была возвышенной и он, как сказано в Памятной книжке, принадлежал «к полосе льна и ржи». Здесь от Осташковского уезда Тверской губернии протянулась в сторону Псковской губернии возвышенная гряда Алаунской возвышенности. Так с лёгкой руки Птолемея раньше назывались Валдайские горы, а ещё раньше - Оковским лесом. Она проходила с северо-востока на юго-запад холмистой полосой, рассекая Оковский лес на две части - бассейны рек Ловати (на севере), Западной Двины и Волги (на юге).

Этот водораздел автор статьи называет «возвышенной болотной плоскостью». Отсюда, со скатов Алаунских гор, возвышенность спускается к бассейну Зап. Двины: «на этих горизонтальных уступах от застоя вод образовалось множество озёр, болот и мокрых равнин». Мы смогли сами убедиться в справедливости этих слов, когда вместе с нашими лодками скатывались, как по ступенькам, вниз по течению реки Волкоты.

Одни ступеньки были крутыми, другие - более пологими. Но как потом мы подсчитали, спустившись к озеру Охват, мы катились вниз по Волкоте, как на санках, с огромной горы, высотой почти в 90 метров.

Перепады высот на Волкоте хорошо видны из следующей таблицы.

Таблица высот над уровнем моря по течению р. Волкоты от начала до впадения в оз. Охват

Исток р. Волкоты	301м
Озеро Макаровское	238м
Озеро Волкота	236м
Озеро Отоловское	221м
Озеро Охват	212м

Вот с какой высоты нам придётся «прыгать» в озеро Охват.

В этой статье мы находим и одно из первых упоминаний о р. Волкоте, на которое ссылается и П.П. Семёнов-Тян-Шанский в своём «Географически-статистическом словаре Российской империи»: «р. Велькота (Волкота) имеет течение до 50 вёрст, замечательна обилием рек и озёр, сливающихся в её бассейн».

В Памятных книжках много других интересных сведений о лесах, почвах, полезных ископаемых - глине, песке, торфе: «Во многих болотах, преимущественно в Торопецком уезде, замечается присутствие железной руды, но она нигде не извлекается. Для домашнего употребления крестьянами во многих местах собирается железная окись, или ржавчина, из которой в смеси с ольховой корой выделяется жёлтая краска для окрашивания холста». Впрочем, это был не единственный рецепт крашения. Крестьянские мастерицы использовали также «красильные травы» - пупавку и марену для крашения шерсти и ниток. А нитки в зелёный цвет красили молодым берёзовым листом. Вот, оказывается, какими смекалистыми были местные крестьяне.

Конечно, в Памятных книжках нас в первую очередь интересовало мнение первых исследователей о природе, реках и озёрах края. Какие они были раньше, и какими мы их увидели сейчас. Эти сведения мы нашли в интересной статье тверского краеведа В.А. Преображенского. Она так и называлась - «Воды Тверской губернии» (Памятная книжка Тверской губернии за 1861 г.).

В.А. Преображенский, видимо, хорошо знал свой край и сам неоднократно бывал в этих местах. Очень современно звучат его слова об охране уникальной природы этих мест: «Прежде край был ещё водянистее: множество озёр давно заросло мхом и превратились в болота; многие болота высохли совершенно по случаю истребления лесов; многие озёра, находящиеся в низменных берегах, зарастают и теперь; водяные растения, во множестве раскидываясь у болотных берегов, год от году сильнее стесняют

озёра от берегов к середине, иногда сохраняющей ещё порядочную глубину; существование окон обращается в поверье о бездонных пропастях».

Но в этом крае, пишет Преображенский, немало озёр с крутыми и высокими берегами, их «глубина невероятная, простирающаяся по показаниям крестьян до 40 сажений (разумеется маховых¹), например, Витбино, Отолово, Корнево...» Если верить автору, глубина этих озёр достигает 70 метров.

»Есть озёра, которые славятся даже тем, что в них никогда не тонут люди, например Судомля в удельном селе Осечно». Как в Мёртвом озере в Палестине, вода здесь выталкивает пловца наверх.

Интересны его наблюдения над конфигурацией озёр и названиями их отдельных частей. Да мы и сами видели, что озёра в этих местах отличаются друг от друга - Бросно не похоже на Макаровское, а Волкота на Отоловское. «...Самые же части озера называются плёсами, если не очень отделены от соседних частей, и озёрами, если отделение это бросается в глаза, а заливы - луками».

Преображенский опубликовал свой очерк в Памятной книжке 1861 г., уже после выхода в свет широко известной карты Шуберта (1840). Но и тогда, по его мнению, на географических картах края было много неточностей и грубых ошибок.

Много пишет Преображенский и о рыболовных делах - одном из важных промыслов местных крестьян. И не только с точки зрения ловли рыбы и её доходности (так, в Отоловском озере в 1861 г. доход от рыбной ловли на одного рыбака составлял 70 руб., а на Заболотском (Макаровском) и того меньше - всего 30 руб.), но и возможностях искусственного её разведения в местных водоёмах. Сейчас многие, как Белоусов на оз. Бросно, хотят заняться искусственным разведением рыбы, а Преображенский более 150 лет назад уже призывал к этому энергичных предпринимателей.

»Для умножения улова рыбы, - писал он, - гораздо полезнее умножать выплод местных родов и видов рыбы, а из чужестранных разведение белуги вовсе отменить и разводить не одного осетра, но и другие роды речных рыб, для чего, по-моему мнению, можно из Сев. Двины, Волхова, разных рек Новгородской губернии и от гос-

¹ Сажень - русская мера длины, равна 2,1336 м, косая сажень = 2,48 м, маховая = 1,76 м.

подина Вражского (рыбный завод его с искусственным разведением рыбы находится близ пог. Станов в Демянском уезде в 70 вер. от Осташкова) привезти оплодотворённой икры: лосося, форели, сёмги, сига, корюшки, омуля и миноги; из других мест: белой рыбицы, карпа, ряпушки или переяславской селёдки, а из Волги - икру стерляди и волжской сельди, форель можно взять из речки Щебрихи, вытекающей в 7 верстах от озера Селигер».

Любопытно, что В.А. Преображенский не только пишет о необходимости ведения культурного рыбного хозяйства, но и даёт, так сказать, коммерческие советы и рекомендации: «С этой целью я считаю весьма полезным: назначить ежегодный отпуск из Осташковского банка приличной суммы тому, кто поохотится заняться разведением как помянутых, так и местных пород рыб, посредством искусственного оплодотворения икры и выпуска её в озере».

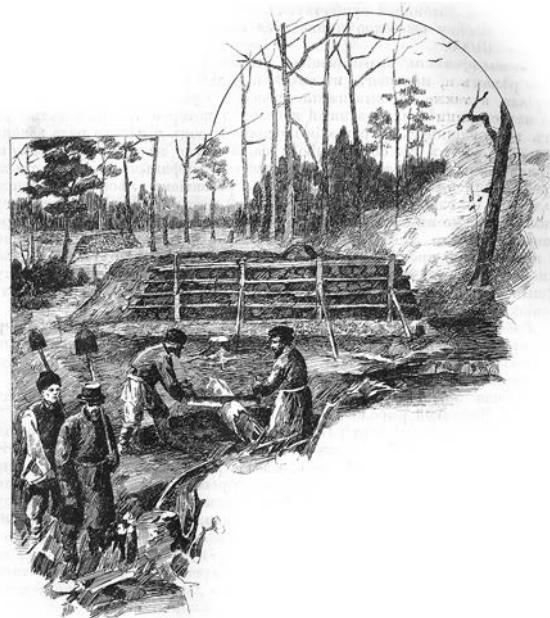
Так что, нынешним нашим предпринимателям да исследователям края тоже есть чему поучиться у краеведов теперь уже такого далёкого от нас XIX в.

В очерке Преображенского собрано немало других интересных сведений о крае. Это, пожалуй, одно из первых серьёзных краеведческих исследований, которое представляет интерес и для современного читателя.

Многие страницы Памятных книжек посвящены народным промыслам. Земля и пашни в здешних местах были скудными, многие поля сплошь усеяны валунами и мелкими камнями. Местные жители называли их «шкварец» и «жерствец».

Один из путешественников, побывавших в районе реки Волкаты в 1907 году, с горечью писал: «Безобразное зрелище представляют пашни, расположенные по суходолам района, каковы, например, поля д.д. Стеклино, Боталы. Озимые хлеба здесь редко удаются; сеют яровую рожь. Поля покрываются сорными травами, а, будучи запущены, зарастают вереском и папоротником орляком»...

Местное население в этих местах всегда страдало от малоземелья, и сельское хозяйство не в состоянии было прокормить не такие уж маленькие крестьянские семьи. Осенью и зимой целые деревни снимались с насиженных мест и занимались кустарными или отхожими промыслами. Уходили в большие города - С.Петербург, Москва, Псков и Тверь. Работали старьёвщиками, могильщиками,

Самым распространённым лесным промыслом в этих местах был обжиг угля и выгонка смолы. Фото М. Дмитриева из книги «Россия» (1899)

сплавляли лес, занимались извозом и мелкой торговлей, столярным делом и даже воспитанием детей-сирот, которых брали из С.Петербургского воспитательного дома, получая за это небольшое вознаграждение.

»Ныне стало много заниматься «выпрашиванием милости», - сообщали в Холм из одного волостного правления. Нищенством занимались целыми сёлами. Ну, а у себя в деревнях в длинные осенние и зимние вечера многие крестьяне зарабатыва-

ли себе на хлеб кустарными промыслами - углежжением и смолокурением, изготовлением телег, мебели, сундуков, бочек, корзин, ящичков, горшков, жерновов для мельниц.

В Холмском уезде в 1912 г. насчитывалось более трети деревень, где жители занимались кустарными промыслами. «Холмский у.... можно считать главным кустарно-ремесленным районом Псковской губернии» - такой вывод сделал один из исследователей, изучавших занятия сельского населения.

Смолокурением и производством дёгтя здесь занималось 57 дворов (116 человек), изготовлением телег и саней - 193 двора (367 человек), повозок - 385 дворов (679 человек), бондарным промыслом - 124 двора (194 человека), а изготовлением гончарных изделий - 65 дворов (111 человек). В 1896 г. в Жуково-Торопацкой волости насчитывалось 111 кустарей, которые постоянно занимались промыслом, а в Лучано-Бросненской - 74 человека.

В Памятных книжках неоднократно упоминаются деревни в районе р. Волкоты, где крестьяне издавна занимались различны-

ми ремёслами. Среди них деревни Грибель, Аксёново (изготовление розвальней, дровней, полозьев для саней), Микшино (сундуки, ящики для конфет, прялки), Кузнецово (жернова), Кресты (бондарный промысел). Но, пожалуй, самыми распространёнными были смолокурение и углежжение (Выползово, Боталы, Семченки, Заход) и, конечно, гончарный промысел.

Здесь прежде всего следует назвать д. Баканово - один из крупнейших гончарных центров края. В этой деревне почти всё население было занято изготовлением гончарных изделий для домашнего обихода, - горшков, чашек, мисок, крынок, рукомойников, цветных горшков и даже гончарных труб.

Для изучения бакановского промысла псковский губернский статистический комитет направил сюда в 1893 г. своего представителя - Затейщикова П., о котором мы подробнее расскажем в другой главе. Бакановцы работали в своих же избах на

Многие крестьяне занимались ямским и извозным промыслами

Летняя рыбная ловля вершами на речных перекатах. Из книги А. Сапунова «Река Зап. Двина» (1893)

гончарных кругах, которые делали сами. А глину покупали в погосте Дубна по 50 к. - 1р. за воз. Чистый доход, который получала семья, составлял 15-20 руб. за сезон (работали три месяца в свободное от с/х работ время), в месяц около 6 руб. Из Баканово горшки развозили по соседним деревням и продавали или меняли на хлеб. Но многие кустари везли свою продукцию на ярмарки в Псков, Тверь, Торопец или продавали её скупщикам оптом прямо в деревне.

Обжигание угля и добывание смолы в этом лесном краю было, пожалуй, самым распространённым занятием местных жителей. В Холмском уезде в 1912 г. этим промыслом занималось

88 хозяйств. Уголь обжигали из сосновых, реже еловых дров («пыльный уголь»), а смолу выгоняли из сгнивших сосновых пней («смольники»), при этом пни иногда добывали со дна озёр.

»Пыльный уголь» выжигали в специально вырытых ямах в местах, богатых глиной. Один угольщик за год мог выжечь около 100 четвертей¹ угля, затратив на это 5 куб. саженой дров. Одна четверть угля продавалась за 50 коп., а чистый доход составлял в совокупности 120 руб. - неплохой приработок для местного крестьянина.

Больше всего гнали смолу и дёготь в деревнях Лучанской волости. В д. Адоево, например, для выпаривания «варёнки» наливали в костёр 4 пуда смолы и варили два дня, получая 2,5 пуда вара. Так же варили смолу в д. Боталы. Наиболее богатые крестьяне вместо ям смоляной уголь и смолу изготавливали на специально построенных смолокурных заводах. Такие заводы работали в д.д. Измайлово, пустоши Нивки, а также в д. Внучки - это в каких-то 9-10 километрах от озера Волкоты. Но под силу это было только состоятельным крестьянам - оборудование для завода тогда стоило немалых денег - около 200 руб. Смола из этих мест сбывалась в Осташкове.

В те времена в деревнях изготавливалась и другая кустарная продукция - рубили срубы, пилили брёвна, щепали дранку из ели, драли лыко, изготавливали баржи, лодки и челноки, повозки, делали мебель (шкафы, сундуки, комоды, стулья, табуреты), мастерили лопаты, совки, коромысла, грабли, ложки, пробки, веретена, курительные трубки, корзины из лучины и прутьев, верёвку из пеньки, вязали сети, ткали ковровые дорожки, валяли валенки, обжигали известь и изготавливали кирпич, мастерили гармошки (по 10-25 руб. за штуку) и даже детские игрушки (деревянные лошадки, куклы, змейки).

Интересно, что идея изготовления деревянных змей родилась в стенах Холмского острога. Однажды председатель Холмского общества трудовой помощи А.А. Цур-Мелен (было такое в начале XX в.) предложил арестантам в порядке трудового воспитания заняться изготовлением игрушечных змей по привезённому им образцу и даже обещал наладить их сбыт через общество. Один заключённый из д. Удино быстро усвоил технологию, а когда вернулся в родную деревню, то и там начал изготавливать эти змейки. Этим занятием заинтересовались

¹ Четверть - русская мера объёма сыпучих тел = 209,9 л.

другие крестьяне. В марте 1913 г. уже 6 хозяйств освоили производство змеек.

Игрушки выделывали из кусочков осины, скреплённых двумя туго натянутыми нитями, вклеенными в спинку и брюшко змеи. Она извивалась и напоминала живую. В «пасть» змеи вклеивалось жало из тонкой кожи, глаза были вставные из дерева, спинка обклеивалась разноцветной соломой, окрашенной в яркие цвета - жёлтый, красный, синий. А сама змея красилась в чёрный или лиловый цвет. Вскоре этим промыслом стали заниматься многие деревни. Змея продавалась по 30 руб. за сотню штук. Каждый кустарь с 20 мая по 1 сентября (перерыв в сельхозработах) делал около 400 таких змеек и вместе с помощником зарабатывал за месяц 15-17 руб.

В общем, крестьяне не сидели без дела и работали круглый год.

С развитием промышленности промыслы с начала XX в. стали хиреть и забываться, многие крестьяне подались в города, и теперь изделия тверских и псковских кустарей можно увидеть разве что в краеведческих музеях. А очень жаль - многие из них следовало бы возродить, обучить старым ремёслам нашу молодёжь, пока ещё живы немногие носители этой уникальной крестьянской бытовой культуры...

Памятные книжки губерний и труды краеведов XIX в.в. нужны в серьёзном изучении. Ведь это такие же живые письменные памятники нашей истории и культуры, как, например, географические энциклопедии, летописные источники или старые географические карты.

Теперь с изделиями кустарей можно познакомиться разве что в краеведческих музеях. Краеведческий музей Торопацкой школы

Только на Валдае эти горы

*Только на Валдае эти горы,
Эта гладь зеркальная озёр,
И родные вечные просторы
С избами неброских наших сёл.*

*Здесь поют и пенятся истоки,
До которых трудный сложный путь.
Эти неизвестные дороги
Мы пройдем с тобой когда-нибудь.*

*Край ты мой, волшебный, необъятный, -
И душе и сердцу нет родней.
Для меня ты тайный, непонятный,
Край глухих, безлюдных деревень.*

*Только на Валдае эти горы,
Где в лесах сочатся родники.
Пусть твои широкие просторы
Будут вечно тихи и милы.*

В сосновом бору

*Есть мудрость, тайна в сосен шуме
И в дуновенье ветерка.
Иное - в мимолётной думе,
Иное - в музыке стиха.*

*И ты в бору не просто дышишь
Дурманом хвойных ветерков,-
Ты в скрипе сосен явно слышишь,
Как мчится вечность в глубь веков.*

Макаровское озеро. *Заколдованный исток*

Все реки где-то начинаются, одни - из заросшего мхом болота, другие - из лесного озера, третьи из родничка, бьющего из-под камня. Волга и Зап. Двина рождаются в болотах. А где начало Волкоты? На карте видно - тоненькая голубая ниточка бежит из обширного озера под названием Макаровского. Но мы знаем: реки в этих местах не только вытекают из озёр, они, как правило, проходят сквозь них, вбирая в себя всю воду, накопленную в этих водоёмах, и надо всегда искать ещё один ручеёк, который впадает в это озеро и набирает там силы, чтобы выплеснуться из своей материнской колыбели и побежать дальше, принимая и слева и справа всё новые притоки.

И, значит, надо плыть дальше вверх по Волкоте, чтобы наконец найти тот таинственный источник, с которого и начинается река.

Волкота - одна из самых неизученных рек Андреапольского района. В отличие от Зап. Двины, которой посвящены многие исследования и публикации, о Волкоте мы знаем крайне мало. Конечно, это - небольшая река, всего лишь приток Зап. Двины, но именно этот, первый и самый крупный в верховьях приток, и превращает Двину в полноводную реку. Вливаясь в Охват, Волкота наполняет озеро своими водами, и, кто знает, не будь Волкоты, смогла бы Двина выскочить из цепких объятий озера, выплеснуться из него и, преодолев пороги, стремглав побежать дальше, вбирая в себя другие большие и малые ручейки и речки.

И, конечно, мы не знаем о том, где находится начало Волкоты. Да и что там говорить, если до нашей экспедиции 1989 г. исток Зап. Двины тоже был неизвестен и никак не обозначен на картах. А ведь эта река - не чета маленькой лесной речке, каких немало в российской глубинке.

Сведения о начале Волкоты и в старой и в современной литературе скупы и неконкретны. Да и местные старожилы, рыбаки и охотники тоже были не словоохотливы: «где-то в Валдайских горах», «вытекает из озера Волкота», «её начало в Макаровском озере», «нет, её исток - в Ульянинские озёра»...

Макаровское озеро встретило нас тихой, безоблачной погодой

По существу, все авторы ссылаются на мнение нашего замечательного географа П.П. Семёнова, высказанное им ещё в 1863 г. в «Географическо-статистическом словаре Российской империи»: «Велькота (Волкота), р. Псковской губ., правый приток Зап. Двины. Берёт начало в Холмском у., течёт к ю.-в. в пологих, вообще лесистых берегах, местами заливаемыми лугами ... и впадает в Зап. Двину после 50 вер. течен. Шир. реки до 6 саж., а в полную воду до 40 саж., глубина незначительна. Велькота имеет много бродов, течение её тихое. Сплав леса по ней незначителен, так как этому сплаву препятствуют озёра, через которые она проходит». Почти буквально повторяет эти слова и исследователь З. Двины краевед А. Сапунов в своей книге «Река Зап. Двина» (1893). В общем, являясь самой девственной и таинственной рекой Андреапольского края, она остаётся и самым мало исследованным притоком Зап. Двины.

Но карта звала нас вперёд, туда, где среди болот и лесных зарослей притаилось Макаровское озеро. Здесь и рождается Волкота. Но где следует искать её исток? В озеро с запада и востока

впадают довольно значительные речки - Никитиха и Лиговка, а с севера в Макаровское озеро вливаются ещё три маленькие безымянные речки - одна начинается возле д. Грибель, другая рядом с д. Заболотье, а третья течёт между ними (на ней стояла теперь уже не существующая д. Осипово). Мы их так между собой и называли Грибельский, Заболотский и Осиповский ручьи. Но вот какой из них является истоком Волкоты - это была загадка. И разгадать её можно только, побывав на озере Макаровском.

К этому озеру по воде вела только одна дорога - на север через озеро Волкота. Его надо было пересечь с юга на север, чтобы найти устье впадающей в него реки Волкоты.

Озеро здесь широкое, едва-едва видны берега. Только в подзорную трубу можно рассмотреть одинокую избу в д. Новинки, где мы побывали вчера с тверским Соловьём. Но потом берега сужаются, и мы входим в узкую извилистую протоку.

Здесь кончается озеро Волкота и начинается река, текущая по обширному лугу, поросшему чахлыми берёзками и болотной травой, но уже в своих берегах.

Берега здесь такие низкие, что, кажется, байдарки плывут прямо по лугу, пробираясь среди нависшей над водой травой и кустарником. Вокруг - россыпь кувшинок и лилий, их бутоны с капельками росы ещё не раскрылись и стоят, как солдаты, вытянув по швам свои руки-лепестки.

Странное дело, мы плывём вверх по реке, но не видно ни течения, ни колебания водорослей в воде. Река застыла в оцепенении, словно боясь выплеснуться на берег и зелёную траву.

- Смотри, - кричит Сержант, - она течёт в обратную сторону, - и кивает на водоросли: они медленно колышутся, распуская свои бороды в направлении нашего движения.

Озеро Волкота здесь, видимо, так подпирает реку, что она замедляет течение, останавливается и даже начинает двигаться назад.

Я бросил с лодки маленькую щепочку, она плюхнулась в воду, да так и застыла на зеркальной поверхности. Всё. Волкота остановилась.

В этом месте река неширокая - метров десять, иногда уже, иногда шире - в глубоких бочагах. По берегам много бобровых хаток и старых, почерневших от времени кольев - остатков старых рыболовных заколов.

- Ещё немного, - успокаивает нас Сержант, - и мы в Макаровском озере.

Но мы плывём ещё часа два, а озера всё нет. Река петляет по болоту с тёмным угрюмым лесом по берегам. И нет ему ни конца, ни края.

И вдруг река кончилась. Это было так неожиданно, что все в растерянности замолкли. Перед нами, поперёк реки возник берег, а река исчезла. Как будто кто-то вонзил в русло черенок огромной лопаты, да так и оставил его в реке. Только где-то в осоке тихо журчала вода, пропадая в лесных зарослях.

Мы долго блуждали по осоке, пока не нашли крохотную протоку, почти перпендикулярно отходившую от речного «тупика». Она извилистой змейкой бежала куда-то вдаль, туда, где виднелась светлая поляна. Протока, заваленная камнями, была так мелка, что мы вылезли из лодок и, как бурлаки, потащили их дальше. Река текла, текла навстречу нам, извиваясь между валунами.

И тут за поворотом перед нами возник завал: поперёк русла, перекинутая с одного берега на другой, лежала старая берёза. К её стволу перпендикулярно были прибиты толстые доски, другой конец которых упирался в песчаное дно. Это был старый полу-сгнивший пешеходный мостик, перекинутый через речку косарями, видимо, тогда, когда на этом лугу ещё косили траву. Сейчас эту давно некошеную траву, в которой не было видно даже головы нашего Соловья, не взяла бы ни одна, даже самая мощная сенокосилка.

Сержант прошёл несколько шагов по берегу и присвистнул: вдалеке виднелась ещё какая-то плотина, а за ней другая... Перетаскивать тяжело гружённые лодки через эти препятствия было сверх наших сил.

- Вот тебе и Макаровское озеро, - загрузил Наг. Сержант попробовал обнести лодку по берегу, но, выбившись из сил, сказал:

- Всё. Надо поворачивать назад.

Это самый трудный участок пути в верховьях Волкоты. Здесь, уже в отрогах Валдайских гор, Волкота натывается на песчано-каменистую гряду и буквально прогрызает в ней глубокое, но узкое русло, а затем падает вниз, устремляясь в озеро Волкоту. Пе-

Лодки пришлось проводить вручную по узкой и мелкой в этих местах р. Волкоте

репад высот между уровнями воды в Макаровском озере и озере Волкоте составляет не менее двух метров. А между ними - как раз и находилась эта Чёртова поляна, как окрестил её наш Соловей, и через которую мы так и не смогли пробиться в тот раз к Макаровскому озеру.

На нашем пути ещё будет немало трудностей и разочарований. Но это было первое, и, наверное, поэтому такое памятное.

Пришлось возвращаться на прежнюю стоянку по «старой смоленской дороге».

...Чёртову поляну мы с Сержантом осилили только на следующий день с помощью надувной резиновой лодки, которую взяли с собой для рыбной ловли. Нага и Соловья оставили в лагере, а сами налегке отправились в путь на байдарке.

- Вот так всегда, - обиделся наш поэт, - как дрова таскать- так молодец, а как исток искать - так маленький.

Но смирился.

До Чёртовой поляны мы добрались на байдарке, а потом пе-

ресели на надувную лодку, чтобы легче было перетаскивать её через препятствия. А байдарку оставили прямо на берегу.

Мостик, который мы не смогли преодолеть вчера, прошли успешно, обнеся лодку по берегу. Но метров через сто послышался шум воды, какой бывает на речных перекатах, и впереди показалась плотина. Но не из брёвен и не земляная. Это была какая-то странная и необычная плотина, сооружённая из деревянных кольев, аккуратно перевитых, как изгородь, длинными ветками. Высота плотины от дна - около метра-полтора, а ширина - тоже около метра. Все сучья и колья были обмазаны землёй и глиной, да так плотно, что вода еле-еле просачивалась сквозь них. И только сбоку от плотины у самого берега весело бежали сверху струйки воды.

Это странное сооружение плотно перегораживало довольно узкую здесь реку, а по другую её сторону виднелось небольшое озеро с чистой и спокойной водой, но поднятой над уровнем реки где-то не менее, чем на пятьдесят сантиметров. Верхняя часть

Эту узкую протоку в сплошных зарослях осоки с трудом пробила байдарка Сержанта

плотины находилась почти вровень с этим запруженным озерцом, и когда Сержант взобрался на её вершину, то по примятым его телом сучьям прямо через плотину начали хлестать потоки холодной воды.

Это препятствие мы преодолели ползком, как моржи, вылезающие на льдину. Впереди была чистая вода.

Но наша радость была преждевременной - за поворотом показались очертания ещё одной такой же плотины.

Мы остановились.

- Кому это в голову пришло запрудить реку? - недоумевал Сержант, - рыбаки что ли?

Но это были не рыбаки... Это были всё те же бобры, хатки которых мы встречали по берегам Волкоты. Они так ловко перегородили здесь реку, что превратили Чёртову поляну в каскад маленьких озерков, по которым мы, как по ступенькам, поднимались всё выше и выше к Макаровскому озеру.

Перекинув «резинку» через очередную плотину, а потом через наплавной мостик из толстых брёвен, мы наконец-то попа-

Река Волкота в этих местах перегорожена бобровыми плотинами

даем в основное русло реки Волкоты. Вода тут тихая и спокойная. Река становится шире, течёт, хотя и в болотистых, но в своих берегах. Казалось бы - плыви и наслаждайся живописными пейзажами.

Но река снова показывает свой характер. Не проходит и полчаса, как лодка снова упирается в частокол кольев, перегораживающих реку, как изгородями. Эти торчащие из воды почерневшие от времени колья - остатки старых сооружений местных рыбаков. Сейчас в них давно уже не ловят рыбу, но для резиновой лодки, да и для байдарки - они опасны: так и норовят вонзиться в бок и пропороть тонкую резину.

Перед очередным заколом мы опять вылезаем из лодки и, балансируя по «тыну» из тонких подгнивших жёрдочек, буквально пропихиваем нашу лодку по другую сторону «забора». Однажды Сержант сорвался с «насеста» и ушёл с головой в воду - глубина в проходах через закол бывает довольно большой.

Таких заколов до Макаровского озера мы насчитали свыше десятка. Сержант помрачнел: десять - туда, десять обратно, да ещё две бобровые плотины и два моста - сколько же препятствий нам предстоит преодолеть на обратном пути?

Река исчезла так же неожиданно, как и заколы, и узкая протока шмыгнула в заросли тростника. Сквозь него не было видно ни берега, ни реки и, казалось, даже самого неба: стебли тростника шумели своими метёлками где-то высоко над нашими головами. Куда плыть - неизвестно: осока стеной преграждала нам путь.

И вдруг всё меняется: заросли осоки раздвигаются, как занавес в театре, и за нами с лёгким шуршанием захлопывается зелёная шторка тростника. Впечатление такое - как будто мы попадаем в залитый софитами театральный зал: озеро всё переливается в свете солнечных лучей, а от его берегов амфитеатром разбегаются в стороны зелёные луга и холмы, окаймлённые тёмной полосой кустарника и далёкого леса.

Прямо посередине озера тянется вереница вешек. Они обозначают рыбацкий фарватер - путь к далёкому, едва видимому противоположному берегу.

Таким нам и запомнилось Макаровское озеро: солнечным, тихим и безлюдным - ни одной рыбацкой лодки, ни одной деревеньки вокруг.

Сейчас здесь никто не живёт. А в прежние времена стояло несколько деревень и хуторов, особенно на западной холмистой стороне, где в озеро впадает речка Никитиха.

На этой реке совсем недалеко от озера раньше находилась деревня Словянец (Самухино) - в 1872 г. в ней было всего три дома и жило семь мужиков и десять женщин. А рядом стояла ещё одна деревня - тоже Словянец, но уже Никитиха. Здесь было уже четыре избы и 20 жителей. Рядом с озером, но уже на реке Волкоте, располагался ещё один Словянец - Судеревье. Кстати, участок реки Волкоты между озёрами Волкота и Макаровским раньше назывался Судеревьем по имени небольшого сельца.

Оно также не дожило до наших дней, но его название сохранилось - так теперь называется небольшое озеро вблизи бывшей деревни. Дорога по деревянному наплавному мосту через Волкоту, где мы только что перетаскивали свою лодку, как раз и вела к этой давно исчезнувшей деревеньке. В 1872 г. в ней насчитывалось всего два дома и жило 6 человек.

Не правда ли - любопытно, что все три деревни носили одно и то же название? Но чтобы их как-то отличать друг от друга, каждая из них имела второе название - Самухино, Никитиха, Судеревье.

Слово «словянец» вряд ли имеет какое-либо отношение к «славянам». Можно согласиться с В. Далем: оно происходит от слова *словеть* или *слаэть*, что означает «ровно» и связано с местоположением этих деревень - на ровном, очищенном от леса месте.

В словаре даётся объяснение и слову *судеревье*. Предлог *су* в русском языке часто употреблялся в значении, близком под. Даль приводит немало таких слов: *суболоток* - мокрое, болотистое место, но ещё не болото; *сугорок* - пригорок, холм; *сузелень* - вблизи или среди мелколесья, что вполне соответствует местному ландшафту.

Что же касается деревень Никитихи и Самухино, то, видимо, свои названия они получили от собственных имён первопоселенцев: таково происхождение многих других здешних деревень.

На всех картах указывается, что Волкота вытекает из Макаровского озера. И это, как говорится, непреложный географический факт. В этом случае, если уж обозначать начало реки каким-либо знаком, то памятный столб следовало бы установить прямо

Наплавной мост через Волкоту в бывшую деревню Судережье

в воде, в зарослях тростника, т.е. как раз в том месте, где только что проехала наша лодка.

Все реки и речки Оковского леса вытекают из озёр или болот. Но мы почему-то не считаем, что Волга начинается с оз. Стерж, а Зап. Двина - с оз. Охват. Потому что люди издавна искали начало рек выше - в тех самых маленьких речках и ручейках, которые впадали в эти озёра. И за исток принимали то болотце или речку, где они рождались, какими бы мелкими и неказистыми эти речки не казались.

Макаровское озеро - колыбель Волкоты, но не её исток, а исток-то как раз и надо искать в тех речках, которые впадают в это озеро. Никитиха и Лиговка сразу отпадают: на то они и зовутся Никитихой и Лиговкой, чтобы не быть Волкотой - назвав их издавна так, народная память навсегда определила их статус: рек, впадающих в озеро Макаровское, в отличие от Волкоты, которая проходит его насквозь и вытекает из этого озера. И значит на всё, что может претендовать и Никитиха и Лиговка - это быть самы-

ми значительными, протяжёнными и самыми полноводными, но всё-таки притоками р. Волкоты. А истинную Волкоту надо искать среди тех безымянных речек, которые вливаются в озеро с севера, стекая с огромной водораздельной гряды Оковского леса.

Так считал и наш выдающийся географ, автор знаменитого «Географически-статистического словаря Российской империи» (1863-1885 гг.) П.П. Семёнов-Тян-Шанский: «Велькота (или Волкота),...- писал он, - проходит через озёра: Заболотье (Макаровское. - А.П.), Велькота...Отолово и Охват-Жаденье». Обратите внимание - именно *проходит* через озеро Заболотье.

А где же она начинается?

Наша лодка пристала к небольшой поляне на северном берегу Макаровского озера - совсем рядом с устьем Грибельского ручья. На карте он узкой змейкой вился на север и пропадал пунктиром где-то на холмах возле д. Грибель.

Вдоль него, если верить карте, прямо от нашей стоянки в сторону д. Грибель тянулась ниточка старой просёлочной дороги. Километра через два она пересекала ручей почти у самого входа в деревню. Поэтому, отправляясь с Сержантом в путь, мы были уверены, что никак не минуем этого ручейка.

Сворачиваем с дороги в глубокий овраг, чтобы наконец-то увидеть эту долгожданную и таинственную речку. Пахло сыростью и прошлогодней листвой. Маленький ручеёк журчал на дне, прыгая по камням и образуя крохотные бочажки, в которых во всю веселились жёлтые блестящие песчинки.

Сержант зачерпнул рукой пригоршню воды - она была чистая и холодная как будто из колодца. От холода заломило зубы.

- Родниковая, - подтвердил он.

Мы сделали на память несколько фотографий...

Идти по оврагу было трудно - ноги утопали в болотной жиже и мокром песке, а всё русло было перегорожено стволами упавших деревьев. Мы снова вернулись на дорогу. Она вывела нас из леса на большое поле, всё жёлтое от когда-то посеянного здесь люпина. А потом вдруг нырнула в ложину, по дну которой весело бежал звонкий ручеёк.

- Вот он - Грибельский ручей, - радостно крикнул Сержант и растерянно остановился.

Ручеёк бежал совсем не вниз, в сторону Макаровского озера,

а, наоборот, вверх, на север, куда он ну никак не должен был течь.

А куда же делся Грибельский ручей? - пробормотал Сержант. Поползли тревожные мысли...

Мы прошли по дороге километра полтора, но она всё больше забирала направо, в сторону д. Заболотье.

Небо заволокло тучами, пошёл дождь, и дорога превратилась в сплошное месиво. Пришлось повернуть назад.

Теперь озеро выглядело совсем другим - серым, холодным, таинственным. Садясь в лодку, мы оглянулись: размокшая от дождя дорога уходила от берега вверх и исчезала в тёмной пелене дождя. Вокруг стояла гулкая и хмурая тишина, и озеро казалось тревожным и загадочным, словно недовольное тем, что кто-то потревожил его покой. И явно не хотело расставаться с какой-то ещё непонятной и неразгаданной нами тайной.

Было грустно и тоскливо.

* * *

В лагере нас уже ждали Соловей с Нагом.

- Ну что, нашли?

- Нет, - Сержант был угрюм и немногословен. - Не нашли. Чертовщина какая-то.

Тверской Соловей приуныл: он так хотел побывать на истоке, в этой загадочной деревне Грибель.

И вот всё рухнуло в одночасье. Когда нам ещё придётся побывать в этих местах?

Мне стало жаль его.

- Мы обязательно вернёмся сюда снова.

- Когда?

- В будущем году, даю слово. И непременно найдём исток Волкоты.

Я положил свою руку на его ладошку и крепко сжал её.

- И я с вами, - поддержал нас Сержант.

- И я, - тихо сказал Наг.

Вот так мы и стояли под дождём на берегу озера Волкота, скрестив свои руки и дав слово обязательно вернуться в эти места и найти тот заветный родничок, который никак не хотел открывать нам свои тайны.

Маруся выглядывала из палатки и кивала мохнатой головой.

* * *

Уже в Андреаполе, проявив походную плёнку с кадрами Грибельского ручья, мы обнаружили, что она полностью засвечена.

Чудеса продолжались.

Со словарём В.И. Даля в рюкзаке Озеро Макаровское

Озеро на севере Андреапольского района, из которого вытекает р. Волкота. Название, видимо, от д. Макарово, которая некогда находилась рядом с озером. Происходит название от личного имени Макар. В Тверской обл. немало названий, в основе которых лежит это имя: Макариха, Макаров, Макаровская Горка, Макарьево и др.

Жил на озере Макар¹,
Он не молод был, не стар.
Стал он жить здесь поживать
И телят в луга гонять.

Был Макар отменный плут -
Браконьерствовал вокруг.
И мужик не так, не сяк:
Клянчил он у всех табак.

Раз на озеро за рыбой
Он поехал, может к милой².
И пропал совсем Макар,
Хоть не молод был, не стар.

¹ Макар - «Прозвище. Это лучшие рыболовы и целовальники, почему откупщиков и вообще всех плутов зовут *Макарами*; *Макарыга*, *макарьевский*- нищий, пск. твр. - наглый, безответственный, попрошайка». Пословицы: Я тебя туда спроважу, куда Макар телят гонял. На бедного Макара все шишки валятся.

² Рядом на р. Никитихе возле её впадения в оз. Макаровское находились деревни Словянец (Никитиха) и Словянец (Самухино) - не сохранились, а севернее озера - д. Макарово (не сохр.), где, видимо, и жил Макар. Вполне вероятно, что гипотетический Макар из д. Макарово ходил именно в эти деревни и выпрашивал там семушку вина (см. «Самухино (Словянец»). - А.П.

И теперь теляток стадо
Ходит в поле без Макара.
С тех пор озеро, что тут,
Все Макаровским зовут.

Самухино (Словянец)

Деревня (не сохранилась) на реке Никитиха у впадения её в оз.
Макаровское:

На Никитихе стояла
Семьяком¹ Самухино.
Всем селом здесь отмечали
Сёмкин день на Духино².

На семик³ все наряжали белую берёзку,
Ну, а бабы надевали
Новую обновку.

Мужики не отставали -
Ставили осьмушку.
И соседей в гости звали
Выпить по косушке.

Но пришёл всему конец:
Было много слуху,
Что пропили Словянец
За одну семуху⁴.

¹ Семьяк - «сюда, по сю сторону».

² Сёмка - «Троицын и Духов день, Пятидесятница», церковные праздники.

³ Семик - «это седьмой от Пасхи четверг, рядят берёзу, водят хороводы, встреча весны».

⁴ Семуха, пск., твр. - «осьмушка вина, косушка, на 7 коп.»

Здесь реки начинаются

*Здесь реки начинаются
И бьются родники.
Хочу от сердца каяться
За жизнь и за грехи.*

*Молитва покаянная
Блуждает по лесам.
О, жизнь моя туманная, -
Я верю чудесам.*

*Ты, детство долгожданное,
Помедли, погоди.
Пусть будут литься ранние
Волшебные стихи.*

*С вершин Валдая ветренных,
Где тянется гряда, -
Там жизнь течет помедленней,
Чем речка Волкота.*

Отыщем - не спеши

*На дне ущелья темного,
В неведомой глуши
Ручей истока горного
Найдем мы - не спеши.*

*Возьмем рюкзак с палаткою,
Кусочек бересты.
Мы в путь пойдем с байдаркою,
Отыщем - не спеши.*

*Отыщем - дело сделано,
Хоть много там проток.
С друзьями мы исследуем
Заветный тот исток.*

*На дне ущелья темного
Течет в лесной тиши
Ручей истока горного
В неведомой глуши.*

Так где же начинается Волкота?

Странная версия гидролога Штукенберга

Впрочем, а почему мы считаем, что Волкота начинается в районе Грибеля? И сейчас на этот счёт среди краеведов имеются различные мнения. Так же, как и в XIX в., когда маститые учёные спорили, где находятся истоки Волги или Зап. Двины. Не обошли эти споры и маленькую тверскую речку Волкоту.

Если выдающийся российский географ Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский (1827-1914) считал, что Волкота начинается в районе Заболотского (Макаровского) озера, то его предшественник известный русский гидролог и исследователь рек в Европейской России Иван Фёдорович Штукенберг (1788-1856) помещал начало Волкоты совсем в другое место - туда, где сейчас находится озеро Осечно.

Конечно, они жили в разные годы, Штукенберг умер, когда Семёнову было 29 лет, и я не уверен, что они лично встречались друг с другом. Но труды Штукенберга о реках России Пётр Петрович знал хорошо и даже ссылался на них в своём знаменитом «Географически-статистическом словаре Российской империи» (1863). Но так уж получилось, что эти две основные точки зрения на начало Волкоты соревновались между собой вплоть до конца XIX в., и даже такие видные учёные и краеведы, как А. Сапунов не знали какой из них отдать предпочтение. С одной стороны он в своей книге о Зап. Двине почти дословно повторяет выводы П.П. Семёнова: «Волкота, или Вельхота, берёт начало в Холмском у. Псковской губ.;...проходит через озёра Заболотье, Велькота, Б. и М. Каменное, Долгое, Отолово и Охват-Жаденье; впадает в Двину после 50 в. течения». Но в этой же книге А. Сапунова, перелистав несколько страниц, я с изумлением натолкнулся вот на такие слова: «Недалеко от озера Охват-Жданье, из которого течёт Двина уже как значительная речка, впадает в неё Волкота, довольно широкая и глубокая, весною плотосплавная река и даже в летнее время довольно обильная водою, *вытекающая близ озера Витбино* (выделено мною. - А.П.), которое имеет длину 10 в.»

Вот тебе и на. Это же почти дословное повторение версии Штукенберга! Получается, что даже в конце XIX в., спустя почти полвека, когда Штукенберг выдвинул свою версию, у учёных ещё не было единой точки зрения.

И кому верить - П.П. Семёнову-Тян-Шанскому или И.Ф. Штукенбергу? Вот такой заочный спор двух выдающихся русских учёных и незаурядных личностей.

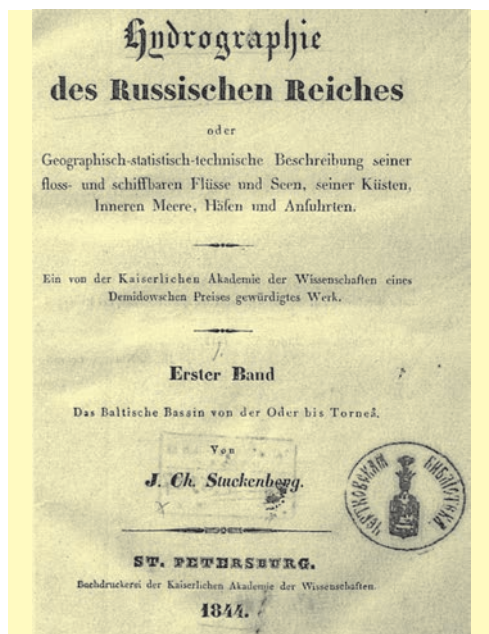
Иоган Христиан (по-русски Иван Фёдорович) Штукенберг был по национальности немец. Я уже писал о нём в своей книге «Загадка Янтарной реки». Сейчас хочу лишь напомнить некоторые моменты его биографии, связанные с Россией.

Он родился в герцогстве Ольденбургском, в местечке Бланкенбург, где его отец управлял богоугодными заведениями. Получил хорошее домашнее образование, учился в известных немецких университетах. А потом по примеру многих немцев решил попытаться счастья в России. В Петербурге он определился на службу унтер-офицером в морскую артиллерию, потом стал колоновожатым. В те времена, как отмечает В. Даль, так назывались офицеры, которым поручалось вести колонну. В 1811 г. переводится на службу в корпус инженеров путей сообщения. С этого момента вся его дальнейшая работа будет связана с Тверской губернией, куда он был определён на службу, с Вышним Волочком и другими уездами.

Во время нашествия Наполеона на Россию, Иван Фёдорович отправляется в армию, участвует в сражении под Смоленском и битве при Бородине. Как инженер, он наводит мосты для наступающей русской армии, за что получает боевые награды.

В 1814 г. он опять возвращается в Вышний Волочок и назначается директором Боровицких порогов - была такая должность в ведомстве путей сообщения, а затем директором московского тракта между Тверью и Новгородом.

Иван Фёдорович несомненно обладал талантом исследователя, учёного, он увлекается географией и статистикой, и это помогает ему впоследствии получить в Петербурге место картографа или, как тогда называлась эта должность, - архивариуса депо карт Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Здесь он работает с выдающимся русским картографом, тоже немцем, Ф.Ф. Шубертом. В 1851 г. становится библиотекарем в музее графа Румянцева (нынешняя Государственная российская

Титульный лист книги И.Х. Штукенберга
«Гидрография России» (1844)

библиотека), где и прослужил до конца своей жизни (1856). В 2006 г. исполнилось 150 лет со дня смерти известного географа и картографа России.

Его научная деятельность началась в 1826-1828 гг., когда он составил свои первые карты по «водяным сообщениям России». Но главным его трудом стала многотомная (6 томов) книга - «Гидрография Российского государства», работе над которой он отдал 20 лет своей жизни. Книга любопытная - в ней собрано описание всех более или менее значимых рек и водных каналов России. За работу над ней автор получил престижнейшую по

тем временам Демидовскую премию.

Перу Штукенберга принадлежат и многие другие его научные труды - «Указатель для изучения России в отношении географии, этнографии и статистики» (1849-1852), статистическое исследование «Россия в отношении к обилию почвы и её разработке к земледелию, промышленности и торговле», описание 38 губерний (по материалам журналов, газет «Губернских ведомостей» того времени).

Штукенберг был избран членом-корреспондентом учёного комитета министерства государственных имуществ и членом-сотрудником императорского Русского Географического общества.

Вот такой немец по происхождению, но замечательный русский учёный, для которого, как и для В.И. Даля, Россия стала второй Родиной.

К сожалению, его главное сочинение - «Гидрография Российского государства» (1844) было написано на немецком языке и потому неизвестно широкому российскому читателю. Книга до сих пор не переведена на русский язык. А зря - это, пожалуй, первый

такой полный и обстоятельный свод сведений об истоках, торговле, судоходности, грузообороте наших рек середины XIX в. И до сих пор представляет большой интерес для современного читателя, особенно краеведов.

Так вот, листая эту книгу, мы обнаружили в первом томе небольшую статью о реке Волкоте. Насколько я знаю, это вообще первая подобная публикация о Волкоте. Перевели со словарём и ахнули - по Штукенбергу река начиналась вовсе не там, где мы сейчас находились.

Впрочем, судите сами - вот полный перевод статьи о Волкоте, помещённой в первом томе «Гидрографии российского государства» (на русском языке публикуется впервые).

«Волкота

В районе Осташкова Тверской губернии, на границе их с Торопцем вытекает из одного маленького, не обозначенного на карте озера; протекает одно после другого два одинаковых озера у деревни с церковью *Якимовское*¹, - *Отолово* и *Гори*; и, наконец, впадает в озеро *Охват-Жаденье*, из которого вытекает З. Двина, - проточное озеро 40 вёрст длины, и весной разливается на всё это расстояние.

Оба верхних родниковых озера находятся только в двух верстах от *Витбино*, из которых сухопутный путь (*волок*. - А.П.) имеет сток в Волгу: - было бы интересно исследовать эту местность относительно соединения Волги с Зап. Двиной».

Вот и всё. И опубликованы эти сведения были в 1844г. Значит, ещё в первой половине XIX в. считалось, что Волкота начинается вовсе не в районе Макаровского озера, а вблизи озера Витбино? Так это или нет, но на Штукенберга стали ссылаться многие исследователи, пока другой наш выдающийся географ - П.П. Семёнов-Тян-Шанский спустя 20 лет не заявил: начало Волкоты совсем в другом месте - возле озера Заболотского.

Знаменитый русский учёный Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский родился в 1827 г. в имении своего отца в Рязанской губернии. Окончил Санкт-Петербургский университет по естественному отделению. Потом по заданию Вольного экономического общества занимался исследованием чернозёмной полосы Рос-

¹ Здесь и далее выделено мною. - А.П.

сии, написал труд «Природная флора» (1851), за который получил от Санкт-Петербургского университета степень магистра ботаники. Был избран членом Русского Географического общества, с которым впоследствии будет связана вся деятельность Петра Петровича.

Он прошёл все административные ступеньки этого общества: библиотекарь, секретарь, помощник председателя и председатель отделения физической географии. А с 1873 г. и по день своей смерти в 1914, он - бессменный вице-председатель Императорского Русского Географического общества

Будучи за границей в Германии, познакомился с выдающимися немецкими географами А. Гумбольдом и К. Риттером. Именно по их совету он задумал совершить путешествие в глубь Азии. В 1856 г. он от Семипалатинска прошёл в г. Верный (Алма-Ата) и оттуда через Буамское ущелье к Иссык-Кулю. В Азии Пётр Петрович пробыл около двух лет, собрал обширные ботанические, зоологические и геологические коллекции.

Путешествие по Тянь-Шаню 1856-57гг. он подробно описал в своих мемуарах. За выдающийся вклад в исследование Центральной Азии Семёнову было присвоено почётное наименование Тянь-Шанский.

Будучи руководителем Географического общества, он являлся духовным отцом большинства наших известных путешественников - Пржевальского, Потанина, Грум-Гржимайло, Певцова, Рубцовского и др. Сумел сплотить вокруг себя целую плеяду выдающихся русских географов - Мушкетова, Тилло, Григорьева и др.

Активно участвовал в общественной жизни России, в работе по освобождению крестьян от крепостной зависимости. В 1882 г. назначен сенатором, а в 1897 г. - членом Государственного совета. Одновременно его можно назвать и выдающимся краеведом. Он много сделал для изучения народонаселения России и её отдельных губерний. В 1864 г. его назначили директором Центрального статистического комитета, по его настоянию в 1897 г. была осуществлена первая всеобщая перепись России.

Человек талантливый и разносторонний, он увлекался также геологией, энтомологией, живописью. Собрал замечательную коллекцию картин голландских и фламандских мастеров XVI и XVII в.в., приобретённую у него Эрмитажем за 200 тыс. рублей,

хотя иностранцы давали во много раз больше.

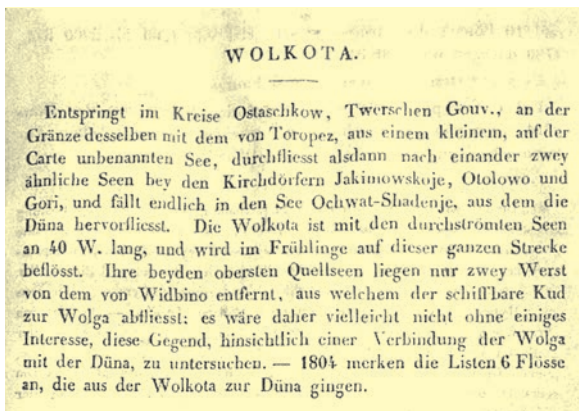
В те годы выдающиеся учёные были не только исследователями, но и популяризаторами, пропагандистами науки. И, пожалуй, не меньшее значение, чем его научные труды, имеет огромная работа по подготовке и изданию вместе со своими соратниками

по Географическому обществу знаменитой географической энциклопедии - «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей».

У меня хранится полное собрание этой энциклопедии, доставшееся мне от отца-краеоведа. На титульном листе там значится: «Под общим руководством П.П.Семёнова, вице-председателя Императорского Русского Географического общества и проф. В.И. Ламанского, председателя отделения этнографии Императорского Русского Географического общества». Пётр Петрович был и автором многих статей.

Первый том - «Московская промышленная область и Верхнее Поволжье» вышел в свет в издании А.Ф. Девриена в 1899 г. с характерным предисловием по всему изданию: «...Велико незнание России посреди России. Всё живёт в иностранных журналах и газетах, а не в земле своей. Город не знает города, человек - человека; люди, живущие за одной стеной, кажется, как бы живут за морями»... Автор этих слов - выдающийся русский писатель, большой знаток российской действительности Н.В.Гоголь.

На меня многотомное издание «Россия» из отцовской библиотеки оказало большое влияние. И если я стал краеведом, начал изучать и исследовать нашу землю, Тверской край, то во многом благодаря этой «настойной и дорожной книге для русских людей», изданной под руководством вице-председателя Император-

Очерк «Волкота» из книги И.Х. Штукенберга
«Гидрография России» (на немецком языке).
Публикуется впервые

ского Русского Географического общества П.П. Семёнова.

Не меньшее значение имеет и ещё одна выдающаяся работа Петра Петровича, к которой он приступил в 1863 г. совместно с другими членами Географического общества. Речь идёт об издании фундаментального «Географически-статистического словаря Российской империи», подобно которому тогда ещё не было в России. Последний пятый том вышел из печати в 1885 г. Составленное по первоисточникам, это издание вобрало в себя все достижения географической науки того времени и до сих пор остаётся непревзойдённым источником для изучения России середины XIX в.

В первом томе этого уникального труда (1863) есть упоминание и о реке Волкоте. Пётр Петрович категорически не согласен с версией Штукенберга.

Он утверждает, что Волкота начинается не возле Осечно, а в районе озера Макаровское. Вот полный текст из словаря: «Велькота (или Волкота), река Псковской губ., пр. приток Зап. Двины. Берёт начало в Холмском у., течёт к ю-в. в пологих, вообще лесистых берегах, местами заливаемыми лугами, проходит через озёра: *Заболотье*¹, *Велькота*, *Бол.* и *Мал. Каменное*, *Отолово* и *Охвват-Жаденье* и впадает в Зап. Двину после 50 вер. течен. Ширина реки до 6 саж., а в полную воду до 40 саж., глубина незначительная. Велькота имеет много бродов, течение её тихое. Сплав по ней леса незначителен, так как этому сплаву препятствуют озёра, через которые она проходит».

Так кто же прав - Штукенберг или Семёнов?

Ведь их выводы отделяют одно от другого всего каких-то два десятилетия. И за эти двадцать лет Волкота успела сменить место своего рождения и совершить марш-бросок от озера Осечно до озера Заболотского (Макаровского)?

Конечно, прав оказался Семёнов-Тян-Шанский - Волкота действительно начиналась возле озера Макаровское. А вот Штукенберг, получается, совершил непростительную ошибку и ввёл в заблуждение многих русских географов и краеведов, в том числе и А. Сапунова.

Почему он это сделал? Конечно, не по злему умыслу. Скорее всего по ошибке, пользуясь непроверенными сведениями своих информаторов. А, может быть, в первой половине XIX в. учёные

¹ Здесь и далее выделено мною. - А.П.

ещё не знали, где на самом деле находится исток р. Волкоты? У меня до сих пор нет ответа на «загадку Штукенберга». Но и полнейшей выдумкой её не назовёшь.

На карте до сих пор существуют упомянутые Штукенбергом и д. Гори (Гари) и озёра Осечно, Отоловское и Охват-Жаденье, и даже д. Якимовское с церковью тоже некогда находилась в этих местах. Да и как штукенберговская, так и семёновская Волкота тоже впадают в озеро Отолово, правда, совершенно в разных местах.

Получается, что знаменитый географ элементарно перепутал реку Волкоту с нынешней речкой Заеленкой, вытекающей недалеко от оз. Осеч-но из оз. Ордоникольского и впадающей с севера в Отоловское озеро.

Но если есть «загадка Штукенберга», то имеется и загадка Семёнова-Тян-Шанского, который правильно обозначив начало реки Волкоты, зачем-то пустил её русло через другие озёра. По его версии Волкота, почему-то прежде, чем впасть в Отоловское озеро, проходит озера Заболотье (Макаровское), Волкота (что совершенно верно), но вдруг выделяет странное «коленце» и заворачивает в Большое и Малое Каменные озёра. Заблудилась? Или озёра в то время носили какие-то другие названия, или, что уж выглядит совсем неправдоподобным, - Волкота тогда текла по другому руслу, а потом вошла в свои современные берега?

Не знаю. Для меня это до сих пор остаётся загадкой и экзотическая версия Штукенберга, и непонятный «зигзаг», который Волкота проделывает с лёгкой руки П.П. Семёнова-Тян-Шанского.

...Вечером мы собрались в палатке и общими усилиями сочинили шуточное стихотворение о заочном споре двух русских географов и о «заблудившейся» в Оковском лесу Волкоте. Правда, немного сгустили тональность: Пётр Петрович был, конечно, патриотом России, но всегда уважительно относился к немецким учёным.

Странная версия гидролога Штукенберга Заблудшая Волкота

Бурно спорят доктора:
Где родилась Волкота?
Толь в болотах Заболотья?
То ли возле Витбина?

Штукенберг сказал: «Извечно
Шла река из-под Осечно.
А потом, чтоб кончить спор,
Впала в озеро Отол».

Тут Семёнов, что Тянь-Шанский,
В спор включился очень важный:
»Вытекает та река
С озерочка Велькота,
А уже потом, потом
Уж вливается в Отол».

»Гутен морген, гутен таг.
Это есть совсем не так,
Как учёный, я сказал:
Волкоты начало там».

»То всё происки врагов, -
Возмутился Семенов, -
Что в Россию, не спрося
Лезет эта немчура.

Ты на Рейне, что ль не смог
Отыскать родной исток?
В свой езжай ты Бланкенбург¹ -
Ждёт тебя там Ольденбург²».

Ах, беда, беда, беда -
Заблудилась Волкота.
Где оставила свой след -
Толь в Осечно, то ли нет?

* * *

Что ж - закончим этот спор:
Волкота тут не причём.
Заблудилась не она -
Заблудились доктора.

¹ Г. Бланкенбург - родина И.Ф. Штукенберга в герцогстве Ольденбургском (Германия).

² Ольденбург - герцог, покровитель Штукенберга.

Неведомый ручей

*Скатилась капля влаги
С горы среди полей.
И вот звенит в овраге
Неведомый ручей.*

*По камням он струится,
Заснул и видит сны.
И капает живица
Слезой из сосны.*

*И вот опять несётся,
Задумчив и один.
И песня звучно льётся
С неведомых лощин.*

*И сердце моё билось,
И пенилась вода.
Неужто здесь родилась
Речушка Волкота?*

Звенит родник

*Звенит родник,
Поёт тростник,
Ручей бежит,
Колышется.*

*И жук дрожит
И всё жужжит,
И в небе песня слышится.*

Песчаха. Археологическое царство Ядвиги Станкевич

Прав был один из авторов Памятной книжки - Алаунская возвышенность спускалась здесь уступами к бассейну Зап. Двины, и Волкота прыгает вниз по этим уступам, словно шаловливая девочка по ступенькам крутой лестницы. Первый свой прыжок Волкота совершает на Чёртовой поляне, скатываясь вниз к озеру Волкоте. А второй - при выходе из озера, где она течёт уже в своих берегах и весело журчит по мелкому песчаному дну, усеянному камнями, в сторону деревни Песчахи.

Приходится вылезать из байдарок и протаскивать лодки между валунами прямо по самой стремнине, кипящей от упругих струй воды. Камни скользкие, покрытые зелёной слизью. Иногда путь перегораживают упавшие деревья, и тогда мы ищем проход под ними, протаскивая лодки через препятствия. Время от времени Соловей с головой уходит на дно, потом снова показывается на поверхности, и какое-то время его панамка плывёт рядом с байдаркой до следующего переката.

И вдруг, как в сказке, из осоки и кустарника выплывает крутой песчаный косогор с вереницей деревенских изб. Река здесь описывает большую дугу, и бревенчатые домишки весело бегут вдоль берега, сверкая на солнце новеньким шифером и нарядными наличниками. С косогора вниз прямо к деревянным мосткам сбегает к реке юркие, извилистые тропки.

Песок здесь везде - и на дне, и на берегу, и у нас на зубах. Не случайно и сама деревня называется Песчахой.

Прямо перед нами на песчаном косогоре стоит изба, а перед ней флагшток. В прошлом году, когда мы были здесь, флага не было, стоял один шест. Сейчас на нём гордо развивался разноцветный замысловатый штандарт. Сначала мы думали, что это какое-то учреждение вроде поселкового совета. Но, приглянувшись, засомневались: флаг явно смахивал на пиратский. Не хватало только черепа с костями.

Потом нам разъяснили, что это частный дом, купленный дачниками. В них, видимо, ещё жило какое-то романтическое начало,

поэтому на деревянном флагштоке весело трепетал на ветру «весёлый Роджер» в знак того, что хозяева дома. А если, как нам потом поведали соседи, хозяев нет, то и флаг спускался с флагштока. Вроде как личный штандарт у адмирала - он на корабле - флаг на мачте, нет адмирала - флаг спущен.

В отличие от Заборовья на оз. Волкоте, где по берегу выстроились хоромы новых русских в несколько этажей, Песчаха - обычная деревня. Здесь всего 11 домов, из них в семи живут дачники, - дома ухоженные, крашеные с новенькими баньками, притулившимися на берегу реки. Среди них как-то нелепо чернеет несколько деревенских развалюх, в которых продолжают жить местные старушки. Деревня красивая, и, несмотря на то, что большинство домов принадлежат дачникам, она остаётся обычной деревней, а не имеет вид дачного посёлка, каких немало построено на Лучанском озере и озере Охват.

Вот здесь в этой живописной Песчахе и произошла ещё одна памятная для нас встреча.

Я люблю эти нечаянные случайные встречи в пути, потому, что они не запланированы, а происходят непреднамеренно и неожиданно. Когда знаешь, куда ты идёшь и чего ждать от встречи, то она превращается в обычный, а иногда и скучный разговор, где заранее всё известно и определено. И ты знаешь, что скажешь сам, и догадываешься, что скажет твой собеседник. А случайная встреча, если она вызывает интерес не только у тебя, может запомниться надолго, затронуть какие-то струны твоей души, о существовании которых ты и не подозревал.

Одна из таких встреч и произошла у нас возле Песчахи на деревянном мостике, переброшенном через бурную в этом месте Волкоту. Здесь всё русло реки завалено камнями. Вода хлещет поверх них, пенится и пытается опрокинуть лодку. Приходится вылезать из байдарок и буквально пропихивать их под низко нависшим мостом.

Этот мост - любимое место развлечения для местной детворы. Едва завидев байдарки, детишки из соседнего дома высыпают на мост и с наслаждением наблюдают, как внизу в воде кувыркаются байдарки и слышатся крики падающих в воду туристов. Ребятишки с интересом смотрят сверху и с нетерпением ждут, когда какой-нибудь из неловких байдарочников поскользнётся на мокром камне. Спектакль, развлечение...

От греха подальше я вылез на мостик, предоставив Сержанту и ребятам сражаться с коварной Волкотой.

Мы уже второй раз плаваем по реке, и каждый раз, когда наша команда мужественно борется с Волкотой под мостом, из соседнего дома выбегают две девочки и мальчик. В тот первый наш приезд девочки были в цветастых сарафанчиках, а сейчас во вполне приличных нарядах. «Выросли. Наверное», - подумал я.

Из соседнего добротного дома вышла молодая симпатичная женщина в цветастом платье и стройный невысокий мужчина.

- Это все ваши?

- Наши, они всегда встречают туристов на этом месте. Для них это развлечение.

Девочек было двое - круглолицая Яна и стройненькая девочка с русыми, как соломка, косичками, перехваченными цветными ленточками. Её звали Алёнка.

Наш Соловей как посмотрел из-под моста на неё, так и обомлел, решившись дара речи. Лодка повернулась боком к течению, и наш юный поэт с ходу полетел в воду.

- Смотри, какой смешной, - рассмеялась Алёнка и захлопала в ладошки.

А Соловей стоял, весь мокрый в воде, и ошалело смотрел на хохочущую девочку, не зная, что сказать. Увидев это, Алёнка перестала смеяться и полезла под мост вызволять байдарку.

На мост они выбрались вместе. Я поглядел на них и почувствовал, что там под мостом что-то случилось, словно какая-то искра проскочила между ними. Алёнка, вся сияя на солнце, стояла, опершись на весло, а Дима смотрел на неё изумлёнными, широко раскрытыми глазами. Девочка была крохотная, хотя и перешла в седьмой класс.

- Чего же ты такая маленькая? - тихо спросил я, чтобы никто не расслышал.

- Я ещё подрасту, - так же тихо ответила она. - Вот увидите.

Яна надела Алёнке на голову невесть откуда появившийся веночек из белых ромашек, и весь наш маленький деревянный мостик наполнился густым ароматом свежих цветов. Она была удивительно хороша в своей простоте и естественности, эта девочка из маленькой тверской деревеньки Песчаха.

Дом Юриновых в д. Песчаха

Мама Алёнки - Алла - учительница музыки в Андреапольской средней школе, а папа Владимир Юринов - военный лётчик из местного гарнизона. Впрочем, бывший лётчик, потому что совсем недавно подал в отставку и оказался на «гражданке» в чине отставного подполковника.

- Наверное, трудно в 45 лет переходить на пенсию? - спрашиваю я.

- Если нет других занятий - трудно, а если есть...

Он происходит из военной семьи, отец тоже был лётчиком. С детства увлёкся авиацией - романтика, тянуло в небо. Окончил Черниговское лётное училище, служил в Германии, Тверской

области, на Дальнем Востоке («здесь, - говорит Алла, - и появились на свет наши дети»). Летал на истребителях, дослужился до подполковника, военный лётчик I класса. С Аллой познакомился в Гомеле, и с тех пор уже много лет вместе: куда он - туда и она.

Конечно, круто менять свою жизнь было непросто. Помогло то, что у бывшего подполковника, кроме авиации, было много других увлечений. Одно из них - фехтование: ещё в молодости он выступал в серьёзных соревнованиях, стал кандидатом в мастера спорта. Поэтому сразу после отставки пришёл в школу, ту самую, в которой работает преподавателем пения Алла. Тут, конечно, без её влияния не обошлось. Глава администрации Андреапольского района Н.Н. Баранник выдал 70 тыс. рублей на фехтовальную секцию («мало, конечно, но для начала и это хорошо»), и теперь бывший лётчик не только школьный учитель физкультуры, но и руководитель спортивной секции.

Спорт - не единственное увлечение бывшего подполковника. Пожалуй, главным является всё-таки поэзия и музыка.

Владимир Юринов - признанный поэт и андреапольский бард.

Когда мы впервые встретились на этом мосту с Аллой, я почти ничего не знал о Юринове. Покопавшись в своей памяти, я вспомнил, что видел стихи одного лётчика в недавно вышедшем сборнике «Поэзия истоков».

- Это он? - спросил тогда я.

- Он, он, - с гордостью отвечала она. - Юринов давно уже пишет стихи, а я перекладываю их на музыку.

И тут я сморозил:

- Небось, о форсажах пишет, о взлётах и посадках?

- Почему же? - в её ответе прозвучала обида. - Стихи хорошие - о любви, верности, домашнем очаге, нашей жизни. У нас в Андреаполе есть такой бард - Ильюшонок, так мы вместе с ним часто выступаем с бардовскими песнями, в том числе и на стихи Юринова. Приходите как-нибудь, послушаете.

А теперь я стою рядом с Юриновым на мосту, и мне стыдно за те свои прошлогодние слова.

Юринов действительно хороший поэт и бард и пишет совсем не о форсажах, самолётах и лётчиках. У него уже есть свои диски, сборники стихов и даже авторское место в интернетовском сайте «Стрижей» - известной нашей авиационной группы, с лётчиками которой связан Юринов. Да и сам он часто выступает на различных конкурсах, концертах, занимая в них призовые места.

Пытается приобщить к этому своих детей. Часто берёт на конкурсы Алёнку.

Старая сосна в Песчахе - памятник природы

- Ты тоже пойдёшь по стопам отца? - спрашиваю я.
- Нет, я хочу быть врачом.
- Детским?
- Нет, хирургом, хочу лечить людей. Это так интересно.

В детстве мы все мечтатели и романтики. Но на то оно и существует - детство, чтобы мечтать о будущем.

Это Алёнка говорила в наш прошлый приезд, а сейчас уже сама выступает вместе с отцом на концертах и фестивалях. Недавно вернулась, пожалуй, с самого престижного бардовского Грушинского фестиваля, где с песней «Муравьиный марш» вошла вместе с папой в двадчатку лучших исполнителей фестиваля.

Артём ведёт нас к главной природной достопримечательности Песчахи - огромной ветвистой сосне, которой, как он говорит, не меньше 500 лет. Это действительно уникальный памятник природы. Если приглядеться, на её стволе проступают черты какого-то человека - с бородой, усами, глазами и огромным носом. Ну, настоящий леший, а может и впрямь «хозяин Песчахи», запечатлённый в сосновой коре.

Я прошу всех взяться за руки, чтобы обхватить ствол дерева. Наш поэт замешкался, не зная, куда встать.

- Да вот твоё место, - решительно говорит Артём и подталкивает его к Алёнке.

Яна берёт за руку Артёма, Артём - нашего Соловья, а он протягивает руку Алёнке. Но и их рук не хватает, чтобы сомкнуть кольцо.

Семья Юриновых и их деревенское хозяйство - это тоже одна из достопримечательностей Песчахи. Ещё в 1995 г. они купили здесь обычный деревенский дом прямо на берегу реки Волкоты. Он был маленьким и ветхим, как большинство домов в деревне. Но вместе со своим отцом - Владимир превратил его в образцовую ферму, пристроив ещё один сруб. И всё сами, своими руками. Сами сложили оригинальный камин, у которого по вечерам собирается вся семья, сами поставили маленькую баньку прямо на берегу Волкоты, сами разбили большой огород.

Алла показывает нам этот огород. Я толкаю в бок Диму: «Смотри, какой ухоженный, не как у нас в Жукове».

Огород действительно впечатляет: ухоженный, прополотый, ну хоть прямо посылай на сельскохозяйственную выставку: парни-

ки, теплицы, огромные кочаны капусты, аккуратно окученная картошка, ягодные плантации («одной клубники в этом году собрали 160 литров»). Алла перехватывает мой восхищённый взгляд.

- Это всё они, - кивает в сторону детей. - У нас так заведено: до обеда - работа, а после - твоё время. Дима прячет глаза - его силком не затащишь на наш огород.

Время было послеобеденное, и Артём говорит:

- Пошли посмотреть наш курган...

На песчаном берегу совсем рядом с деревней возвышается большой бугор с плоской площадкой наверху. Он порос лесом и издали похож на островок, возвышающийся над окрестными полями, лугами и даже над самой деревней, захлёстанной петлёй стремительно несущейся вниз Волкоты.

Но это не курган. Местные жители называют это место городком, а археологи - древним городищем, потому что городок - это место, где живут люди, а городище - место, где раньше был город, давно покинутый жителями. И «город» и «городище» произошли от слова - городить, огораживать. Город, как считает В. Даль, это «селение, обнесённое городьбой (т.е. оградой, забором, тыном. - А.П.), городок», а городище - «остатки развалин города, селения или укрепления».

Впервые это городище обследовала известный ленинградский археолог Ядвига Вацлавовна Станкевич (1909-1959) в начале 1950-х гг. Тогда этот холм ещё не так зарос, как сейчас. Взорам археологов предстали почти отвесные склоны холма, вытянутого с юго-востока на северо-запад. На плоской вершине располагалась прямоугольная площадка довольно больших размеров - пятьдесят метров в длину и двадцать в ширину. Естественный холм был явно «дооборудован» древними жителями: склоны искусно срезаны и превращены в почти отвесные, а юго-восточная сторона укреплена рвом и валом около 10 метров в длину. Волкота огибает городище в каких-нибудь 30-40 метрах от подножия.

Когда археологи вскрыли верхнюю площадку городища, то обнаружили культурный слой на глубине 0,6-1,1 м, в котором были найдены обломки лепных горшков, остатки бронзовой пластины, покрытой грубой насечкой, другие предметы, оставленные древними жителями, жившими здесь в I-II тыс. н. э.

Встреча в пути - дружная семья Юриновых: дети - Алёнка, Яна, Артём

Так и представляешь себе, как с этого холма по тропинке сбегали к реке древние рыбаки, ловившие рыбу в Волкоте, шли с глиняными кувшинами за водой женщины. А их детишки плескались в чистой и стремительной речной воде. Жителей тогда в этом древнем городке было, наверное, намного больше, чем в нынешней Песчахе.

Люди рождались, жили и умирали. Хоронили их в курганах, расположенных в полутора километрах от городища.

В своём отчёте о работе экспедиции в Верхнем Подвинье Ядвига Вацлавовна писала: «К числу более мощных укреплённых городков следует отнести прежде всего городище у д. Песчаха, на левобережье р. Волкоты... Это городище ... возникло на месте более древнего поселения первых веков н.э. с сетчатой и штрихованной керамикой». Я.В. Станкевич определила и время существования городища - XI - нач. XII вв. и отнесла его к памятникам раннефеодальной эпохи.

Ядвига Вацлавовна Станкевич с начала 1950-х годов возглавляла археологическую экспедицию института археологии

Академии Наук и много сделала для изучения археологических памятников Верхнего Подвинья. Она была крупным специалистом в области раннего средневековья и предшествующих ему столетий, когда в среде славянских, балтийских и финно-угорских племён, населяющих эти места, распадался племенной строй, начала складываться русская народность и формироваться древнерусское государство.

В Верхнем Подвинье и раньше проводились археологические раскопки, но они были единичными и весьма локальными. Экспедиция Станкевич впервые охватила огромную территорию верховьев р. Зап. Двина, её притока Волкоты, озёр Бросно, Отолово, Бойно, Охват. Археологи от-

крыли и исследовали по берегам рек и озёр несколько сотен городищ, селищ, курганов и могильников, начиная от неолита и заканчивая ранним славянским средневековьем. Поражаешься, как за несколько лет Ядвига Вацлавовна сумела открыть и обследовать столько памятников. Среди них 14 городищ и одно селище второй половины I тыс. до н.э.; 25 городищ, 3 селища, 1 курганный могильник первых веков I тыс. н.э.; 40 городищ, 25 поселений, несколько десятков могильников середины I тыс. н.э.; 100 курганов и могильников, 18 поселений и 18 городищ конца I - нач. II тыс. н.э.

И всё это - на небольшом «кусочке» андреапольской земли - в верховьях Зап. Двины, густо заселённом различными племенами, начиная с нового каменного века. И за какой-то десяток лет, отпущенных ей судьбой на всю её короткую жизнь.

Руководитель археологической экспедиции в районе Верхнего Подвинья в 1950-х гг. археолог Я.В. Станкевич (1909-1959)

В Кратких сообщениях института археологи АН СССР за 1962 г. я нашёл небольшую статью, посвящённую памяти Ядвиги Вацлавовны. Там же помещён и её портрет. Фотография старая и не очень хорошего качества, возможно взятая из личного дела: строгая тёмная кофточка, белая блузка, и гладко зачёсанные чёрные волосы с пробором. И - никаких украшений.

Не всякая фотография способна рассказать нам о характере её владельца, особенно если она сделана для какого-либо документа - паспорта или удостоверения. На них мы, как правило, выглядим строго и непроницаемо. Но на этом фото - отражается и характер, и внутренний мир увлеченного своей работой археолога, и даже время, в которое жила и работала Я.В. Станкевич.

А время было военное и послевоенное, когда вся страна ещё жила по карточкам и когда государству было не до археологических раскопок.

Ядвига Вацлавовна родилась 3 октября 1909 г., получила высшее образование. В 1934 г. стала сотрудником ленинградского отделения института археологии АН СССР, работала в группе сла-

Курганы тянутся цепочками по берегам рек и озер. Курган возле д. Тюково

Вскрытый курган на берегу оз. Бросно. Кто-то аккуратно, словно верхушку яйца, срезал шапку кургана и выпотрошил всю его сердцевину. Возможно, это следы раскопок экспедиции Я.В. Станкевич

вяно-русской археологии. Участвовала в предвоенных раскопках Михайловского могильника IX-X в.в. неподалёку от Ярославля. Но война нарушила все планы, археологические работы возобновились только после её окончания. Я.Станкевич принимает участие в исследовании городища Старая Ладога, руководит раскопками Шестовицкого могильника под Черниговым. В 1946 г. защищает кандидатскую диссертацию.

Но её звёздное десятилетие настанет только через несколько лет, когда с начала 1950-х гг. она вплотную займётся изучением археологических памятников бассейна верхнего течения Зап. Двины. Она становится начальником экспедиции, основная база которой находилась в г. Торопец. Тогда ей было чуть больше 40 лет. Мне кажется, что фотография из научного журнала относится как раз к этому периоду.

На снимке она и в 40 лет хороша - большие умные глаза, подбородок, выдающий характер, и красивые тонкие губы, застыв-

шие в полуулыбке. Так и кажется - вот сейчас улыбнётся Ядвига Вацлавовна, и перед нами предстанет не просто учёный-археолог, а обаятельная, красивая и умная женщина, у которой, кроме археологии, наверное, были и другие, земные увлечения. Она проста и в своей причёске и в своей совсем не модной по нашим временам кофточке, и весь её облик застыл где-то там - в послевоенных 40-х и 50-х годах.

И всё же портрет её чем-то необычен: может, глазами, может загадочной улыбкой, а скорее даже не внешним обликом, а тем, что за ним скрывается и угадывается - сильным характером, убеждённостью, любовью к своему делу, которое стало для неё и страстью, и убеждением, и потребностью, и жизнью. Ядвига Вацлавовна, судя по времени, когда фотограф запечатлел её на фотографии, ещё не сделала своих главных открытий в верховьях З. Двины. Но кто усомнится, глядя на её решительный вид, что она их обязательно сделает?

Работы Я.В. Станкевич в бассейне верховьев З. Двины выдвинули её в число ведущих археологов страны. Но свой капитальный труд - «К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетий н.э.», вышедшему в свет в 1960 г., автору уже не суждено было увидеть. Она скончалась скоропостижно 19 мая 1959 г., собираясь в новую экспедицию в верховья Зап. Двины.

* * *

Большая творческая дружба связывала Я.В. Станкевич с известным андреапольским краеведом, учителем истории одной из андреапольских школ Э.Э. Шимкевичем - основателем сначала школьного, а потом и Андреапольского краеведческого музея. Я писал о нём в своей книге «Загадка Янтарной реки», знал его лично и пользовался его советами и рекомендациями во время нашей экспедиции на исток Зап. Двины. Его школьный краеведческий отряд принимал участие в работах экспедиции Станкевич и по её заданию занимался выявлением археологических памятников в верховьях Зап. Двины. Между ними возникла переписка, и, наверное, не одно письмо Эдуарда Эдуардовича до сих пор покоится в личных архивах Я.В. Станкевич. Письмами они обменивались вплоть до скоропостижной кончины Ядвиги Вацлавовны.

До меня дошло только одно её письмо Эдуарду Эдуардовичу, переданное мне директором андреапольского музея В. Линкевичем. Оно датировано 21 июля 1951 г., т.е. временем её активных работ по археологическому изучению верховьев р. Волкоты и Зап. Двины. Интересно, что тогда Ядвига Вацлавовна, исследуя памятники старины, совершила поездку на лодке по р. Волкоте примерно по такому же маршруту, что и мы.

«Проделанный нами маршрут по Волкоте, - пишет она, - был достаточно трудным ввиду невозможности пройти лодкой по реке, но он стоицей окупил себя. Здесь оказались густо расположенными древние славянские памятники. Особый интерес представляют: городище у д. Андроново - одновременное Подгаю (раскопки возле этой деревни Станкевич проводила ранее. - А.П.) - VI-VII вв. и могильник и городище у д. Песчаха IX-XII вв.

То, что Вы просите меня написать кратко об итогах разведки, я обязательно напишу после того, как закончу разведку по Ленинскому (нынешнему Андреапольскому. - А.П.) району. Вернее всего, что пришлю Вам письмо по возвращении в Торопец.

Что касается задания по Вашей группе школьников, я думаю, было бы целесообразно привлечь Вас к нему, когда мы развернём раскопки на Подгае под Торжком - в августе месяце.

Ещё у меня большая просьба - если Вам представится случай, проверить данные и обследовать следующие памятники:

1. Деревня Дмитрово на р. Нетесьме - сведения о городище.
2. Проверить ряд пунктов на Бросненском озере (можно доехать на машине до д. Жуково или села Заборовье:
 - а) Городок на зап. берегу озера в северном его конце у д. Кордеево или д. Пучково (не сохр. - А.П.).
 - б) Неолитическая стоянка на берегу озера севернее д. Выползово.

Оба эти пункта Вам может указать и провести старик из д. Бенёк - Семён Владимирович Владимиров...

3. Поселение - место «провалившейся церкви» - чёрная земля, кости на возвышенности берега озера Бойно у д. Подберезье...

Во всех этих пунктах желательно собрать материал и из зачистки обреза сделать хотя бы примитивный план (глазомерно), проставив размеры.

Дело в том, что в силу ряда неблагоприятных обстоятельств мы не смогли достаточно тщательно обследовать все пункты на озере Бросно. Если бы Вы смогли это проделать с ребятами, было бы весьма ценно...».

Вот такое, наверняка не первое и не единственное письмо школьному краеведу Э.Э. Шимкевичу, уже тогда работавшему в тесном контакте и по заданию специалистов-археологов.

Потом исследования Я.В. Станкевич поддержат многие археологи - и А.Д. Максимов, и А.В. Мирецкий, и И.Г. Портнягин, и В.М. Воробьёв. Но первым всегда приходится труднее прокладывать новые, неизвестные пути.

Как-то в разговоре со мной Валерий Линкевич как бы вскользь обронил: «Сейчас время другое, время Шимкевича уже прошло». «В краеведческой работе, использовании данных науки или оформлении музеев?» - спросил я. Он не ответил, неопределённо кивнув головой.

Я всё понимаю - и время уже не то, и музей краеведческий не идёт ни в какое сравнение со школьным музеем провинциального учителя истории Э.Э. Шимкевича. Да и археология ушла вперёд. И всё-таки что-то заставляет меня не согласиться с тем, что ушло время Эдуарда Эдуардовича Шимкевича, кончилась эпоха замечательного пеновского краеведа Ивана Ивановича Смирнова и талантливого археолога Ядвиги Вацлавовны Станкевич, хотя уже после неё в Верхнем Подвинье были сделаны новые археологические открытия.

Конечно, время неумолимо, оно течёт у нас на глазах, как песчинки в песочных часах. Но время краеведа и учёного - это не только отрезок времени, в течение которого он работал, и не количество лет, отпущенных ему судьбой. Время краеведа - это его работа, его находки, его исследования, это его вклад в изучение края, а то и в серьёзную науку. Его значение определяется самой его личностью, степенью воздействия на окружающих, его наследием, которое он оставил после себя. И чем богаче эта личность духовно, чем больший вклад этот исследователь внёс в изучение края, чем большее влияние оказал на формирование той среды, где жил и работал, чем богаче оставленное им наследие - тем дольше будет длиться и его время.

Мне вообще представляется история науки, искусства, географических открытий и краеведения тоже - как цепочка вершин на длинной горной гряде. Какая из них выше и внушительнее зависит от масштаба личности и вклада в науку или искусство, но то, что каждая из них особенная, а иногда и недостижимая, - это не подлежит сомнению.

Прошло ли время наших замечательных краеведов и закончилась ли их эпоха? А может быть, оно - это «время» вовсе и не позади, а впереди нас, и до заветных вершин нам надо ещё карабкаться, чтобы оказаться на уровне наших предшественников.

Нет, не кончилось время ни Я.В. Станкевич, ни И.И. Смирнова, ни Э.Э Шимкевича, хотя их давно уже нет среди нас. И длиться оно будет до тех пор, пока мы будем помнить, что они сделали и какое наследство оставили нам, их ученикам и последователям.

Очень правильно поступили в Андреаполе, когда увековечили память своего земляка, присвоив Андреапольскому районному краеведческому музею имя его основателя - бывшего учителя истории первой городской школы Эдуарда Эдуардовича Шимкевича.

* * *

С семейством Юриновых мы прощаемся на этом же мосту. Дима стоит рядом с Алёнкой и молчит.

Я смотрю на бывшего лётчика-истребителя и на его смуглую черноволосую жену и думаю: «Хорошие же тылы у подполковника Юринова и, наверное, хорошая и дружная семья. И как много он успел сделать за свои 45 лет: и дом построить, и детей заиметь и уж, наверное, не одно дерево посадить на своём приусадебном участке. Только в таких вот семьях и вырастают крепкие и здоровые дети, не то что в городах: один ребёнок - и хорошо.

Русская деревня всегда была основным людским и кадровым резервом страны. Сколько славных людей России родились и выросли в маленьких городках и таких вот деревеньках на берегах рек и озёр, как Песчаха. Россия всегда была сильна провинцией, откуда она, как из неиссякаемого родника, черпала таланты, людей трудолюбивых с высокими нравственными качествами, которыми всегда отличалась российская деревня. Провинциальная глубинка рождала людей инициативных, предприимчивых, крепких духом и глубокой внутренней культуры с её культом семьи,

брака и нравственных ценностей. И как жаль, что всё меньше и меньше не только в городе, но и на селе становится вот таких островков семейного благополучия и нравственного здоровья. И как важно, что сельская элита, деревенская интеллигенция всё ещё находят в себе силы сохранять всё то хорошее и доброе, что ещё остаётся в нашей жизни. А это значит - что не всё у нас потеряно, что у нас есть надежда на будущее.

- Хорошие у вас дети, - не удержался я. - Может, вот такие, как они и их сверстники, и есть надежда будущей России?

- Слишком их мало, - грустно улыбнулся Юринов.

Облокотившись на весло от байдарки, Алёнка жмёт Димину руку и весело машет вслед. Мы фотографируемся на память и обещаем прислать фото из Москвы. Расставаться не хочется...

Хрупкая маленькая девочка бежала по берегу вслед за нашими лодками и кричала:

- Приезжайте на следующий год. Вот увидите - я ещё подрасту...

Дима был угрюм, и я видел, как у него на глазах навернулась слёза. Впрочем, может это была вовсе и не слеза, а всего лишь капля воды с поднятого вверх весла ...

Вернувшись из похода мы нашли с Димой сборник стихов андреапольских поэтов «Поэзия истоков». В нём были и стихи Владимира Юринова, тогда ещё действующего подполковника, лётчика-истребителя. На фотографии он изображён в лётной форме на фоне своего самолёта.

В его стихах действительно не упоминается ни о форсажах, взлётах и посадках, ни о воздушных боях и вообще о лётных делах. Обычные стихи - о любви, природе, родном крае, о доме.

Вычитаются встречи,
не случаются мысли,
обозначились резче
последние листья,
обагрилась рябина,
град шарашит по грядкам.
Но куда в камине
есть огонь - всё в порядке.

Такой и осталась в нашей памяти Песчаха - быстрая река, заваленная камнями, мостик, перекинутый через речку, добротный дом Юриновых на берегу и маленькая девочка Алёнка с русыми косичками, трогательно обещавшая нам: «Приезжайте, я ещё подрасту».

Эта, казалось бы мимолётная встреча на мосту, вызвала столько эмоций в поэтической душе нашего юного поэта, что теперь всё свободное время он проводил за своим дневником. Уйдёт в лес, сядет на пенёк и пишет, пишет...

Свои поэтические шедевры наш тверской Соловей прятал от нас, и мне стоило большого труда, чтобы из обширного цикла «песчахских» стихов уговорить его опубликовать хотя бы одно стихотворение.

Со словарём В.И.Даля в рюкзаке Песчаха

Деревня на берегу реки Волкоты. В 1872 г. в ней было 4 дома, жило 23 человека. Сейчас в деревне 11 домов, в большинстве принадлежащих дачникам. Расположена на высоком песчаном берегу Волкоты. Название от - песок, пески..

На карте Тверской области много «песчаных» названий: д.д. Пески, Песогоры, Песочня, Пескошево, Песно; р.р. Песка, Песковня, Песочная; оз. Песотно, Песочное, Песочня и т.д.

Песок¹ у деревни, песок под ногами.
И в речке одни пескари.
А в русле лежали, лежали рядами,
Как надолбы, - валуны.

А лодки скрипели, а лодки дрожали,
И пар шёл от мокрых рубаш.
И долго ещё, пока мы проплывали,
Песок тот скрипел на зубах.

Как в сказке, проносится берег в деревьях.
Нет больше ни грусти, ни страха.
Как же прекрасна ты, чудо-деревня,
И как ты коварна, Песчаха.

¹ Песок - «измельчённый, перетёртый природою камень, мелкие каменные зёрна»; «пес-чища или пески - сплошная песчаная почва на большом пространстве».

Я надолго запомню ту встречу

*Я опять жгу костры
И опять расставляю палатку.
Мои думы светлы,
И живётся так сладко, так сладко.
Лёгкий дым от костра
Уносился за лес в этот вечер.
Золотая пора.
Я надолго запомню ту встречу.*

Моя душа грустит

*Моя душа грустит, что нет любви,
Что нету радостей и нет покоя.
А жизнь, она несётся. Впереди
Я много счастья жду и много встреч - не скрою.*

*А жизнь, она несётся, словно сон.
И грусть в душе всё время не стихает -
Как в детстве, я бежал за горизонт,
Бежал, бежал, а он всё тает, тает.*

*И я не знаю сам куда бегу.
Всё так же чист душою, как и прежде.
Но верю я - когда-нибудь смогу
Я повстречать любовь, где есть покой, надежда.*

Волок. Разговор в сельской администрации

Мне пришлось повидать немало речек нашей средней полосы. Они, как правило, текли в своих берегах и руслах, петляя по заливным лугам и перелескам. Это были тихие речки с глубокими омутами и длинными песчаными отмелями, где в янтарной воде, переливаясь в солнечных лучах, носились стайки плотвы и полосатых окуней.

Волкота - не похожа на них ни своим течением, ни своим нравом. Она то тихо журчит где-то в неоглядном заросшем осокой болоте, то, как необъезженный скакун, вдруг срывается с места и мчится галопом вниз, цокая копытами по поросшим тиной мокрым валунам. Да и пейзаж меняется так быстро, что не замечаешь, как из огромного озера с неподвижным зеркалом воды попадаешь в тёмное, почти чёрное ущелье, по которому с грохотом и звоном несётся обезумевшая река.

Плывёшь на байдарке и гадаешь, а что тебя ждёт там, за поворотом?

Такой норов Волкоте придают Валдайские отроги: там, где река встречает препятствие, она долбит эту гряду до тех пор, пока, наконец, не прорывает её, устремляясь вперёд, как настоящая горная река. То вдруг, успокоившись, приостанавливает течение и вливается в ожерелье огромных озёр, чтобы потом вновь взбунтоваться и очертя голову ринуться вперёд.

После Песчахи река успокаивается и разливается обширным заросшим болотом. Лес убегает куда-то в сторону, и ты не знаешь, куда плыть: перед тобой плотная стена из зарослей озёрной куги. Маруська жалобно стонала. Но пристать к берегу было негде, его не было видно за высокой стеной тростника. Вокруг - полное безмолвие и бездонное небо над головами.

Ближе к вечеру мы, наконец, увидели впереди мост и избы на берегу. А на пригорке вдруг выросла добротная крашеная изба с долгожданной вывеской - «Магазин». Это была деревня Волок. Деревня старинная, стоявшая на одном из многочисленных ответвлений Великого речного пути из варяг в греки. Принято считать, что он издавна обслуживал систему волоков (отсюда выводят и название деревни). Как сказано у В. Даля, волок это - «пе-

револок, перешеек между двух рек, где переволакивают лодки и товары с них с одной речки на другую».

Деревня Волок действительно стояла на перекрёстке водных и сухопутных путей. По воде отсюда можно было попасть в Зап. Двину или на верховья Полы и Волги.

Через Волок издавна проходил и сухопутный путь на Холм и Новгород, и в том месте, где сейчас стоит мост, был древний брод, переезд через р. Волкоту. Здесь товары, прибывшие по сухопутью, перегружались на речные суда, а доставленные по воде из Зап. Двины, наоборот, переваливались на телеги или волокуши.

Ну, а причём здесь волок, который, как полагают, и дал название деревне? Приглядевшись повнимательнее к карте, замечаешь, что обычного волока, т.е., говоря словами В. Даля, «перешейка между двух рек, где переволакивают лодки и товары» здесь, собственно, и нет. Зачем переволакивать товары «с одной речки на другую», когда все эти речки связаны между собой вполне судоходными в то время протоками?

Но слово «волок», согласно В. Даля, имеет и много других значений: «пристань, перевоз как конец волока; густой лес, непроезжий бор, из которого лето и зиму выволакивают срубленные деревья на волоках». Это - не только переволакивание ло-

Стадо в д. Волок «тает» с каждым годом

док по суше, но и - «низменные поёмные берега; скат, досчатая или бревенчатая наклонная плоскость для вытаскивания и спуска тяжестей».

Деревня Волок расположена именно на таком поёмном берегу, на месте перевалки грузов, перевоза через реку, «вытаскивания и спуска тяжестей».

Люди здесь жили давно. Раскопки, проведённые археологами Я.В. Станкевич в 1951 г. и Ю. Урбаном в 1973 г., показали, что рядом с д. Волок вблизи р.р. Волкоты и Бросницы, находятся группы курганов, принадлежащих к типу древнерусских языческих погребальных сооружений. Они относятся к I-II тыс. н.э. То, что многие из них расположены по берегам р. Бросницы, только подтверждает, что именно по этой реке в далёком прошлом проходил древний водный путь из городка Буюц на Волкоте и Зап. Двину.

Деревня стоит на возвышенном правом берегу р. Волкоты и является ныне центром сельского поселения. Мы долго беседуем с его председателем Александром Николаевичем Борисовым. В то время на селе проходила так называемая муниципальная реформа и укрупнение сельских советов. Теперь в Волоцкое сельское поселение входит сразу три бывших округа - и Горицкий, и Любинский, и Волоцкий. Это большая территория, но живёт там всего 560 человек, да и деревень осталось не так уж и много - всего 35.

- Укрупнение - это хорошо? - спрашиваю я.

- Да как сказать, - осторожно отвечает Александр Николаевич, - населения-то вроде прибавилось, а какой будет бюджет - неизвестно: его район должен утвердить. Но народ уже жалуется: чтобы печать на справке поставить, теперь надо время - из Любино-то до нас так просто не доедешь - далековато.

Проблемы в Волоке - такие же, как и в других деревнях: работать негде, мужики пьют, деревня стареет, поля зарастают. На глазах тает общественное и личное стадо. Было в деревне в личных подсобных хозяйствах ещё несколько лет назад 46 коров, а сейчас, дай бог, 10 осталось.

- Как же так, - не понимаю я. - Ведь в ваших краях животноводство всегда было рентабельно; и маслом, и сыром торговали.

- Да какое там масло и сыр, - грустно смотрит на меня Алек-

сандр Николаевич, - когда литр солярки в несколько раз дороже литра молока. Кто же будет торговать себе в убыток?

- Но может быть, нац. проект по селу чем-то поможет? - продолжаю я и понимаю, что говорю совсем не о том, о чём думает глава сельского поселения.

- А кто его знает, до нас он ещё не дошёл...

Александр Николаевич отвечает осторожно: должность всё-таки официальная, а его сотрудница Вера Николаевна Соловьёва прямо так и режет:

- Что же там наверху не понимают, что делается на селе? Она приносит большую амбарную книгу и сыплет цифрами:

- Вот что осталось от наших деревень, стоящих на Волкоте: д. Быстри - в 1992 г. был 21 дом и жило 63 человека, сейчас - 7 домов, 7 жителей; д. Вдовцы - исчезла; д. Волкота - исчезла; д. Торопово - исчезла; д. Боталы - остался только один местный, остальные дачники; д. Стеклино - вся деревня состоит из дачников. А вы говорите о нац. проекте. Нет деревень, нет жителей - кто же будет поднимать деревню? Дачники что ли?

Деревня на глазах стареет, старики постепенно уходят из жизни. Вот и ветеранов Великой Отечественной войны в укрупнённом сельском поселении осталось всего три человека: Иван Иванович Крушинов из д. Андронов, Илья Сергеевич Виноградов из д. Крест и Дмитрий Николаевич Иванов. Как помрут, так никто в деревне и не вспомнит, что была война.

Но сам Волок ещё живёт: есть и почта, и медпункт и магазин, и сельская школа. Вот в соседней Горице, где мы недавно побывали, школу этим летом закрыли, а здесь она ещё работает.

Школа в Волоке. Разговор о судьбе деревенских школ с учительницей Натальей Геннадиевной Линус

Школа в Волке нам понравилась. Своей приветливостью, ухоженностью, роскошными цветниками и нарядной изгородью. Нас ведёт по школьным коридорам учительница Наталья Геннадиевна Линус. Показывает классы, кабинеты, столовую и небольшой краеведческий уголок, экспонаты которого собирали по избам юные краеведы: самовары, глиняные горшки, лапти, корзины и другие предметы крестьянского обихода.

В школе 11 учителей и всего 27 учеников, получается на каждого учителя по три ученика - не густо.

- А что делать, - вздыхает Наталья Геннадиевна, - рождаемость почти нулевая. И перспектив никаких - маленьких детей в Волке - всего двое. Ну, какое же это пополнение.

И хоть вроде и должны возить сюда детей из Гориц и Любино, но родители ещё думают, какую им школу выбрать.

- Что будет дальше, - не знаем, - вздыхает Наталья Геннадиевна.

Есть в Волке и свой магазин. Это тоже - одна из достопримечательностей просто потому, что он единственный на всём протяжении Волкоты - от истока и до устья. Конечно, где-то на большом удалении от берега, наверное, и есть магазины (как, например, в Горицах), но вот так, чтобы он стоял на самом берегу да к тому же радовал таким разнообразием товаров - на Волкоте нет. Ни в одной «речной» деревне, что мы проехали, магазинов, увы, уже нет. Нет ни в Беньке, ни в Выползове, ни в Заборовье, ни в Стеклине, ни в Семченках, вплоть до пос. Бобровец.

Кто бывал в сельских магазинах, тот знает, что это своего рода мини-маркет вкупе с универсальным промтоварным магазином. Здесь хлеб соседствует с резиновыми сапогами, крупы с ваLENками, сосиски с коврами, колбаса с кофточками, а туалетная бумага с шоколадными конфетами. На тумбочке лежали книги, как в книжном магазине, и ...жалобная книга.

Любопытная, знаете ли, книга - сельчане так мутузили на её страницах продавщицу, что после этих слов её и подпускать, казалось, нельзя было к прилавку: и груба, и нечиста на руку, и в сенокос вообще не открывала магазин, а одного покупателя даже обложила матом.

Я посмотрел на миловидную продавщицу за прилавком и робко спросил:

- А зачем вы его матом-то обложили?

- Кого? - переспросила она.

Потом перевела взгляд на жалобную книгу и рассмеялась.

- Да не я это. До меня тут была другая продавщица. Ругалась здорово.

- Ну, и где же она?

- Уволили за грубость...

У прилавка толпился народ. Такое впечатление, что они пришли сюда вовсе не за покупками, а поговорить, обменяться новостями, посплетничать. Разговаривали о сене, о том, что картошку пожрал колорадский жук, о ценах на комбикорма, маленьких пенсиях, на которые не проживёшь, о каком-то мужике, который опять напился и подрался со своей женой.

Магазин в деревне - место, где вырабатывается деревенское общественное мнение, ругают местные власти, обмениваются мнениями об очередном мексиканском сериале, о ценах на продукты на андреапольском рынке, кто с кем как живёт, кто что купил, а что продал. Это и заготконтора - сюда сдают грибы, ягоды, орехи, привозят баллоны с газом.

В последнее время из-за нерентабельности позакрывали многие деревенские магазины, их заменили автолавки. Но местные жители ропщут: разве можно заменить магазин автолавкой?

* * *

Если плыть из Песчахи, то, не доезжая километра до Волока, справа в неё впадает речка Бросница, а чуть ниже Волока километрах в двух от него по реке влево уходит довольно широкая протока, соединяющая Волкоту с Лучанским озером. Это - Говшица, левый приток Волкоты.

По Броснице в древности проходил самый удобный путь от центра новгородской Буюцкой волости к реке Волкоте, а по Говшице суда с товарами поднимались к Лучанскому озеру.

В озеро Лучанское впадает множество больших и малых речек, а вот вытекает только одна - эта самая Говшица. Впрочем, это своё название она носила не всегда. В справочнике 1872 года она называлась менее благозвучно - Гавница, а в начале XX в. р. Мольгиной. В книге «Псковская губерния», изданной в 1907 г. в Пскове губернским статистическим комитетом, об этом притоке

Волкоты сказано так: река Волкота проходит озёра Волкота, Заборовье и принимает с левой стороны реку и озеро Иставец, р. Мольгино и оз. Лучане... Самое древнее название, считают учёные, - Гавница (от балтского слова - «гави», «гавьяс» - коровья река), а рекой Мольгиной протока стала именоваться позже по названию возникшей на её берегу д. Мольгино. Судя по всему, название деревни и протоки связано с наличием в этих местах мелкой рыбы, или снетка. Ведь ещё В. Даль указывал в своём словаре, что моль, мольга - это мелкая рыба, снеток.

Озеро Лучане - это подлинная жемчужина Андреапольского края, самое большое и красивое озеро в этих местах. Через него в старину проходил водный путь из Новгорода в Смоленск, да и все земли вокруг входили в Деревскую новгородскую пятину. Во всяком случае, одна из русских летописей свидетельствует, что именно через это озеро в 1173 году ехал из Новгорода в Смоленск князь Рюрик Ростиславович. Его путь, видимо, шёл по рекам Ловать и Поле через Лучанское озеро, реку Волкоту, Отолово озеро, озеро Охват и Зап. Двину. Здесь, в местечке Лучин, у него родился сын, которому он и завещал этот городок.

Это летописное свидетельство вот уже давно не даёт покоя археологам и историкам. Упоминание о древнем городке есть, а вот где он находился - неизвестно. Многие археологические экспедиции побывали в этих местах. Когда мы совершали поход по реке Волкоте, то на озере Лучане, на острове Сердечко, работала очередная экспедиция.

Но через Лучанское озеро проходили и другие торговые пути. Наиболее известный из них - на верховье Волги. Из Зап. Двины на Волгу можно было попасть через озеро Охват, реку Волкоту и озеро Лучанское. А далее волоками в озеро Витбино и реку Кудь - приток Волги.

В 1824 г. в этот район была направлена даже специальная экспедиция под руководством инженера Волкова. Предполагалось на месте древних волоков прорыть каналы от оз. Лучанского до оз. Любино и от оз. Любино до оз. Витбино, устроить на них шлюзы для поднятия воды и открыть водный путь: оз. Витбино (бассейн Волги) - оз. Любино - оз. Лучанское - р. Волкота - оз. Охват - Зап. Двина.

Но, как и большинство других подобных проектов, он не был

осуществлён: затраты на эти работы оказались слишком значительны. А затем проект в связи со строительством железных и шоссейных дорог был окончательно забыт.

Многие деревни по берегам озера возникли сотни лет назад. Во всяком случае, часть из них упоминается в оброчной книге Деревенской пятины под 1495 г. Среди них - небольшая деревушка Колотилово, расположенная совсем недалеко от впадения в озеро речки Каменец.

Мне довелось участвовать в праздновании дня этой деревни, которой «стукнуло» более пятисот лет. Праздник вышел на славу. Батюшка из Андреаполя освятил новую часовню, построенную на средства московского предпринимателя Мельникова, купившего дом в этой деревне. Много хороших слов было сказано об её истории и жителях, которых осталось совсем немного. Да и живут они уже не в Колотилово, а в соседних деревнях, продав свои дома московским дачникам. Все деревни вокруг тоже принадлежат дачникам.

Колотиловских старичков посадили на импровизированной сцене, а дети дачников подарили каждому из них по букетику полевых цветов. Было тихо, трогательно и почему-то грустно. Некоторые старушки украдкой вытирали слёзы.

А потом самодеятельный хор из Андреаполя исполнил Колотиловский вальс. С баяном на сцену поднялся автор слов и музыки известный тверской писатель В.Я. Кириллов. Были в нём и такие слова:

Есть на карте местечко красивое,
Где душа, как на крыльях парит.
Дорогое моё Колотилово
И родные Лучане мои.
Здесь тоска, как туман, разливается
По просторам уснувших полей,
И желаю, по-русски я каяться
За утраты Отчизны моей.

Со словарём В.И.Даля в рюкзаке Волок

Деревня на берегу р.Волкоты. Расположена на пересечении древних и сухопутных путей. В окрестностях - древняя стоянка и группа курганов II тыс. н.э. В 1872 г. здесь жило 26 мужиков и 36

женщин. Через деревню проходит автомобильная дорога Андреаполь-Бологово. Единственная деревня на реке, где сохранился магазин.

Волок - древнее село:
Человек здесь жил давно.
Здесь исправно торговали,
Волочили¹ тут товары -
На волоках² везли воз -
Здесь речной был перевоз.

Волочмя³ тащили лодки,
Помогали и молодки.
А из леса, где жил бес-
Выволакивали⁴ лес.
Здесь избушки сколь веков
Стоят в несколько рядов.

Это - раньше. Чем сейчас
Удивит Волок всех нас?
Не мостом, и не рекой -
Не красивой Волкотой:
На пригорке у моста
Стоит сказочна изба.

После леса и трясин
Перед нами магазин.
Закружилось в головах,
Забурчало в животах.
От крылечка синего
И от изобилия.

Соки, водка, колбаса...
Есть одежда, есть еда,
Пиво нескольких сортов,
Есть коробочки тортов,
Есть ботинки, есть ковры,
Не хватает лишь икры.

¹ Волочить - «таскать, тащить, брать таском, волоком, везти по земле, двигать, тянуть».

² Волока - «волокуша, волокушка, совок, возилка; запряжка, бревно одним концом тащится по земле».

³ Волочья - «таском, волоча, таща по земле».

⁴ Выволакивать - «вывозить лес на волоке».

Магазин один вокруг.
Вот сюда все и идут:
С Заборовья и Бенька,
Из Быстри и Стеклина.
Что поделать - магазин
Он на всей реке один.

Что же значит, хоть один,
Для деревни магазин?
Здесь судачат, здесь и пьют,
Это клуб и это суд.
Покупают кофточки,
Промывают косточки.

В общем, скажем прямо так:
Магазин здесь не пустяк.
Как бы не было всем скверно -
Не погибнет та деревня,
Где какой бы то ни есть,
А магазин всё же есть.

Река Говшица - д. Молькино (Мильгино)

Деревня Молькино (не сохранилась) находилась на берегу протоки Говшица, связывающей озеро Лучанское с рекой Волкотой. В списке населённых пунктов 1872 г. значится д. Молькино «при речке Гавнице» и в ней 2 дома (6 мужиков и 6 женщин). Но уже в XX в. она называется Мольгиной по одноимённой деревне, а затем, видимо с исчезновением деревни, становится Говшицей, как называют её и сейчас. Название Гавница, по всей вероятности, балтского происхождения (гави, гавьяс - коровья река). Что же касается д. Мольгино, то она получила своё название, видимо, от слова моль, мольга - мелкая рыбка, снеток (В. Даль).

Река Говшица (Гавница)

А вот и речка Говшица -
Заросшая река.
Течёт по лугу топкому,
Не видно берега.
Во времена былинные
Немало было странностей.
Река сия невинная
Носила имя Гавница.

Здесь жило племя балтское,
Пасло оно коров.
Их жизнь была крестьянская -
У них был дом и кров.
Коровы были тучные,
Купались в реке.
Нужду справляли тутося
Ну, в общем - то везде.
Назвали речку чистую
»Коровией рекой».
Соседи мимо близкие
Ходили стороной.

* * *

С тех пор река - как здравница.
Нет грязи, нет рогов.
Наверно, в этой Гавнице
Поели всех коров.

Деревня Молькино (Мильгино)

Вода чистей Иставницы¹.
Как кончилась страда,
Из озера в ту Гавницу
Попёрла мелюзга².

Мольга³ была отменная.
Ловили мужики
Её сетями мелкими
В четыре, зная, руки.

Деревня - неприметная.
Сушили здесь снетки⁴,
Варили щи отменные
Из этой мелюзги.

¹ Иставница - река, левый приток Волкоты. - А.П.

² Мелюзга - «мелочь; самая мелкая рыбка, недавно выведшаяся - мольга, молока, малява».

³ Мольга - «кроха, крошка; малёшь, мелочь, мелюзга, самая мелкая рыбёшка, моль, мулька, недавно вышедшая из икры».

⁴ Снеток - «рыбка вандыш, ловимая в Белоозере и других; в продаже сушеная; снетки свежие зовут молью».

Пришла в деревню слава -
Все парни нарасхват.
И в гости на маляву
Идёт за сватом сват.

Теперь корову-дуньку
Не сыщешь - не ищи.
Все парни ловят мульку,
Их жёны - варят щи.

Забыли все про Гавницу,
Забыли про Гавье.
Реку назвали Говшицей,
Деревню - Мольгино.

Волкота как крылатая птица

*Волкота как крылатая птица
Всё несется, кричит и поет.
Мне всегда в дни прощальные снится
Волкоты торопливый полёт.*

*Родниковые струи Валдая
Скачут вниз по уступам Двины.
Я пишу о таинственном крае,
О верховьях реки Волкоты.*

*С дивных гор, нам подаренных Богом,
Открывается сказочный вид,
И с холмистых Валдайских отрогов
Волкота все бежит и бежит.*

*Счастлив я - здесь пришлось мне родиться,
Вырос здесь я и стал на крыло.
Пусть взмывает крылатая птица, -
Здесь исток мой, родное гнездо.*

Прошла гроза

Прошла гроза, ушли сомненья,
В дождинках искрятся цветы.
И снова в сердце умиление -
Любви увядшие мечты.

А солнце весело смеется,
Лучами летними дыша,
Поток дождя игриво льется,
Совсем лениво, не спеша.

Прохладой свежей полны лужи,
И грусть куда-то унесло.
Да и слова стали не нужны -
Все растворилось и ушло.

Прошла гроза, прошли смятенья,
Надеждой прежней полон я:
И снова чистым вдохновеньем
Полна, светла душа моя.

Быстри, Боталы, Стеклино. «За ноги в ям быстри волок»

Когда, нагруженные провизией, мы спускались из магазина вниз к реке, прямо с моста нас окликнула какая-то старушка.

- И куда это вы на ночь глядя собираетесь?

- Туда, - махнул рукой Сержант, - вниз по реке.

- Да ведь там до Быстри и пристать-то негде: одни болота.

- Ничего, найдём.

- А то заночуйте здесь, на бережку, а я вам молочка принесу. Тут все туристы останавливаются.

На песчаной отмели прямо у самой реки действительно виднелись следы от кострища.

Но Сержант был упрям: у него через неделю кончался отпуск, и он всё гнал и гнал нас вперёд.

- Правду говорю, вот увидите, - обиделась бабушка, - да и река там буйная, беспокойная.

Солнце уже клонилось к обеду, когда мы покинули Волок. Здесь река снова разливается по широкой пойменной долине, и надо было пробираться вперёд через тростник по узкой и извилистой протоке. Берега не видно, вокруг только камыши и осока. Здесь, если темнота настанет, надо забираться в осоку и, вытянув ноги вдоль борта, коротать на воде беспокойную ночь. Ну, мы-то кое-как переночуем, а каково Маруське?

Но ночевать нам не пришлось. Осока расступилась, и мы снова выехали в русло реки.

Участок Волкоты от Быстри до Стеклина, пожалуй, самый бурный и интересный на всём протяжении реки. Здесь Волкота совершает свой третий прыжок вниз по Валдайскому каскаду, скатываясь в озеро Отолово. Очередная каменная гряда в районе д. Быстри снова перегораживает русло, и вода хлещет по огромным валунам упругими струями, кидая лодки из стороны в сторону. Что-то кричит впереди Сержант, но разобрать слова невозможно, вёсла свистят в воздухе, а руль звонко скрежещет, когда байдарка пролетает над скрытыми в воде камнями.

Уже в сумерках мы проносимся под старым деревянным мостом. Вода пенится, бурлит и бьёт байдарку о камни, а она несёт-

ся, словно ошалелая, вниз, подчиняясь быстрому и стремительному потоку.

Дима поднял вёсла и сказал:

- Греби, не греби - толку нет.

Мы перестали гребти и полностью отдались Волкоте, которая, подхватив байдарку, бросила её на самый гребень волны.

Лодка прыгала по воде, как скорлупка от грецкого ореха, и предательски скрипела на поворотах, проносясь мимо торчащих из воды кольев от старых заколов.

Мы не заметили, как проскочили вереницу тёмных изб, вытянувшихся вдоль крутого берега реки. Это была деревня Быстри.

Деревня как деревня. В своё время здесь была и школа, и клуб, и медпункт, и библиотека - всё, что положено было иметь центру сельского совета. Здесь же находилась и животноводческая ферма, и центральная усадьба колхоза «Восход». Здесь даже в советское время отмечали престольный праздник - Ильи Пророка. Эти времена по доброму вспоминают старые быстрианцы, а сейчас и вспоминать-то уже некому: всего местных и осталось семь человек, в основном пенсионеры. А в старину это было большое село, в 1872 г. здесь жило 36 человек.

Сейчас почти все дома в деревне скупил дачники. И это понятно. Места тут красивые, богатые клюквой, черникой, земляникой и грибами. Да и Волкота здесь несказанно хороша - быстрая, стремительная. Для рыболовов настоящее раздолье - водятся и щука, и лещ, и плотва, и язь.

Но у Быстри такая же судьба, как и у многих других тверских деревенок. В отличие от Волока стоит она в стороне от дороги - километра три-четыре надо идти до большака. А зимой и вообще пути нет. Зимой здесь прямо к деревне подходят и волки, и кабаны. А местные жители боятся держать кур - лисиц вокруг развелось столько, что всё стадо могут передушить. Поля зарастают, и лес подступает прямо к деревне.

- Скоро по нашим улицам медведи будут ходить, - грустно шутят быстрианцы.

От Быстри одна колёсная дорога ведёт в Стеклино, а другая в деревню Заногы. Собственно, деревни-то уже нет, а вот название осталось. Вообще на этом участке Волкоты много деревень с «водяными» названиями. Почти все они так или иначе связаны с осо-

»Мне так сладостно в твоих объятьях нежных, милая, родная Волкота«

бенностями окружающей местности, характером течения реки Волкоты или старинными рыбацкими промыслами.

И не надо тут залезать в глубь веков, отыскивая у этих слов индоевропейские, угро-финские или балтские корни. Все эти названия легко расшифровываются с помощью всё того же Толкового словаря В. Даля. Название деревни Быстри происходит от быстрого тѣка воды - мы сами убедились в этом. Даль так объясняет это слово: «Быстрота - скорость, прыткость, прыть, беглость, проворство, резвость; самое быстрое, бойкое место потока, русла; стрежень». Отсюда произошли и такие слова, как быстрина, быстрота, быстрец (мелкое, каменистое место, где вода течёт быстро). Деревня Заногы находилась километрах в 5 от Быстри в низине на окраине большого болота Плавь, которое протянулось от Заногы почти до речки Бросницы. Мы тоже нашли это слово у Даля с пометкой, что оно бытует в псковском и тверском говорах: «занога - лунка, ямка».

Слово *занога* состоит из приставки *за* и *нога* и обозначало рукав реки, низина, впадина у реки, заливаемая внешними водами; клин пашни или луга, вдающийся в лес; крутой разворот реки. Кстати, именно у Быстри Волкота и делает «крутой разворот». У местных жителей, как свидетельствует тверской историк и архе-

олог В.М. Воробьёв, бытовала даже такая шуточная топонимическая фраза: «за ноги в ям быстри волок», которая довольно точно предаёт рельеф этой местности. Речь идёт о деревнях Заногги, Ям - возле Ямского озера, через которое протекает р. Говшица (в данном случае, название связано с ямской почтовой станцией), Быстри и Волок.

Стеклино находится от Быстри ниже по течению реки. И у этой деревни тоже «водяное» название. Здесь, «спрыгнув» со ступеньки вниз у д. Быстри, Волкота успокаивается, стекая в Отоловское озеро. Даль так объясняет это слово: *стекать* - сбегать тёмком, потоком; *скатывать*; *сток* - это канава, жёлоб, труба. Примерно также объясняет это слово и Э. Мурзаев: *стекло* - свободное пространство воды в середине болота, чистая, свободная от растительности часть озера.

В этом месте, где Волкота вливается в Отоловское озеро и пересекает его наискось, на левом берегу реки у впадения её в озеро некогда стояла деревня Торопово. Деревенька небольшая: в 1872 г. в ней было всего 2 дома и жило 17 человек. Её название тоже отражает характер и особенности течения реки Волкоты. Здесь река, пройдя через Отоловское озеро, снова ускоряет бег, «торопится» - от слова *торопить* - «понуждать, погонять, заставлять спешить, стараться ускорить дело, понукать,»; *тороп*, *торопление* - «спех, поспешность, суета» (В. Даль). От этого корня («тороп») образовано много других слов - торопливый, торопкий, оторопь и даже такие, которые сейчас уже не употребляются - торопитель, торопила. Таково же происхождение и названия р. Торопы, правого притока Зап. Двины, и д. Торопаца, откуда она берёт начало.

Большинство учёных сходится на том, что у этого слова основа славянская: *Торопа* - значит быстрая, но есть и другое объяснение: *торпуть* (индоевроп.) + *упа*, *опа* (река - балт.).

На полпути между Быстри и Стеклино в сторону правого берега реки Волкоты уходит протока, скрытая травой и кустарником. Она ведёт в длинное и узкое озеро Боталы, которое вытянулось вдоль шоссе Андреаполь-Волок на протяжении 6-7 км. На правом берегу по ходу наших лодок чернели несколько бревенчатых изб, а на левом - раскинулся великолепный сосновый бор.

Деревня старинная, и люди здесь жили давно. Рядом - следы древнего поселения. Оно располагалось прямо на озёрной террасе и принадлежало, видимо, племени рыболовов и охотников. Да и в более поздние времена жители продолжали заниматься лесным и рыбным промыслами.

От какого-то неведомого нам рыбака по прозвищу Ботала да по особому способу ловли рыбы в здешних местах и получила эта деревня своё название.

Ловля рыбы с помощью ботанья была широко распространена в новгородских и тверских деревнях. Слово *ботало*, как свидетельствует В. Даль, он записал в новгородской губернии: это «шест с досщечкою и деревянным стаканом на конце, коим ботают воду, загоняя со дна в сети или приманивая клокком сома». Сейчас о ловле клокком никто и не знает, а раньше это был один из самых добычливых способов ловли рыбы.

О том, как происходила охота на шук и сомов ботаньем, рассказывает известный русский учёный-ихтиолог Л.П. Собанеев в своём широко известном и популярном в России труде - «Рыбы России» (1892г.): «Ботальная сеть, в сущности, та же двойная меreja, но с незначительными изменениями. Главная разница, однако, та, что рыба заходит сюда не сама по себе, а загоняется с помощью особого снаряда, производящего весьма сильный шум. Это ботало состоит из более или менее длинного шеста, к концу которого прикрепляется или вворачивается т. наз. колокол - деревянный или железный снаряд колокообразной формы, внутри пустой. Воздух, сжимаемый ударом колокола, производит этот глухой, но весьма сильный звук, заставляющий испуганную рыбу бросаться стремительно вперёд, где её встречает сеть, в которой она и запутывается. Звук этот бывает тем сильнее, чем правильнее сделан самый колокол, диаметр отверстия которого должен быть у краёв уже, чем посередине. Всё, конечно, зависит от удачного выбора места, умения ботать; соблюдение тишины при забрасывании сети имеет также важное значение. Если рыбы собралось много, то нередко удаётся вытащить зараз до 5 и более пудов. Тихо и бесшумно подвигается лодка к намеченной груде хвороста, осторожно выкидывает рыбак сеть; внезапно окрестности озера оглашаются гулкими ударами ботала, отдающимися эхом...; кипит и брызжет вода под ударами, всё ближе и ближе к

сети подвигается лодка, ловко управляемая тем же боталом; чаще и чаще слышатся его урканья, осторожно вытягивает рыбак сеть, отягощённую рыбой. Случается, что мережа буквально тонет на дно от множества запутавшейся добычи».

Разновидностью ботанья была ловля рыбы и в первую очередь сомов с лодки на так называемую клоковую удочку. Но там ботало используется не в качестве вспугивания рыбы для загона её в сети, а для её приваживания, приманки. Да и сам шест с колокообразным снаря-

Деревня Стеклино. Вид из космоса

дом на конце трансформируется в короткую клоковую удочку. Впрочем, давайте снова дадим слово Л.П. Собанееву, потому что лучше него вряд ли кто сможет рассказать об этом способе ловли: «Местами...ловят сомов с помощью клокуши. Так называется несколько изогнутая палка, делаемая к одному концу тоньше, а к другому толще. На этом толстом конце она несколько выдалбливается. Делают её иногда и просто прямо. Длинною палка бывает около полуаршина (около 36 см. - А.П.). Выдолбленным концом клокуши рыболов ударяет в воду, отчего полу-

чается звук, напоминающий глухое и отрывистое «ббук, ббук, ббук» - звук, похожий на крик выпи, или если бы опрокинутым стаканом ударяют по воде. Некоторые клокуши приспособливаются так, что производят нечто похожее на кваканье лягушки. Ловить с клокушей называется клочить сома...

Подготовив всё нужное для ловли, рыбак садится в лодку на корму и выезжает на середину реки... Здесь он перестаёт грести, а крючок с насадкой опускает в воду. Левой рукой рыболов держит лесу, а в правую берёт клокушу и начинает клочить. На этот звук сом подходит к лодке, замечает насадку, по обыкновению не сразу глотает её, а как бы сосёт, причём виснет, точно гирия. В этот момент рыболов спускает с руки понемногу лесу, затем уже подсекает как можно сильнее, чтобы крючок высвободился из приманки. Если сом небольшой, его надо сейчас же тащить в лодку; если же он очень велик, то необходимо спустить бечеву, чтобы она отошла к носу лодки; таким образом рыболов старается понемногу достигнуть отлогого берега, где выходит из лодки и вытаскивает добычу. Заматывать лесу на руку никогда не следует, потому что очень крупный сом может стащить в воду даже сильного человека. Для вытаскивания сома необходимо иметь сачок и топор, которым сом пришибается в голову. Если же оставить сома в лодке неубитым, то он может из неё выскочить.

Всего лучше сом ловится на не очень глубоких быстринах, куда он выходит охотиться за рыбой; но ловят его также и на глубоких ямах. Самая добычливая ловля производится в тихую погоду по вечерам и утром; вечером сом хорошо ловится с того времени, как садится солнце, и до самых сумерек; утром же - до восхода солнца. Хорошая погода - необходимое условие для ловли сомов; в дурную или ненастную он лежит на дне, не поднимаясь, и не слышит клоченья.

Насадка для ловли с клокушей употребляется различная: белый червь, линючий рак, воробей, большая ракушка, вынутая из раковины, и т.п.»

Деревню Боталы в наше время постигла такая же судьба, как и десятки других деревень Тверского края. Она обезлюдела, и теперь в ней постоянно проживает только один местный житель. А это красивое и живописное место облюбовали дачники, которые приезжают сюда на лето.

После протоки в озеро Боталы Волкота вроде бы успокаивается. Успокоились и мы. Тверской Соловей блаженно вытягивает затекшие ноги и поднимает весло: впереди возле д. Стеклино - небольшой навесной мост из металлических конструкций. Но разве это препятствие? Пустяки по сравнению с бешеными скачками по камням у Быстри. Мы направляем лодку в один из пролётов и перестаем грести. И тут же были наказаны за беспечность.

Так всегда бывает. Когда перед тобой серьёзное препятствие, когда возле каждого камня тебя подстерегает опасность, а мощный поток так и норовит опрокинуть лодку, - тогда ты превращаешься в один стальной нерв, твои чувства напрягаются до предела, а зрение становится таким острым, что ты видишь чётко всё вокруг, забывая о своей близорукости, и о прыгающих на носу очках, обмотанных для крепости резинкой вокруг головы. Но там было ощущение опасности, предчувствие каких-то неожиданностей, которые подготовила для тебя коварная река. А здесь-то что? Ни одного камня, дерева, торчащего из воды бревна из закола.

Наша тяжело гружёная байдарка, подхваченная течением, не вписавшись в пролёт, устремляется прямо к железной опоре. Раздался противный треск, как будто кто-то полоснул ножом по клеёнке, и наша выдававшая виды байдарка, пуская пузыри, медленно пошла ко дну. Прежде чем оказаться в воде, я увидел как Соловей, бросив весло, как-то боком вывалился за борт и вместе с лодкой стал погружаться в воду.

Он вынырнул через минуту, когда я уже стоял по шею в воде, держась за металлическую конструкцию моста. Глаза его ошалело смотрели на меня. Я пытался поймать его и подтащить ближе к опоре, но что-то держало Диму за ноги и тянуло вниз. На мостик вбежал испуганный Сержант.

- Держись, - крикнул он и бросил сверху верёвку.

Соловей повис на ней, как акробат, судорожно пытаясь подтянуться. Но не мог - от его ног тянулись вниз две рулевые байдарочные верёвки. Они были закреплены петлями на его ногах и тащили нашего поэта вниз вместе с лодкой. Так он и висел под мостом, пока подоспевший на байдарке Наг не освободил его ноги от верёвочных пут.

Потом Сержант долго нырял в воду в поисках утонувшей байдарки: её со всем грузом оттащило в глубину сильное течение. Хо-

рошо, что мы ещё до Быстри привязали к лодке длинную верёвку с пустой пластиковой бутылкой на конце. Теперь она, как поплавок, болталась на воде, показывая место, где покоилась на дне наша байдарка.

На мостик высыпала вся деревня поглазеть на наше кораблекрушение. Картина была действительно живописная - два здоровых дяди (я и Сержант) ныряли под мостом в поисках байдарки, а спасённый Соловей развешивал на мосту свою одежду.

Посмотрев на распоротое брюхо вытащенной на берег байдарки, Сержант вынес заключение:

- Прямо как после кесарева сечения. Тут не клеить, зашивать надо.

Несколько часов мышили байдарку и сушили спальные мешки и продукты. Нам охотно помогали местные жители - дачники. Сержант, орудуя огромной иглой, наложил швы на пробоину, как доктор, зашивающий глубокую рану на теле пациента, а потом заклеил её резиновым пластырем. Заплата вышла внушительная, чуть ли не вдоль всего борта лодки. Она и сейчас украшает нашу старенькую байдарку и ни разу не подвела нас во время дальнейшего путешествия.

- Ну, как, - спрашиваю я Соловья, - испугался?

- Вот ещё, - обиделся он. - И побежал по берегу вылавливать уплывшие по течению вёсла.

От Быстри до Отолова озера река несётся бешено, прыгая с камня на камень. Когда плывёшь по ней на лодке, то физически ощущаешь, что река течёт буквально «вниз», торопится, спешит. Лодка опускает нос, и ты скатываешься вместе с ней, как дождинка по оконному стеклу. Грести легко - потому что течение обгоняет лодку, и достаточно одного гребка, чтобы байдарка улетела вперёд на несколько метров. После тростника и осоки - это огромное ни с чем не сравнимое наслаждение - чувствовать себя чайкой в свободном волшебном полёте.

Только здесь по-настоящему начинаешь понимать, почему перепоселенцы этих мест дали деревням такие «водяные» названия - Быстри (бысторе течение реки), Стеклино (вода «стекает» вниз в Отоловское озеро), Торопово (река «торопится»). Волкота успокаивается только перед самым впадением в Отоловское озеро.

И ещё - права оказалась бабушка на волокском мосту: вплоть

до озера на этом участке реки нет ни одной приличной стоянки.
А мы не верили.

Со словарём В.И.Даля в рюкзаке Быстри

Деревня на реке Волкоте. Своё название получила по быстрому течению реки, которая преодолевает здесь каменную гряду и «спрыгивает» вниз, ускоряя течение. Слав. слово быстьрь нашло отражение во многих названиях Тверского края: Быстрики, р. Быстрица, Быстрово, Быстрое и т.д.

В 1872 г. в Быстри было 5 домов и проживало 36 человек. Сейчас осталось только 7 местных жителей, остальные - дачники.

Река несётся прыткая,
Как по ступенькам вниз.
Какая же ты быстрая¹,
Куда же ты спешишь?

Вот здесь на косогорчике
Открыл бы я бистро²,
У этого заборчика
В избушке у Быстри.

На берегу диванчик
Поставил бы в теньке.
Всем наливал стаканчик:
Закусишь - в Стеклине.

Боталы

Деревня Боталы (Малое Стеклино) на берегу озера Боталы (Стеклино). В 1872 г. здесь стояла довольно большая деревенька в 12 домов, в которой жили более 80 человек. Жители занимались сельским хозяйством, углежжением и смолокурением и, конечно, рыбной ловлей. Рядом с деревней - древнее поселение. Название деревни, видимо, связано с переселенцем по прозвищу Ботала и особым способом рыбной ловли в здешних местах. Ботало - так называлось приспособление для глушения и вспугивания рыбы. Про

¹ Быстрый -»скорый, прыткий, бегучий, беглый, проворный, моторный, бойкий, резвый, шибкий, мгновенный; быстрота - скорость, прыткость, прыть, беглость, провор-ство, резвость; самое быстрое бойкое место потока, русла; стрежень».

² Бистро - закусовая быстрого приготовления (с фр. - А.П.).

человека, носящего такое прозвище, говорили - болтун, пустомеля, врун.

В стародавние года
Жил рыбак здесь Ботала.
Пустомеля был он, врун
И большой-большой болтун.

Но не только языком,
Он работал - боталом¹,
Одевал рыбак порты,
А на ноги - боталы².

Воду он шестом в ночи
Баламутил - хоть кричи.
Шум такой, что не до сна:
Ловит рыбу Ботала.

Рыбы в озере не счесть,
Загонял её он в сеть.
Рыба шла не ерунда,
Клоком манил он сома³.
И корове - всем назло
Он подвесил ботало⁴.
Брякал сам он языком,
А корова - позвонком.

Так и жило по преданьям
Всё село одним ботаньем⁵.
И деревню, не шути,
Все прозвали Боталы.

¹ Ботало (новг.) -»шест с дощечкой и деревянным стаканом на конце, коим ботают воду, загоняя рыбу со дна в сети или приманивая клоком сома».

² Боталы -»сапожищи, не в меру большие».

³ Ловить сома клоком. Клок - «голк, гул, глухой, отрывистый звук; снаряд для при-манивания сомов». «Клочба - ловля сомов на клок».

⁴ Ботало- колокольчик-болтун; позвонок «подвешивают на шее всякого скота для наслышки в лесу».

⁵ Ботать - «качать, болтать, колебать, двигать взад и вперёд или вверх и вниз; качать ногами; стучать ногами в широких сапогах; шагать по грязи; мутить, болтать воду; загонять шестом рыбу в сети; звонить, брякать позвонком-боталом».

Стеклино

Деревня на берегу р. Волкоты примерно в 3-х км от её впадения в Отоловское озеро. Название - от рельефа местности и особенностей стока воды в озеро. Вода здесь как бы стекает вниз по гладкой, как стекло, поверхности реки в сторону Отоловского озера. В 1872 г. здесь было 9 домов и жило 36 мужиков и 36 женщин. Сейчас живут одни дачники.

Как капля дождя на стекле,
По поверхности, ровной, как стол,
Волкота здесь несётся к Двине,
Попадая сначала в Отол¹.

Так стекает² с холма поток,
И препятствий для этого нет,
Чтоб, пройдя этот быстрый сток³,
Успокоиться наконец.

Торопово

Деревня (не сохранилась) у истока Волкоты из озера Отолово. Название от древнеславянского слова торопа - быстрая или тор - путь (индоевроп.) и упа, опа (балтское) - река. Буквально - деревня на берегу быстрой реки (Волкоты). Такое же происхождение и названия г. Торопец, пос. Торопаца, реки Торопы. В 1872г. здесь стояли 4 избы, жило 18 мужиков и 24 женщины.

Торопово, Торопово...
Было здесь четыре дома,
Что стояли на реке,
Торопливой⁴ Волкоте.

Мужики здесь были ловки,
Удивительно торопки⁵.
А иначе быть нельзя -
Унесёт всё Волкота.

¹ Отол - озеро Отолово. - А.П.

² Стекать - «сбегать тёком, потоком, скатываться».

³ Сток - «канавы, жёлобы, трубы; низменность, куда стекает водоём».

⁴ Торопливый - «человек, слишком спорый, спешливый, суетливый, опрометчивый, скороспешный, который всегда торопится».

⁵ Торопкий - «торопливый, смывливый, горячий, скорый, суетливый».

Здесь с Отолом на свиданье
Волкота торопится¹,
Вся в любовном ожиданье -
Никак не остановится.

¹ Торопиться, торопить - «понукать, погонять, заставить спешить, стараться ускорить дело, понукать, понуждать».

Река журчит родная

*Река журчит родная, -
Красивы берега.
Она одна такая
На свете, Волкота.*

*Вот Сёмченки, каньоны,
Песчахи быстрый тёк.
Валдай - мои озёры,
Грибель - родной исток.*

*Заноги, о Заноги, -
Болота и леса.
Еще нам плыть немного -
Везде одна краса.*

*Вот видим мы деревню,
Скорей давай смотри.
По карте здесь, наверно,
Находится Быстри.*

*Река журчит родная,
Красивы берега.
Одна она такая
На свете, Волкота.*

Капли стучат по палатке

*Лес был угрюм, бор был высок,
Ели дремучие шатки.
Плавню спускались на теплый песок
Тени от нашей палатки.*

*Сосны недвижны, и солнце пекло,
Камни нагрелись на мели.
Где-то вдали, далеко-далеко
Грома раскаты гремели.*

*Птицы умолкли, не шепчется лист,
Лес тишиной успокоен.
Воздух прозрачен, недвижим и чист,
Словно на шишках настоен.*

*Небо померкло, потух костерок,
Капли стучат по палатке.
И ручейки потекли на песок
С нашей походной байдарки.*

Озеро Отолово. Путешествие в Москву

Волкота, поплутав по болоту, вдруг снова упёрлась в сплошную заросль тростника и, проскочив его, узкой протокой ввалилась в озеро. Море света и солнечных лучей ослепили нас, и мы долго привыкали к ним, чтобы снова двинуться в путь

Это было яркое зрелище: огромная, сверкающая гладь воды с солнечными зайчиками на поверхности, которые переливались, сверкали и прыгали, купаясь в солнечных лучах. Бронзовые сосны, как свечи, стояли частоколом на том берегу, словно любясь своим отражением в воде. А дальше, насколько хватало глаз, шли леса и перелески с изумрудными пятнами лугов и пастбищ. Красота неопиcуемая.

Недаром Отолово озеро считается одной из жемчужин здешних мест, и его давно облюбовали для отдыха московские туристы. На том берегу видны силуэты автомашин, разноцветные палатки, наспех сколоченные навесы от дождя. Сюда туристы приезжают надолго - на всё лето: ловят рыбу, собирают грибы и ягоды, варят варенье. На жердях висят гирлянды сушёной рыбы - её немало водится в этих местах, а с берега доносится приятный запах костров и сушёных грибов.

Ну, разве сравнишь эти места с разрекламированными курортами Куршевиля или Багамских островов, которые так полюбили наши нынешние новые русские? Как сказал один мой андреапольский знакомый, - у нас здесь чувствуешь себя человеком, а там (он неопределённо махнул куда-то на запад), - покупателем в дорогом магазине.

Озеро здесь перегораживает Волкоту, и она, рассекая его посередине, выплёскивается из него уже на другой, противоположной стороне. Конечно, эта линия пересечения не видна, но, говорят, что русло Волкоты прокладывает свой путь по дну озера, огибая сосновый бор на другом берегу озера. Но именно это невидимое подводное русло реки и служит границей между двумя соседними районами - Андреапольским и Пеновским: правый плёс находится на андреапольской территории, а левый - самый большой - уже на пеновской.

На Андреапольской половине озера все стоянки были заняты, и нам пришлось долго плутать по его северной пеновской части, пока Наг, вооружённый подзорной трубой, не воскликнул:

- Вижу стоянку! - и показал рукой в сторону небольшого песчаного мыска.

Эта стоянка в нашем походном рейтинге заняла почётное второе место (первое - на берегу озера Волкота у острова Кур). От песчаной отмели вверх поднималась тропинка на сухой, поросший елями, берег, весь усыпанный смолистыми шишками. Сержант с облегчением сбросил на землю тяжёлый рюкзак и упал прямо на эти шишки и на подстилку из белого мха.

- Хорошо, - вырвалось у него.

На этой стоянке у самой границы двух районов мы провели несколько счастливых дней: купались, ловили рыбу, собирали грибы и ягоды. Позади елового леса, прямо вдоль берега тянулись обширные болота - с низкорослыми берёзками и кочками, облепленными кустами черники. После завтрака наш Соловей брал большое ведро и исчезал в зарослях. Столько черники, малины и брусники, как в этом путешествии, мы не ели никогда: наш поэт ходил по лагерю с чёрными от черничного сока руками и фиолетовыми губами, напоминая арапа Петра Великого. Для превращения в полноценного негра ему не хватало только намазать черникой всю оставшуюся часть лица.

Вечером мы сидим на берегу и любимся закатом! Закат на озере - ни с чем не сравнимое зрелище - вершины деревьев покрываются позолотой, солнце в полнеба нависает над водой, и она окрашивается в красные, жёлтые и бордовые оттенки. Потом диск скрывается за далёким лесом, и всё озеро погружается в густую, гулкую темноту. Только в камышах шумно возятся щуки, да на наши палатки время от времени с шумом падают шишки. Брезентовые крыши долго гудят, как огромные барабаны. Боже мой, как же ты хороша, наша тихая и такая неброская русская природа!

...Утром мы отправились на байдарках дальше, на север Отолова озера, туда, где стоял известный на всю округу Отоловский погост.

Это озеро издавна привлекало к себе внимание исследователей и своей красотой и своей природной уникальностью. Если большин-

ство озёр, через которые протекала Волкота, - довольно мелкие, то Отолово, по сведениям местных жителей, достигает глубины в несколько десятков метров и может поспорить с озером Бросно.

В одной из Памятных книжек Тверской губернии (1861г.) говорится, что «у северной оконечности его (Отолова озера. - А.П.) лежит погост Отолово с трёхэтажным каменным храмом 1767 года во имя Живоначальная Троицы с 4 приделами: Успения, Николая Чудотворца, Пророка Илии и Нила Столбенского... В Отолово через р. Кличевку спускает свои воды озеро Засленье, или Ордовское, при д. Москве, имеющее 3 вер. длины и 300 саж. ширины».

Чем дальше на север двигались наши байдарки, тем выше становились берега. Справа и слева виднелись зарастающие мелколесьем луга - бывшие пахотные, ныне заросшие поля, а дальше леса и леса до самого горизонта.

Отоловская церковь выплыла совершенно неожиданно по правому борту, сверкая четырьмя головками своих куполов. Это было как в сказке - тихое безмолвное и безлюдное озеро, и на холме под столетними деревьями, как бы в небесах, висели четыре золочёных креста, переливаясь в солнечных лучах.

Ещё в Москве, готовясь к путешествию по р. Волкоте, нам попался в руки энциклопедический справочник по Тверской облас-

На пути встречается много заколов - старых рыболовных сооружений местных рыбаков

ти (1994 г.), где говорилось: «Отолово - село Заборовского с/с Пенновского района, в 25 км к с.-з. от Андреаполя, на сев. берегу Отоловского оз....С 1979 г. - село не существует. Сохр. остатки Троицкой церкви с интерьерами (1767), ограда с воротами и 4-мя башнями (2-ая половина XVIII в.)». Остатки... А тут на холме сверкала своими куполами хоть и старая, обветшавшая, но всё ещё крепкая кирпичная церковь под новой оцинкованной крышей. Чудо, да и только!

По крутой тропинке поднимаемся к церкви. На холме - большой и просторный дом со стожками сена на крутом склоне. И на одной живой души. Как будто вымер древний погост. Но вдруг со стороны дороги послышался шум мотора, и мимо нас пронёсся мотоцикл, лихо вкатившийся в стоящий рядом сарай. За рулём сидел бородатый мужичок лет сорока, из-под рубахи на шее у него виднелся нательный крест на тесёмке.

- Александр, - представился он. - Хотите храм посмотреть? Пойдёмте.

Александр - не местный житель, он приехал из Украины, с Краснодона, и, как человек православный, стал присматривать за погостом и помогать в его восстановлении.

Огромный амбарный замок со скрипом открылся, и мы, перекрестившись, вошли внутрь храма вслед за Александром, который и стал на время нашим экскурсоводом.

Храм по деревенским меркам был огромным, трехъярусным с четырьмя приделами, колокольной, и, несмотря на солидный возраст (построен в 1767г.), неплохо сохранившимся.

- Это сейчас он так выглядит, - пояснил Александр, - а раньше совсем был запущенный.

Прямо у входа в храм и на полу лежали мешки со строительными материалами.

После 1917 г. Отоловский храм постигла такая же участь, как и большинство храмов России. Он был разграблен, растащены иконы из иконостаса, осквернена могила Е.И. Отто - внуки главного строителя храма И.С. Челищева (умер в 1781 г.). В годы Великой Отечественной войны разобрали кирпичную часовню для строительства аэродрома неподалёку от д. Заборье.

Древние книги, внутреннее убранство храма - куда-то исчезли. Рассказывают, что из бархатных занавесок местные женщи-

ны шили себе юбки, а оцинкованное железо с крыши пошло на изготовление форм для выпечки хлеба.

Только часть убранства храма, икон и старых книг удалось спасти. В Пеновском краеведческом музее хранятся большой подсвечник на 100 све-чей, около 12 икон, царские врата. С начала 1990-х гг. все эти и другие реликвии начали возвращаться в возрождённый храм.

С 1990 г. батюшка из Пено с помощью местных властей начал восстанавливать церковь: укрепили фундамент, отремонтировали крышу, купола, водрузили кресты, привели в порядок иконостас.

Мы видели этот резной старинный иконостас с несколькими чудом сохранившимися иконами и деревянной скульптурой Параскевы Пятницы. А на стенах - остатки ещё той, старинной росписи.

- Богородица спасла, - говорит Александр.

Мы недоумённо смотрели на него.

- Рассказывали, как один богохульник отколол топором палец с деревянной скульптуры Параскевы, что стоит у окна, и обругал её плохими словами. Так вот наказала она его: вскоре у богоотступника отнялись руки, вскочила опухоль на щеке. Вызвали доктора. Тот направил его в местную больницу - оказался рак щеки. Через несколько дней осквернитель помер в страшных муках. Другой мужик пнул ногой Параскеву и поломал ей ноги - и его наказала Параскевушка: слёг вскоре богохульник с параличом ног.

Вот и пошла по деревням гулять молва - сердится Богородица. Нельзя осквернять и грабить храм.

Не знаю - так это было или нет, но в храм снесли все награбленные иконы, заколотили дверь и повесили амбарный замок. Так и простоял погост несколько десятков лет в стороне от дорог и вдалеке от районного центра и безбожного начальства (чтобы попасть из Отолово в Пено надо ехать просёлком на север до Ворошилова, а потом вдоль р. Кудь на восток до Пено - «медвежий угол»).

Храм ветшал, крыша поросла молодыми деревьями, прохудились купола, рухнула часть кирпичной ограды. Но церковь выдержала всё, несмотря на свалившиеся на неё невзгоды.

С 1994 г. батюшка приезжает сюда из Пено и проводит богослужения для прихожан из соседних деревень.

- Работы здесь не на один год, - сокрушается Александр, - а де-

нег не хватает.

И всё-таки, хоть медленно, но Отоловский погост возрождается. Я вспоминаю церковь в Бросно, нашу Жуковскую церковь, которую буквально по кирпичикам растащили местные мужики на печи и бани, и думаю - ещё здорово повезло этому Отоловскому погосту, что, несмотря ни на что, сохранилась красивая трёхъярусная церковь, и колокольня, и кладбище, и кирпичная ограда с симпатичными островерхими башенками наверху.

- А что же не уберегла Богородица вот такую-то красоту? - говорю я.

- Всё, что могла, уберегла. А как уберечь души, если сами люди отвернулись от веры. Ведь это не время, не вожди, не ветра сокрушили наши святыни, а наше собственное безверие. Параскеву-то топором полоснули не кто-нибудь, а здешние мужики. Замахнуться на иконостас - это же грех какой.

Он задумчиво и как-то грустно посмотрел на израненную Параскеву и сказал:

- Каяться надо - всем нам надо каяться за то, что сделалось с Россией, все виноваты, а не только одни безбожные власти. Все.

- Как каяться-то?

- Надо снова вернуться к Богу - без этого Россию не поднять. Каждый должен сначала исцелить свою душу, а потом уж исцелится и вся Россия.

Я вспоминаю умершие деревни, заросшие фундаменты домов, бомжей, готовых предать отца родного за бутылку самогона, бандитов из деревни Новосёлки, городских олигархов, скупающих на корню и земли, и леса, и озёра, и скептически смотрю на Александра.

- Да, - понял он, - нынешнее поколение вряд ли покается. У всех одно на уме - деньги, выгода, гордыня. Какое им дело до души?

Он грустно посмотрел на нас и произнёс те слова, которые я не ожидал услышать от него.

- Каждый год в России умирает почти миллион человек. Это как раз то поколение, при котором и произошло духовное падение, - оно не готово каяться. Надежда на тех, кто свободен от грехов.

- Но и это поколение тоже может пойти по стопам своих отцов... Сколько же ждать?

- Встряска нужна России, встряска, чтобы мы, наконец, опомнились.

- Ещё одна революция?

- Не революция, а духовная встряска, чтобы, наконец, мы опомнились, в какую бездну кинули и Россию, и народ, и свои души. Каждому надо покаяться, каждому.

- Россия уже по горло сыта потрясениями, - не соглашаюсь я, - новых потрясений она не выдержит.

- Встряска нужна в наших душах, - упрямо повторил Александр. - Нам Запад с его бездуховностью не указ. Вот откуда всё зло.

- В Россию можно только верить?

- Для того, чтобы поверить в Россию, надо поверить в Бога.

Массивная дверь церкви с грустным скрипом захлопнулась, щёлкнул замок, и мы оказались на улице. Солнце весело играло на маковках церковных куполов, ослепительно сверкала озёрная гладь, а деревья по берегам весело глядели в бездонную глубь. И я подумал, насколько мы малы и ничтожны по сравнению с этой вечностью - и озером, и лесом, и солнцем, и с этой вынесшей и устоявшей в вихре времени церкви. Не станет нас - а это всё будет жить и стоять и радовать других людей, и колокольный звон будет разноситься над озером так же, как и сто лет назад.

- Без нас? - словно уловил мои мысли Дима. - А я хочу, чтобы всё это было при нас - и это озеро, и это небо, и эта старая церковь на берегу Отоловского озера... Как же без нас?

Мы прощаемся с Александром на берегу. Подул ветер, и озеро покрылось мелкой рябью.

- А почему озеро называется Отоловским? - вдруг спросил Дима, которого

Кирпичная ограда у входа в храм ещё сохранилась

Отоловский погост медленно, но восстанавливается

давно мучил этот вопрос.

Александр почесал в затылке.

- А ты видел там, в церкви захоронение одной из хозяек усадьбы? Господский дом вон на том берегу стоял. Её фамилия Отто Евдокия Ивановна, да и вся усадьба принадлежала помещикам Челищевым из обрусевших немцев. Может поэтому?

На том берегу действительно некогда была усадьба Челищевых. Если церковь при всём её запустении всё-таки сохранилась, то от усадьбы осталось только несколько липовых деревьев и часть фруктового, теперь уже окончательно запущенного сада. Раньше к усадьбе примыкало село Отолово, но в 1979 г. последний его житель покинул эти места, и село прекратило своё существование.

Усадьба, судя по всему, была богатая, да и её хозяйева тоже. Во всяком случае, чтобы построить такую церковь, крестьянских денег было явно недостаточно.

Размеры сельского храма впечатляли. Церковь была трёхъярусная во имя Живоначальной Троицы с четырьмя приделами (очень редко для деревенских церквей). Для сравнения в храмах: Бросно был один придел, а в Жукове, Торопце, Лучане, Бологово - по два.

Наверное, хозяйева усадьбы вложили в строительство Отоловского храма немалую часть своих капиталов. Во всяком случае, надгробие Е.И. Отто в церкви свидетельствует, что владельцы усадьбы пользовались в этом приходе большим уважением. Надпись на чугунной плите гласит: «Здесь похоронена Евдокия Ива-

новна Отто. 1808-1885гг.». Это внучка И.С.Челищева, которая проявляла большую заботу о храме, жертвуя большие средства на ремонт. Так, именно на её пожертвования торопецкие живописцы написали новые иконы для иконостаса третьего этажа. Да и смерть её тоже связана с Отоловской церковью. Сохранилось предание, что её сердце не выдержало звона только что установленного колокола. Это и понятно - ведь усадьба стояла напротив церкви - на другом берегу неширокого залива озера. А звон колокола был настолько силен, что его слышали за многие километры - в Заборье, Ворошилове, Семченках... Этот колокол весом 125 пудов привезли на лошадях из Старой Руссы, где он был куплен на средства прихожан. Сохранились воспоминания, что при подъёме колокола случилось несчастье, погибло 30 местных крестьян: не выдержали даже толстые верёвки.

Пеновские краеведы - директор районного краеведческого музея А.Д. Кольцов и директор Ворошиловского музея ныне покойный И.И. Смирнов собрали интересный материал об истории этого замечательного храма и династии дворян Челищевых.

Церковь в селе Отолово во имя Святой Троицы была открыта в 1767 г. А строили её долго - целых 14 лет. В округе - это, пожалуй, самый величественный и красивый памятник церковного зодчества XVIII в. Ни одна из местных приходских церквей не могла поспорить с Отоловской ни внешним видом (пять куполов, три яруса), ни внутренним убранством (роскошный резной иконостас с деревянными скульптурами), ни количеством приделов.

И.И. Смирнов посвятил несколько статей в пеновской районной газете «Звезда» (1984,1998 гг.) об истории строительства храма и её главных, как бы мы сейчас сказали, спонсорах, - дворянах Челищевых. Без огромных средств, которые вложил в сооружение храма И.С. Челищев, вряд ли мы могли бы видеть эту церковь на берегу Отоловского озера. Челищевы были богатыми помещиками, они владели в Псковской, Тверской, Калужской губерниях десятками деревень, в которых только одних мужских душ насчитывалось 685. Оброк с крепостных крестьян тоже шёл на строительство храма.

Каждый погост на Руси был не только духовным, но и экономическим и культурным центром. С 1770 года в погосте Отолово учреждается ярмарка (26 мая), куда приезжали купцы из Осташкова, Торопца, Холма, Старой Руссы. Народ стекался со всей ок-

руги, чтобы приобрести самые разнообразные товары - самовары, платки, горшки, сатин и ситец, конфеты, орудия сельскохозяйственного труда... В 1885 г. на деньги Челищевых была открыта отоловская церковно-приходская школа. Строили её местные крестьяне из деревень Кудино, Колпино, Гари и Москва. Вот какие помещики жили в то время на Руси.

Как удалось установить И.И. Смирнову, род Челищевых один из древнейших дворянских родов, восходящих чуть ли не к поколению германского короля Оттона. Предок Челищевых Вильгельм Люксембургский поселился в Литве, а потом перешёл на службу в Новгород к князю Александру Невскому, приняв православие под именем Леонтий. Отличился в Ледовом побоище, получив за храбрость от Александра Невского «в кормление» город Торопец и прозвище «Челом» вроде бы за то, что очень хотел перейти на службу к князю и неоднократно просил об этом - бил ему челом.

Дворянский род Челищевых с тех пор исправно служил России. Из него вышло немало воевод, генералов, адмиралов, дипломатов, судей, писателей. Есть свидетельства, что знаменитый Бренко был «двойником» князя Дмитрия Донского и погиб на Куликовском поле в 1380 г., когда татары приняли его за самого князя. Челищевы участвовали во всех войнах, которые на протяжении нескольких веков вела Россия.

Да, у внучки И.С. Челищева была немецкая фамилия - Отто, да и сам род, как мы видели, происходит из немецких рыцарей. Но трудно согласиться с Александром, что эта фамилия и дала название и погосту, и озеру. У больших озёр, как правило, устойчивые и древние названия, а Евдокия Ивановна Отто жила и скончалась по историческим меркам совсем недавно - в XIX в. (1885г.), да и сами Челищевы, если верить изысканиям И.И. Смирнова, получили свою новую русскую фамилию только при Александре Невском, после Ледового побоища, которое, как известно, произошло в 1240 г.

Эту версию в своё время разделял и известный пеновский краевед А.Д. Кольцов. Во всяком случае, в своей книге «В краю озёр и рек» (1995) он писал: «Фамилия Отто подтверждает древнее происхождение Челищевых, отсюда и название погоста - Отолово».

Вообще таких случаев, когда географические названия пытаются объяснить с помощью местных легенд, преданий или

«простонародных» исторических версий довольно много в топонимике. Вспоминается классический пример, который приводит в своей знаменитой «Истории государства Российского» (начало XIX в.) известный русский историк Н.М. Карамзин. Он рассказывает о легенде, связанной с названием реки и подмосковного города Яхромы: будто бы при переправе с семьёй через эту реку московского князя Юрия Долгорукова его жена оступилась и воскликнула: «Я хрома». Отсюда, мол, и название и реки и города. Хотя, как считают учёные, это угро-финское (мерянское) название (от яхр-озеро).

Или вот другой, более близкий нам пример - из Тверской области. Как рассказывает тверской краевед Ю.М. Смирнов в своей книге «Пешком по Тверскому краю», в детстве, будучи в Максатихе, он слышал легенду о происхождении этого посёлка. Будто бы давно-давно жил в этих местах разбойник Макс и наводил ужас на местных жителей. Когда разбойник оказывался в окрестностях деревни, то матери прятали своих детей и шептали им: «Макс - тихо!», т.е. сиди тихо - разбойник приближается.

Вот к таким примерам, относящимся к области наивной или народной этимологии, представляющим интерес разве что для собирателей фольклора, и относится объяснение названия Отоловского озера. Правда, сам М.Д. Кольцов уже в другой своей книге - «На земле истоков» (2004) даёт другое толкование этому названию: «Своё название д. Отолово, - пишет он, - получила от названия озера Отолово, что означает «глубокое место». Утверждение, что д. Отолово названа так по фамилии её владельца Отто, маловероятно»...

То, что название озера произошло не от фамилии Отто - это так, но вот к версии «глубокой воды» и «глубокого места» мне бы хотелось добавить ещё одну.

Когда едешь по озеру или протокам, видно, что многие речки, впадающие в озеро, когда-то были перегорожены так называемыми заколами - следов этих старинных рыболовных сооружений и сейчас немало в этих местах и на р. Волкоте. Много их было и в русле речки Заелинки, впадающей в Отолово озеро. Сейчас многие заколы настолько забиты разными сучьями и брёвнами, застрявшими здесь во время половодья, что превращаются в самые настоящие плотины.

Так вот в этих местах такие заколы в старину назывались отолами. У В. Даля мы нашли такое объяснение этому слову - «отол - решётка из рыболовного зазора, учуг, закол; отоллина - жердина из отола». Как говорит В. Даль, учуг, закол - это «забойка, перебойка, сплошной частокол, тын поперёк реки для пропуска и улова рыбы...которая по весне идёт вверх по реке и остаётся навливаясь учугом».

В центре этого частокоча оставалось свободное пространство - заезд для прохода лодок по реке и для вставления туда сетки (морды, верши). Рыба, поднимаясь по реке, заходила в сеть, и вытаскивалась рыбаками, в том числе и рыба, которая шла метать икру. Сооружение, как бы мы сейчас сказали, явно браконьерское. Но в то время такой способ ловли рыбы был весьма распространён и довольно добычлив. Заколы принадлежали отдельным семьям, и рыбу ловили тоже сообща.

О том, как в старину рыбаки сооружали заколы, интересно рассказывает в своих «Путевых письмах» уже известный нам путешественник Павел Якушкин (1858г.): «Закалывают таким образом: вбивают поперёк всей реки или устья озера 2 ряда колеёв так, чтобы колья одного ряда не были против колеёв другого, а наискось; потом между этими рядами вбивают лучину, тонкие дощечки в руку или в 3, в 2 пальца шириною, а длиною, смотря по глубине, так чтобы лучина выходила из воды. Лучина вбивается одна от другой близко, только чтоб вода проходила. К кольям привязывают перекладины, а к перекладинам привязывают лучину. Иногда заколывают с лодок, а иногда, когда мелко, идут в воду, по пояс, не больше. Тогда закольщики надевают штаны, т.е. широкие кожаные штаны с сапогами вместе сшитые, доходящие до полгруды, запрягая туда и полушубок. Чтоб узнать - годны ли для работ на заколах штаны, их доплна наливают дёгтем; не пройдёт дёготь - и вода не пройдёт; пройдёт дёготь - мастера штаны назад отдают...

Закольщики, надевая такие штаны, наливают их тёплой водою и тогда идут в воду. В других местах этого не делают, а просто надевают штаны, а коли мелко, то и просто сапоги, да и в воду. Сделавши закол, ждут, пока вода станет сбывать. Рыба, как известно, весной идёт в гору; когда же вода начнёт сбывать, рыба вместе с водою идёт вниз, и, подойдя к заколу,

там остаётся; пройти негде; тогда её очень легко брать; а как часто озёрки совершенно высыхают, то ни одной рыбины в заколе не оставят, всю возьмут; разве какая выше в яме останется, рыбин десятка полтора. На речках делают несколько заколов, всяк себе; а на озёрках и ручьях один; озёрки отдаются на откуп. (Говорят, что сперва в откупных местах позволялось ловить рыбу удочками; есть и пословица: «на уду запрету нет». Теперь же откупщик обязывает тех, кто в его заколе ловит удочкой, продавать ему рыбу за условленную прежде цену)».

Закол представлял иногда весьма сложное рыболовное сооружение. Как свидетельствует В. Даль, для поимки подошедшей рыбы, рыбаки иногда сооружали специальное устройство - «избу под водой» с «настороженным полом, поднимающим рыбу». Рыбак, стерегущий рыбу наверху, «на палатях», увидев, что рыба вошла в «избу», поднимает пол-решётку вместе с рыбой или опускает решётку заезда, чтобы запереть пойманную рыбу в «избе».

В Новгородской и Псковской губерниях закол (от слова - заколачивать, когда колья заколачивали в дно водоёма) называли заколиной, а на севере так назывался «круглый стожок сена, складываемый вокруг кола». Несколько заколин вместе на расстоянии сажени друг от друга образовывали зарод.

Когда рыба весной поднималась вверх или осенью спускалась вниз по течению, то на отолах (заколах) дежурили специальные сторожа, иногда всю ночь. В зависимости от названия закола эти сторожа назывались *учужными*, *заколотными* (сторож при заколе) или *закольщиками* (коловщик, учужник, сторож при заколе). А колья, которые вбивались в закол (отол), назывались отолинами.

Не отсюда ли и пошло название озера?

Вообще рыбный промысел процветал во многих деревнях Псковской и Тверской губерний, там, где было много водоёмов.

Летом рыбу ловили неводами, а зимой её загоняли в специальные самоловы или вставные сети, или вылавливали баграми.

В Зап. Двине на каменистых перекатах пользовались другим способом - рыбаки на стремнине становились между камнями и опускали в бурный поток на длинных палках плетёные из ивы верши. Как только рыба попадала в вершу, её тотчас же вытаскивали.

В ряде губерний - Московской, Рязанской - был распространён ещё один вид лова - с помощью так называемых рыболовных канав. Канавы копали в пологом берегу, а в конце её вырывали колодец. Когда в озере рыба начала испытывать недостаток кислорода (февраль-март), колодезную воду, богатую кислородом, лили в канаву, и сюда из озера косяком шла рыба, которую вычерпывали сетками и ковшами.

Рыбная ловля на озёрах была одна из самых прибыльных в здешних местах. Рыбу ловили артелями, которая выбирала хозяйина. Так как большинство озёр находилось в частном владении, то в обязанности хозяина артели входило - договариваться об аренде места лова, его организация, сбыт и продажа выловленной рыбы. Каждая артель имела свой невод и несколько лодок (лодки мастерили местные умельцы). Ну, а невод приобретали в Осташковском уезде - там целые деревни занимались плетением сетей. Невод стоил по тем временам немалые деньги - около 500 руб. и служил 2-3 года. За аренду озера тоже надо было платить - 400-500руб. А на мелких озёрах за аренду расплачивались натурой - платили так называемую пятину, т.е. пятую часть улова. Общие расходы артели достигали 1000 руб.

Сам лов рыбы осуществлялся артельщиками-«помогайлами», которых вербовали в окрестных деревнях. За работу им платили не деньгами, а рыбой. С каждой тони, «помогайлы» получали «ковш» рыбы весом 6-7, редко 10 фунтов (1 фунт = около 400 г) - не так уж и много. Выловленную рыбу продавали «булыням» - приезжим скупщикам.

Раньше, как и сейчас, тоже говорили и об оскудении озёр, и о борьбе с браконьерством. Только масштабы браконьерства были совершенно несоизмеримы с сегодняшними. Заколы - это ведь тоже браконьерский способ лова, отрицательно сказывающийся на рыбности того или иного водоёма - рыбу ловили сетями с мелкими ячейками, и весной много молоди просто гибло, в деревнях этой мелочью кормили свиней. И раньше рыбу тоже травили, правда, не химическими препаратами, как сейчас, а так сказать ядами растительного происхождения. Существовал даже способ ловли «посредством обкармливания рыбы кукельваном».

Что означает этот самый «кукельван», мы не знали - этого слова нет ни в одном современном словаре. По привычке полезли

в Толковый словарь В. Даля. И что же вы думаете, есть этот самый «кукельван» у Даля: «кукельван - раст. и сама *Cosculus* идёт в аптеке, более известно как отравы на рыбу, которая делается от него бешеною, верховодною». В общем, как от нашей борной кислоты. Поистине, новое - это давно забытое старое.

Но современные браконьеры значительно изобретательнее прежних. Ныне рыбу не только ловят сетями, но и глушат взрывчаткой, «кормят» всякой химической отравой, уничтожают электросадчиками. Так что прежние заколы по сравнению с сегодняшним браконьерством - мелкая забава. И прав «хозяин» озера Бросно Н.А. Белоусов, когда говорит:

- Спасу нет от браконьеров. Если бороться с ними не будем - оскудеют наши озёра.

Сейчас на Отоловском озере уже не «обкармливают рыбу кукельваном», давно пришли в негодность заколы (отолы), сгнили все «отолыны», но рыбы в озере не прибавилось. Зато явно выросло количество всевозможных современных «помогайлов», от деятельности которых с каждым годом беднеют наши водоёмы.

Но название «отол» осталось, и я охотно верю, что в старину

Богат был рыбой стол
На озере Отол.

* * *

От озера Отолова прямо рядом с погостом на север ведёт узкая заросшая протока. Из головы не выходят слова Штукенберга, сказанные им о Волкоте: «вытекает из одного маленького, не обозначенного на карте озера; протекает одно после другого два одинаковых озера у деревни с церковью Якимовское - Отолово и Гори...»

Наши байдарки как раз и стояли у места впадения штукенбергской Волкоты в Отолово озеро. Только сейчас эта речка носила совсем другое название - Заелинка. И вытекала она из Ордоникольского озера.

Так вот она какая - эта таинственная штукенбергская Волкота!

Мы попытались подняться по этой речке вверх на байдарках, но вскоре поняли, что сделать это весьма затруднительно - русло всё заросло камышом, да и сама река оказалась узкой и мелкой. При-

шлось вернуться, оставить лодки у погоста и отправиться вверх вдоль Заелинки пешком. Миновав мост через реку, мы попали в д. Октябрьское (раньше она называлась с. Успенским), а затем вышли на довольно езженую и широкую дорогу, обсаженную старыми елями. Елям было не меньше ста лет, и за небольшим исключением они сохранились, только от некоторых остались большие заросшие мхом пни. Деревья стояли вдоль дороги, как часовые, соблюдая словно по армейскому уставу, дистанцию. Сержант даже измерил её шагами - между деревьями было точно по десять метров.

Эта бывшая дорога шла от усадьбы Челищевых на Витбино и Ворошиливо и была, собственно, единственным более или менее сносным по тем временам, да и сейчас, сухопутным путём, связывающим погост с Пено и Осташковом. Во всяком случае, именно по нему добирались до усадьбы её владельцы - и И.С. Челищев и его внучка Е.И. Отто. А справа от дороги чуть в отдалении бежала в глубокой лощине эта самая загадочная штуkenберговская Волкота - мелкая, узкая и вертлявая.

Речка юркнула под мост, и мы увидели на пригорке деревенские избы. На дорожном указателе крупными буквами было написано - Москва.

- Ну вот, - пытался шутить Сержант, - из Москвы опять в Москву попали.

Никто из нас не ожидал встретить Москву в этих глухих и болотистых местах.

- А почему ваша деревня так называется? - поинтересовались мы у «москвичей», толпящихся у местного магазина.

- А кто его знает - и при дедах и при прадедах всегда так называлась - Москва. А вы-то сами откуда?

- Из Москвы.

- Значит, земляки.

Как это ни странно, но в деревне Москва действительно много москви-чей - дачников, купивших здесь дома и отдыхающих летом. А есть и такие, которые вообще поменяли столицу на деревенскую Москву: Добролюбовы, Красутские...

С каждым годом в тверские деревеньки всё больше и больше приезжает на житьё коренных москвичей - подальше от городской сутолоки и шумной жизни, поближе к земле и природе. Много среди них и столичных интеллигентов. Одна из них - семья

Красутских, которые 15 лет назад променяли московскую квартиру на деревенскую избу: Владислав - кинооператор и художник, сочиняет стихи и пишет рассказы, его жена Алла - занимается художественной вышивкой.

- А чего там в столице хорошего? Пыль, копоть и суматоха, - говорит она.

У них вся изба увешана картинами и вышивками. «Москвичи» шутят, что теперь у них в деревне есть своя «Третьяковская галерея».

Как и полагается, есть в Москве свой магазин, где продавщицей работает тоже коренная москвичка - Анна Павловна Степанова, и своё фермерское хозяйство под названием «Красная Москва» - так раньше назывались популярные духи. Есть тут и свои гастарбайтеры, приехавшие сюда из других городов в поисках работы. Всё бы хорошо, да только до райцентра трудно добраться - автобусы не ходят.

В общем, живёт в тверской глубинке деревня Москва, отрезанная от «большой земли» на сотни километров.

Но почему же деревня носит такое название?

Ясно, что оно как-то связано с наименованием нашего главного города. Но как? У учёных нет однозначного ответа. Возможно, эту деревню некогда основали первопоселенцы из московских земель. Не исключено, что именно по этим местам проходила в прошлом граница между Московским государством и Литвой, и деревня находилась именно на Московской стороне. А может дело вовсе и не в границе, а в том, что это слово обозначало «влажное, мокрое, низменное место». Вполне возможно, если посмотреть вокруг - болота, леса, а совсем рядом - длинным рукавом вытянулось Ордоникольское озеро, откуда и вытекает Заелинка.

Интересно, что у Штукенберга (1844г.) деревня Москва ещё не обозначена, а вот в Список населённых мест Тверской губернии за 1859г. она включена как деревня владетельная (т.е. помещичья) при озере Ордовском (т.е. нынешним Ордоникольском), и было в нём тогда пять изб и почти полсотни жителей. Зато и у Штукенберга и в Списке населённых мест упоминается селцо Якимовское, «при колодце», где тогда стояла только одна изба с шестью жителями. Церкви, о которой упоминает Штукенберг, в ней в то время уже не было.

Продукты привезли. Магазин в д. Москва

Получается так, что д. Москва возникла где-то между 1844 и 1859 гг. и к границе между Литвой и Москвой никакого отношения не имеет. Да и к «мокрому месту» тоже. Деревня была основана где-то на рубеже середины XIX в., видимо, первопоселенцем - по имени (прозвищу) Москва или человеком или людьми, так или иначе связанными со столичным городом.

Севернее Ордоникольского озера находится оз. Осечно («не обозначенное на карте»), из которого, по мнению И. Штукенберга, и вытекает Волкота.

В настоящее время с трудом верится, что именно в этом месте гидролог хотел соединить Отоловское озеро с озером Витбиным и далее Волгой. Может быть, путём постройки плотины на реке Заелинке у бывшего с. Успенского? Но сейчас нужно обладать большой фантазией, чтобы представить себе Заелинку серьёзной судоходной рекой, даже если на её берегах и расположена деревня с таким звучным столичным названием - Москва.

**Со словарём В.И.Даля в рюкзаке
Отоловский погост**

Погост с кладбищем на Отоловском озере. Трехъярусная каменная цер-

ковь 1767 г. Восстанавливается. В1862 г. здесь стояло 4 дома, жило 28 человек. Ежегодно устраивались ярмарки. На другой стороне озера находилось имение Челищевых XVIII в. (не сохранилось). Своё название озеро и погост, видимо, получили от слова «отол» - так назывались рыболовные заколы, посредством которых местные рыбаки ловили рыбу.

Над Отоловом небо бездонное,
Вся искрится на солнце вода.
И боров очертания стройные -
Неземная вокруг красота.

Как с иконы картина волшебная
Выплывает во весь рост
Это чудо чудес несравненное -
Пятиглавый Отолов погост.

Время древних камней не щадило,
Не щадило оно и крестов.
Но исходит какая-то сила
От головок его куполов.

Местный житель - зовут Александром -
Открывает церковный замок.
Говорит: «Теперь православным
Хватит дел здесь на много годков».

Всё разграблено было, развеяно -
И иконы и иконостас.
Параскева¹ с каким-то смирением
Осуждающе смотрит на нас.

Ну, а раньше богатым считался
Здесьний край - в этом не было тайны.
И к погосту на тоню² сбегался
Весь приход, булыни, помогайлы³.

¹ Параскева Пятница - древняя скульптура св. Параскевы. «Пятница - почётное название св. Параскевы, во имя которой нередко ставились часовни на распустьях... Параскева-льняница - день 14 октября; начинают мять и трепать лён; он же Параскева-грязная, грязнуха. Параскева-временная, день 28 октября; если же день этот упадёт на пятницу, то он «Параскевы-пятницы».

² Тоня - «ватага, рыбалка, рыболовня, рыбацкий стан, притон, становище, промысел; рыбная ловля, неводное рыболовное заведение и самое место это».

³ Булыня - «торгаши скотом; скупщик льна; вообще скупщик, прах, прасол, кулак, маклак, маяк». Булыни - приезжие скупщики рыбы; помогайлы-работники, которые помогали рыбакам ловить рыбу, вербовались из местных крестьян.

Здесь ведь каждый рыбак на погосте
Имел собственный рыбный отол¹,
До упада кормили здесь гостя -
Тут богатый был рыбный стол.

Но куда-то исчезли деревни,
И отолов уже не видать.
На полях не заметишь и стерни,
А могил же - не сосчитать.

Древний храм устоял, не разрушился -
Несказанно я этому рад.
И лампы горят, не потушены,
Как горели сто лет назад.

И из Пено по праздникам батюшка
Приезжает на службу сюда,
И тогда Параскева поласковой
На пустынные смотрит поля.

Говорит Александр: «Надо каяться,
И тогда уж беда не страшна».

* * *

Если церковь в глуши возрождается,-
Возродится Россия моя.

¹ Отол - «решётка из рыболовного запора, учуг, закол. Отолина - жёрдочка из ото-ла».

И верю я...

*И верю я - не отцветет мой сад,
Пройдет все чёрное, а светлое наступит.
Не буду я пред Богом виноват,
И лира звонкая меня уж не разлюбит.*

*Да, буду жить поэзией я вечно;
И ивы, кланаясь, пошлют мне свой привет.
Я буду счастлив, мил и человечен,
Как дар весенний - ландышей букет.*

*Отброшу я ненужные сомненья,
Могу я все поэзии отдать,
И мой наставник, - символ вдохновенья,
Пошлет мне с неба Божью благодать.*

Говорил я в детстве с цветами

Говорил я в детстве с цветами.
И, как в храме, на клиросе пел.
Ветер брёл по тропинке лугами
И росистой травой шелестел.

И петляла, петляла тропинка,
Словно ниточка веры моей.
И слезою упала росинка
На остывшую землю полей.

Таинственный камень. Псковские исследователи Тверского края

Утром после завтрака Дима куда-то исчез. Вернулся с полным ведром ярко-жёлтых лисичек. Там за нашей стоянкой какая-то старая дорога проходит. Интересно, куда она ведёт?

В путешествии большие и маленькие тайны встречаются на каждом шагу. Вон там на поле виднеются развалины какого-то дома - откуда он здесь? А там на протоке плотина - кто её построил? Прямо от озера в глубь леса отходят прямые, как струнки, канавы - кто их выкопал? И тропинка, петляющая по болоту - тоже тайна: ведь куда-то она обязательно приведёт. Но куда?

Тайна всегда манит, зовёт в дорогу, где впереди вас ждёт что-то новое, неожиданное, неизведанное. И тебя охватывает какое-то сладостное чувство ожидания чего-то необыкновенного, загадочного, какого-то чуда. В такие мгновения ты ощущаешь себя не просто прохожим, случайно попавшим в эти места - ты ощущаешь себя искателем, открывателем и первопроходцем.

Вот с таким чувством мы и вышли на эту лесную тропу. Она шла по берегу, слева - Отолово озеро, справа - черничное болото. Видно, раньше это была колёсная дорога - прежде все деревни и хутора были связаны такими дорогами. Сейчас эта дорожная сеть пришла в упадок, колеи заросли травой и кустарником, а кое-где они и вовсе исчезли, пропадая в топкой и заболоченной низине.

Но наша лесная дорога бежала между деревьями. Пахло ягодами, грибами и прошлогодними листьями. Вся колея до верха усыпана шишками. Я остановился. Из-под листа вдруг мелькнула запотевшая коричневая шляпка белого гриба. Один, второй, третий... Мы упали на колени и стали разгребать еловые шишки, а под ними появлялись всё новые и новые грибы. В это сухое лето боровики уродились плохо. А здесь, в низине, им было вольготно, и мы быстро набрали большую кучку грибов. Складывать их было некуда. Тогда Сержант предложил насаживать их на веточки придорожных кустов:

- На обратном пути захватим.

И тут чудо закончилось - дорога шмыгнула вниз в болотистую жижу и исчезла. Мы разбрелись по лесу, чтобы найти её

след, но всё было напрасно.

Вдруг откуда-то из зарослей раздался голос Сержанта:

- Сюда, сюда.

Мы вышли на небольшую полянку, сплошь заросшую папоротником, и обомлели: впереди лежал огромный, почти совершенно плоский замшелый валун. Он весь, как покрывалом, был покрыт толстым слоем влажного зелёного моха. Камень впечатлял размерами - почти в рост тверского Соловья высотой и метра четыре длины. Мы посмотрели на его мохнатую плоскую вершину и замерли - она была вся в красных пятнах, как будто кто-то сверху опрокинул на камень корзину спелой красной рябины. Но это была не рябина, весь камень был обвешан ягодами спелой крупной земляники.

Мы жадно прилипли к этому ягодному чуду, а когда, насытившись, отошли от камня, на нём не осталось ни одной ягоды - валун заметно позеленел и постарел, как лицо пожилой модницы, с которого смыли яркие румяны.

Вершина камня была совершенно плоская, как будто кто-то стесал его огромной стамеской. Когда мы очистили валун от зелёной шубы, то увидели на красноватой боковой поверхности гранита длинную горизонтальную полосу - это уровень воды, на который поднимается Отоловское озеро в половодье. Да и сам камень лежал почти что на берегу в каких-нибудь тридцати метрах от озера.

В своё время я много времени потратил на поиски камней со знаками в Тверской и Псковской областях. Такие огромные камни-валуны издавна почитались местными жителями, о них складывались легенды и предания, им приписывались волшебное и магическое воздействие. На некоторых камнях были высечены различные знаки, они почитались как магические, здесь совершались культовые обряды.

Сейчас берег Отолова озера, где находится красный камень, - пустынный и незаселённый. Но в древние времена он был весьма многолюден - здесь жили племена первобытных рыболовов и охотников. Археологическая экспедиция Я.В. Станкевич в 1950-х гг. обнаружила в этих местах следы древних стоянок, селищ, городищ, курганы и могильники, относящиеся к середине I тыс. н.э. Прямо напротив нашего камня, на другом берегу озера, там, где

из него вытекает р. Волкота, ещё совсем недавно стояла деревня Торопово, к сожалению не дожившая до наших дней. Так вот в 1 км от неё на мысу, который омывает Отолово озеро, возвышается холм, который местные жители называют Красной Горкой. Здесь некогда находилось древнее городище с искусственно сооружённой насыпью 5 метров высотой.

А севернее д. Торопово на другом, левом берегу р. Волкоты, при её истоке из Отолова озера, находилось селище, протянувшееся почти на 150 меров вдоль берега реки. Чуть дальше на северо-восточном берегу Отоловского озера обнаружены сопковидные насыпи со следами первобытной неолитической стоянки. Здесь древние жители хоронили своих соплеменников.

Так что найденный нами Красный камень по всей вероятности, служил культовым местом для жителей этой по тогдашним да и по сегодняшним меркам густо заселённой местности.

Я не знаю, есть ли другие подобные камни в окрестностях Отоловского озера. Но в других местах они встречаются, причём, в отличие от Отоловского, на некоторых из них сохранились выбитые в граните знаки.

Два таких валуна я видел сам. Это камень-крестовик возле селигерской деревни Новой - на нём выбит знак Рюриковичей и след «великана» - огромной человеческой ноги, и второй ключ-камень возле псковской деревни Краснодубье (о камнях со знаками - подробнее см. в очерке «Следы на камнях», помещённом в этой книге).

Первым, кто обратил внимание на эти каменные памятники, были псковские краеведы. Псковской губернии повезло на замечательных краеведов, исследователей края, изучению которого они посвятили всю свою жизнь. Среди них были и учителя гимназий, и священнослужители, чиновники и генералы царской армии, помещики и выходцы из крестьян. Они были разными людьми, с разными увлечениями и интересами, но главное, что их объединяло - это искренняя, неподдельная любовь к истории, к родному краю, изучению нашего далёкого прошлого. Этих псковских краеведов с полным основанием можно назвать также и тверскими, потому что они изучали и ту часть тверской земли, которая тогда входила в состав Псковской губернии.

Среди них в первую очередь следует назвать одного из самых значительных и авторитетных представителей дореволю-

*Огромный плоский камень лежал в лесу, весь усыпанный ягодами земляники.
Берег Отоловского озера*

ционного псковского краеведения - генерал-лейтенанта Н. Окулича-Казарина.

Николай Фомич Окулич-Казарин родился в Перми в 1849 г. Он был выходцем из дворян Витебской губернии и как дворянин решил посвятить свою жизнь военной карьере, служению Отечеству. Он стал военным юристом, занимал высокую должность прокурора Петербургского военно-окружного суда, дослужился до высокого генеральского чина. Но прославился не воинскими подвигами и юридическими успехами, а как один из самых активных членов псковского археологического общества.

Выйдя в отставку в 1906 г., он поселился в г. Пскове, и с этого времени этот город становится ему родным. Он прожил в нём почти 13 лет - с 1906 по 1919 г., занимался изучением истории Пскова и губернии и стал по праву едва ли не самым большим знатоком псковского края.

В 1907 г. отставной генерал вступил в Пскове в археологическое общество, становится его секретарём, затем товарищем председателя и хранителем местного музея, а с 1911 г. его выбирают почётным председателем общества.

Николай Фомич Окулич-Казарин
(1849-1923)

С 1913 г. один за другим выходят его замечательные труды по истории Пскова и губернии - «Спутник по древнему Пскову» (1913), «Материалы для археологической карты Псковской губернии» (1914), «Путеводитель по музею Псковского археологического общества» (1915).

Особенно много труда Н. Окулич-Казарин вложил в подготовку археологической карты Псковской губернии. Такие карты тогда составлялись во многих губерниях России. К их разработке были привлечены сотни учителей, агрономов, полицейских чинов, врачей, священников, земских начальников, студентов.

Основная задача, которую поставил перед собой Н. Окулич-Казарин, - составить своеобразный свод памятников истории и археологии, которыми была так богата Псковская губерния: курганов, городищ, камней со знаками, каменных крестов, кладов монет, старинного оружия, названий деревень и урочищ. С этой целью археологическим обществом в 1912 г. были разосланы по всей губернии 10 тысяч опросных листов. В 1914 г., в первый год мировой войны, вышли подготовленные Николаем Фомичом «Материалы для археологической карты Псковской губернии».

Я хорошо знаю эту книгу, потому что именно ей мы пользовались в 1970-80-х гг. во время наших экспедиций по Псковской и Тверской областям для поиска камней с высеченными на них знаками. Это была наша настольная книга, составленная из ответов на анкеты, направленные Н. Окуличем-Казариным на места. Правда, там нет сведений об Отоловском камне, но зато были интересные сообщения по Холмскому уезду, который тогда занимал всю северо-восточную часть нынешнего Андреапольского района.

Сведения были самые разнообразные - о раскопках курганов

в районе д. Бологово, о находках кладов шведских монет, о курганах в Дядькино, Заборовье (озеро Волкота), Дубне, Торопаце, Жельно, Курове. Конечно, они нуждались в проверке. Сейчас многие из выявленных памятников (валуны со знаками, каменные кресты) вообще исчезли, и мы можем иметь представление об этих памятниках только по замечательному труду псковского краеведа Н. Окулича-Казарина.

К сожалению, сами анкеты и составленная на их основе археологическая карта оказались утерянными, и сохранилась только описательная часть карты, о которой я уже говорил.

Октябрьский переворот застал Н.Окулича-Казарина в Пскове. В 1918 г. он был арестован ЧК как бывший царский генерал, сидел в псковской тюрьме, но в 1919 г. за отсутствием каких-либо доказательств был выпущен на свободу. В этом же году Николай Фомич переезжает в г. Тарту (Эстония), где работает учителем русского языка в местной гимназии.

Николай Фомич до конца своих дней оставался патриотом России, которую он любил и изучению которой посвятил последние годы своей жизни. Почти 90 лет назад на одном из заседаний псковского археологического общества он произнёс вещие слова: «Патриотическое чувство воспитывается в обществе не одною устною и письменною литературою, но и видом исторических памятников - этих безмолвных свидетелей былой славы и бывших страданий Отечества. Это не мёртвые руины: они живут и как бы хранят в себе частицу предков наших, которая таинственно передаётся живущим поколениям. И никакие дворцы и дома в самомоднейшем декадентском стиле не скажут народной душе того, что говорят ей эти немые развалины»...

Н. Окулич-Казарин умер на чужбине, в Эстонии в 1923 г. в возрасте 74 лет. На псковщине бережно хранят память об этом замечательном историке и краеведе, так много сделавшем для изучения края. Его имя увековечено на мемориальной доске, установленной на доме, где он жил долгие годы. В 1999 г. исполнилось 150 лет со дня его рождения.

Надо сказать, что Николай Фомич был не единственным почётным членом Псковского археологического общества. В тот период считалось за честь быть членом этого общества. В его работе активное участие принимали и представители царской фами-

лии, и крупные учёные, и видные иерархи православной церкви.

В одном из трудов Псковского археологического общества я нашёл список его почётных членов за 1880-1914 годы. Среди них были: великий князь Дмитрий Константинович, великий князь Павел Александрович, Петербургский губернатор граф Александр Васильевич, экзарх Грузии Алексей, председатель археологической комиссии граф Алексей Александрович Бобринский, епископ Псковский и Порховский Евгений, псковский губернатор барон Николай Николаевич Медем, гофмейстер двора его императорского величества председатель Псковского археологического

Фёдор Алексеевич Ушаков
(1850-1914)

общества Николай Павлович Лавриновский, председатель московского археологического общества графиня Прасковья Сергеевна Уварова.

Почётным членом был также друг и коллега Н. Окулича-Казарина генерал-майор Фёдор Алексеевич Ушаков (1850-1914 гг.), автор замечательной работы «Описание древних городищ, городцов, курганов, валов, каменных крестов, мостов, камней с отпечатками разных предметов, сохранившихся в Псковской губернии». Есть в ней и раздел по Холмскому уезду.

Он происходил из потомственных дворян Тамбовской губернии, окончил Александровское военное училище, дослужился до генерал-майора, но вся его жизнь связана с Псковским краем. Ему принадлежит немало трудов по истории и археологии Пскова и губернии, но для меня особенно ценна его работа по составлению археологической карты псковского края (в том числе и той части, которая ныне входит в состав Андреапольского района Тверской области).

По донесениям с мест Фёдор Алексеевич составил алфавитный список селений, близ коих имеются доисторические памятники.

ки с их кратким описанием. Этот список представляет интерес и для нынешних краеведов Тверского края.

Вот только несколько адресов: село Никольское на берегу оз. Бросно - на земле г. Губченко имеется 10 курганов, погост Бологово - на земле г. Елагина - 6 курганов, погост Бросно - на земле г. Арбузова 10-12 курганов, погост Торопаца - на церковной земле 5 курганов, д. Бели - на крестьянской земле несколько курганов, д. Пестово - 15 больших и малых курганов, погост Захоломье - холм круглой формы, по рассказам крестьян на вершине холма было найдено оружие, старинная сабля, пики.

Ф. Ушаков одним из первых поднял вопрос об охране курганов, которые уже в то время активно раскапывали кладоискатели и распахивали местные крестьяне.

»Не только пахота, - писал он, - составляющая, так сказать, естественное и подчас неизбежное явление при незначительности крестьянских полей, уничтожает курганы, но и масса любителей кладоискательства хищнически разоряют этот вид исторических памятников без пользы для себя и во вред археологии. Жаль, если подобная участь постигнет скоро и прочие, ещё не тронутые курганы Псковской губернии»...

К сожалению, многие из этих памятников не только были раскопаны и разграблены, но уже в наше время пострадали от строительства дорог, карьеров и других сооружений.

Умер Фёдор Алексеевич в Петербурге и похоронен на Смоленском кладбище.

Большой след в изучение Псковского края и его Холмского уезда оставил *Николай Михайлович Кисляков* (родился в 1861 г.). Сын крестьянина, он получил образование, работал народным учителем, однако в связи с привлечением к одному политическому делу был уволен из школы. С 1895 г. заведовал статистическим отделением Псковской земской управы. Под его руководством был подготовлен большой труд по статистическому описанию Псковской губернии и его Холмского уезда (окончен в 1914 г.).

Летом 1898 г. он руководил историческим и краеведческим исследованием псковского края, а также организацией переписки как крестьянских общинных, так и частных хозяйств. В поле зрения исследователя оказались не только пахотные земли, но и лесные и водные ресурсы края, в том числе озёра - Волкота, Лу-

чане, Бросно, Брисцо, Бойно... Сохранились, правда весьма скудные, сведения и о р. Волкоте.

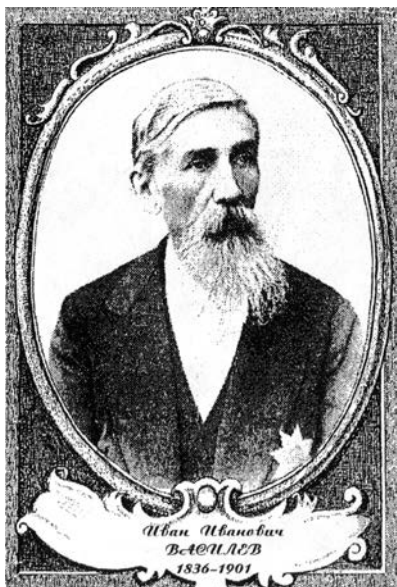
Для удобства обследования весь Холмский уезд был разбит им по районам с перечислением населённых пунктов и характеристик земель и сенокосов. Для нас особое значение имел район, обозначенный Н. Кисляковым под номером 83, со знакомыми деревнями: Выползово, Кузнецово, Боброва Лука, Никитиха, Самухино, Новосёлки, Горица, Песчаха...

В 1912 г. вместе со своими коллегами Николай Михайлович проводит большую работу по изучению местных кустарных промыслов. Результатом её был выход накануне первой мировой войны книги - «Кустарные промыслы Псковской губернии». Он же - автор другой интересной работы - «Восточный болотный район Псковской губернии» (Псков, 1905), где дана подробная характеристика сельского хозяйства, народных промыслов, быта, состояния здравоохранения этой части Холмского уезда.

Николай Михайлович не только сам участвовал в обследовании этого района, но и, как Н. Окулич-Казарин, широко пользовался анкетированием, рассылая на места подробные вопросники во все светские и духовные учреждения уезда. Особенно много было ответов от приходских священников. Вот несколько сведений с мест - любопытные документы того времени: «Селения у нас находятся среди мхов и болот, как островки на непроходимом моховом пространстве, и потому болотные болезни в нашей местности постоянны, и для светского человека кажутся ужасающими» (священник Александр Попов). «Кроме бедности и нужды, здесь много болезней. Чаше и больше болеют прихожане лихорадкой и недомоганием во всём теле. «Рассыпало всего, - жалуется крестьянин, весь нездоров, ни пить, ни есть не хочу»... Часто страдают кашлем и чахоткою - и умирают... Девицы и женщины нередко болеют остановлением женских кровей, причём бывают большие боли в животе, опухоли и наросты - и умирают. Малые дети часто болеют сильным жаром - и умирают» (священник Григорий Ильинский).

И таких документальных свидетельств в книге Н.М. Кислякова собрано немало.

Занимался Николай Михайлович и изучением жилищных условий местного населения. И вот результат - на основании его ра-

Иван Иванович Василев
(1836-1901)

бот в Псковской губернии губернским земским собранием в 1913 г. была введена ипотека.

Заметной личностью в псковском краеведении второй половины XIX в. был *Иван Иванович Василев* (1836-1904). Его по праву можно назвать не только исследователем Псковского края, но и одним из первых псковских (и, конечно, тверских) краеведов. Окончив Московскую духовную академию, он долгое время преподавал церковную историю в псковской семинарии, обучал слушателей археологического института чтению древних рукописей. Активно печатался в «Псковских губернских ведомостях» в 1860-1870-х гг., Памятных книжках

Псковской губернии. Ему же принадлежат и такие интересные исторические и краеведческие исследования как «Исторический очерк Пскова», «Опыт географическо-статистического словаря Псковской губернии» (1882-1884) и другие.

Иван Иванович принадлежал к племени талантливых статистиков и краеведов, которые группировались вокруг созданных во второй половине XIX в. губернских статистических комитетов. Их деятельности в тогдашней России уделялось большое внимание.

В Псковской губернии в 1870-х гг. статистический комитет возглавлял сам губернатор - камергер двора его величества действительный статский советник Михаил Борисович Прутченко, а в числе неперенных членов значились такие авторитетные в губернии люди, как вице-губернатор, предводитель губернского дворянства, управляющий казённой палатой, руководитель псковского отделения государственного банка, директор местного училища, инспектор врачебного отделения, а также губернский инженер, архитектор, землемер, городской голова, протоиерей кафедрального собора, пастор лютеранской церкви, настоятель католического собора. Действительными членами были представители уездов - священ-

ники, купцы, местная интеллигенция. В общем вся губернская и уездная элита была представлена в этом весьма авторитетном в те времена органе - губернском статистическом комитете.

Иван Иванович Василев входил в состав комитета как действительный член и руководил издательской деятельностью комитета, составлением и выпуском «Памятных книжек». В этих книжках помещено немало интересных краеведческих материалов, написанных самим Василевым. Годы работы Ивана Ивановича в статистическом комитете были, пожалуй, самыми плодотворными в области издательского дела, пропаганды в печати краеведческих материалов о Псковской губернии.

Иван Иванович в душе и по призванию был настоящим краеведом. Он стремился привлечь к участию в этом движении учителей, учащихся местной гимназии и училищ. Его книга «Псковская губерния. Историко-географические очерки как пособие народным учителям по предмету родиноведения», изданная Псковским статистическим комитетом, - один из первых учебников по краеведению, которых до Васильева в губернии не было.

Я листаю другую его книгу для народных учителей - «Историко-географические очерки Псковской губернии» (1896) и думаю, насколько же мудры и дальновидны были наши первые краеведы, как они умело прививали тогдашней молодёжи любовь к Родине, родному краю.

»Говорить о Родине - значит касаться самых чувствительных нитей, проходящих впоследствии через всю деятельность в общественной, гражданской и даже государственной жизни, когда слово - любовь к Родине расширяется до необъятных пределов патриотизма», - так писал Иван Иванович Василев.

Умер Иван Иванович 3 сентября 1901 г. в Пскове, где и был похоронен на Дмитровском кладбище. С 1996 г. его имя носит псковская историко-краеведческая библиотека.

Можно назвать и других дореволюционных псковских краеведов: *К. Г. Евлентьева* (1824-1882) - архивариуса псковского окружного суда и, так же как и *И. И. Василев*, действительного члена губернского статистического комитета, собравшего интереснейшие архивные материалы и сведения по церковным и историческим памятникам; историка *И. Ф. Токмакова* (1856-1923) - автора книги о Псковской губернии и её святынях, многих священников-краеве-

Константин Григорьевич
Евлентьев (1824-1882)

дов и историков, внесших большой вклад в изучение края.

В годы безверия и гонения на церковь в наши головы вдальбивали мысль о священниках, как о людях тупых и необразованных, которые обманывают народ и, если что знают, то только свою библию и Закон Божий. А в детстве наши представления о священниках формировались под влиянием сказки А.С. Пушкина «О попе и работнике его Балде».

Но ведь это не так. Большинство священников как раз принадлежало к нашей интеллектуальной элите. Многие из них были не только священно-служителями, но и врачами, учёными, историками, архивистами, археологами, писателями и краеведами. И нам ещё предстоит оценить их вклад в российскую науку, культуру и в российское краеведение тоже.

В первую очередь здесь хочется вспомнить о таких выдающихся псковских учёных и краеведах, как архиепископ Псковский и Порховской, впоследствии митрополит Киевский Е.А. Болховитинов (1767-1837), автор многих исторических трудов по псковскому краю, один из основателей церковной археологии и, конечно, настоятель псковского Ново-Вознесенского храма, сын дьячка В.Д. Смиречанский (1839-1918).

Василий Дмитриевич оставил нам много трудов по истории храмов и церквей Псковской епархии, быте местных крестьян, внешкольном образовании и даже исследование о дворовых и соседях А.С. Пушкина в Михайловском. Он был избран неперменным членом губернского статистического комитета от духовенства, действительным членом Псковского археологического общества, председателем губернского церковно-историко-археологического комитета, руководил комиссией по устройству епархиальной библиотеки и церковно-исторического музея. Часто печатался в «Памятных

книжках Псковской губернии», где был опубликован его труд - «Статистические сведения о церквях, причтах и приходах Псковской иерархии, извлечённые из клировых ведомостей за 1876 год» (Памятные книжки за 1879, 1880, 1881 годы), в том числе и о погостах, расположенных на территории нынешнего Андреапольского района.

Но, пожалуй, самым интересным его трудом была уникальная по фактическому материалу книга - «Историко-статистический сборник сведений о Псковской епархии» (1875), которым и я пользовался при написании этой книги.

Вот такие были эти «толоконные лбы», которых смело можно было избирать в Академию наук за их исторические и краеведческие исследования.

Все названные мною краеведы и исследователи - в основном жители губернского города Пскова, где, собственно, во второй половине XIX в. и была сосредоточена вся работа по изучению Псковской губернии. Но ведь немало подлинных любителей русской истории и старины было и в уездных городах.

Среди них выделяется фигура учителя Холмской гимназии Николая Васильевича Затейщикова. Впрочем, в изданиях того времени он упоминается под фамилией Н.В. Затейщиков II, как коронованная особа голубых кровей. Потому, что был ещё Затейщиков I, наверное, его отец или брат. Но Затейщиков II был обычным учителем истории Холмской гимназии, правда, таким учителем, которому за его исторические труды можно было и впрямь присвоить любое самое высокое научное звание.

К сожалению, мне не удалось ничего узнать о его судьбе и датах жизни. Нет у нас сведений и о том, где и когда он родился, какое получил образование. И судить о нём мы можем только по его книгам. После себя он оставил интересные исследования, посвящённые г. Холму и его уезду.

Евфимий Алексеевич
Болховитинов (митрополит
Евгений) - 1767-1837

Волкота пересекает Отолово озеро возле д. Торопово (не сохр.).
Фрагмент карты 1915 г.

Среди них: «Кустарные промыслы сельского населения Новоржевского и Холмского уездов» (Псков, 1894) и «Город Холм и его уезд. Историко-статистический очерк», вышедший в Санкт-Петербурге в 1891 г.

В этой книге собраны все основные сведения о Холме и его уезде, начиная со средних веков до середины XIX в. Он, видимо, работал в архивах Петербурга, Москвы, а, может быть и Новгорода. Потому что приводит массу сведений из летописей, грамот, новгородских переписных и оброчных книг, духовных завещаний князей, церковных архивов Холмского уезда, исторических хроник о дворянах и помещиках, набегов литовцев и поляков, морах и эпидемиях, о древних новгородских землях. «Город Холм» - это своеобразная энциклопедия по истории города и уезда.

Именно из этой книги мы впервые узнали о таинственном городке Буйце - центре одной из новгородских волостей, который

находился примерно в тех же местах, по которым проходил маршрут нашей экспедиции. И о помещиках, и владельцах старинных уделов, где среди прочих имён мы увидели и фамилию Жуковых (см. очерк «Где находится летописный Буец?»).

Конечно, первых исследователей андреапольского края было значительно больше. Но даже о тех, чьи имена сохранились, мы знаем крайне мало. Мало знают о них и на местах. На моё письмо в г. Холм о судьбе их земляка Н.В. Затейщикова директор Холмского музея Е.П. Семёнова ответила: «К сожалению, материалов, о которых Вы спрашиваете, в нашем музее нет. О судьбе Н.В. Затейщикова нам ничего не удаётся узнать. В годы войны город был полностью разрушен, ничего не уцелело. Поэтому материалы по дореволюционному прошлому ищем в архивах и с помощью друзей-краеведов в больших городах».

Круг, как говорится замкнулся.

Обидно, что мы мало знаем о первых исследователях нашего края, кто так много сделал для его изучения, о тех подвижниках и бессеребренниках, которые заложили основы современного краеведения нашего района. Без их трудов, без их беззаветного служения своему Отечеству, наверное, не было бы и такого взлёта краеведения в 1920-х годах: ведь его основу как раз и составляли активные участники губернских статистических комитетов и археологических обществ - такие, как Окулич-Казарин, Ушаков, Кисляков, Василев, Евлентьев.

И такие, как простой учитель истории провинциальной Холмской гимназии Николай Васильевич Затейщиков II.

* * *

...Возвращались в лагерь мы по той же старой заброшенной дороге. Ориентирами были развешенные на веточках шляпки найденных нами грибов. Наш Соловей шёл первым и, снимая проявленные на солнце дары отоловского леса, аккуратно складывал их в свою шапку. Вскоре она стала полной, и он, стащив с себя рубашку, высыпал в неё горку благоухающих на весь лес грибов.

Так мы и шли до самого лагеря, снимая с веток, как игрушки с ёлки, коричневые шляпки. А вслед нам глядел огромный обросший мхом и заваленный листьями камень с прожилками красного гранита.

Как же всё-таки интересно жить на земле!

У каждого из нас своя судьба

*У каждого из нас своя судьба,
И каждому дана своя дорога.
Другую выбирать никак нельзя,
Пусть и на сердце тягостно немного.*

*У каждого из нас есть свой покой.
Пускай терзанья душу не тревожат,
Но мне дано идти своей тропой,
Идти смелей, уверенней, быть может.*

*Нам всем дано сомненья пережить,
Нестись в челне по дну крутой лощины.
Но нужно до конца все плыть и плыть
И достигать в пути свои вершины.*

Как же жизнь хороша, замечательна

*Скоро я уж пойму окончательно
Как играет поэта струна.
Как же жизнь хороша, замечательна,
Как несётся на крыльях она.*

*Быстротечны мгновенья забвения -
Это можно понять только раз.
Как пленительно вдохновение,
Как оно мимолётно для нас.*

*Но поняв всё душой окончательно:
»Ты не вечен«, - сказал я себе,
Всё же как упоительно сладостен
Каждый прожитый день на Земле.*

Семченки. Большой Каньон. Спасение «философского парохода»

Утром над нашей палаткой снова раздался боевой клич Сержанта: - Подъём!

С самого начала все мы невзлюбили эти мерзкие утренние пробудки, когда так хочется ещё немного полежать и подремать в тёплом спальном мешке и досмотреть очередной сон, который почему-то именно утром овладевает всем твоим существом.

Но Сержант неумолим: он опять затянул свою песню, что надо скорее собираться в дорогу и что мы и так уже засиделись на Отоловом озере.

Соловей, который очень любил давать другим разные прозвища, недовольно проворчал:

- Поспать не даёт, прямо погоняйло какое-то.

Видимо, наш вчерашний поход на Отолов погост не прошёл даром - в его голове в какой-то извилине прочно осело это слово, переиначенное из жаргона местных рыбаков.

- Не погоняйло, - поправил я его, защищая честь и достоинство нашего Сержанта, - а помогайло.

Сержант действительно помогал нам во всём - и палатку поставить, и в магазин сходить, и лодку снять с подводного камня.

- Ну, - сонно откликнулся наш поэт, - когда он утром нас будит и торопит плыть дальше, - Погоняйло, а когда помогает - Помогайло. В конце концов - он начальник, это его прямая обязанность.

Так у нашего Сержанта в дополнение к уже существующему прозвищу появилось ещё одно - Погоняйло (он же и Помогайло, потому что у Сержанта они настолько слились в одно целое, что не могли существовать друг без друга).

Но Сержант настаивал на своём:

- Вы что, не видите - скоро дождь пойдёт.

Мы недоумённо посмотрели на небо: оно было чистое и не предвещало никаких осадков.

- Да не туда смотрите, - Сержант махнул рукой в сторону Маруськи.

А та, не обращая на нас никакого внимания, самозабвенно ка-

талась в густой траве.

- Ну и что?

- А то, что если собака валяется, то это к ненастью, - блеснул Сержанта знаниями народных примет.

Вообще Сержанта знает много всяких пословиц, поговорок и примет насчёт собак. Послушать его, так Маруся и не собака вовсе, а живой барометр. И всё, что она делает, имеет свой глубокий смысл: собака ест траву - к дождю; собака жмётся к хозяину - к несчастью (для нас); собака мало пьёт, много спит (это как раз маруськин случай) - опять к ненастью.

- А если много ест? - съязвил Соловей.

- К хорошей погоде, но Маруся сегодня ещё ничего не ела.

Тут Маруся, словно слыша наш разговор, вскочила и стала раскачиваться из стороны в сторону, подхалимски прижимаясь к ногам хозяина.

- Вот, видите, - расплылся Сержанта в довольной улыбке, - если собака, стоя на ногах, качается - это верная примета к предстоящей дороге. Браво Маруся! Подъём!

Этот последний аргумент окончательно сразил нас. Погоняйло-Помогайло победил, и мы, свернув лагерь, двинулись дальше, туда, где Волкота, пересекая Отоловское озеро, выплёскивается из него возле бывшей деревни Торопово. Снова вспомнили Штукенберга: он считал, что в этом месте озеро делится на две части - собственно Отолово и озеро Гори (часть залива Отоловского озера и реки Волкоты возле современного урочища Колчи).

В списке населённых пунктов 1862 г. на «тверском» берегу Волкоты (тогдашний Осташковский уезд) действительно значится деревня Гари (а не Гори, как у Штукенберга) - «владельческая деревня при р. Волкоте» у впадения в неё слева р. Колпинки. Деревня Гари обозначена и на современных картах.

В прежние времена отдельные участки одного и того же озера часто назывались по деревням, которые стояли на их берегах. Характерный пример - озеро Волкота именовалось так только в северной своей части, а в южной - после узкой перемычки оно уже называлось Заборовским озером по одноимённой деревне Заборовье. Озеро Охват перемычкой делилось на два озера - озеро Охват (северная часть) и Охват-Жаденье (южная часть), куда впадает р. Волкота. И здесь, видимо, участок Отоловского озера у д. Гари именовался озером Гари (у Штукенберга - Гори).

Русло Волкоты здесь завалено упавшими деревьями

Сейчас д. Гари расположена не на берегу Отоловского озера, а на р. Колпинке километрах в 5-6 от него и километрах в 3-4 от реки Волкоты. Но, судя по всему, её земельные владения простирались как раз по левому более возвышенному берегу реки Волкоты от Отоловского озера до р. Колпинки, т.е. в том месте, которое сейчас на карте обозначено как урочище Колчи. Во всяком случае, в 1859 г. д. Гари стояла на р. Волкоте, а не на р. Колпинке, а отдельные её постройки, возможно и на берегу Отоловского озера. По тем временам деревня была большая. В ней было 16 домов, в которых жило почти 150 человек. Это была самая крупная деревня в районе Отоловского озера.

Урочище Колчи - это старые заброшенные ныне поля, которые много лет назад первопоселенцы этих мест отвоевали от леса. Название д. Гари связано со старинной системой подсечно-огненного земледелия, когда леса вырубались и поджигались, а на освобождённом поле сеяли рожь. У Даля слово гарь объясняется так: «выгоревший или с умыслу выжженный лес, пожарище в лесу; всё горелое, пережжённое или выжженное огнём; пепелище, пожарище, чащоба».

В этом месте, пройдя озеро Отолово, Волкота словно выплёскивается из него и продолжает свой стремительный бег вниз, к

озеру Охват. Это ещё один - уже четвёртый - прыжок реки навстречу Зап. Двине. Наклон русла здесь настолько крут, что, сидя в байдарке, ощущаешь физически, что её нос опускается вниз, и она вместе с рекой несётся дальше по наклонной плоскости. Но течения не видно, плывёт вся река и всё, что находится на её поверхности - и листья, и ветки, и наша лодка, не отставая и не обгоняя друг друга. А сама вода и вовсе кажется неподвижной, и только по берегу видно, что река, оставаясь с виду тихой и спокойной, плывёт вниз, петляя по огромному болоту.

Река сильно заросла водорослями. Они сплошным зелёным ковром покрывают её поверхность, и вёсла отталкиваются уже не от воды, а от этих длинных мохнатых плетей, которые цепляют и за вёсла, и за руль, и за нос байдарки. Грести тяжело и трудно. Приходится останавливаться и очищать вёсла от налипших водорослей.

- Хоть бы кто-нибудь реку почистил, - вырывается у Нага, а то вскоре тут совсем не проедешь.

Рыбак на берегу смеётся:

- А вы осенью или весной приезжайте - тогда увидите.

В это время река очищается: весной её русло промывает половодье, а осенью водоросли отмирают сами, и река становится чистой и свободной.

Слева в Волкоте впадает маленькая заросшая речка Колпинка, которая вытекает из Колпинского озера. Течёт она по сплошным болотам и вполне оправдывает своё название. Как свидетельствует В. Даль, колпь - это «чубастая птица из разряда цапель, чачура». Птица небольшая, аккуратная, белого цвета, поэтому в старину говорили: «бела, как колпица», да и побелённую пристройку к печи, за которой устраивались полати, тоже называли колпицей. А в Тверской и Псковской губерниях колпиной именовали человека щеголеватого, чисто одетого и причёсанного. Перья колпи шли раньше на изготовление казачьих султанов.

Впрочем, колпью, колпицей и колпиком называли на Руси и других водоплавающих птиц - самку лебедя, цаплю и др. Не случайно в этих болотистых местах так много «птичьих» названий - д.д. Колпино, Лебедево, озёра Лебеденское, Колпинское, Лебединец, Колпинское и Лебединское болота, р. Лебединка и т.д.

От речки Колпинки до д. Семченки - километра полтора по воде. Сама деревня стоит по правому, более высокому берегу реки. Когда-то у неё было двойное название - Семченки-Заход тож. В 1872 г. здесь было всего 4 дома и довольно много жителей - 45 человек. Кроме занятий сельским хозяйством, деревня промышляла обжигом угля и выгонкой смолы. Этим занимались тогда шесть мужиков. Сейчас в Семченках живут одни дачники. Благо место красивое, ягодное и грибное.

После Семченок берега Волкоты снова сходятся, и она с разбега прямо-таки врезается в горный кряж, пробивая своё русло в песчаном и каменистом ложе. Этот каменистый участок реки вплоть до впадения в неё слева речки Городницы, мы называли Большим Каньоном.

Река Волкота сужается здесь до 5-10 метров и течёт по глубокому, почти горному ущелью, заваленному деревьями и камнями. Берега поросли кустарником, берёзовым и еловым лесом и настолько круты, что внизу на дне сумеречно и сыро. Посмотришь вверх, и где-то там, в вышине прямо над ущельем бегут в голубом небе белые кудрявые облака, и описывает круги стервятник, зорко высматривая свою добычу. Он не машет крыльями, а как будто неподвижно висит над рекой, словно приклеенный к ярко-синему небосводу.

С правого каменистого берега в реку хрустальными струями стекают родниковые ручейки. И всё ущелье наполнено каким-то неземным волшебным звоном. Попадая в реку, родники образуют маленькие лужицы с прозрачной и чистой водой. Мы часто останавливаемся и пригоршнями жадно пьём эту холодную ледяную воду. А ручьи всё бегут, всё звенят и шумят по сторонам.

Река здесь так извилиста, что только успевай поворачивать руль. Иногда не успеваешь, и тогда лодка скрежещет днищем по камням или с гулким стуком упирается в упавшие в реку деревья, перегораживающие реку от одного берега до другого. Нашему Сержанту-Помогайле приходится вылезать на полузатопленные брёвна и буквально пропихивать лодки через них.

В темноте чёрные от старости брёвна напоминают огромных крокодилов, пришедших на водопой. Они лежат, распластавшись на берегу, припав головами к воде, словно пытаясь выпить до дна эту глухую лесную речку. Их «головы» скрыты в воде, и нам каж-

Большой каньон. Рис. Димы Попова

дый раз приходится осторожно огибать эти «чудовища», чтобы не протаранить борта байдарки.

Течение в ущелье быстрое, вода бешено скользит по камням, шелестит в сучьях поваленных деревьев - только смотри, не зазевайся: быстрый поток мгновенно развернёт лодку и постарается её опрокинуть.

Вот тут-то, в этом Большом Каньоне, и произошла наша встреча с «философским пароходом».

Так мы окрестили семейную байдарку, которую впервые встретили на Отоловом озере. Оказывается, свой поход они начали с Лучанского озера, а потом по Говшице спустились вниз к Отоловскому озеру. Разговорились. Муж оказался преподавателем философии какого-то института, поэтому их байдарку мы и окрестили «философским пароходом». В нашей истории был такой пароход, на котором в 1920-х годах Ленин выслал из России неблагонадёжных русских интеллигентов, среди которых было немало замечательных русских философов и учёных.

«И хотя, Волкота, ты изменчива, хорошо мне бывает с тобой»

И вот теперь наша встреча с современными московскими философами. Дело было так.

Когда мы миновали очередной зигзаг Каньона, впереди показалась лодка, которая неподвижно застыла посередине реки. Но приблизившись, мы заметили, что она медленно крутилась, оставаясь на одном месте, как будто кто-то в воде держал её за киль и вертел как часовую стрелку. Вода хлестала в бок, и главный философ отчаянно работал веслом, чтобы развернуть лодку по течению. Но всё было напрасно: «философский пароход» основательно сел на подводный камень.

- Ну, что, - съехидничал Сержант, - напоролись на «философский камень»?

- Да вот сидим, здорово застряли.

- Философы всегда только объясняли мир, - покопавшись в своей памяти изрёк Сержант, вспомнив о своих давних успехах в овладении марксистско-ленинской философией, - а надо научиться его переделывать.

С переделыванием мира у философов дела обстояли неважно. Тяжело гружённая лодка с ходу врезалась в подводный камень, въехав на него чуть ли не до середины. И намертво застряла. Философ сидел на этом самом камне, который никак не хотел выпу-

скать из своих объятий «философский пароход».

- Вот если бы приподнять нас и опустить корму, - пытался «объяснить мир» философ.

- Практика - критерий истины, - прорвало Сержанта, опять погрузившегося в свои студенческие годы.

Как потом выяснилось, у него была пятёрка в институте по научному коммунизму. А я подумал - как же хорошо преподавали марксистско-ленинскую философию в советское время, если она, даже спустя десятилетия, не выветривается из голов бывших студентов.

Философы с надеждой смотрели на нас: они не ожидали увидеть здесь, в глубине Большого Каньона, родственную душу, так сказать, своего идеологического единомышленника.

Чтобы освободить «пароход» из философского плена, мы прыгнули в воду и с криком «Эх, дубинушка, ухнем» ухватились за борта байдарки. Она поддалась не сразу, покачиваясь с носа на корму. Философ тоже прыгнул в воду. Только тогда лодка, нещадно скрипя, наконец, сползла с камня.

- Спасибо, что бы мы без вас делали, - радостно благодарили философы.

- Материя первична, сознание вторично, - и тут не удержался Сержант.

Философы дружно заработали вёслами навстречу «светлому будущему», и вскоре их лодка исчезла за поворотом.

Каких только встреч не бывает в пути.

Мы плыли по каньону ещё несколько часов. Это была совсем другая, неизвестная нам Волкота. Отвесные склоны, ели и сосны, стоявшие по берегам, как часовые, русло, заваленное камнями, и волшебные песчаные пляжи со следами неведомых нам зверей, - всё это создавало какую-то сказочную фантастическую картину, как будто бы мы попали в совершенно другую страну и на другой конец земли, в какие-нибудь Скалистые горы или Каньоны Дикого Запада.

Но чудес не бывает. С каждым гребком долина реки расширялась, отвесные берега убежали куда-то в сторону, а кусочек неба, которое мы только что видели в вышине, вдруг расширился, и мы буквально въехали в обширную зелёную долину с островерхими вершинами далёкого тёмного леса.

»Вид на д. Семченки из космоса

Стал накрапывать мелкий дождь. Маруська первой выпрыгнула на откос песчаного берега и бросилась на траву, стараясь размять затекшее от долгого сидения в байдарке тело.

- Вот, - довольно улыбнулся Сержант, подставив своё лицо под струйки дождя, - я же говорил, что это к ненастью. Верная примета.

Здесь, в роскошном сосновом бору у впадения в Волкоту реки Городницы мы и разбили наш лагерь.

Большой каньон

*Перевал и снова опять перевал.
Мы как будто несёмся с обрывистых скал.
Позади в спины нам зорко смотрит Валдай,
Впереди до стоянки - махай и махай.*

*И почти что до неба глубокий каньон,
Мы совсем до угара плывём и плывём.
Нас течение несёт по подводным камням,
Отдохнём на мели, отдохнём где-то там.*

*Бревна, как крокодилы, застыли в воде,
Мы плывём по каньону, по горной реке.
Нас несёт, мы летим, не вернуться назад,
Нас торопит вперёд, подгоняя, закат.*

*Расступился каньон, где-то там в стороне
Показались следы чьих-то ног на песке.
Сосны манят вдали, и стоянка видна,
И опять костерок, и опять тишина.*

Опавшие листья

*Опавшие листья, опавшие листья,
Мне вас почему-то особенно жаль.
И снова мои опустевшие мысли
Куда-то, как листья, уносятся вдаль.*

*Любовь не воротишь, растаяло детство,
Давно уж ушла от лесов синева.
И дом у берёзки грустит по соседству,
Где мы говорили простые слова.*

*Опавшие листья, вы снова со мною.
Вы слышите слёзы и мысли мои.
Опять я стою над притихшей рекою,
Опять вспоминаю далёкие дни.*

Стоянка на р. Городнице. «Тихая моя родина»

Я сижу на берегу и никак не могу насладиться сказочным видом на обширную долину, по которой петляет река. До этого она текла в стеснённых берегах или зарослях тростника, из-за которых видно только синее-синее небо в вышине. А здесь река преподнесла нам замечательный подарок. Волкота в этом месте делает большой разворот и огибает высокий левый берег, поросший сосняком. Прямо перед нами - в огромной изумрудной излучине блестит и играет река, петляя по заливному лугу. Наверное, раньше здесь были роскошные сенокосы, но сейчас река обмелела, и вереница кустарника тянется прямо по лугу, образуя изумрудное ожерелье. А ещё дальше - тёмной зелёной стеною стоит лес с багровыми верхушками от лучей заходящего солнца.

Наг бегают по берегу и снимает открывшийся вид на плёнку. Панорама не вмещается в кадр, и тогда он фотографирует её по частям, чтобы потом, дома, склеить в одну длинную ленту.

Солнце садится за кромку леса, и зелёный луг сразу преобразился - из тёмного стал ярким, изумрудным с золотистым солнечным отливом. Вечерние лучи заплясали в светлых струях Волкоты, застыли на тихой поверхности маленькой речки, петляющей по обширному лугу. Это Городница - небольшая лесная река, вытекающая из Лебедевского озера.

Нам так и запомнилась эта стоянка: огромный, поросший травой и кустарником изумрудный луг в нежных объятиях реки Волкоты, заходящее солнце и неподвижный сосновый бор на берегу. Красота!

За что же нам полюбился этот лесной край? Может быть, вот за эту красоту сосновых боров, необъятных заливных лугов, шёпот воды в прибрежных камышах?

Наверное, и за это. Но ведь он не всегда так красив, этот лесной и болотистый край: это не только яркие картины волшебной природы, это и тёмное, скудное небо над головой, топкие болота с чахоточными берёзками, это нудные затяжные осенние дожди, это хлюпающая грязь под ногами, наводящие тоску крики журавлей, улетающих в тёплые края.

Нет, мы любим наш край не только за его красоту, мы любим его и в непогоду, и в ненастье. Потому, что среднерусская природа обладает одним удивительным и неповторимым свойством - очарованием. Она притягивает тебя не только своей внешней красотой, но какой-то другой, более глубокой и загадочной красотой, которая входит в тебя тихо и незаметно, овладевая всем твоим существом, и мы подчас сами не отдаём себе в этом отчёта: потому что настоящая любовь не нуждается в громких словах.

Но любовь к родному краю, своей земле - значительно шире и глубже любви к одной природе. Это удивительное чувство сопричастности со всем, что тебя окружает, когда ты, часто помимо своей воли, вдруг начинаешь ощущать себя частицей огромного мира, когда всё вокруг твоё, родное, знакомое - и этот лес, и эта речка, и озеро, и курганы в сосновых борах, и зарастающие поля, которые ещё недавно пахал твой отец или дед, и дом твоей бабушки, который доживает последние дни. Это - всё, всё твоё. И ты, ты тоже в ответе за всё, что происходит вокруг.

В детстве переживаешь всё острее и ярче. И я тоже прошёл свои детские «деревенские университеты», когда перед самой войной отдыхал в деревне под тверским посёлком Удомлей. Я и сейчас, по прошествии стольких лет, вспоминаю огромное Удомельское озеро, глухие леса, клюквенные болота, первую рыбалку, и первое купание в озере, и первую любовь к синеглазой соседской девчухе.

Но нельзя по-настоящему любить край, не зная его, не чувствуя свою духовную связь с теми людьми, кто жил здесь до тебя, с историей, культурой и обычаями предков.

Русский человек всегда был патриотом, любил свою Родину. Без этого мы бы не построили такое государство, разметнувшееся на полсвета, без этого не смогли бы сплотить разрозненные племена в русскую нацию, сформировать свой язык, не смогли защитить себя от внешних врагов.

В словаре В. Даля рядом со словом «патриарх» я нашёл и слово «патриот», несмотря на всю нелюбовь Владимира Ивановича к иностранным словам. Но он тут же переводит его на русский манер, объясняя через другое слово - Отечество. Для него патриот - это: «любитель Отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отчественник или отчизник», а патриотизм - любовь к Отчизне. Па-

триотический - «отчизненный, отечественный, полной любви к Отчизне».

Да и само понятие Отечества у В. Даля связано со словом отец: хозяин, глава семьи, «у кого есть дети» - родитель, тятя, тятенька, батюшка, батя, батька, папа, папаша, папенька, папочка, атя. А Отечество - это «родная земля, Отчизна, где кто родился, вырос; корень, земля народа, к кому он по рождению, языку и вере принадлежит; государство, в отношении к подданным своим; Родина в обширном смысле».

Любопытно, что «любитель Отечества», т.е. патриот, по Далю, это не только человек, родившийся и выросший на данной земле, но и тот, кто знает и любит язык этой земли и принадлежит, как и большинство народа, к определённому вероисповеданию. Нет в этом определении только национальной принадлежности человека. Впрочем, мы уже говорили, что сам Даль считал себя (и доказал это всей своей жизнью) русским патриотом, будучи сыном датчанина и немки.

Да и сколько в истории России насчитывается иностранцев, ставших подлинными русскими патриотами и внесших огромный вклад в становление и развитие нашего государства.

Ягод так много, что их можно собирать лёжа

Но если слову Отечество В. Даль и уделил немало внимания, то вот объяснение слов - «русский» и «русский народ» пришлось поискать. Нашли его в одном месте со словом *русак* - «русский заяц, серяк...а у нас назван так для отличия от беляка; вообще русский человек». А *русачка* - русская.

В словаре В. Даля есть, конечно, и другие словосочетания со словом *русский*: русский ум - задний ум, запоздалый; русский час - невесть сколько. Есть даже выражение «русский Бог - авось, небось да как-нибудь». Не очень лестные определения русского национального характера.

У князя П.А. Вяземского есть даже ироническое стихотворение об этом самом «русском Боге»:

Бог голодных, бог холодных.
Нищих вдоль и поперёк.
Бог имений недоходных,
Вот он, вот он, русский Бог.

В общем, как у Н.А. Некрасова - «ты и убогая, ты и обильная, матушка Русь». Или у Пушкина - «мы ленивы и нелюбопытны». Не говоря уже о более категоричном высказывании нашего выдающегося философа Н.А. Бердяева: русским народом «можно очаровываться и разочаровываться, от него всегда можно ожидать неожиданностей, он в высшей степени способен внушить к себе сильную любовь и сильную ненависть».

Русские писатели и философы, отмечая талантливость, ум русского народа, его работоспособность, терпение, умение выживать в самых трудных, как бы мы сейчас сказали, экстремальных условиях, свободомыслие, героизм, находчивость, духовность, доброту, в то же время обращали внимание на его склонность к нигилизму, хулиганству, пьянству, лени, недостатки бытовой культуры.

Впрочем, во время своего путешествия мы сами могли убедиться в этом.

Когда я попытался завести разговор на эту тему с нашим Соловьём, он переспросил меня:

- А бомжи - народ?
- Ну, не самая лучшая его часть, - уклончиво ответил я.
- Всё равно народ. Значит, и их надо любить?

Нет, бомжей, конечно, любить необязательно. Да и вообще не надо умиляться национальными качествами русского народа.

Многие не совсем привлекательные его черты возникли тоже не на пустом месте: в результате экстремальных условий существования, многовековой забитости, рабской жизни, бескультурия. Прямо скажем - сколько веков алчные политики эксплуатировали терпение, умение русских людей выживать, ладить с соседними народами, их преданность своей земле и Отечеству. И сколько же поколений должно смениться, чтобы, по выражению Герцена, «выжать по каплям из себя раба», сколько предстоит нам сделать, чтобы умный, талантливый и героический русский народ действительно внушал к себе у других народов не «сильную ненависть», а «сильную любовь» и уважение?

Настоящая, не показная любовь к Родине должна быть тихая и глубокая, освещённая внутренним духовным началом - любовью к своей истории, своему языку, своей культуре, уважением к семейному укладу, своим обычаям и традициям. Это чувство не выставляется на показ, если оно чисто и искренне. И именно эти чувства мы и должны воспитывать в наших детях - и любовь к природе, и любовь и уважение к нашему прошлому, и любовь к русскому языку и литературе, и к нашему духовному наследию. И любить нашу Родину так, как любил её русский поэт Николай Рубцов:

Тихая моя Родина!
Ивы, река и соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои...
С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

И как любил его наш великий соотечественник, русский философ В.И. Ильин, чей прах несколько лет назад вернулся в Россию и был перезахоронен на московском Донском кладбище рядом с могилой «белого» генерала Деникина.

«Народ с такими дарами и с такой судьбой, выстрадавший и создавший такое, не может быть покинут Богом в трагический час своей жизни... История свидетельствует о том, что на такие испытания и потрясения народы отвечают возвращением к своей духовной субстанции, восстановлением своего духовного актива,

новым развитием своих сил. Так будет и с русским народом. Пережитые испытания пробудят и укрепят его инстинкт самосохранения. Гонения на веру очистят его духовное око и его религиозность... Изжившиеся запасы злобы и раздражительности отойдут в прошлое. И возстанет новая Россия».

Так может, действительно был прав наш поэт - в «Россию можно только верить»?

И любить.

Потому что без веры и любви не может быть и самой России.

* * *

Длительные стоянки не только настраивают на философские размышления, они резко меняют ритм жизни и сам распорядок дня. Введённый во время плавания Сержантом автократический порядок управления, вдруг сменяется внезапной «оттепелью», «гласностью» и расслабленностью участников, от чего рукой подать до торжества безбрежной демократии и откровенного анархизма.

После завтрака все разбредаются кто куда - Наг берёт в руки ноутбук и удаляется подальше от лагеря искать тишину и покой, наш Соловей предаётся поэтическим мечтаниям где-нибудь на лесном пенёчке, а я сажусь за походный дневник. Только потерявший на время власть Сержант гремит посудой и начинает в полном одиночестве рубить сучья для обеденного костра.

Утренняя побудка: «Готова еда, готова еда, вам гречки с походной тушёнкой!»

Вот во время такой «расслабухи» обычно и обнаруживаются несовпадения в настроениях между низами и верхами, а так как низы уже не хотят жить по старому, в условиях походного диктата, а власти уже не могут заставить их соблюдать этот порядок, то низы, к которым снова вернулось утерянное чувство собственного достоинства, часто вступают в конфликт с диктатом руководителя.

Случилось это и у нас.

Когда, ощутив приближение голода, народ начал стекаться к ужину, Сержант сделал замечание тверскому Соловью: мол, его посуда ещё с обеда лежит на столе грязной и её следовало бы вымыть, предварительно замочив в воде.

Но наш поэт был ещё объят стихотворными мечтаниями и не о грязной посуде, а о своей поэтической душе, в недрах которой никак не хотела рождаться нужная рифма. Поэтому он философски изрёк:

- Посуда - что, главное - душу не замочить.

Сержант обиделся и прочёл нотацию о походных обязанностях. Настала пора обидеться поэту, и он, в знак протеста, отказался от ужина, завалившись в палатку дописывать свой стих.

Так мы и уснули в тот вечер под тихий звон реки Волкоты. А утром, когда все собрались на завтрак, увидели наколотый на сучок листок бумажки.

Сержант внимательно ознакомился с ним и хотел было спрятать в карман, но мы потребовали придать гласности содержание листка.

Это оказалось анонимное стихотворное послание под звучным названием «Поэты не моют посуду»:

Конечно же, эту посуду
И можно бы было помыть.
Но главное - не кастрюли:
Душу бы не замочить.

Подумаешь, миска - грязна,
Марушкина плошка черна.
Не это поэту важно -
Была бы душа чиста.

Что лучше - отдраить кастрюлю,
Зажав поэтический нерв?
Иль тихо, в леске, без дури
Новый родить шедевр?

Сержант, не дави на рассудок,
Не жми на людские грехи.
Поэты - не моют посуду,
Они - сочиняют стихи.

Сержант уставился на нашего походного Соловья:

- Твоя работа?

Соловей аж покраснел от обиды: но не оттого, что стихи приписывались ему, а оттого, что они явно по качеству (как ему казалось) уступали его собственным.

- Нет, это не я. Я так писать не умею. Это какие-то «агитки Бедного Демьяна». А я лирические стихи пишу.

- Так кто же? - рассердился Сержант.

Он обвёл взглядом каждого из нас. Но все с негодованием отвергали подозрения: Наг не умел писать стихов, я - точно знал, что это не я, Сержант вообще был вне подозрения, потому что стихи как раз были направлены против него.

Оставалась Маруська. Но та с интересом поглядывала на всех нас, не понимая, чего от неё хотят.

- Надо провести дактилоскопическую экспертизу, - мудро изрёк вдруг Наг. - Пусть все от руки напишут первый куплет.

- Да причём тут экспертиза, - Сержант кивнул на блокнот и шариковую ручку, которые уже два дня лежали на столе, - что, ты не знаешь: все анонимки пишутся печатными буквами. Пусть виновник сознается сам.

Никто не хотел сознаваться.

А утром за завтраком мы увидели на том же сучке ещё один листок.

Это был «наш ответ Чемберлену». На таком же листке печатными буквами и той же ручкой был нацарапан ответный опус. На этот раз неведомый нам анонимный автор клеймил не Сержанта, а как раз поэтов, которые не моют посуду.

На этот раз Сержант прочёл его с явным удовольствием.

Туристская стоянка у впадения р. Городницы в Волкоте. Вид из космоса

Поэты не моют посуду,
Не варят тушёнку, компот.
Стихи они пишут повсюду
Лишь на голодный живот.

Поэты превыше тушёнки -
Знает об этом весь свет,
У голода - голос звонкий,
Сытый поэт - не поэт.

Долой продуктовые сметы,
Продукты - все под замок.
Посадим всех наших поэтов
На строгий голодный паёк.

Будьте голодны, поэты,
Спите спокойно во снах:
Ведь музы - такая примета -
Поют лишь в пустых животах.

Творите, пииты вы наши,
Спасибо вам скажет Русь.
А миски пустые ваши
Подлижут подруги Марусь.

Теперь мы все дружно посмотрели на Сержанта.

- Ты?

- Нет, - растерянно пробормотал он, - я думал, что кто-то из вас...

Наш поэт победоносно смотрел на Сержанта: он был отмщён.

Так мы и не узнали имя таинственного анонима. Никто не признался в авторстве стихов.

...Вечером, в палатке Соловей пристал ко мне с расспросами.

- А ты-то знаешь, кто всё это сочинил?

- Догадываюсь, - ответил я. - Но пусть это останется маленькой тайной. Ведь с тайной жить интереснее.

»Переписка Белинского с Гоголем» возымела своё воздействие: вечером теперь уже сытый поэт замочил в воде и вымыл свою миску, да и всю нашу походную посуду.

Вот она, сила нравственного воздействия поэзии на человеческую душу!

Стоянка на р. Городнице

Дорога по склону крутастому
Бежит, извиваясь в бору.
Здесь ветер невидимый, шастая,
Срывает чернику мою.

Продрог с утречка я немножечко.
Стою и не верю глазам.
Орешник решетчатой ложечкой
Пьёт сладкий черничный бальзам.

Туман здесь стоит фиолетовый
Средь сосен, похожих на синь.
От эха не слышу ответа я,
Чего у него не спроси.

Места здесь, увы, малолюдные,
И нету нормальных дорог.
Зато шелестят изумрудные
Листочки черники у ног.

Свет ясный растаял у впадины,
И струны уже не поют
На холме, где давние прадеды
Куда-то зовут и зовут...

Не хочется плыть...

*Опять будем плыть, опять будем плыть,
Грести целый день на байдарке.
Ещё бы пожить, ещё бы пожить
На этой чудесной стоянке.*

*Еще бы разжечь нам десяток костров,
Ходить на речные изгибы.
Поймать бы улов, поймать бы улов
Хорошей увесистой рыбы.*

*Еще бы проснуться в палатке с утра
И голос услышать спросонку:
»Готова еда! Готова еда!
Вам гречки с походной тушёнкой».*

*Ещё бы писать на поляне стихи:
Про чувства, про раннюю юность,
Про ночи, которые вечно тихи,
Про ясную тайную лунность.*

*Не хочется плыть, не хочется плыть,
Грести целый день на байдарке.
Ещё бы пожить, ещё бы пожить
На этой чудесной стоянке.*

Деревня Волкота (Треботка) - озеро

Охват. Поход окончен. Поиски продолжаются

От реки Городницы Волкота снова петляет по широкой болотистой долине, выделявая замысловатые вензеля. Петли настолько крутые, что нам кажется, что мы плывём в обратную сторону. Стрелка компаса крутится, как бешеная - только что мы плыли на юг, как она, в сомнении замерев, вдруг срывается с места, кидается сначала на восток, а потом, совсем обезумев, решительно ползёт на север.

- Ну и ну, - в изумлении покачал головой Сержант, - мы же движемся в обратную сторону.

Вот уже полчаса как мы плывём вдоль соснового бора по левому борту, и вдруг - глянь, а он уже маячит где-то справа. До леса, кажется, подать рукой - выпрыгни только на берег, но, подплыв вплотную к соснам, лодка вдруг делает очередной вензель и плывёт назад, чтобы вскоре снова повернуть обратно.

Иногда петли реки подходят так близко одна к другой, что мы забавляемся: Сержант на своей быстроходной байдарке резко уходит от нас вниз по реке, и вдруг мы видим его улыбающуюся физиономию на берегу прямо рядом с нами.

- А вы вроде далеко уплыли, - недоумеваем мы с Соловьём.

- Далеко. Вам до нас ещё целый час пахать, - смеётся он.

На вершине песчаного холма, как Кутузов на Бородинском поле, сидит на походном стульчике Наг и что-то высматривает на том берегу в подзорную трубу. А по берегу весело носится Маруська, с радостью облаивая нашу лодку.

Расстояния между излучинами по суше всего несколько десятков метров, а по воде - плыви и плыви, пока не зарябит в глазах.

Через несколько часов «чертовщина» пропадает, компас успокаивается, и наши лодки стойко берут направление на юг. Волкота здесь течёт по широкой заболоченной долине, зажатой кромкой леса, темнеющего по сторонам.

Я не успеваю сообразить, где мы находимся, как справа показывается холмистый берег, поросший сосновым бором. Вот теперь

я узнаю это место - лет двадцать назад мы шли пешком от пос. Бобровец по берегу Волкоты, стремясь переправиться на другой берег и продолжить путь вдоль озера Охвата в поисках истока Зап. Двины.

Брод мы нашли у д. Волкота, стоявшей прямо на берегу реки у впадения в неё маленькой речушки Треботки. Уже тогда здесь не было ни одной избы, но чувствовалось, что ещё недавно тут стояли дома и жили люди. В своей книге «Загадка Янтарной реки» (1989г.) я так описывал нашу первую встречу с д. Волкотой: «Просёлочная дорога выводит на высокий косогор. Лес отступил, и оттуда, с холма, открылся вид на долину реки Волкоты. Здесь она широкая и раздольная, с заливными лугами вдоль берегов. Сверху из бездонной синевы доносилась звонкая песнь жаворонка. Она лилась на луга и леса ликующе радостно, как гимн этой древней и прекрасной земле.

И тут мы заметили вдоль дороги на примерно одинаковом расстоянии друг от друга остатки кирпичных фундаментов и печных труб, ямы от бывших погребов, густо заросшие полынью и крапивой. Вот, пожалуй, и всё, что осталось от деревни Волкоты...

Это была большая старинная деревня, о чём свидетельствовало и доныне сохранившееся кладбище на холме, поросшем соснами. Говорят, что в глубокой древности здесь находилось укреплённое городище, а рядом могильник древних славян. И теперь в этой земле покоятся останки многих поколений...

Я присел на остатки кирпичного фундамента, посмотрел на заросший бурьяном двор и увидел чугунок - обычный чугунок, кем-то брошенный за ненадобностью при отъезде. Он был расколот, на его боку зияла идущая сверху вниз трещина. Я поднял его и тихонько поставил на каменную кладку. Чугунок загудел жалобно, тоскливо и одиноко».

Сейчас уже ничто не напоминает о д. Волкоте. В 1872 г. здесь стояло три дома и жило 12 мужиков и 11 женщин. И называлась деревня по другому - Треботка - по названию соседней речки, впадающей справа в Волкоту.

Район д. Волкоты - настоящий археологический заповедник. По правому берегу реки на надпойменных террасах археологи обнаружили следы пребывания древних поселенцев, начиная от каменного века (неолита) и до славянских селищ и курганов. Они

расположены целыми группами и тянутся вплоть до озера Охват и пос. Бобровец. Это место, как бы мы сейчас сказали, компактного расселения древних племён. Раскопки здесь в 1950-70-х гг. проводили многие археологи: уже известная нам по Песчахе Я.В. Станкевич, Г.В. Харитонов, Л.В.Кольцов, И.Г. Портнягин и др. Были обнаружены фрагменты посуды, отщепы кремня, массивные ребристые пластины, следы древних мастерских, где изготавливались каменные орудия.

Здесь, на берегу р. Волкоты в период нового каменного века - IV-III тыс. до н.э. находились стоянки древних рыбаков и охотников.

Позднее сюда пришли славяне, их селища в этих местах представляли собой неукреплённые древнерусские сельские поселения, которые датируются концом I - нач. III тыс. н.э. и даже временем русского средневековья - XII-XIV в.в.

Одна из древних стоянок находилась в километре к югу от д. Волкоты в устье речки Треботки на её левом берегу, на краю высокой поймы. А неподалёку - группа курганов, относящихся к древнерусским языческим погребальным комплексам X в. Видимо, где-то здесь находилось древнее святилище, где жители здешних мест отправляли культовые обряды. Не случайно рядом находится деревенское кладбище, расположенное, по всей вероятности, на месте старинного могильника. Отсюда и название речки и деревни - Треботка.

В словаре В. Даля слово «треба» объясняется так: «жертва, жертвоприношение», «отправление таинства или священного обряда». Это слово часто встречается в церковном обиходе. Говорят: «отправлять церковные требы», «священник ушёл с требами к умирающему». С этим словом связаны и другие названия: *требник* - «книга, по коей отправляются церковные требы, описание чина совершения треб»; *требище* - «жертвенник, место принесения жертв Богу». Так же, как свидетельствует В. Даль, назывался и «языческий храм, идолище, капище, жрище, поганище, кумирня, божница идолопоклонников». В одной из древнерусских летописей об этом говорится так: «и требище разори, и Перуна посече».

Вот на каком интересном и памятном месте стояла теперь уже исчезнувшая деревня. И осталось от неё только одно древнее название - Треботка (Волкота тож).

По берегам реки на многие километры тянутся стройные сосновые боры

Чем ближе озеро Охват, тем всё медленнее течение Волкоты и шире её долина. У места её впадения в озеро уже и не разберёшь - то ли это устье реки, то ли залив озера Охват. Море воды до самого горизонта, сосновые боры по берегам, и вереница добротных коттеджей вдоль воды - эти места давно уже облюбовали под дачи москвичи и местная андреапольская элита.

В этом месте у мысочка Мартынов Рог по правому берегу озера мы потеряли из виду шедшую впереди байдарку Сержанта. Она просто растворилась в тумане и исчезла. Мы с Соловьём знали по карте, что надо обогнуть Мартынов Рог и плыть направо, в сторону пос. Бобровец, а Сержант, видно, не знал и повернул левее - там, где находился пос. Охват.

Мы выплыли на середину озера и опустили вёсла. Не скрою - было приятно поджидать на рейде сержантскую байдарку: весь поход по своей быстрходности она опережала нашу старую посудину, и Сержант постоянно, ехидно улыбаясь, поджидал нас впереди. А тут ждали мы, уютно вытянув затекшие ноги.

Ах, как было приятно - поджидать Сержанта, смотреть на солнечные блики на воде, лениво потягивать минералку из пластиковой бутылки и не чувствовать себя ни капельки виноватым в

этой нечаянно возникшей остановке.

Через час сзади нас послышалось звонкое лаянье Маруськи и приглушённые виноватые голоса Сержанта и Нага. Оказывается, выехав в озеро, они спросили у случайного рыбака:

- Это Охват?

А тот, подумав, что спрашивают о посёлке Охват, махнул рукой налево.

- Ну, что, заблудились? - ехидно спросил Соловей.

- Да вот, - виновато опустил глаза Сержант, - почти до самого посёлка Охват доехали.

- А мы вас уже битый час ждём, - не отказал себе наш поэт в удовольствии поиздеваться над Сержантом. - Надоело уже...

Об озере Охват, протянувшемся с севера на юг почти на 17 километров, написано немало. Но пальма первенства здесь принадлежит экспедиции профессора Д.Н. Анучина, которая побывала здесь в конце XIX в. Она же провела и первое исследование озера, измерила его глубину. Оказалось, что наибольшая глубина озера - 25 метров, а средняя - 6,3 м. Дмитрий Николаевич отмечал, что вода в озере Охват и реке Волкоте - разного цвета: в Охвате - красноватая, а в реке - светлая. Это видно и сейчас - если зачерпнуть воду в устье Волкоты, то она светлая, более чистая, потому что течёт с Валдая и отстаивается в озёрах, через которые протекает, а в Охвате - вода красноватая, болотная. Да и рыбаки говорят - в реке водятся «белые» щуки, а в озере - «красные» - под цвет воды.

Но более всего Д.Н. Анучина поразило поведение воды в озере Охват. И в этом немалую роль играет река Волкота. Вот, что пишет Д.Н. Анучин: «Вода Волкоты играет вообще преобладающую роль в питании З. Двины; вся юго-западная часть озера наполнена главным образом этою водою, которая и стекает в Двину. Вместе с тем вода Волкоты подпирает и воду верхней части озера, повышая тем её уровень у устья рек (Нетесьмы, Горянки, верхней Двины и др.). Весною, по рассказам, разлив идёт снизу и продолжается дней 12; даже летом в Стоячем после дождя мы имели случай убедиться, что течение там по поверхности направлялось вверх».

Не случайно пос. Охват раньше назывался д. Стоячее - она стояла как раз у самого узкого перешейка через озеро Охват, где её пересекала Торопецкая дорога. Именно здесь, у моста вода в

Речные перекаты

половодье не текла вниз, как должно было бы быть, - ведь через озеро протекает р. З. Двина, а как бы стояла на одном месте.

После уютной, тихой и не очень широкой лесной речки попадаешь вдруг в огромный водоём с пляжами, моторными лодками и водными велосипедами. А впереди на высоком берегу виднеется недавно построенная часовня в честь Георгия Победоносца. Она стоит на том самом месте, где некогда возвышалась местная баня. Помню, как во время своего первого приезда в Бобровец нам показали эту местную достопримечательность - из бани в чём мать родила выбегали распаренные мужики и прямо с косогора бросались в прохладные воды озера Охвата.

Свой поход мы закончили на берегу озера в том месте, откуда вытекает р. Западная Двина, перед самым началом первых двинских порогов.

Их рокот глухо доносился до нашей стоянки. Многие туристы останавливаются здесь, перед порогами, чтобы немного передохнуть, посидеть за грубо сколоченным из еловых жердей столом и отпраздновать окончание водного путешествия. Отсюда - несколько часов пути до Андреаполя, минуя пороги, перекаты и мели бурно несущейся вниз Зап. Двины.

В этих местах особенно хорошо понимаешь, что именно Волкота, наполняя озеро Охват своей водой, вливает новые силы в дотоле маленький и беззащитный ручеёк, называемый Зап. Двиной, превращая его в полноводную и могучую реку. Здесь, в этой огромной купели, она копит свою мощь, набирает силы, чтобы потом именно в этом месте, где мы разбили свои палатки для последнего привала, вдруг выплеснуться из каменной чаши и ринуться вниз, к Андреаполю, прыгая с камня на камень.

Место у первых двинских порогов - необычное. Здесь реке преграждает путь каменная гряда, и вода хлещет прямо через глыбы гранита, пробивая себе путь по глубокому каменному ущелью.

Это место издавна привлекало русских гидростроителей, которые мечтали проложить судоходный путь, соединив верховья Волги и Зап. Двины. В 1824 г. здесь побывала экспедиция инженера Волкова, которая предполагала в том месте, где Зап. Двина вытекает из озера Охват, построить высокую плотину со шлюзом и запрудить озеро, подняв уровень Охвата (и нижнее течение Волкоты - тоже) на целых 6 футов¹ выше летнего уровня для поддержания судоходства, т.е. почти на два метра - и затопив соответственно все низкие берега, луга и болота вдоль Волкоты, наверное, вплоть до Отолова озера. По замыслу Волкова это позволило бы соединить верховье Зап. Двины через озёра Сობлаго, Орлино и р. Жукопу с верховьями Волги. Проект был настолько грандиозным и дорогим, что, мне кажется, мало кто из современников верил в его осуществление.

Но у него нашлись защитники и среди них - известный нам по изучению истока р. Волкоты И.Ф. Штукенберг: «Результаты задержки резервуара в Охват-Жаденье (так называлось тогда озеро Охват. - А.П.), во всяком случае, превзошли бы всю сумму выгод, указанных Волковым в его мемуаре, - писал он, - только бы по возможности поднять выше те запруды, не останавливаясь перед тем, чтобы несколько квадратных верст луговой земли более или менее поднять водою...».

В этом месте Сержант решил устроить прощальный банкет по случаю окончания похода. Ещё в Бобровце он закупил в местном магазине всё, чего так не хватало нам в пути: йогурт, фрукты, со-

¹ Фут= 1/7 сажени=0,3 м.

Вот такие вензеля выписывает Волкота после д. Семченки. Иногда расстояние между петлями составляют считанные метры. Снимок из космоса

ки, ветчину, торт и даже бутылку «Советского шампанского», которую из-под прилавка тайно достала для нас продавщица, заговорщически прошептав: «Никому не говорите» (по всей Волкоте во всех магазинах спиртным в это лето не торговали). Отдельно для Нага была приобретена банка фасоли в томатном соусе фирмы «Хайнц» и бутылка светлого пива. Нашему поэту досталась банка консервированной кукурузы, ну, а Маруське перепала банка какой-то импортной говяжьей тушёнки.

Утомлённые походом, мы умиротворённо сидели за праздничным столом, поднимали тосты за Волкоту, за озеро Охват, за мудрое руководство походом со стороны Сержанта, за Маруську, которая так исправно предсказывала нам погоду и даже за анонимного автора стихов о пользе голода для поэтов...

Мы сидим, прислонившись спинами к деревьям, и вспоминаем наше путешествие на вершину р. Волкоты, как мы перетаскивали лодки через заколы и бобровые плотины, садились на мели и камни, тащили байдарки волоком через водораздел, и как тонули под мостом у д. Семченки, и как под проливным дождём искали исток р. Волкоты.

А потом наш походный поэт принёс из палатки свой потрёпанный поэтический блокнот и начал читать только что рождённые стихи:

Река журчит родная,
Красивы берега.
Одна она такая
На свете, Волкота.

Но мы перебили его и хором продекламировали другой его стих:
Не хочется плыть, не хочется плыть,
Грести целый день на байдарке.
Ещё бы пожить, ещё бы пожить
На этой чудесной стоянке.

Эти стихи, написанные Димой на стоянке на озере Волкота, стали для нас чем-то вроде походного гимна, и мы всегда распевали его по утрам, когда страшно не хотелось вылезать из палатки. И просыпались окончательно только тогда, когда снаружи доносился бодрый голос Сержанта:

Готова еда! Готова еда!
Вам гречки с походной тушёнкой.

Я спустился вниз и посмотрел на воду. С деревьев медленно падали вниз уже подёрнутые желтизной листья, они собирались маленькими стайками и, как игрушечные флотилии, проплывали мимо нас, крутясь в каком-то волшебном фантастическом танце. А лёгкий ветерок гнал их всё дальше и дальше, к двинским порогам, приглушённый гул которых доносился до нашей стоянки.

И тут наш тверской Соловей сказал вслух то, о чём думал каждый из нас:

- А всё-таки исток мы так и не нашли.

И все почему-то замолчали. Вспомнили и бобровые хатки в верховьях Волкоты, и старинные заколы, и тихое Макаровское озеро, и так и не найденную нами дорогу в Грибель. И заколдованный исток, который, увы, мы так и не смогли отыскать.

Стало грустно. Ведь каждое путешествие только тогда и можно назвать успешным, когда оно достигает цели. А мы были так близко от истока р. Волкоты и не могли его отыскать.

- Ты же обещал вернуться в Грибель ещё раз, - напомнил мне Дима.

- Обязательно вернёмся, - ответил я. - Но ещё в Андреаполе нам сказали, что в Грибеле никто не живёт, и если уж искать старожилов, то лучше всего начать с Аксёнова - это центр местного сельского поселения.

- Значит, поехали в Аксёново, - обрадовался Соловей.

И как бы в подтверждение этого Маруська вскочила с земли и радостно закачалась из стороны в сторону.

- Смотрите, смотрите, - радостно закричал Сержант, - сама Маруська предрекает нам скорую дорогу.

А потом, оглядев нас и, видимо, вспомнив анонимную «переписку Гоголя с Белинским», добавил:

- А уж кому-кому, а Маруське-то можно верить.

Со словарём В.И.Даля в рюкзаке Река Волкота (Велькота, Вельхота)

Река Волкота - правый приток Зап. Двины. Начинается севернее оз. Макаровского возле д. Грибель. Имеет протяжённость около 75 км. В средние века по ней проходило одно из местных ответвлений пути «из варяг в греки». В прошлом - рыболовная река, в которой ловили рыбу с помощью заколов, затворов, учугов и котов (рыболовных снастей). Отсюда, возможно, и происходит название реки.

Отчего же та река
Носит имя - Волкота?
Может быть от волока¹,
А может и от волота²...

Раньше эта вот река
Называлась Велькота.
Что ж - название тогда
Дали ей из-за кота³?

Нет, не от домашнего
И не настоящего.
Просто рыбу в тех местах
Все ловили в тех котах.

А во все реки концы
Люди ставили котцы⁴.
У кого была охота,
В речке делали закоту⁵...

Оставляли в ней проход,
Вставив велий⁶ вентерок.
Рыба пёрла в ту коту
И ловилась по пуду.

Из-за этих вот котец
Рыбе всей пришёл конец.
Корма нет - попадал скот.
Помер тут последний кот.

* * *

Ну и что, что нет кота?
Есть название: Волкота.

¹ Волок - «переволок, перешеек между двух рек, где переволакивают лодки или товар с них, с одной речки на другую; иногда пристань, перевоз, как конец волока».

² Волот - «богатырь, человек необычайного роста, а иногда и силы».

³ Коты - «ловушки в устьях рек на рыбу; четырёхугольная огорожа плетнём, с заворотами».

⁴ Котцы - «плетённый перебой через речку для удержания и ловли зашедшей туда рыбы; лёгкий учужек, закол, забойка».

⁵ Закот - рыболовное приспособление.

⁶ Велий - «превышающий обычную меру, сравнительно с другими обширный, большой».

Где дорога ухабами горбится

Где дорога ухабами горбится
И бежит неизвестно куда,
По ущелью глухому торопится,
Извиваясь, река Волкота.

И поёт она песню заздравную
Ручейками стекающих с гор.
И холмами горбатыми радует
Величавый Валдайский простор.

Знаю я - ты коварна изгибами,
Где, как змейка, в низине течёшь,
И своими болотными ивами
Ты к заколам меня приведёшь.

Околдуешь своими озёрами,
Там, где душу бодрит на волнах,
И уютными тихими сёлами
На зелёных твоих берегах.

И хотя, Волкота, ты - изменчива,
Хорошо мне бывает с тобой,
Как с красивой задумчивой женщиной
С беспокойной, но чистой душой.

Осень

*Серебрится роса
На траве поутру,
И петляет тропа
Меж деревьев в лесу.*

*Шорох поздней листвы
Будит ласково лес,
И висят мои дни
У истока небес.*

*Уж давно всё прошло,
Лес притихший грустит.
Под ногами моё
Детство здесь шелестит.*

*Пора ливней и гроз
Унеслась до весны.
В дом с собою принёс
Я немного листвы.*

Аксёново. «Здесь течёт река Тудёр»

Но прошёл целый год, прежде чем продолжилось наше путешествие. Дима повесил дома над своей кроватью большой календарь, и зачёркивал на нём очередной «прожитый день на земле». Но миновала осень, зима, а дни всё тянулись бесконечной чередой.

И только когда на календаре остались не зачёркнутыми последние клетки, Дима радостно провозгласил:

- Всё, едем в Аксёново, - и стал собирать рюкзак.

И вот мы трясёмся в местном автобусе прямо на север, туда, где в отрогах Валдайской гряды среди лесов и болот притаилась маленькая тверская деревенька Грибель. Дорога идёт вдоль живописного Лучанского озера с разбросанными по воде зелёными шапками многочисленных островков. Автобус, натружено кряхтя, как немощная старуха, то взбирается на очередной холм, то вдруг прыгает вниз в ложину, по которой в озеро стекают маленькие ручейки. И мы взбираемся всё выше и выше, туда, где громоздятся холмами вершины Алаунских гор.

Аксёново - довольно большая деревня, центр аксёновского сельского поселения, куда входит и деревня Грибель. В Аксёнове 13 домов и населения - около 60 человек. Вокруг песок и вереница холмов, похожих на лысые головы вросших в землю великанов. По «головам» лениво ползали сенокосилки, «сбривая» высокую, чуть ли не до пояса траву - сенокос был в разгаре.

На окраине деревни возле животноводческой фермы стоит высокая водонапорная башня. Сначала мы не обратили на неё внимания, но наверху явно чувствовалось какое-то движение и сдавленный писк.

- Смотри, - крикнул Дима, - это же аисты.

Только теперь мы заметили на самой вершине башни большое гнездо из веток и сена, а в нём трёх маленьких аистят. Они громко хлопали крыльями, разевали свои красные клювики и явно просили есть.

Мы вспомнили об этих аистятах снова, когда поднялись на один из аксёновских холмов. Сеновязальная машина собирала скошенную траву и выплёвывала на поле огромные рулоны спрессованного сена. А за машинами деловито шествовали два

взрослых аиста, не обращая внимания ни на шум двигателей, ни на запах солянки, ни на людей, которые сновали между ними. Аисты грациозно прохаживались между рядами и по временам наклонялись и что-то искали в траве - наверное, пищу для своих голых птенцов.

Вот эта картинка - аисты среди сенокосилок, полная гармония между людьми и птицами, когда каждые занимались своим делом и никак не мешали друг другу, до сих пор стоит перед нашими глазами.

Мы долго ищем учительницу местной школы Надежду Александровну Серебренникову, её адрес нам дали в андреапольском архиве. Сказали: «Она - местная, всё вам расскажет и об Аксёнове и о Грибеле».

И это оказалось действительно так. Вместе с Надеждой Александровной мы ходим по деревне, заглядываем в местную библиотеку, осматриваем новенькую, как будто только построенную кирпичную школу. Правда, называется она не Аксёновской, а Скудинской школой, и была эта школа семилеткой.

- Это потому, что школа раньше находилась в соседней деревне, а потом переехала в Аксёново. Ну, а старое название осталось. Проблемы в Скудинской школе - такие же, как и везде: деревня стареет, количество детей сокращается. В 1958 году в ней училось 57 учеников, в том числе 34 девочки, а директором школы был учитель Приютов. Сейчас, почти полвека спустя, школу посещают 34 ученика - на каждого учителя приходится по три школьника. Да и перспективы не радостны: как поведала нам зав. местной библиотекой Валентина Петровна Поволяева, за последний год в д.д. Аксёново, Грибель, Скудино, Заболотье, Тарасово, Речка, Пестово умерло или выбыло 38 человек, а родился только один. Вот и вся местная статистика.

- Но мы ещё держимся, - говорит Надежда Александровна, с гордостью показывая нам школьный краеведческий уголок.

К сожалению, не во всех школах ведётся краеведческая работа: собирается старая утварь, предметы местного быта и старины (помните, ещё Куропаткин призывал в 1919 году заниматься этим местных учителей?). А здесь такой уголок, хоть и небольшой, есть. Мы с интересом осматривали стеллажи с экспонатами, найденными юными краеведами в окрестных деревнях - ткацкий

станок, глиняные горшки, плетёные туески для грибов и ягод, хомут для лошади, старинный безмен, оклады для икон...

- А это что? - спрашивает Дима. - И показывает на огромную деревянную ложку.

- С помощью этой ложки-половника наши деды варили пиво в чугунных банных котлах.

Все собранные ребятами экспонаты - это изделия местных кустарей. Раньше в д. Заболотье делали, например, корзинки из щепы, в Аксёнове и Заболотье жили так называемые шаповалы - валяли валенки, в Грибеле изготавливали сани.

- Этот промысел дожил до наших дней, - рассказывает Надежда Александровна. - В Грибеле жил мастер Фёдор Фёдорович Крылов, который по старинным рецептам мастерил гибалы - деревянные полозья для саней. Они были такими прочными, что про них даже сложили поговорку - «сани из крыловской стали».

- Он живёт в Грибеле и сейчас? - спрашиваю я.

- Да нет, года три назад как сгорел в своём доме в Грибеле. А человек он у нас был заслуженный - ветеран Великой Отечественной войны. Последний ветеран, - поправляется Надежда Александровна. - Больше ветеранов у нас в Аксёновском сельсовете нет: все померли.

У выхода из школы на подоконнике лежит бронзовый колокольчик.

- А это наш школьный звонок, - говорит Надежда Александровна, - уж больно мелодичный у него звук - не сравнить с электрическим.

Она встряхивает колокольчик, и по школе разносится удивительно мелодичный и приятный звон.

- Откуда колокольчик? Не знаю. Наверное, сохранился от старой Русановской церкви.

Но я вижу, что это не церковный колокольчик. На нём отлита надпись: «Пурех» и фамилия мастера - Трошев: такие колокольчики отливали в конце XIX в. в нижегородском селе Пурех и использовали не для церковной службы, а привязывали к дуге конного экипажа. Наверное, сохранился от какого-то ямщика, ведь по этим местам проходил старинный ямской тракт. Такие же колокольчики отливали и на Валдае - знаменитые валдайские бубенцы.

Рядом со школой за забором - остатки старого парка и развалины какого-то каменного дома.

- А здесь жил наш помещик. В его доме долгое время работал маслозавод. Сейчас от него ничего не осталось, а в прежние годы наше масло и сыр гремели по всей округе, и в Андреаполе на базаре всегда спрашивали «аксёновское масло». Целые очереди за ним выстраивались.

- А как фамилия помещика? - спрашиваю я. - Не Иванов?

Однажды в библиотеке, копаясь в Памятных книжках Псковской губернии я натолкнулся на список должностных лиц Холмского уезда. Так вот среди фамилий волостных старшин 2-го стана Жуково-Торопацкой волости в 1882 г. значился Наум Ананьев, а сам становой пристав жил в с. Аксёново и звали его Николай Алексеевич Иванов.

- Да кто его знает. Помещики уехали отсюда сразу после революции и больше не возвращались. Вполне возможно, что это был и Николай Алексеевич Иванов, наш барин.

Вообще Аксёново - интересная деревня. Она стоит уже на другом, северном склоне водораздела, который проходит здесь между Грибелем и Аксёновым, и все реки, которые начинаются вблизи Аксёнова, текут уже на север в бассейн Полы и Ловати: Тудер, Пестовка, Горня, Вязанка, Пола. А вот на юг речки стекают уже в другой бассейн - в бассейн Зап. Двины. Этот водораздел довольно узок по ширине - буквально несколько километров, и реки здесь начинаются на одних и тех же холмах, но скатываются в разные стороны.

Мы называли этот участок водораздела Грибельско-Заболотской грядой. Она тянется от верховьев р. Полы с северо-востока на юго-запад, описывая замысловатую петлю и буквально извиляется между речками, заставляя их течь рядом друг с другом, но в противоположные стороны. Несколько сот метров отделяют друг от друга такие речки как Лиговка и Пестовка. Гряда «втиснулась» между ними, заставляя течь Лиговку на юг в р. Волкоту, а Пестовку, наоборот, на север в реку Тудёр. Наг для наглядности начертил схему этого водораздела, нанеся на неё извилистую вершину хребта (см. схему).

У меня даже появилась шальная идея - взобраться на вершину этой гряды и посмотреть, как стекают с неё реки в разные стороны. Но, увы, гряда эта невидимая, и, несмотря на высоту, её плоская верхушка была сплошь покрыта верховыми болотами и

скрыта от глаз глухим непроходимым лесом.

Вот здесь и находилась самая настоящая водная купель, где рождались реки Балтийского бассейна и бассейна Зап. Двины. Здесь же, южнее этой гряды, и надо было искать исток р. Волкоты.

Севернее Грибеля и Заболотья на карте была обозначена самая высокая точка этой гряды над уровнем моря - 311 м. Вот она - самая сердцевина летописного Оковского леса!

Чуть севернее от истока Тудёра с этого же водораздела стекает река Оборля - приток Большого Тудёра. Она интересна тем, что, на правом её берегу почти на самой границей с Новгородской областью находится старинная деревня Верхний Аполец, а рядом с ней прямо на поле стоит знаменитый Аполецкий каменный крест. Крест давно известен краеведам и, видимо, относится к категории памятных каменных крестов, которые наши предки ставили на перекрёстках дорог, волоках или в честь какого-либо памятного события. В последнее время его стали упоминать в связи с поисками легендарного Игнач-креста, о котором мы знаем из летописей, как о месте, откуда в 1237 году полчища Батыя повернули назад, так и не дойдя 100 вёрст до Новгорода.

Я в своё время тоже писал об этом в своей книге «В поисках Дивьего камня» (1981), рассказав о версии ивановского краеведа С.Н. Ильина, который предположил, что этот крест стоял в районе деревни Игнашевка на мысочке у впадения в реку Щебериху её притока Циновли. Это в Осташковском районе совсем недалеко от Селигера.

Сейчас многие краеведы пытаются определить местоположение этого самого легендарного Игнач-креста - новгородские исследователи даже пытались сделать это с помощью компьютера. Да и осташковские краеведы тоже заинтересовались этой проблемой. Они, видимо, согласились с версией С.Н. Ильина. Если новгородцы, само собой понятно, считают, что крест должен находиться в пределах Новгородской области, то краеведы из Осташкова, наоборот, считают, что ему самое место на территории Осташковского района. Несколько лет назад состоялось торжественное открытие обелиска на берегу р. Щебериха, где предположительно мог стоять этот крест. Причём на торжествах даже присутствовали представители Осташковской районной администрации. Меня тоже

приглашали на это торжество, но я по каким-то причинам не смог приехать.

Вопрос о месте, где стоял легендарный крест, до сих пор не решён окончательно, хотя над разгадкой этой тайны бьются учёные и краеведы вот уже более 200 лет. И до сих пор появляются всё новые и новые версии.

Одна из них как раз и связана с Аполецким крестом - может быть это и есть тот самый Игнач-крест? Все исследователи до сих пор пользуются примерно одними и теми же аргументами: Игнач-крест должен находиться на «серегерском пути» (так сказано в летописи), отстоять от Новгорода на 100 вёрст (правда, непонятно каких - «старых» или «новых»), ну и желательно, чтобы об этом месте сохранились какие-либо топонимические данные, или предания.

Аполецкий крест на первый взгляд как раз и удовлетворяет этим требованиям - он находится вблизи от Селигерского пути (правда, это ещё надо доказать), примерно на расстоянии 100-200 километров от Новгорода, и самое главное рядом, буквально в 3-3,5 км от деревни под названием Игнашево.

Но для того, чтобы сделать окончательные выводы, нужны серьёзные исследования и серьёзные доказательства. Тем интереснее поиски разгадки этой тайны, которую оставила нам история. Кто знает, может кому-то и повезёт?

По таким рекам как Тудёр в половодье в старину сплавляли лес. В прежние времена этим занимались целые деревни, причём не без выгоды для себя. Рассказывают, что на реке Тудёр возле деревни Старинки на одном из поворотов реки было особое место, которое по-местному называлось «золотое колено». Так прозвали его сплавщики леса и местные крестьяне за то, что это «колено» каждую весну приносило им большой доход - здесь при повороте реки брёвна на сильном течении выскакивали на берег и оставляли лежать до спада воды. «Золотое колено» кормило каждый год несколько окрестных деревень.

- Вообще, - говорит Надежда Александровна, - раньше мужики больше знали о лесе и бережнее относились к природе. А как подбирали брёвна для строительства дома? Это же целая наука - когда пилить дерево, в какое время, в какую погоду. Поэтому и дома стояли дольше, чем сейчас.

Мы долго ещё беседовали с Надеждой Александровной, а потом спрашиваем:

- А как пройти в Грибель, и сохранилась ли там деревня?

- Несколько домов ещё стоят, да местные уже там не живут - медвежий угол.

- Что, и сторожилов не осталось?

- Я вам рассказывала - жил там Фёдор Фёдорович Крылов, да помер, можно сказать, последний житель Грибеля. Вроде прошлым летом жила там одна дачница, а сейчас - никого.

Надежда Александровна ведёт нас по накатанной дороге на окраину Аксёнова. Внизу в глубоком ущелье, пробивая себе дорогу в каменистом русле между холмами, весело бежит какая-то речка.

- Это Тудёр, - говорит она. - И не думайте, что он такой маленький и спокойный. Вон, видите, в русле лежат бетонные опоры моста - это его работа.

Несколько лет назад эта речка от сильных дождей так разлилась, что снесла бетонный мост и размыва всю дорогу. Теперь приходится переходить её по камешкам, прыгая с одного валуна на другой.

Я бросил щепку в воду и водоворот закрутил её и быстро понёс вниз по течению.

- На север, - посмотрев на компас, сказал Дима.

Да. Все реки здесь уже текли на север, в сторону озера Ильмень и Балтийского моря. А Волкота и Зап. Двина начинались уже где-то там, за нашими спинами.

Мы прошли по Тудёру несколько километров вниз по течению. Эта река совсем не походила на Волкоту, которая в основном текла по равнине и заливным лугам и только иногда спрыгивала вниз по каменным ступенькам. Тудёр - типично горная река, каких я немало видел на Кавказе. Она текла по каменистому ущелью, весело бурлила среди камней и на крутых поворотах. Такое впечатление, что мы находились в горах Кавказа или Тянь-Шаня, а не в самом центре Тверской области.

Происхождение названия Тудёра до сих пор точно не установлено. В Тверской области, немало рек с корнем туд: Тюдьма, Тудовка, Большой Тудёр, Малый Тудёр, есть деревня Туд. Очевидны его финно-угорские корни, но имеются и другие объяснения.

В районе Аксёнова реки текут уже не на юг, в сторону Зап. Двины, а на север, как эта, похожая на горную реку Тудер

Тверской краевед И.Ю. Смирнов считает, что слово *туд* во многих индоевропейских языках имеет значение *люди* - так называли себя многие народы и племена.

У Даля, к сожалению, нет в словаре слова *туд*, но есть слово *туда*. *Тудю* - значит, по его мнению, «туда, в ту сторону или на тот бок», а *тудыкать* - «настоятельно повторять: туды, туды». Впрочем, это может быть простое созвучие разных слов.

Мы расстаёмся с Надеждой Александровной на берегу Тудёра. Вода искрилась на солнце, освещая песчаное дно реки - видно как в небольшом омуте стайками ходят плотвички, подставляя

под солнечные блики свои серебряные спинки.

- Так что же? - спрашиваю я Надежду Александровну, - значит и в Аксёнове не осталось ни одного грибельского старожила?

- Ну почему же, - один остался, - родом из Грибеля, там у него и отцовский дом сохранился.

- А как нам его найти?

- Да кто ж его знает, где он сейчас - то ли в Грибеле, то ли у своего друга в Заболотье. Да и неизвестно, сможет ли он с вами поговорить.

- Это почему же? - удивились мы.

- Да такой уж период у него, как запьёт, так сразу уходит из дома на поправку то ли в Грибель, то ли в Заболотье.

- А когда вернётся?

- А это как у него дела пойдут - то ли через неделю, то ли через месяц.

- А с кем же он живёт в Аксёнове?

Это наше маленькое открытие - Грибельско-Заболотская водораздельная гряда. Здесь реки могут течь рядом, но в разные стороны

- Со мной и живёт - муж он мне.

Надежда Александровна говорит об этом спокойно и как-то отрешённо, как человек, уже ко всему привыкший и уже, видимо, не способный как-то повлиять на события.

Мне непонятно, как учительница истории, человек с высшим образованием и значит с особым положением в деревне, так спокойно и буднично говорит о муже, с которым она прожила не один год.

- А где же в деревне найдёшь хорошего мужика - все пьют, куда ни посмотри. А ведь раньше он не был таким.

Василия (так зовут её мужа) она не ругает и ничего плохого о нём не говорит. Наоборот, даже отзывается о нём с некоторой симпатией. Да и не такой уж он и плохой мужик - работает в совхозных мастерских сварщиком, мастер на все руки, отменный рыбак и охотник - не ради денег охотился, а для интереса, для себя, пока тут охотохозяйство не организовали и не запретили охоту. Да и пчёлами он занимается - пасека у него в Грибеле. В общем,

Всю эту старинную утварь ребята собрали вместе с учительницей истории Надеждой Александровной Серебrenниковой. Краеведческий уголок Аксёновской (Скудинской) школы

Пест и Лигостай

На реке - один, как перст,
Жил мужик с прозванием Пест¹.
Был болван он, ветрогон:
В ступе толк он самогон.

если бы не пил...

- Значит так, - прощается она с нами. - Найдёте его в Грибеле или в Заболотье - лучше Василия никто тех мест не знает.

- Привет-то передавать?

- А зачем? - как отойдёт, так сам и придёт.

С словарём В.И.Даля в рюкзаке

На Грибельско-Заболотской водораздельной гряде начинаются многие реки, одни текут на север, другие, как Волкота, на юг, в бассейн Зап. Двины. Здесь реки могут течь параллельно друг другу, но в противоположные стороны, а их русла разделяют какие-нибудь сотни метров. К таким рекам относятся Лиговка - левый приток Волкоты и Пестовка, впадающая в районе Аксёнова в р. Тудёр. Так родилась легенда о двух первопоселенцах Песте и Лигостое, чьи имена (или прозвища), возможно, и дали названия этим рекам.

¹ Пест - «боёк, кий, толкач, для толчения или растирки чего в ступке»; о человеке - «осёл, дурак, болван, тупой и глупый, упрямый человек».

По соседству через горку
Лигостай¹ курил махорку.
Тоже был ни то - ни сё -
Целый день смотрел в окно.

Пест на речке жил одной,
Лигостай же - на другой.
Да и речки с той поры
В одну сторону текли.

Жили дружно, как семьёй -
Не разлей, считай, водой.
Торговали, правда, врозь -
Тут без лыги² не проживёшь.

Но однажды безрассудно
Лигостай сказал прилюдно:
»Говорят, твоя река
Очень даже коротка.

Хоть течём мы все в Тудёр
Очень близко с давних пор,
Но моя река длинней
И красивей и сильней».

Рассердился глупый Пест,
Поглядел с горы окрест
И шарахнул в Лигостая
Он камней огромных стаю.

Речка вздулась, напряглась
И обратно понеслась.
Ну, и стала легошить³,
По дороге всё крушить.

Так закончилась размолвка:
Вверх помчалася Пестовка,
Вниз Лиговка - в Волкоту,
Но в другую сторону.

А меж ними та гряда,
Прямо рядом - метрах в ста.

¹ Лигостай - человек «ветренный, опрометчивый, легкомысленный, легкоумный, безрассудный».

² Лыга - «особые права, преимущества перед другими; облегчение от податей, повинностей, налогов, большая свобода в чём-либо».

³ Легошить - «облегчать, делать что льготнее, легче».

Река Тудёр

*Камни, камни и покой,
Тают облака.
Здесь течёт Тудёр лесной -
Горная река.*

*Здесь Аксёново моё
На холмах стоит.
Сердце здесь легко поёт,
А душа парит.*

*Серебром блестит песок
В дорогой реке.
На холмах шумит лесок
Где-то вдалеке.*

*А на поле трактора
Звучно тарахтят.
Возле них стоит с утра
Стайка аистят.*

*Под горой дорога вброд
Съёжилась слегка.
Здесь Тудёр лесной течёт -
Горная река.*

Реки мои валдайские

*Реки мои валдайские,
Горные реки мои.
Здесь в дни весенние, майские
Хочется петь о любви.*

*Здесь в вышине над озёрами
Бьются сердца быстрых рек.
Узкими дальними тропами
Всё исходил человек.*

*Дни ещё чистые, вешние,
Кротость в природе кругом.
Мы уж считаемся здешними
В крае до боли родном.*

Грибель. *Так вот ты какой, исток Волкоты!*

В Заболотье мы быстро нашли дом, в котором жил у своего друга Василий. Ждали с некоторой опаской - всё-таки неспроста он ушёл из Аксёнова, наверное, пребывает в расстроенных чувствах. Но на крыльцо вышел ещё довольно молодой мужик в камуфляжных штанах и такой же майке. Лицо его, видимо, давно не касалась бритва, но на вид он производил приятное впечатление. Надежде Александровне достался в мужья видный парень, хотя и не без вредных привычек. Не случайно односельчане одарили его весьма привлекательным прозвищем Мейсон - это имя одного красивого парня из американского телевизионного сериала.

Потребовалось не так уж много времени, чтобы уговорить его быть нашим проводником до Грибеля. По-моему, ему даже самому было лестно, что он кому-то понадобился, и им интересуются люди, приехавшие аж из самой Москвы. Он тут же признался, что лучше него никто не знает окрестных мест.

- Как же не знать, ведь там прошло моё детство.

Договорились идти в Грибель не прямой дорогой, а сначала спуститься к Макаровскому озеру и отыскать ту самую дорогу до деревни, которую мы так и не могли найти с Сержантом во время последнего нашего похода на байдарках по Волкоте.

От Заболотья до озера прямо по бывшим полям тянется машинная колея. Она идёт к охотничьим угодьям на берегу Макаровского озера. Здесь все земли в округе принадлежат охотхозяйству, и наши «эксперты», как мы нарекли между собой шагавших впереди Василия и его друга Фёдора, не совсем лестно отзывались о егерях, которые охраняли эти угодья.

Да это и понятно, Василий действительно любил в здешних местах охотиться на куниц, зайцев, кабанов. А теперь- егеря никого не пускают в угодья: плати за лицензию и всё.

- А где деньги взять? - вздыхает Фёдор.

Мимо нас, виляя в размокшей от дождя колее, протарахтел мотоцикл с каким-то мешком на заднем сиденье.

- Это Игорь Иванов - егерь из охотхозяйства, - пояснил Василий. Видать, везёт прикорм для кабанов - много их тут развелось по всей округе. А их, видишь ли, ещё и подкармливают.

- Мы не заметили, как спустились в лощину, по которой струился крохотный ручеек.

- Это Грибельский ручей? - спросил Сержант.

- Нет, это другой ручеек, который тоже впадает в Макаровское озеро, - у нас его ещё Осиповским зовут.

Кстати, этот ручей не обозначен ни на одной карте, и нам пришлось определять его русло по спутниковому навигатору.

И только тут мы узнали тот самый ручеек, на который наткнулись во время нашего похода, и который тогда так поразил наше воображение потому, что тёк он не в Макаровское озеро, а вверх, в сторону Заболотья.

- Нет, - рассмеялся Василий, - это он только здесь вверх течёт, а потом заворачивает и впадает в Макаровское озеро.

На опушке леса почти у самого берега озера выстроились в рядок несколько охотничьих лабазов. Конструкция их проста - на брёвнах, врытых в землю, возвышается навес для охотника, куда ведёт деревянная лестница. Стоят лабазы возле поля, засеянного овсом. У кромки дороги лежало корыто с той самой прикормкой, которую привёз егеря.

- Это для чего же тут овёс сажают? - спросил Сержант.

- А на медведей охотиться, - пояснил Василий и махнул рукой на охотничий лабаз.

Охота на медведей на овсяном поле - одна из самых прибыльных статей охотничьего бизнеса. Говорят, что дело это не дешёвое, доступное только состоятельным охотникам или большим начальникам. Да и не только нашим, российским, но и закордонным. За каждого медведя иностранцы, говорят, готовы заплатить и 5, и 10 тысяч долларов. Поэтому егеря и не пускают в лес местных охотников - берегут дичь для тех, кто готов заплатить за охоту зелёненькими.

«Эксперты» долго наперебой объясняли нам все тонкости старой русской забавы - охоты на медведей на овсах, но я думаю, что никто лучше не расскажет нам об этом, чем знаток русской охоты Л.П. Сабанеев.

«В августе, когда овсы начнут наливаться, медведи выходят после заката на овсяные полосы, прилегающие к лесу, и, поджимая под себя передними лапами колосья, сосут их всю ночь до рассвета, не пережёвывая зубами и не срывая кистей; иногда, если овёс

очень высок, они садятся при этом на зад, исподволь передвигаясь всё дальше и дальше, загребая лапами кисти и чавкая, подобно свиньям... Такого медведя, повадившегося ходить на овёс, при некоторой сноровке можно подкараулить из-за куста или с лабаза, в первом случае лишь тогда, когда зверь не напуган, вообще не отличается осторожностью и когда ветер дует с той стороны, с которой он обыкновенно выходит на полосу. В светлую ночь иногда можно высмотреть жирующего медведя и стрелять с подхода. Необходимо надевать валенки и серый костюм и соблюдать полную неподвижность в те моменты, когда зверь перестаёт есть и прислушивается или, встав на дыбы, озирается по сторонам.

Такой способ подкарауливания употребляется редко, и медведей на овсах обыкновенно стреляют с лабазов или полатей. Лучше всего, если позволяет местность, устраивать лабаз на дереве или деревьях, прилегающих к той полосе, на которую повадился медведь, но полати можно устроить и там, где нет крупного леса, с помощью сохирей, т.е. подпор с боковым откосным сучком. Необходимо только, чтобы лабаз находился в опушке, был как можно менее замечен и не возбуждал опасения в звере... Устраивать лабазы должны для одного или не более как двух охотников, от 2-3 ар. длины и в 1 ар. ширины, не выше 3-4 ар. от земли и притом всегда таким образом, чтобы сидеть лицом к заходящему солнцу для того, чтобы вечерняя заря, догорая, освещала как можно долее полосу пашни с овсом или место, где лежит привада. ...На жерди, чтобы было мягче сидеть, кладётся немного сена (отнюдь не листьев), войлок или ковёр, хотя другие находят это излишним и даже вредным. Необходимо брать с собой на всякий случай топор...

Садиться на лабазы необходимо за час до солнечного заката, потому что в глухих местах, если нива окружена лесом, медведи выходят на овсяное поле гораздо ранее заката солнца и не стесняются даже присутствующих жниц. Лучше всего не приходить на лабаз, а подъезжать к нему верхом. Подъехав, охотник, не слезая на землю, прямо с лошади должен влезть на лабаз, другой же с обеими лошадьми, проехав некоторое расстояние вперёд, отправляется домой. Не лишне, если на человеке, взобравшемся на полати, не будет одежды, которую он постоянно носит; лучше взять такую, которая давно не была в употреблении и висела где-нибудь на воздухе. Медведь, в особенности пуганный или подозре-

вающий опасность, не доходя ещё до полос овса, становится часто на дыбы, чтобы осмотреть местность: долго слушает и поводит носом, даже фыркает, стараясь учуять что-либо подозрительное, нередко опять уходит в лес, заходит с других сторон, под ветер, и только когда убедится в совершенной безопасности, своею обыкновенною тропкою выходит на овёс. Особенною осторожностью отличается медведиха с медвежатами, всегда приходящая очень поздно, не ранее наступления полных сумерек...

Тяжело раненый медведь обыкновенно падает с рёвом и каким-то особым храпением и фырканием, катается по земле, потом уже, если у него хватит сил, поднимается на ноги. Очень редко бывает, чтобы раненый бросился ночью на человека или лез на полати, но нелишне заметить, что когда приходится в последнем случае прибегать к помощи топора, то надо рубить по лапам, ключице, по крестцу, а не по шее, голове или лопаткам...

В сентябре медведи в лесных местностях европ. России часто дерут скот, причём, задрав корову или лошадь, несколько ночей ходят есть добычу. Поэтому можно подстеречь зверя, устроив у падали лабаз. Обыкновенно, нажравшись с голода мяса, медведь на следующую ночь не приходит, ложась, однако, недалеко от падали, так что надо устраивать лабаз очень осторожно и бесшумно. Садятся на место часа за 2-3 до заката, потому что медведь приходит ужинать очень рано. Нажравшись падали, медведь менее осторожен, потому что начинает хуже чують, а также не так злобен и опасен, как голодный».

Вот так описывает охоту на медведя на овсах Л.П. Сабанеев. Похоже современные егеря усовершенствовали этот процесс и, судя по сообщениям нашей прессы, активно используют методы натаскивания медведей для охоты, чтобы, как говорится, доставить охотникам больше удовольствия, а себе - меньше хлопот.

При этом удаётся провести не только охотников, но и лиц королевской крови. Рассказывают, что во время охоты в одном из новгородских охотничьих хозяйств короля Испании Хуана Карлоса I местные егеря, дабы угодить высокому гостю, напоили добродушного и прирученного медвежонка по кличке Митрофан мёдом с водкой и выпустили его в овсы. Медведь настолько обалдел от возлияний, что уже никого не боялся - ни местных егерей, ни приезжего короля. Его величество уложило Митрофана с первого вы-

стрела. Говорят, что король остался очень доволен охотой.

А вот ещё один случай, произошедший на царской охоте, относящийся уже к брежневским временам. Леонид Ильич пригласил поохотиться на зайцев в охотохозяйство Завидово руководителя Социалистической Единой Партии Германии Эриха Хонеккера. Но зайцев в это время под рукой не оказалось, и тогда важным гостям по совету одного егеря подкинули местную кошку. Бродячего кота, несмотря на его отчаянный визг, зашили в заячью шкуру, из которой торчали уши серого животного. Кота в заячьей шкуре выпустили на поляну прямо под светлые очи важных персон, началась стрельба, собаки, почуяв запах кошатины, подняли страшный лай. И кот, забыв со страху, что он не кот, а заяц, рванул к соседнему дереву и ловко забрался на его вершину. Хонеккер от удивления схватился за сердце: он не знал, что в России зайцы могут так резво лазить по деревьям. Уже потом, сидя за столом за бутылкой коньяка, как рассказывали очевидцы, вождь немецких коммунистов якобы сказал: «Какой же идиот был Гитлер, что напал на Россию, где зайцы лазают по деревьям!»

Вы скажете, что такие чудеса могут случаться только с видными персонами, руководителями государств. Но и в здешних тверских местах поговаривают, что из этих самых охотничьих лабазов легче лёгкого завалить кабана, приваженного егерями к кормушкам, а утиная охота, иногда превращается в просто спектакль: в охотохозяйстве одомашнивают диких уток, а потом во время охоты подбрасывают их охотникам. Ну, если попали, то утка их, а если нет, то она сама возвращается в свой домашний курятник. Довольны все - и охотники и егеря...

Дорогу на Грибель Василий нашёл быстро. Понятно, почему мы не заметили её в тот раз. Она настолько заросла, что превратилась в узкую лесную тропу. Только иногда угадывалась просека с остатками тележной колеи.

Василий идёт впереди и скупно роняет:

-Вот на этом лужке мы косили, это поле до революции принадлежало моему деду и прадеду, и этот кусок Макаровского озера тоже был наш: ловили рыбу.

Дед Василия - Фёдор был до революции крепким крестьянином, имел несколько коров, трёх лошадей («тогда лошадь в деревне - всё равно, что машина сейчас»). А после революции, естест-

венно, оказался кулаком. В семейных преданиях сохранились воспоминания о том, что новая власть пыталась отобрать все эти земли и покосы у деда Фёдора, и мать отца Василия будто бы ездила в Москву к самому Калинину, добилась у него приёма и привезла в Грибель охранную грамоту.

В одном месте в лесу мы останавливаемся - прямо на дороге огромная лужа с мутной глинистой водой, а вдоль неё - аллея совершенно необычных деревьев - верхняя часть их покрыта корой, а вот нижняя - совершенно голая, как будто кем-то отполированная до блеска.

- Это лечебница для кабанов, - останавливается Василий. - Вот в этой луже они вываливаются в глинистой воде, как в ванне, а потом трутся боками о деревья, вычёсывая разных паразитов. Настоящий санаторий.

Тропа идёт всё вверх и вверх, то лесом, то лугами. Пахнет грибами, мёдом и земляникой. Трава - чуть ли не по грудь, видно давно не косили. Я обернулся - позади нас, извиваясь, как змейка, бежала узкая протоптанная стёжка.

- А вот и Грибель.

Тропка выскочила из леса и упёрлась в почерневшую от старости бревенчатую стенку избы. Изб всего пять или шесть, но жилых только четыре. Правда, в них тоже уже никто не живёт.

Если верить старым картам, то деревня не такая уж и старая. Во всяком случае, её нет на карте Шмидта 1829 г., в то время как тогда уже существовали и Заболотье (с церковью), и деревни Макарово, и Осипово. Но на карте Шуберта (1840) деревня Грибель уже есть, причём не одна, а сразу две: Б. Гребель (нынешний Грибель), а южнее от неё М. Гребель. Есть эти деревни и на карте 1915 г., причём первая значится как Б. Гребли, а вторая - М. Гребли.

На правах старожила Василий ведёт нас по пустующей деревне. Время от времени он открывает калитку и, отыскав ключ под дверью, приглашает нас в избу.

- Неудобно, - топчемся мы, - без хозяев.

- Со мной удобно, меня тут все кличут комендантом Грибеля, я, почитай, последний уроженец этой деревни, вот и присматриваю за ней.

В домах - порядок: стоят телевизоры, кровати, на полу домотканые дорожки. Как будто хозяин только что вышел на улицу.

Вот такой встретила нас умирающая деревня Грибель

Но это уже не жилая деревня: жила тут летом одна хозяйка - баба Маня, да её укусила собака, и бабу Маню отвезли в Андреапольскую больницу. И её изба пахнет сыростью, одиночеством и запустением. Знать, у Грибеля такая же незавидная судьба, как и у многих других тверских деревень.

Изба самого коменданта Грибеля ничем не отличается от других - такая же небольшая, с низкими потолками и маленькими окнами с треснутыми стёклами. В углу стоит медовый сепаратор - Василий заядлый пчеловод и имеет свою пасеку.

Мы пьём чай с удивительно вкусным и ароматным мёдом из грибельского разнотравья и рассматриваем семейные фотографии. Вот Василий в матросской форме - служил на флоте, вот он - счастливый и весёлый со своей первой женой, когда судьба занесла его в Петербург. Да, не случайно прозвали его односельчанин Мейсоном - на фото он выглядит не мужиком из умирающей деревни Грибель, а этаким западным джентльменом с интеллигентным овалом лица и тонкими красивыми губами. Понятно, что Надежда именно его выбрала себе в мужья.

Мы сидим и разговариваем о жизни, о судьбе деревни, о его работе в аксёновских мастерских, где его высоко ценят. У мужи-

ка золотые руки - за что бы ни взялся, всё получается («мне всё - нипочём»). И всё-таки нет покоя у него на душе, тоскует он по какой-то другой, ему самому неведомой жизни. Да и в семье что-то не ладится - не любит, когда им командуют. Но ведь семья - это не мастерская, где распоряжается заведующий, в семье часто командует жена, и надо тоже уметь подчиняться. Но он не умеет. И хочет какой-то непонятной свободы, которой тоже не знает как распорядиться. Вот так он и тоскует в одиночестве в своём родном Грибеле. И понимает, что жизнь тянет его не туда.

И когда я спрашиваю его, не появляются ли в Грибеле бомжи, он удивлённо смотрит на меня:

- Какие ещё бомжи? Я и есть самый что ни на есть настоящий деревенский бомж.

И это говорит человек, у которого 6-й разряд по сварочным работам («когда надо, за мной зав. мастерскими в Грибель машину присылает»), имеющий дом в Аксёнове, а заодно и мотоцикл и даже легковую автомашину. Вроде всё есть, но в душе всё равно беспокойно, а в жизни чего-то не хватает.

В избе с обклеенных старыми газетами кухонных стен на нас ласково смотрит с предвыборного плаката улыбающееся лицо Николая Николаевича Баранника - главы андреапольской администрации.

- Я за него голосовал, - говорит Василий.

- Ну и как?

- А кто его знает...

Деревня Грибель расположена на холме, а прямо перед ней расстилается обширный луг, где раньше пасли коров. По нему с юга на север вьётся тоненькая нитка маленького ручейка. Это и есть Грибельский ручей. Василий показывает нам род-

Последний житель деревни,
«комендант» Грибеля -
Василий Серебреников

ник - вода в нём холодная и чистая. Это у самой деревни. Но русло ручейка тянется дальше за деревню, к далёкому лесу.

Вместе с Василием мы идём по его берегу, пока не упираемся в лесные заросли.

* * *

В тот приезд нам так и не удалось исследовать верховья Грибельского ручья. Только через полтора года мы снова оказались в этих местах. Полтора года - не такой уж большой срок, но сколько перемен произошло за это время в жизни Василия и деревни тоже. Встретившись с Василием, мы не узнали его - перед нами стоял молодой полный сил и здоровья мужик. Куда девался его живот, опухшее и небритое лицо. Теперь он ещё больше походил на красавца Мейсона из американского телесериала.

- Всё, завязал, - разъяснил нам суть перемен Василий. - Надоело жить, как во сне. Не пью я больше.

Мы зашли в грибельскую избу Василия и не узнали её - в избе полный порядок, постелены коврики, стоят диван и кровати, повешено зеркало, в углу - икона, накрытая рушником, а на стенах - фотографии, вырезанные из цветных журналов. Только с предвыборного плаката всё также ласково улыбался со стены Николай Николаевич Баранник.

Есть перемены и в деревне - теперь она полностью во мгле - электрики обрезали провода, и избы погрузились в сплошную беспросветную темноту. Этим воспользовалось местное зверьё - на деревню по ночам нападают целые полчища кабанов, да и медведь тоже повадился ходить к избе Василия («у меня там пчёлы - как бы не разорил улья»). У соседа - Валерия Ивановича кабаны разорили весь огород, и он, защищаясь от них, врыл в землю высокие, как противотанковые заграждения, столбы, и на натянутую проволоку навесил пустые консервные банки, чтобы отпугивать ночью непрошенных гостей. В общем, держит круговую оборону, как в своё время наши воины на передовой в годы Великой Отечественной войны. Война идёт с переменным успехом: вся земля вдоль огорода изрыта недовольными кабанами.

Входя в избу, я подумал, что не иначе как Василий помирился со своей женой Надеждой - такой порядок в избе без женщины не наведёшь. Но он разочаровывает меня:

- Да нет, так всё по-старому и осталось: разные мы люди да и гороскопы у нас разные.

Сейчас Василий живёт и работает в Андреаполе - варит чугунные изгороди и ворота и вроде доволен своей жизнью. Впрочем, в своём нынешнем состоянии он менее разговорчив, чем раньше, а что у него на самом деле на душе - не разберёшь.

Новый Василий нам нравится больше - спокойный, помолодевший, немногословный, с каким-то внутренним достоинством и доброжелательностью, которые вызывают искреннее уважение.

Он сам вызвался нам помочь в поиске истока Грибельской речки и исследовании ручьёв, впадающих в Макаровское озеро. Без него с этой задачей один Сержант вряд ли справился бы.

В озеро Макаровское с запада впадает довольно большая река - Никитиха, южнее, уже при выходе из озера, с востока в Волкоту вливается её другой приток - речка Лиговка. А с севера, со стороны Валдайского водораздела, в озеро впадают ещё три ручья, названия которых никак не обозначены на картах, но которые различаются по названиям местных деревень, стоящих на их берегах: Грибельский (д. Грибель), Осиповский (д. Осипово - не сохранилась), Заболотский (д. Заболотье).

Речка Лиговка как начало Волкоты отпадает сразу - она левый приток Волкоты. Что же касается Никитихи - довольно протяжённой речки, то, по мнению некоторых андреапольских краеведов, она как раз и является рекой Волкотой. Но на картах она уже давно значится как Никитиха по названию некогда расположенных на её берегах одноимённых деревень.

Природа действительно обделила Андреапольский район истоками больших рек: Волга начинается в Осташковском районе, Зап. Двина - в Пеновском. А в Андреапольском начинаются только небольшие речки, вроде Волкоты. Обидно. Наверное, поэтому и появилась версия о том, что вроде бы и Зап. Двина начинается не там, где её исток обнаружила наша экспедиция двадцатилетней давности, а сама Волкота - это ни что иное как начало Зап. Двины.

Это желание приблизить истоки рек к своему району можно понять, но вряд ли оно приведёт к каким-то конкретным результатам. И вообще, говоря об истоках рек, можно сказать, что свои названия они часто получали совсем не в соответствии с научны-

Кабанья «лечебница» в верховьях Волкоты

ми критериями - протяжённостью, высотой над уровнем моря, объёмом сбрасываемой воды и т.д. В те времена (особенно, когда открывались истоки многих рек (особенно малых), их называли по совершенно другим признакам, в том числе и по названию деревень, которые стояли на их берегах, или другим особенностям для различения одной речки от другой. Иногда в дело вмешивались церковные власти. И на истоке Днепра, и на истоке Волги издавна воздвигались монастыри, церкви и часовни, как бы освящая собой исток и подтверждая истинность народного выбора, а все не потому, что, например,

Верхневолжский ручей был самым протяжённым и полноводным. Если бы мы сейчас стали перекраивать названия истоков - какая бы вакханалия началась на наших географических картах.

Значит, Никитиха тоже отпадает. Она всегда была Никитихой и может претендовать только на название правого притока Волкоты.

А где же начинается сама Волкота? Я уже писал, что наш выдающийся географ П.П. Семёнов-Тян-Шанский утверждал: Волкота проходит сквозь озеро Макаровское. Значит, её исток надо искать выше озера, среди ручьёв между дд. Грибель и Заболотье: Грибельского, Осиповского и Заболотского. Вот один из них и может претендовать на звание Волкоты. Но какой?

Подобная же картина была и тогда, когда мы искали исток Зап. Двины. Там тоже в озеро Двинец вливалось несколько ручейков, но её истоком был признан только один - самый полноводный и самый протяжённый. И там, как Волкота через Макаровское, он проходил через озеро Охват, чтобы окончательно вылиться оттуда в качестве полноводной реки.

Исследование этих трёх ручьёв на севере Макаровского озера взяли на себя Сержант и Василий.

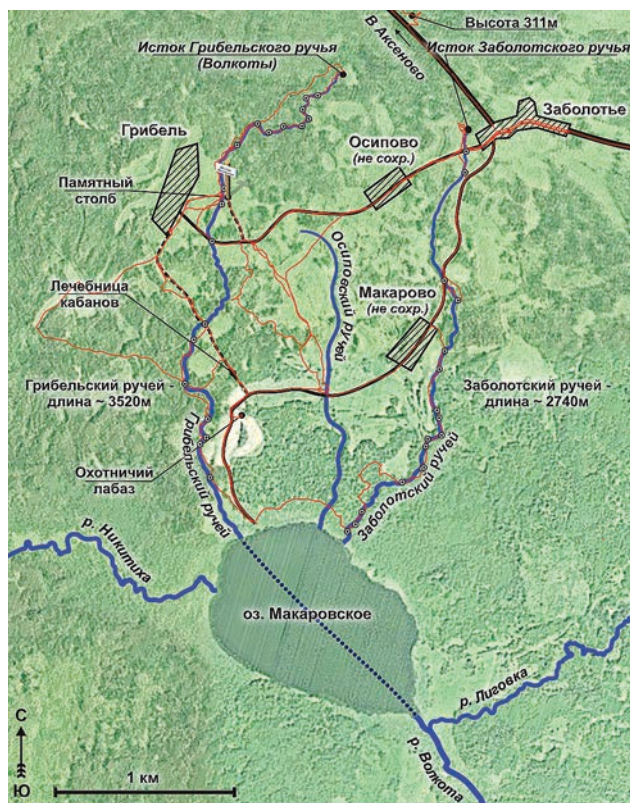
Современный километровый атлас Тверской области нам ничем не помог. На нём были указаны только два безымянных ручейка, протяжённость которых даже курвиметром не определить. Пришлось прибегать к крупномасштабной спутниковой карте этого района (см. в тексте).

Из трёх ручьёв для исследования годились только два - Грибельский и Заболотский. Осиповский не выдерживал конкуренции: он был меньше всех по протяжённости и начинался намного ниже предыдущих. Значит - или Грибельский или Заболотский. Но какой из них?

С помощью спутникового навигатора Сержант с Василием сначала исследовали Заболотский ручей: он начинался прямо рядом с д. Заболотье в небольшом болотце. Пришлось пройти его от истока до устья, нанося на навигаторе точки для определения расстояний. Идти вдоль ручья было сложно, и иногда наши исследователи отходили от русла, чтобы потом снова вернуться на берег. Таких точек на навигаторе было зафиксировано не менее пятидесяти.

Охотхозозяйство «НОРМИКС». С таких охотничьих лабазов, построенных вдоль овсяных полей, ведётся охота на медведей

Карта исследования протяженности Грибельского (р. Волкота) и Заболотского ручьев с помощью спутникового навигатора. Снимок сделан из космоса.

- Проселочная дорога
- - - Тропы
- Точка выхода на русло реки
- Маршруты пеших экспедиций
- Направление тека Грибельского ручья (р. Волкота) по Макаровскому озеру до его истока из озера

Определение протяженности Грибельского ручья (Волкоты) и Заболотского ручья с помощью спутникового навигатора. Красной линией указан маршрут исследователей

Вернувшись в Грибель, Сержант торжественно объявил результат с точностью до метра: длина Заболотского ручья составила 2740 м. Чем же ответит Грибельский ручей?

Мы уже просчитали его протяженность от Макаровского озера до д. Грибель. И идём от деревни вверх по ручью, чтобы наконец-то добраться до самого истока. Узенькая речка юркнула в заросли и исчезла в еловом лесу. Мы часто обходим болота и перепрыгиваем речку с берега на берег - она здесь неширокая: не больше метра. Но тёмная вода стремительно бежит по руслу, заваленному еловыми

пишками и стволами поваленных деревьев, скачет по камням, шумит в прошлогодних листьях. Жёлтые листочки весело плывут по воде и, натываясь на камень, выплёскиваются на его верхушку, да так и остаются лежать там до новой большой воды.

Берега речки сплошь поросли орешником, ветви кустов с разных берегов сплетаются где-то в вышине, и, кажется, что река те-

чёт по дну большого зелёного туннеля. По временам Василий останавливается и роняет:

- Плохой нынче уродился орех. Не то, что в прошлом году.

- А вот смотрите - ещё одна лечебница для кабанов, - и кивает на гладко отполированные корни ели. У нас их тут развелось - видимо-невидимо.

Пошёл дождь, и лес затянуло тёмной серой сеткой.

А ручей всё бежал, всё манил нас в глухомань и, кажется, не было ему конца.

- Где же начинается этот ручей? - пристаём мы к Василию.

Но он только пожимает плечами и машет рукой куда-то вперёд.

Сержант держит в руках навигатор, который отщёлкивает метры нашего маршрута: на нём цифра - 2355 м.

- Мало, - говорит Дима. - Пока Заболотский ручей длиннее.

Василий смотрит на нас с ухмылкой:

- Да туда ещё топать и топать...

А ручей бежит всё дальше и дальше, словно заманивая нас в чащобу. Иногда мы сворачиваем с его русла и обходим обширное болото, но потом снова возвращаемся к ручью.

Навигатор щёлкает: 2530, 2657 м.

Неужели Грибельский ручей короче Заболотского? Значит, там, возле Заболотья, исток Волкоты?

А Василий ведёт нас всё дальше и дальше. Он родился и вырос в этих местах и знает здесь каждую тропку. Мы едва поспеваем за ним.

Вдруг Сержант замирает и торжественно объявляет:

- 2743 м - на 3 метра больше Заболотского.

Вздых радости и облегчения вырывается у нас:

- Значит, всё-таки Грибельский, как мы и предполагали с самого начала. Значит, это и есть исток р. Волкоты.

Но мы ещё долго идём вперед, пока не останавливаемся перед заросшим болотом, окружённым холмами. Ручей исчез, растворился в нём, только с края болота блестят струйки воды, и видно русло крошечного ручейка.

Сержант колдует над навигатором, и, наконец, торжественно объявляет: длина Грибельского ручья от устья до истока 3520 м - на 780 м больше Заболотского ручья.

Мы обнимаемся и жмём друг другу руки. Хотели на радостях качать нашего проводника, но побоялись уронить его прямо в болото.

Не только протяжённость, но и другие данные говорили в пользу Грибельского ручья. Он стекает с одного из самых высоких в этих местах отрогов Валдайской гряды: на северо-востоке, всего в трёхстах метрах от истока Грибельского ручья зафиксирована возвышенность высотой в 311 м над уровнем моря. Сержант отыскал эту точку - самую высокую на этом участке Грибельско-Заболотской водораздельной гряды.

И, наконец, ещё один аргумент: если посмотреть на карту Макаровского озера, то все ручьи вливаются в него под определённым углом к истоку Волкоты из озера. И только Грибельский впадает в озеро строго напротив устья Волкоты, проходит по его дну и вливается в Волкоту, которая является как бы его естественным продолжением. Как считает Сержант, Макаровское озеро - это широко разлившееся русло реки Волкоты.

Всё, исток Волкоты найден. Значит, мы добились своего, значит, не зря были все наши лишения и трудности, с которыми мы столкнулись в пути. И наша мечта - найти исток этой речки - наконец-то осуществилась. Вот это, наверное, и есть счастье. Но тут подал свой голос до того молчавший Соловей.

- А как же туристы доберутся до этой глухомани? Тут ведь даже тропы нет, одни болота.

Устами младенца, как говорится, глаголет истина. Все посмотрели на Василия.

- А зачем сюда идти туристам? Этот ручеек и так пересыхает в сухую погоду, считай до самой деревни. У родника надо ставить столб, у родника.

Он ведёт нас обратно к деревне, на окраине которой в глубоком овраге течёт маленький ручеек. А перед оврагом расстилается луг, окаймлённый высокими берегами. Такое впечатление, что раньше в этом месте было довольно большое озеро.

- Я этого не помню, - говорит Василий. - А вот, что в этом месте мы в детстве делали плотину - так это так. Вон там внизу, где родник, запружали узкий овраг камнями и обмазывали белой глиной. Получалась запруда. Вода доходила до пояса, и мы любили плескаться в этом маленьком озёрке.

Вот и В. Даль тоже определяет слово «гребля» как гать, плотина, запруда, насыпь или вал от воды. Так что, хоть Василий и не помнит, но озеро когда-то здесь было и, наверняка, в этом са-

мом месте, где на дне оврага бьёт сильный и чистый родник.

Выше родника ручей в засушливую погоду действительно высыхает, а родник - никогда: даже в самую сильную сушь из него тянется маленькая ниточка прозрачной родниковой воды.

Место, выбранное для памятного столба, и впрямь подходящее - на высоком берегу оврага прямо над самым родником. Отсюда хорошо видна деревня Грибель с покосившимися домами и дорога из деревни на Заболотье, к которой от столба ведёт сухая луговая тропа.

Сержант приносит из деревни столб, и мы долбим землю косо-гора маленькой сапёрной лопаткой. Столб с каждым ударом все глубже уходит в землю.

Я достаю приготовленную ещё в д. Жуково табличку с надписью чёрной краской по белому фону: «Исток р. Волкоты. Группа краеведов под руководством А.С. Попова. Г. Андреаполь. 8 августа 2008 г.».

Потом всё было так же, как и во время нашего открытия истока Зап. Двины. Сержант вынимает из рюкзака купленную ещё в Андреаполе бутылку шампанского и разливает по кружкам. Мы чокаемся, и под трехкратное ура, пьем остужённую в родни-

Вот так выглядит начало реки Волкоты

Исток реки найден! Памятный столб на берегу р. Волкоты

ке пенящуюся жидкость и фотографируемся у столба на память.

Всё. Поход закончен, исток Волкоты открыт.

Мы садимся на бугор возле столба и смотрим вниз, на дно оврага, где в роднике крутятся и беснуются песчинки уже не просто Грибельского ручья, а лесной речки Волкоты - притока Зап. Двины, берущей начало в этих безлюдных местах. Немного грустно, что дело сделано, что уже нечего больше искать и не надо бродить по заросшему болоту в поисках маленького лесного ручейка.

Василий смотрит на долину, по которой течёт Волкота, и мечтательно произ-

носит, видимо, вспомнив своё далёкое детство.

- Если здесь запрудить речку, то в озеро можно бы было запустить малька, разводить рыбу...

- А за чем же дело?

- Да тут все земельные паи уже скуплены, раньше надо было думать.

Вот так у нас всегда: любим мы помечтать о чём-то хорошем, достойном, но как только дело доходит до конкретного свершения, так сразу нам что-то начинает мешать, чтобы его осуществить. Я уже не первый раз слышу об этой мечте Василия и думаю, что в ней где-то на генетическом уровне теплятся давние детские воспоминания о запруженном озере и мечта о том, чтобы сделать что-то полезное для своей умирающей деревни.

Впрочем, почему умирающей? Если приложить определённые усилия (а Василий мастер на все руки), то и впрямь можно превратить этот глухой уголок в замечательное место для семейного отдыха, благо пустующих изб в деревне ещё предостаточно, запрудить речку и зарыбить озерко, организовать совместно с охотохозяйством охоту на кабанов и медведей, а на озере Макаровском - знатную рыбалку. Есть у Василия и своя пасека - развивай пчеловодство на местном волшебном разнотравье, да и потчуй им прибывающих гостей. И наш знак на истоке Волкоты тоже может привлечь сюда группы туристов: ну кто же откажется посмотреть этот памятник природы, выпить водички из чистого родника. Всё это помогло бы оживить забытую богом деревеньку.

Но жизнь так устроена, что на пути встаёт тысяча самых неожиданных и трудных препятствий, и я не уверен, что «комендант» Грибеля сможет добиться осуществления своей мечты.

Но если он это не сделает, то его родная деревня, где он родился, и где прошло его детство, постигнет такая же участь, как и десятки других умирающих деревень.

Обидно.

С словарём В.И.Даля в рюкзаке Деревня Грибель

Деревня у истока реки Волкоты. Своё название, как считают топонимисты, получила от слова гребля - плотина, гать, т.е. селение у плотины, гати. Деревня расположена на одной из самых высоких в этой местности точек Валдайских отрогов, где проходит водораздел между бассейнами рек Ловати и Зап. Двины. Местность холмистая. Здесь начинаются многие реки Европейской части России, проходил древний волок через водораздел. По всей вероятности, ранее грибельский ручей был перегорожен плотинной и протекал через небольшое озерцо, следы которого и сейчас видны возле деревни. Но возможны и другие варианты происхождения названия, связанные с гористым характером местности - от гребень, гривы: «узенькая и невысокая, длинная возвышенность, особенно в пойме реки, разделяя её русла; водоразделы, по которым проложена дорога» (Э. Мурзаев). Сейчас от деревни осталось несколько изб, в которых зимой никто не живёт.

Здесь, где грибится ¹гора, -
Начинается река.
Как с грибной² и скользкой шляпки,
С гривы³ вниз несутся капли:
Что на север, то в Ловать,
Ни за что их не догнать.

Что на юг - то в Волкоту,
Капли катятся в реку.
С гребля⁴ грибельской скатились,
Ну и в озеро⁵ ввалились.
Здесь всего до Грибеля
Километра полтора.

Ручеек настолько мал,
Что в траве не виден сам.
И не слышно бормоты,
Как у речки Волкоты.
Тишина в деревне Грибель,
А грибов здесь просто гибель.

Ну, а капли, что с холма,
Все скатились вниз - куда?
Эта в Ловать, та в Двину,
А куда - я не пойму.
Было время - сколь ни лей,
А водой их не разлей.

Я уверен, где-то в море
Капли встретятся без горя.
Ведь они как две сестры
И с одной они гряды.

На вопрос: «Откуда родом?»
Они скажут, не тая:
»Мы родились за болотом,
Мы отсюда, с Грибеля».

¹ Грибится (твер.,пск.)- «морщиниться лицом».

² Гриба- «нанос песку уступом... или, значит, морщинка в песке».

³ Грива - «хребет, гребень, гряда, ребро; релка, несколько возвышенная гряда местности по низменности, по болоту, веретя; узенький и невысокий длинный хребетик».

⁴ Гребля - «гать, плотина»; гробля - «ров, канава (грести, рыть)».

⁵ Имеется в виду Макаровское озеро. - А.П.

Разговор с патриотом Андреапольского края

Шутка

Так уж получилось, что природа обделила Андреапольский район истоками Великих рек - Волга берёт начало в Осташковском районе, Зап. Двина - в соседнем Пеновском. Многие андреапольцы с этим не согласны, считая, что и Волга и Зап. Двина начинаются не там, где обозначены на карте. Возможно, они и правы. Поэтому я прошу андреапольцев не обижаться, а отнестись к этому шуточному стихотворному разговору с юмором и улыбкой. Тем более что такая замечательная и прекрасная река как Волкота, как мы установили, точно начинается в Андреапольском районе.

Все реки начинаются у нас
В горах Валдая слышен шум и стоны,
Бегут по камням резвые струи.
И спорят сельсоветы и районы -
Соседей эти речки, иль свои?

»Откуда же берутся эти речки? -
Хотел спросить я мнение у Вас. -
Здесь из варяг шёл водный путь во греки...
»Все реки начинаются у нас».

»Но Волга ведь идёт из Волговерха -
Стоят там храм, кресты, иконостас».
»Да в Жукопе её исток, не в Верхе.
Все реки начинаются у нас».

»Что, и Двины исток не там, где надо.
И что течёт она не так сейчас?»
»Да в Волкоте и был исток когда-то.
Все реки начинаются у нас».

»А где же Волкоты той есть начало?
На ней с друзьями были мы не раз».
»В Ульяновских озёрах - не престало
Рождаться ей вдали от наших глаз».

»А карты - как? Ведь в них всё по-другому».
»А карты эти тут нам не указ.
Названия переправим по-иному,
Раз реки начинаются у нас».

В горах Валдая слышен шум и стоны,
Бегут по камням резвые струи.
И спорят сельсоветы и районы -
Соседей эти речки или чьи?

Грибельский ручей

*Звонкая песня струится с вершины Валдая,
В горных увалах и в чудном раздолье полей.
Если вы спросите, я скажу вам, что знаю,
Где затерялся волшебный Грибельский ручей.*

*В лунном сиянье, где дымка ночей серебристых
Выткала в небе лучами косыми узор,
Этот ручей с бормотаньем, журчаньем струистым
Слушает леса душевный, глухой разговор.*

*Уж наступило в краю долгожданное лето.
Вот и приходит последний походный денёк.
Вьётся, как змейка, в ложине, затерянной где-то,
С звонкою песней Грибельский лесной ручеёк.*

Я вернусь

*Перелесок и поле,
Дремлют в солнце луга.
Говорю на просторе
Я деревне: пока.*

*Здесь с ручьём я встречался -
Серебристой косой.
Утром здесь умывался,
Бегал в детстве босой.*

*Я уеду, но скоро
В край заветный вернусь,
Где дыхание бора
Унесёт мою грусть.*

Есть ли у деревни будущее? *Размышления у истока*

Вот и окончилось наше путешествие. Мы сидим возле памятного столба с надписью «Исток реки Волкоты». Из под ног маленькой змейкой вьётся из родничка крошечный ручеёк и, прошелестев в траве, скатывается в заросшую лощину. Отсюда хорошо видны окрестности Грибеля, долина реки Никитихи, тёмная стена леса возле Макаровского озера. И вспоминается весь наш поход по этой удивительной и сказочной реке Волкоте: тихие озёра, неоглядные болота, сосновые боры, вечерние закаты над заливными лугами, стук дождя по палатке.

Но к этим чувствам удивления, восхищения и преклонения перед неземной красотой примешиваются и другие, грустные чувства и тревожные мысли. Они каждый раз возникали, когда мы проезжали мимо мёртвых опустевших деревень, заросших кустарником и лесом полей, ободранных остовов когда-то стоявших здесь животноводческих ферм, разрушенных погостов со сникшими крестами. Всё это выглядело дико и неестественно на фоне вечерних закатов, древних могильников и курганов.

Однажды встретил я своего старого знакомого из соседней деревни Баканово - Василия Ивановича. Он родился и вырос в этой деревне, ушёл отсюда на фронт, ветеран Отечественной войны, человек бывалый.

Разговорились.

- Что же будет с деревней? - спросил я его.

Василий Иванович хмуро посмотрел на меня и махнул рукой.

- А ничего не будет. Нет уже деревни...

И, не попрощавшись, пошёл своей дорогой.

Этот разговор с ветераном я постоянно вспоминал во время наших путешествий по озёрному краю и старался понять - прав или не прав ветеран и есть ли вообще будущее у тверской деревни?

Как же так получилось, что деревня, которая всегда была опорой России, откуда Отечество черпало, казалось, неиссякаемые людские ресурсы, деревня, которая за счёт собственного обнищания строила города и создавала невиданное могучее государство, которая дала стране столько выдающихся воинов, учёных, писа-

телей и поэтов - обезлюдела, опустела, вымерла и доживает последние дни? Как получилось, что мы растеряли, пустили на ветер это накопленное нашими предками бесценное богатство?

Мы проехали только по одной небольшой лесной речке Волкоте, но сколько их, таких обезлюдивших и опустевших речек и деревень по всему Тверскому краю, как будто вымерших после мора или военных набегов?

Как же так получилось, что ветеран Великой Отечественной войны, освободивший пол-Европы, - старейший житель д. Грибель Фёдор Фёдорович Крылов, сумел отстоять своё Отечество и свою родную деревню от иноземных захватчиков, но не смог уберечь её здесь, на своей земле от внутренних невзгод и напастей?

Нечерноземная деревня умирала долго и мучительно, и не в один год и не при одном правителе. Их было много, этих правителей, режимов и революций, различных экспериментов, решений, постановлений и продовольственных программ. Но все они исходили не из нужд и потребностей самой деревни и тех, кто в ней жил, а из каких-то умозрительных, часто совершенно оторванных от жизни, а иногда и просто губительных для села политических задач. Крестьян столько раз обманывали, что, казалось, они уже перестали верить всему, к чему призывала их власть. Сначала после революции 1917 года большевики обещали «всю землю крестьянам», украв этот лозунг у эсеров и за счёт этого победив в кровопролитной гражданской войне, потом эту землю отобрали и приступили к ликвидации кулачества как класса, очистив деревню от самой активной и работоспособной её части, на которой, в сущности, и держался весь деревенский уклад; потом, «пограбив награбленное», всех согнали в колхозы, фактически лишив крестьян главной собственности - земли; начали переделывать «нехороший» класс крестьян под «передовой» пролетариат, устранять различия между городом и деревней, проводить за счёт села индустриализацию; затем какому-то умнику пришла идея покончить с малыми неперспективными деревнями, которые всегда были опорой села в наших бедных пахотной землёй местах, строить в «перспективных» деревнях многоэтажки для «улучшения» быта сельских тружеников.

Это ж надо до такого додуматься - чуть ли не всю деревню загнать в одну пятиэтажку без приусадебных участков, подсобных

хозяйств, хлевов. И всё это - под лозунгами заботы о сельчанах, их культуре и благосостоянии...

Свою лепту в гибель деревни внесли и ельцинские демократы, это они провозгласили лозунг, что деревне не надо выделять средств на восстановление, что крупные коллективные хозяйства - это «чёрная дыра», что деревню спасут только фермеры, по существу бросив село выживать самому в условиях резко подскочивших цен на топливо, сельхозтехнику, удобрения и комбикорма. Сколько сейчас работает таких фермеров в Андреапольском районе? Немного.

Деревня пустела и деградировала постепенно, выдержав и коллективизацию, и Великую Отечественную войну, строя Днепротэс и Магнитку, осваивая космос и создавая промышленные гиганты. Как могла, деревня сопротивлялась. Многие населённые пункты прекратили своё существование только в 1950-60 гг., другие, как Тюково, Волкота и Коростино, дожили до 1970-80 гг.

В Коростино в одной заброшенной избе с проваленным потолком и крышей мы увидели стены, заклеенные обрывками старых газет. На одной из них ещё можно было разобрать текст постановления Совета Министров РСФСР и ВЦСПС о развитии соревнования по дальнейшему благоустройству городов и сёл в честь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина: «Украсим города и сёла!» Стало быть, ещё в 1970 г. здесь жили люди, а на разобранном кем-то полу сиротливо валялась разбитая крынка и детский сапожок на резиновой подошве.

Другие деревни умирали у меня на глазах уже в 1990 и начале 2000 годов: Ольховец, Антаново, Абаканово...

На реке Волкоте ещё в начале XX в. значилось около 30 деревень, хуторов, мыз. Сохранилось только 6, т.е. пятая часть. В лучшем случае от исчезнувших деревень остались одни «печища», как называют местные жители остатки печных труб, или заросшие крапивой фундаменты, большинство же просто исчезли, растворившись в заросших полях и лесах, как эстонский хутор Лухнево недалеко от озера Бойно или как маленькая русская деревенька Байково возле д. Жуково.

И всё чаще и чаще, как последние из могикан, встречаются в ещё не разрушенных, но уже умирающих деревнях их последние жители: последний житель Гривеля, последний житель Ольховца,

последний житель Абаканова, последний житель Мишутино. Уйдут они из жизни - и всё: никто и не вспомнит о тех, кто когда-то жил в этих деревнях, да и о самих названиях вскоре тоже забудут. Одновременно с исчезновением деревень на селе шёл ещё более страшный по своим последствиям процесс - крестьянин постепенно отрывался от земли, исчезал многовековой сельский уклад со своими обычаями, духовными и нравственными ценностями, которыми всегда отличалось русское крестьянство: любовь к земле, природе, открытость, гостеприимство, трудолюбие, честность, уважение к семье и старшим, к своей особой сельской культуре, основанной на народных традициях.

Почти целое столетие власти разрушали самое ценное, что было в крестьянстве - любовь к земле, умение и желание работать на ней, чувство хозяина. Ещё в конце XIX в. знаток российской деревни Глеб Успенский писал: «Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, - добейтесь, чтобы он забыл «крестьянство», - и нет этого народа, нет народного мирозерцания, нет тепла, которое веет от него. Остаётся один пустой аппарат пустого человеческого организма. Настаёт душевная пустота, «полная воля», то есть неведомая пустая даль, безграничная пустота, страшное «иди, куда хошь».

Ах, как метко сказано - как будто Глеб Успенский побывал в нашей современной деревне. Как же глубоко чувствовали и знали душу русского крестьянина эти наши русские писатели, как переживали за его будущее.

Но власти не прислушивались к их предостережению. На протяжении всего последнего века они только и знали, что отрывали крестьян от земли, разрушали мир русской деревни, отучали сельских жителей от «крестьянства», сначала загнав его в колхозы, а потом, дав ему «полную волю» и кинув на произвол судьбы - «иди, куда хошь».

Сейчас в любой деревне, где мы побывали, как только начинаешь разговор, сразу всё сводится к земельным паям. Земля всегда была в деревне большой ценностью, особенно в таких бедных пахотными угодьями местах, как северо-запад Тверской области.

Паи - это тоже изобретение демократов. И вроде бы идея здравая - раньше колхозники не имели своей земли, всё было общее, т.е.

ничейное, а теперь с ликвидацией колхозов и совхозов власти решили сделать всех жителей собственниками, наделив каждого земельным паем. Получилось где-то от 5 до 7 гектаров на каждого (включая пенсионеров, учителей и медиков). Казалось бы, радоваться надо - все жители разом стали хоть маленькими, но собственниками. Но не тут-то было: хотели как лучше, а получилось как всегда. Потому, что ты вроде обладаешь землёй, но обработать свои гектары не можешь: или ты старый и больной, пенсионер, или техники у тебя нет. Поэтому многие передали свои пай родному колхозу в пользование. Но были и те, кто решил их продать.

И вот тут-то в деревне и появились перекупщики, началась спекуляция паями. В общем, наступил новый передел земли. Земли скупались в основном по берегам рек и озёр, и цена паёв была разная.

В Аксёнове местная библиотекарьша жаловалась, что продала свои пай за бесценок.

- А по чём продали-то? - спрашиваю.

- Да, считай, даром - 25 тыс. рублей. Разве это цена?

Действительно, в других местах, особенно по берегам рек и озёр, цена выше. В д. Бобровая Лука охотхозяйство скупало пай и по 100 и по 200 тыс. рублей. Есть разница?

Спекуляция паями достигла таких размеров, что лишала бывшие колхозы и совхозы, а ныне крестьянские и фермерские хозяйства (КФХ), сельские производственные кооперативы (СПК) и т.д., самой «собственности», с которой они не знали, что делать.

Продажа паёв привела к сокращению пашни в хозяйствах, к перекупке паёв и их переуступке другим владельцам. И теперь зачастую вообще неизвестно - кому они принадлежат. По статистике у нас в стране около 50% бывшей пашни вообще «гуляет», и она зарастает теперь уже даже не кустарником, а спелыми здоровыми деревьями. А крестьяне опять оказываются без земли, хоть снова поднимай на щит старый большевистский лозунг: «Всю землю - крестьянам».

Резко сокращается и поголовье скота как в общественном, так и в лич-ном хозяйстве. Было время, когда Тверская область славилась молочным производством, сыроварением и маслоделием. Брат нашего знаменитого художника В.В. Верещагина - известный деятель в области молочного хозяйства Н. Верещагин успешно зани-

мался в конце XIX в. организацией в деревнях сыроварен и молочных хозяйств. Он специально ездил в Швейцарию, чтобы перенять опыт швейцарских сыроваров, а затем в селе Единоново Тверской губернии открыл в 1871 г. и первую русскую школу молочного животноводства и первую деревенскую сыроварню.

Вскоре сыры Верещагина стали известны не только у нас, в России, но и за рубежом. Они завоёвывали медали на всемирных выставках и даже превосходили по качеству швейцарские сыры. В одной деревне я спросил, а делают ли сейчас сыр в деревнях?

- Какой там сыр, когда солярка дороже молока? - удивлённо посмотрели на меня. - Сыр дешевле купить на рынке.

Несколько лет назад возле моего дома в Жуково паслось большое стадо крестьянских коров - десятка два не меньше. По утрам хозяйки выносили на дорогу бидоны с молоком. Они стояли, как солдаты, вдоль всей дороги и ждали, когда их опрокинет в свой бак шофёр молоковозки. Молоко было в цене, и его выгодно было сдавать молокозаводу.

- А сейчас? - спросил я у соседки.

- А сейчас все молокозаводы перешли на дешёвый импортный порошок. И перестали брать цельное молоко. Да и коров-то в нашей деревне не осталось.

Действительно, жуковское коровье стадо с каждым годом таяло на глазах. Год назад баба Надя продала свою корову на мясо, и теперь во всей деревне осталось только две коровы - как раз у моей соседки.

- Старая я уже стала - нет сил держать корову, да и сено дорого, - говорила баба Надя, прощаясь со своей коровой. А слёзы так и текли по её морщинистым щекам.

В деревне, если нет коровы, то ты вроде бы и не хозяин.

Только за один год поголовье скота в Тверской области уменьшилось с 17 до 10%. А по всей России, согласно последней Всероссийской переписи населения (2006 г.), только 5% населения держат корову. А остальные крестьяне получили «полную волю».

Животноводство всегда было одним из немногих прибыльных отраслей в здешних местах, богатых лугами и сенокосами. Но сейчас и оно деградирует с каждым годом. Да и как оно может развиваться при таких ценах на молоко, высоких затратах на содержание стада да низкой производительности труда. Только за первое

полугодие 2007 г. по сравнению с прошлым годом по сельскохозяйственным предприятиям Андреапольского района поголовье уменьшилось на 346 голов, надой на одну корову на 138 кг. Да и что там говорить, когда в конце 2008 г. по всему Андреапольскому району в личных подворьях насчитывалось всего 500 коров.

Крайне низки показатели и по хозяйствам. Так, по сельскому кооперативу «Студеницы» коров вместо 41 к 2007 г. стало 35, надой за полугодие составили 718 кг, а мяса продали всего 300 кг.

Ну, о какой же эффективности может идти речь, когда в США, например, удои составляют по 10 тонн молока на одну корову, а один фермер может содержать 100 голов скота. Это, значит, обслуживать в одиночку три такие хозяйства, как «Студеницы».

Странное дело, но при всём этом угасании и деградации деревни она ухитрялась выживать, как бы ей плохо не было, и что бы с ней не вытворяли. Колхозы и совхозы - распались, а деревня живёт, коровы все уже проданы на мясо, а она всё равно живёт, земельные паи пошли по рукам, но всё равно ещё светится свет в деревенских окошках.

Потому что деревня давно уже привыкла работать на себя. И даже оставшиеся бывшие совхозы и колхозы работают не на закрома Родины, а тоже на себя да на своих односельчан и их огороды. Выживает, потому что у крестьян есть то, чего нет у большинства горожан - свой приусадебный участок, свои 30 соток.

На западе удивляются, как это в России крестьяне на своих участках собирают такие урожаи, какие никогда и не снились колхозам и совхозам, в которых они работают. И достигают урожайности, какой могут позавидовать многие зарубежные фермеры. И всё это примитивными орудиями труда - лопатой, вилами, граблями. Вот что значит работать на себя, на своей земле. Вот она, странная и непонятная русская душа.

Вдумайтесь в эти цифры - только 1 (один!) процент пахотной земли, занятой под личные подсобные хозяйства, даёт чуть ли не две трети общего сбора по стране картофеля, 97% овощей, половину всего мяса, 50% молока, 89% плодов и ягод, 93% шерсти.

Впрочем, давали до недавнего времени. Отчуждение от земли захватило и личные подворья - эту «палочку-выручалочку» нашей деревни. До переписи населения 2006 г. считалось, что у нас во всей России 24 миллиона хозяйств, а оказалось всего 17 миллионов

843 тысячи. И, что самое прискорбное, многие сельские жители вообще бросают свои хозяйства. И таких становится всё больше и больше. В Центральном федеральном округе, куда входит и Тверская область, эта цифра достигает огромных размеров - 90% сельских жителей здесь вообще не занимаются никаким хозяйством

Это значит, село не только ничего не производит, оно уже не может кормить и само себя.

* * *

Путешествуя по Волкоте, нас всю дорогу не покидала мысль - что мы находимся в какой-то удивительно красивой, сказочной и солнечной стране, которая живёт своей жизнью, своими заботами, словно отделённой от всего мира невидимой, но глухой стеной. Здесь всё воспринимается не так, как в Москве или других крупных городах, и не так, как показывают по центральному телевидению и говорят по радио. Как будто всё, что показывается и говорится там, не имеет прямого отношения к деревне.

Нет, телевизор на селе смотрят и смотрят программу новостей и кинофильмы, слушают выступления политиков. Усмехаются, когда видят тусовки наших эстрадных звёзд и «кулинарные поединки» - «заелись».

Больше всего их интересуют самые что ни на есть житейские дела - закроют ли школу и где будут учиться их дети, на сколько повысили цену на комбикорм («придётся поросёнка забивать - не прокормить»), почему солярка дороже молока («и зачем тогда держать корову»), почему так много стала получать фельдшерица Маринка («а мы что хуже?») и что тракторист опять напился и не привёз тележку дров...

И к национальной программе развития села тоже относятся осторожно («а что она даст нашей деревне? Посмотрим»). В общем как у Некрасова:

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России -
Там вековая тишина.

Что подделаешь, власть крестьян так много обманывала, что за прошедшие десятилетия у них уже где-то на генном уровне укорё-

нился естественный и здоровый скептицизм относительно своего будущего.

Сейчас каждая деревня, где она ещё сохранилась, выживает по-своему. Старается выжить и моя деревня Жуково, в которой я живу уже почти 20 лет. Но это уже не та деревня, в которой не так давно была и школа, и медпункт, и сельсовет, и хлебопекарня, и магазин. Были. А сейчас этого уже нет - деревня стареет, ветераны постепенно находят упокой на местном кладбище, молодёжи нет вообще - негде учиться и негде работать.

В Жукове теперь, как и в других сохранившихся деревнях на Волкоте и озёрах, самый многочисленный слой населения - не доживающие свой век пенсионеры, а дачники.

Начиная с 1950-1960 гг. горожане стали активно приобретать оставляемые местными жителями дома по берегам рек и озёр. Сейчас деревни по Волкоте по существу состоят из одних дачников.

Есть они и в Жукове - их избы теснятся к краю, к живописному озеру Бойно. Там же стоит и старая почта, в которой я живу. И с каждым годом наш «дачный куст» расширяется, строятся новые дома. Причём их владельцы - не обязательно москвичи или питерцы. Рядом с моим домом достраивает свой двухэтажный особняк местный олигарх - предприниматель из соседнего райцентра.

Как относиться к дачникам? С одной стороны, их надо поблагодарить за то, что они действительно спасли и сохранили многие деревни, не дали им умереть. Без них они бы давно исчезли, как в Коростине, Вдовце, Торопове, Волкоте и других местах. Многие из них переехали из города в деревню навсегда, став коренным населением этого края. Кроме того, они приносят в деревню элементы городской культуры, обустривают эти места, изучают местный край. Среди них много представителей московской и питерской интеллигенции, которые стремятся в меру своих возможностей просвещать и местных жителей, как например, в деревне Колотилово на Лучанском озере или деревне Москва на Ордоникольском, пытаясь хоть как-то удержать их от наступления, говоря словами Глеба Успенского, «духовной пустоты».

Значительна роль дачников и в воспитании многих и многих тысяч городских жителей, т.е. своих детей и внуков, которых они на лето вывозят в эти места. Для них общение с природой, знаком-

ство с историей края, походы в лес за ягодами и грибами и даже работа на своём огородном участке - это, может быть, первая ступенька познания своей родной земли, воспитания уважения к сельскому труду, любви к краю, а значит и к своей Родине.

Но, с другой стороны, дачники - это всё-таки не крестьяне. Вряд ли они будут заниматься возрождением деревни, поднимать запущенное сельское хозяйство, потому что задача у них другая - это отдых, это активное использование рекреационных ресурсов края. Они по своей сути - не производители, а потребители тех благ, которые даёт местная природа. Дачник может копать в собственном огороде, выращивая редиску или морковь, но он не будет пахать землю, пасти и доить коров, заготавливать сено.

Секретарь сельского поселения в Волках о дачниках говорит, может быть не совсем справедливо, но прямо:

- Толку от них для деревни - ну никакого.

Так или иначе, но дачники на селе укоренились, установили хорошие отношения с местным населением и живут с ними в дружбе и согласии. Я думаю, что в ближайшие годы отток из городов в деревню будет только возрастать. И это - тоже одна из проблем будущей деревни.

За последние годы в деревне появилась новая, до недавних пор неизвестная для этих мест категория населения, которой не было ни в дореволюционной, ни в советской деревне - бомжи. Это - относительно молодые вполне работоспособные ребята, которые однако нигде не работают - и потому, что негде работать, и потому, что многие из них уже и не хотят работать. Раньше они хотя бы летом подрабатывали у дачников, а теперь и этого желания у многих из них нет. Живут в основном одной рыбалкой, выклянчивая деньги у дачников, а иногда и грабят бесхозные дома по всей округе.

Они не очень любят дачников, дачники их тоже не очень уважают, а иногда и просто боятся. Между ними если не классовые, как раньше говорили, но определённые социальные противоречия, какие были, наверное, в послереволюционной российской деревне между «справными мужиками» (т.е. живущими своим трудом, работающими крестьянами) и деревенской гольтьбой. Они тоже завидуют более обеспеченным дачникам, тоже хотят всё поделить, тоже не хотят работать. Впрочем, с некоторыми из них я поддерживаю вполне нормальные отношения.

Каждый день группа бомжей проходит мимо моего дома на рыбалку или в д. Баканово за самогоном. Возвращаются навеселе. Откуда они берут деньги на спиртное - диву даёшься.

Я не знаю, почему их называют бомжами («лицо без определённого места жительства»). Они, как правило, местные, родились в этой деревне и живут в родительских избах. Но есть и такие, которые приехали в деревню из города.

В том, что они оказались в таком положении - не только их вина. В значительной мере - они тоже жертвы той губительной политики, которая проводилась государством в отношении деревни, дав ей «полную волю» и бросившей её на произвол судьбы.

Да, с бомжами новую деревню не построишь.

Но в деревне есть и другие, здоровые силы, которые тоже стараются выжить, опираясь на свой труд, на своё умение хозяйствовать, рассчитывая в основном только на себя. Это - хотя и очень малочисленная, но наиболее активная и авторитетная часть сельского населения. В нашей д. Жуково это - мои соседи.

По одну сторону от моего дома через дорогу стоит дом Писаренок - собственно, это даже не один дом, а группа построек под несколькими соединёнными между собой крышами: прямо из жилой избы попадаешь в обширный хлев, наполненный разной деревенской живностью.

Это единственное личное крестьянское хозяйство во всём Жукове. Хозяйство семейное - Александр Писаренко, механизатор студенческого с/х кооператива, его жена Нина Писаренко, ныне пенсионерка, и мать Александра - баба Маня. Вот и вся «рабочая сила». Каждый день я вижу из окна своего дома как кипит работа у соседей - с утра до вечера. То сено сушат, то картошку убирают, то возятся на огороде или в хлеве.

Раньше на поле перед домом Писаренко паслись не меньше двух десятков деревенских коров, а сейчас только две. И обе принадлежат семейству Писаренко. А ещё они держат поросят, кур и всякую другую живность - в хлеву настоящая семейная животноводческая ферма. Есть свой огород, ягодные кустарники, сад, парники - в общем, всё, что полагается в таких случаях.

Глава и душа этого хозяйства - энергичная и хозяйственная Нина Писаренко, долгое время работавшая продавщицей в жуковском магазине вплоть до его закрытия. Когда я приехал в деревню, ей бы-

ло под сорок - молодая красивая женщина, про такую говорят: «коня на скаку остановит». И не было ей, да и сейчас нет, равных ни в работе, ни в отдыхе. Она и в танцах первая, и певица - хоть куда. Её сильный голос доносится до нашего дома, когда у Нины бывают праздники: 9 мая или местный приходской - Обретов день.

Но даже тогда, когда она работала продавщицей, главным у неё был не магазин, где любил собираться посудачить деревенский люд, а своё хозяйство. В сенокос или во время посевной она не могла усидеть в своём магазине, вешала на дверь замок и прищипливала листок: «Магазин не работает: ушла на сенокос». И все терпеливо ждали, пока она управится со своими делами: «Ну, как же, у Нинки - сенокос». Уважительная причина.

Нинке, как зовут её в деревне, в семье подчиняются все и выполняют все её распоряжения, даже когда она и не бывает права: и муж Саша, на котором лежит вся мужская работа - ремонт дома и хлева, доставка комбикормов, починка сельхозинструментов, сооружение парников, и баба Маня - женщина уже пожилая, но на которой лежат все основные хлопоты по хозяйству - пасти коров, кормить скотину, полоть огород, собирать колорадских жуков с картофельного поля, ходить в лес за ягодами и грибами. Баба Маня - это палочка-выручалочка, на которой, как считают в деревне, и держится весь дом.

Не мог пройти мимо неё в своём творчестве и наш тверской Соловей: образ «бабы Мани с клюкой» часто встречается в его стихах.

Летом к родителям приезжает отдыхать со своим сыном Омиром их дочь Татьяна. Она родилась и выросла в этом доме можно сказать на наших глазах. Наверное, от своего отца - Саши унаследовала поэтический дар. И я горжусь тем, что впервые познакомил широкого читателя с её творчеством на страницах альманаха «Отечество», в бытность мою его главным редактором. Среди них было и стихотворение о жуковском отчем доме:

Я родилась не в городе большом,
А в деревушке средь озёр, над речкой.
И дорог мне мой самый крайний дом
Приветливый, с большою русской печкой.

Как много знает этот старый дом
Про жизнь мою, мои мечты и слёзы.

В стенах его не так пугает гром,
Его тепло спасает от мороза.

И пусть ему уже немало лет,
Ещё не скоро он пойдёт на слом.
И никогда я не жалела, нет,
Что родилась не в городе большом.

Таня - одна из самых талантливых поэтесс Андреапольского края.

А по другую сторону от моего дома живёт другой сосед - Вася Захаров. Тоже - одна из достопримечательностей деревни, тоже - хозяин, но с совсем другим направлением и другими хозяйственными интересами. Вася - родом из соседней деревни Баканово, потом жил в Студеницах, а несколько лет назад построил свой новый дом в Жукове. Мать его Валентина Тихоновна долгое время возглавляла жуковский сельсовет и очень гордилась своим сыном: «Вася - единственный непьющий мужик в нашем сельсовете», - говорила она.

И в этом - была большая доля правды. Не знаю как в других деревнях (тут Валентине Тихоновне карты в руки), но у нас Вася действительно слывёт непьющим мужиком, что большая редкость для нынешней деревни. Этим самым он выгодно отличался от остального мужского населения и долгое время ходил в самых завидных деревенских женихах.

У Васи много положительных качеств - он жаден до работы, мастер на все руки, хорошо управляет с сельхозтехникой. В то время как другие сельчане за неимением работы продавали свои дома, он прямо на моих глазах сам построил добротный и просторный дом - один из самых красивых домов деревни. Соорудил сарай для трактора и машины, провёл к дому телефон.

В общем, в хозяйской жилке Васе не откажешь. Да и для деревни он тоже полезный человек - помогает пахать огороды, косить сено, заготавливать дрова, рубить бани.

Если основная черта семьи Писаренко - это интерес к земле, к домашней живности, т.е. к сугубо крестьянскому труду, то у Васи другой интерес - к технике, строительному делу, предпринимательству. Он всё время придумывает какие-то коммерческие проекты -

то взялся ловить раков в Бакановском озере и поставлять их в городские рестораны, то пытался взять в аренду Бакановское озеро, чтобы превратить его в культурное спортивно-рыболовное хозяйство, то принялся за торговлю камнем.

Кто не знает, что это за товар такой, скажу: круглые камни, разбросанные в большом количестве по полям и дорогам, - очень даже хороший товар. Новые русские покупают их за большие деньги для облицовки фундаментов домов, фонтанов, садовых дорожек, сооружения альпийских горок. На практике организация этого васино-го бизнеса выглядела так: по деревне медленно ехал грузовик, а за ним двигалась ватага бомжей и с диким грохотом метала собранные камни в кузов. Потом Вася сгружал их возле своего дома и продавал товар владельцам пригородных фазенд. Говорят, что в городе за небольшую горку хорошего камня дают по тысяче рублей. Худо - бедно, но на какое-то время в деревне появлялись новые рабочие места.

Но самым крупным Васиным бизнесом была перекупка земельных паёв у односельчан. В результате многие земли по берегам озёр Бакановского и Бойно, а также в районе д. Подберезье оказались в васиных руках.

В общем получилось, как в сказке о коте в сапогах, когда крестьяне на вопрос короля: «Чьи это земли?» хором отвечали «Маркиза, маркиза, маркиза Карабаса». Теперь, когда мы с Димой идём купаться мимо васиных полей, я спрашиваю: «Чьи это земли?». И Дима отвечает: «Васи, Васи, Васи Захарова».

Дело в том, что душа Васи не очень-то лежит к сельхозработам, посадке зерновых или там картофеля, поэтому большую часть своих земель и лугов он отдаёт в аренду под сенокосы: получается, что паи вроде бы используются по сельскохозяйственному назначению.

Что будет делать Вася с этими своими землями - не знаю. Может захочет перепродать по более высокой цене или вместе с богатыми компаньонами использовать их под строительство каких-либо баз отдыха. Но в настоящее время - он самый крупный в деревне землевладелец.

Мне симпатично крестьянское хозяйство Писаренко прежде всего за его традиционную крестьянскую приверженность к сельскому труду, к деревенскому укладу жизни. Это значит, что в деревне ещё кое-где сохранились люди, которые, как писал Глеб Ус-

пенский, не «забыли крестьянство», не захотели «полной воли», а полностью и добровольно отдали себя во «власть земли».

Сейчас хозяйство вроде крепкое. Нина обслуживает дачников, торгует излишками молока на рынке в Андреаполе. Появились хоть небольшие, но деньги, и Писаренки даже приобрели небольшой участок луга возле берега озера Бойно, где раньше пасли жуковских коров.

Но техники в хозяйстве нет: ни машины, ни трактора, ни сенокосилки. Всё делается своими руками.

- А почему не взять кредит и купить, допустим, трактор? - спрашиваю я. - Ведь легче же будет работать.

- Дорого, да и забот с ним не оберёшься: бензин, запчасти. Лучше уж лошадь.

В деревне вообще к кредитам относятся с недоверием, ведь выдаются они под залог - дома, хозяйства. А вдруг что-то случится? Как тогда отдавать кредит?

Говорят, что в соседних деревнях старушкам тоже предлагают взять кредит на покупку коров, а те отказываются - не привыкла ещё деревня к рыночным отношениям.

Да, хозяйство Писаренок пока крепкое. Но смогут ли такие хозяйства накормить Россию? Пока они обслуживают в основном только деревенских дачников и себя, но и это хорошо, когда по всей стране уменьшается число крестьянских хозяйств и вообще людей, занимающимся сельским трудом. К тому же и возраст у владельцев этого хозяйства - критический, пенсионный. Бабе Мане уже за семьдесят, а на ней-то всё и держится. Что будет с хозяйством через каких-нибудь 5-10 лет?

Вася моложе, и вроде дела у него идут неплохо. Недавно купил новый трактор «Беларусь». Но ему тесно в деревне, ему просто негде там приложить свои руки. Пытался он стать руководителем бывшего совхоза в Студеницах - сельчане не поддержали, баллотировался в депутаты райсовета - не набрал нужных голосов, да и с арендой Бакановского озера тоже почему-то не вышло. Вася уже как года два живёт на два дома - один в Жукове, другой купил в Андреаполе, где больше возможностей для бизнеса: рубить срубы для изб и деревенских бань.

Вот два самых эффективных хозяйства в нашей деревне. Люди хотят работать и хотят зарабатывать, но и им негде развернуть-

ся, и им нужна помощь и поддержка со стороны государства. Писаренки, наверное, могли бы завести и третью и четвёртую корову, но куда сбывать молочную продукцию, кому продавать молоко, ведь молоковозка давно уже не ездит по деревням. Да и Васе негде развернуться - мало кто строится нынче в деревне.

Какое из этих хозяйств быстрее приспособится к нынешним деревенским рыночным отношениям, найдёт своё место в новых условиях?

И найдёт ли его вообще?

* * *

И снова я вспоминаю слова ветерана из деревни Баканово: «Нет больше деревни, пропала деревня».

Конечно, край наш глубинный, земли мало, поля мелко-контурные. Когда сюда, на эту скудную землю придут нац-проекты, инвесторы, организаторы современных животноводческих комплексов? И что они будут делать с бывшими совхозами и колхозами, лежащими на боку, и где они возьмут ту самую рабочую силу, которой давно уже нет в деревне? Да и сомневаюсь я, чтобы те же Писаренки пошли работать на эти самые комплексы - слишком они любят своё хозяйство, свою землю и хотят сами распоряжаться своим трудом. Вася Захаров уже получил «полную волю», но и он тоже уже почувствовал вкус к свободной коммерческой деятельности.

Теперь уже всем ясно, что с сельским хозяйством что-то надо делать, что оно находится в глубоком кризисе. Ну, как можно ликвидировать бедность, улучшить благосостояние людей, как развивать промышленность, обеспечить продовольственную безопасность, если мы не знаем, что делать с нашей обнищавшей и разоренной деревней, в которой, кстати, проживает треть населения страны?

Наша экономика напоминает мне набирающий скорость железнодорожный состав, гружённый цистернами с нефтью. Все вагоны в исправности, только один товарный неисправен, искрит и скрежещет на ходу. Но машинист спокоен, он не оглядывается назад, он видит впереди только зелёный свет семафора и радужные огни приближающегося города. А вагон всё бросает из стороны в сторону, всё больше искрит и

скрежещат колёса, и до крушения остаются мгновения.

Какая малость - один неисправный вагон. Но ведь и он может не только затормозить движение состава, но и пустить его под откос.

Так и наша деревня - тянет всю экономику назад, и если срочно капитально не отремонтировать «вагон», может произойти катастрофа.

Каждый, кто побывает в этом озёрном и лесном краю, столкнётся с оглушительной тишиной, обезлюдевшими деревнями, заросшими фундаментами некогда стоящих здесь деревянных изб. В деревнях не осталось земледельцев, хозяев. Кто же тогда будет её спасать?

С демографией в Тверской области, да и во всей стране, положение катастрофическое, хотя государство в последнее время и пытается как-то влиять на решение этой сложной проблемы. За 10 лет (1995-2005 гг.) население Тверской области сократилось на 3 млн. человек. Поэтому рождение ребёнка на селе - это целое событие. В Андреапольской районной газете я натолкнулся на заметку с таким примечательным названием - «Вклад в демографию». В ней сообщалось как о событии чрезвычайном, что «немноголюдная деревня Скудино (на севере от д. Грибель. - А.П.) вносит существенный вклад в демографию. Не так давно второй раз стала матерью доярка колхоза имени Карла Маркса Любовь Васильевна Виноградова. В её семье родился сын Витя»...

Действительно, в наше время рождение второго ребёнка на селе - событие, сродни с пуском в строй какой-нибудь электростанции или вводом в действие нового предприятия. Боже мой, сколько же таких «существенных вкладов в демографию» надо сделать тверским деревенькам, чтобы они хотя бы перестали умирать на наших глазах?

В Тверской области это понимают. Здесь уже разработаны программы по переселению в Верхневолжье наших соотечественников из ближнего зарубежья, а также отставных офицеров, отслуживших в армии. Она так и называется - «Офицер-фермер - возрождение села». И это хорошо.

Предполагается, что каждое хозяйство будет иметь 50 га земли, 25 голов скота, дом, подворье, технику. А это значит,

что для новых фермеров надо будет строить заново и школы, и больницы, и дороги, и магазины. На всё это необходимы колоссальные деньги и время.

Но прежде чем принимать на селе переселенцев, надо хорошо подумать, а на что мы их приглашаем, каким мы хотим видеть тот район и те места, куда они приедут, и что они там намерены делать.

На селе, конечно, следует развивать традиционные отрасли: животноводство, растениеводство, льноводство, лесоразработки, местную перерабатывающую промышленность, создавать потребительские и сбытовые кооперативы, колбасные цеха, производство сыра, масла и другой с/х продукции.

Но есть ещё один, практически совершенно неиспользованный резерв, который не только может поднять экономику края, но и способствовать сохранению старой деревни, её традиций, культуры, обычаев, занять работой многих деревенских жителей.

Северо-запад Тверской области, Верхнее Подвинье всегда отличались от других районов и своей природой и своим весьма неразвитым сельским хозяйством. В 1989 г. в своей книге «Загадка Янтарной реки» я писал: «И всё-таки это многолетнее топтание сельской экономики районов Верхнего Подвинья практически на одном месте заставляет задуматься: а разумно ли мы планируем дальнейшее хозяйственное развитие этих лесных и болотистых районов? Кто, когда с карандашом или, как теперь говорят, с карманным компьютером в руках, подсчитал: а что же всё-таки выгоднее - терпеть убытки от сельского хозяйства, собирать по 8 центнеров зерна, 100 центнеров картофеля с гектара (не намного больше посевного материала), получать нищенские, на уровне козы, надои молока от каждой коровы, осушать клюквенные болота для расширения сомнительных по плодородности сельскохозяйственных угодий или всё-таки получать с этих земель то, чем они всегда славились - лес, сено, рыбу, дичь, ягоды? Получать доход от организации отдыха и туризма, как нельзя более созвучных местной природе. И даже от этих, казалось бы, совершенно бесполезных болот, которых ни счесть в здешних местах».

Это было написано двадцать лет назад. Тогда это «топтание сельской экономики» можно было объяснить методами командного управления сельским хозяйством, неэффективностью работы совхозов и колхозов. А сейчас? Чем объяснить это сейчас? Колхозы развалились, деревни обезлюдели, а поля, которые тогда худо-бедно, но возделывались, заросли, как говорилось ещё в летописях, даже не в «оглоблю», а в «бревно», т.е. спелым деловым лесом.

Сейчас я ещё больше, чем ранее, убеждён: основное богатство озёрного края, его «золотое дно» заключено не в крупных животноводческих комплексах, и не в будущих птицефабриках или мясокомбинатах и даже вообще не в широком развитии сельскохозяйственного производства, а в том, чем Бог так щедро наделил этот сказочный край - в его уникальной природе.

И поля, и фермы, и луга - есть во многих местах. Но только здесь имеется заповедный Оковский лес, как называются эти места в нашей Начальной летописи, только здесь, в отрогах Валдая начинаются многие реки - и Волга, и Зап. Двина, и Волкота, только здесь с высокого холма можно увидеть, как прямо на твоих глазах реки текут рядом, но в разные стороны. Край истоков, курганов и древних волоков. Природа и история - вот главное богатство края.

В силу этой уникальности надо не только истоки Волги и Зап. Двины, а весь этот озёрный край, следовало бы объявить природным заповедником даже не областного, а всероссийского значения, присвоить этому району статус территории, исключительно предназначенной для сохранения природного комплекса и использования его для отдыха, экологического и познавательного туризма, рыболовства, охоты. И назвать этот природный заповедник - «Оковский лес».

Старая деревня уходит в прошлое, и наша задача - по возможности сохранить то, что ещё осталось от неё - и постройки, и быт, и обычаи. Сохранить, насколько это возможно, духовный мир глубинной тверской деревни, а может быть даже воссоздать по старым фотографиям и типы старых строений - домов, лабазов, лавок, трактиров, деревенских часовен и церквушек.

Это позволило бы преобразить всю экономику района, привлекло бы на село сотни и тысячи туристов и отдыхающих. Ведь не всем же по карману отдыхать на западных фешенебельных курортах, в Куршевеле или Давосе. Да и разве можно сравнивать наш прекрасный озёрный край с каким-то там Куршевелем!

Я написал эти строчки и подумал: ну вот сейчас на мою голову посыпятся упрёки и обвинения в маниловщине, пре-краснодушной мечтательности, в оторванности от жизни. Ведь одно дело сказать, а другое - сделать.

Но ныне - это уже не фантазёрство и не маниловщина. Времена меняются, глобализация вторгается в нашу жизнь, и не только в городах. Она начинает громко стучаться и в бревенчатые избы тверских деревень. Сельский туризм, хоть и медленно, приходит и на тверскую землю.

В Вышневолоцком и Торжокском районах уже сейчас организуют для туристов сплав на байдарках по рекам Шлино и Тверце со стоянками и но-чёвками в палатках; в Кимрском районе проводят конные многодневные походы с ночёвками у костра; в Зубцовском, Фировском и Конаковском районах - трёхдневные путешествия по бездорожью на «УАЗ,ах» и «Нивах»; в Весьегонском районе на реке Мологе и Рыбинском водохранилище организуется отдых для любителей рыбной ловли с проживанием в «доме рыбака», посещением русской бани; в Кимрском и Осташковском районах предлагаются воздушные туры - полёты над озером Селигер и Московским морем на самолётах и вертолётах; в Конаковском районе - путешествия на яхтах под парусом по Волге и Иваньковскому водохранилищу.

Есть и более экзотические туры. В Калининском районе, например, устраивают гуляния в ночь на Ивана Купалу с дегустацией сыров на агроферме, гаданием, плетением венков, купанием в реке, с пикником, шашлыками и дегустацией местных напитков. А в Фировском районе придумали соревнования для туристов - кто быстрее придёт на конечный пункт с помощью карты и ориентиров.

В некоторых районах (Осташковский, Торопецкий) практикуется и сельский туризм: туристы живут в обычных дере-

венских избах, парятся в русской бане, собирают грибы, ягоды, лечебные травы, катаются на лошадях и лодках; они учатся доить коров, косить сено, сбивать масло, готовить блюда национальной кухни.

В местных газетах начинают появляться объявления с приглашением на отдых в деревню. Вот одно из них: «70 км от Твери, Торжокский район. Гостиница (3 уютных номера), русская баня, лес, охота, продукты пчеловодства - дегустация. Обучение конному спорту».

Сельский, или как его называют, фермерский туризм активно развивается в Прибалтике, внедряется он и в соседней Псковской области. Здесь одна предприимчивая женщина - Ольга Рогачёва, используя опыт Эстонии, взяла кредит в местном банке и купила покинутый хутор. Отстроила там гостевой дом, трапезную, собрала коллекцию старой утвари и основала туристическую деревеньку «Ольгин хутор», куда любят приезжать на отдых многие горожане. За последние два года на Псковщине под экологический туризм обустроили уже семь небольших деревенок, ну а в Эстонии их уже несколько сотен. Что же мешает сделать то же самое в нашем озёрном крае?

Мы, как всегда, отстаём от Европы во внедрении всего нового. А там давно уже широко используют сельский (фермерский) и экологический туризм не только для организации отдыха горожан, но и для укрепления экономики сельских районов. Наши соседи - Финляндия и Швеция уже давно поняли, что туризм - такая эффективная отрасль, которая может поспорить с другими традиционными отраслями. Достаточно сказать, что, например, Финляндия во многом процветает именно за счёт внутреннего туризма, который приносит казне значительную часть всех национальных доходов.

В Андреапольском районе пока нет ещё широкого опыта организации сельского туризма, нет опыта и комплексного туристского освоения целой территории, какой является озёрный край.

Этот сравнительно небольшой район в верховьях Зап. Двины и её притока Волкоты - настоящий рай для туристов. Здесь множество самых разнообразных маршрутов: и водных, и пе-

ших, и лыжных. Раньше по ним путешествовали сотни туристов, сейчас край обезлюдел и в туристском отношении.

Конечно, в первую очередь - это водные путешествия на байдарках по Зап. Двине, Торопе, Волкоте, многочисленным озёрам. Это интереснейшие походы по великому водному пути «из варяг в греки», его местным ответвлениям, старинным волокам. К сожалению, по варяжскому пути путешествуют ныне только немногочисленные группы самостоятельных туристов. Но если обустроить этот маршрут, он мог бы стать одним из самых популярных, «визитной карточкой» района.

Это уже известные маршруты: от д. Жельно по р. Серёже и р. Кунье в р. Ловать; от д. Хотилицы по р. Торопе в р. Зап. Двина; от д. Щевырёво (исток Зап. Двины) в оз. Охват, Зап. Двину и г. Андреаполь. Это и наш маршрут по р. Волкоте: от д. Грибель (исток р. Волкоты) по р. Волкоте в Зап. Двину и г. Андреаполь.

Не менее заманчивы могут быть и пешие (и конные) путешествия. Для тех, кто любит тишину, хотел бы познакомиться с историей края, будет интересен маршрут по старым, уже не существующим деревням. Между ними остались заброшенные, давно неезженные живописные дороги и тропы. Некоторые сохранились только на карте, тем интереснее отыскать заросшую тропку к старому хутору или месту, где некогда стояла маленькая деревенька.

Мы нередко натыкались во время своего путешествия на такие тропы и старые полуразрушенные мостики и кладки через болота и лесные ручейки. По этим экологическим тропам можно идти целый день и не встретить ни одного человека. Это походы вокруг озёр - Волкота, Бойно, Бросно.

Озёрный край - это раздолье для организации экологического туризма, путешествий по местным болотам, походам в лес за ягодами и грибами, лечебными травами, для наблюдения за птицами, посещений глухариних токов (знаю по себе - это ни с чем не сравнимое удовольствие) или ночных наблюдений за бобрами, кабанами и даже с охотничьего лабаза за медведями, пришедшими подкормиться на овсяное поле.

Для любителей приключений и экстремальных ситуаций можно придумать массу всевозможных испытаний - напри-

мер, забросить туристов на глухое болото (без продуктов и снаряжения) или на один из островов Лучанского озера и предложить им выбраться оттуда самостоятельно обратно или по крайней мере продержаться на подножном корме одну-две недели; или разработать программу по наблюдению за «чудовищем» озера Бросно, как предлагает «хозяин динозавра» Н.А. Белоусов. А может даже заняться поимкой «снежного человека» (хотя это и легенда, но во время своего первого путешествия на исток Зап. Двины мы встретили в районе бывшей д. Двинец какое-то странное и непонятное, заросшее тёмной шерстью существо).

И конечно, озёрный край - это замечательное место для познавательного туризма и экскурсий: каждый, кто попадает в эти места, захочет побывать на истоках Зап. Двины и её притока Волкоты, познакомиться с историей края. Я уже говорил, что район Верхнего Подвинья - это по существу настоящий археологический заповедник и огромный, ещё не использованный экскурсионный ресурс.

Ну, кто же откажется совершить путешествие к древним могильникам, селищам, средневековым городищам. Конечно, было бы полезно, чтобы археологи подготовили для показа некоторые курганы, раскопали древние селища и показали, как жило древнее население этих мест, а может быть даже разработали проект реконструкции средневекового городища, допустим, в районе Песчахи или раскопали новгородский городок Буюц с реконструированными избами местного боярина Микифора, приказными постройками. Как бы много экскурсантов привлёк бы сюда, в окрестности д. Жуково, этот объект, ставший достопримечательностью не только одного Андреапольского района.

А если ещё дать туристам переночевать в «избе» самого боярина Микифора, в средневековой городке на Песчахе или в землянке древних обитателей этого края - сюда стали бы приезжать не только из Твери, но и из Москвы и Санкт-Петербурга, а может быть даже и богатенькие туристы из-за рубежа, которым надоели тёплые моря и пальмовые острова.

Конечно, для организации отдыха на селе нужна материальная база: гостевые дома, трапезные, туристские стоянки,

кемпинги. Нужны туристские деревни, «ольгины хутора», дороги. Для непритязательных туристов подойдут и существующие деревни, как для семейного отдыха, так и для организации семейного туризма, когда отдыхающие просто живут на уединённом хуторе и вместе с его хозяевами участвуют в сельских работах, учатся доить коров, косить траву, пасти скот, стричь овец. Это - замечательная форма воспитания детей, приобщения их к труду.

Для взыскательных отдыхающих подойдут более благоустроенные туристские деревни со столовыми, спальными домами, гостиницами, пляжами, лодочными станциями, пристанями для катеров и яхт и даже деревенскими аэродромами для полётов на парапланах и вертолётах.

Многие деревни можно приспособить под туристские базы, приюты, стоянки со всем набором необходимых услуг - гостевыми домами, трапезными, банями, магазинами. Ну почему всё это успешно делают в Прибалтике, а у нас руки не доходят?

Большой популярностью пользуются у туристов и этнографические поселения, которые позволяют сохранить старину и быт прежней деревни. Здесь и особая деревенская кухня, и старинные песни и обряды, и хор местных старушек, и прогулки на тройках, и музей старого быта, и бани по чёрному с купанием в реке или озере, и народные праздники и гуляния, шумные деревенские ярмарки с продажей мёда, домашнего пива, ягод, грибов, изделий местных промыслов.

О возрождении промыслов - особый разговор: турист обязательно должен что-то увезти с собой на память. Пока увезти из озёрного края нечего. А ведь раньше во многих тверских деревнях крестьяне занимались изготовлением всевозможных изделий, продажа которых приносила за несколько месяцев работы больше дохода, чем занятие сельским хозяйством. Значит, надо поискать в деревнях старух и стариков, кто умеет изготавливать глиняную посуду, плести корзины из бересты, ткать ковровые дорожки, делать лодки-долбёнки, вёдра, лоханки, ушаты, деревянные змейки, ящики для конфет, сундучки... Или обучить всем этим премудростям местную молодёжь.

Было бы интересно соорудить близ туристских или этнографических деревень, например, старую водяную мельницу, действующую смолокурню или избу гончара с изготовлением глиняных изделий с клеймами главного в прошлом центра гончарного производства - «Сделано в Баканове». Построить старую сыроварню, возродив былую славу Верещагинских сыров, родившихся именно в тверских деревеньках.

Многие туристы приезжают в эти края, чтобы заняться сбором ягод, грибов, заготовкой рыбы на зимний сезон. Вереницы машин стоят вдоль озёр Отолово, Охват, где туристы прямо под лёгкими навесами закатывают банки с грибами и ягодами, тем более, что этих даров леса немало в окрестных лесах и болотах. Надо помочь и участникам такого «заготовительного» туризма, построив при туристских приютах и стоянках грибоварни, ягодоварни, сооружения для копчения и вяления рыбы. Можно продавать туристам и дары леса: ведь на рынке в Андреаполе трёхлитровая банка черники стоит около 100 руб., а за банку маринованных шляпок белых грибов в парижских магазинах, говорят, дают не одну сотню долларов. Грибы вообще могут стать хорошим подспорьем для питания как туристов, так и статьёй дохода для местных старушек. До революции в России на душу населения приходилось 40 кг грибов, а сейчас только 3. Солёные и сушёные грибы в городе оторвут с руками.

Охота и рыбная ловля (и летом, и зимой) - ещё один существенный ресурс при организации отдыха. И дело здесь не только в предоставлении услуг для любителей охоты или рыбалки, но и в пополнении меню туристов экзотическими блюдами из местной дичи и рыбы. Думается, что местное охотохозяйство НОРМИКС, чьи уголья занимают обширные территории озёрного края, с удовольствием оказали бы «охотничьи услуги» и прибывающим на отдых туристам. Ну, а здешние озёра всегда славились своей селёдкой и снетками.

Вариантов туристского отдыха на селе множество. Рекреационные ресурсы края практически неисчерпаемы. Поэтому и район этот, на мой взгляд, стоит профилировать именно как место для организации туризма, отдыха, охоты и любительского рыболовства.

Естественно, для этого потребуются кадры, которых сейчас нет. Но ведь приглашая в этот район отставных офицеров или соотечественников из-за рубежа можно нацеливать их как раз на развитие туристской инфраструктуры. Почему бы не выставить на тендер земли, где стояли бывшие хутора, усадьбы и деревни - уже не существующие или доживающие свои последние дни? Почему бы не выкупить земли и дома в уже нежилой деревне Ольховец и продать её (или сдать в аренду) тем же переселенцам не для отдыха или для дачи, а с одним условием - создать здесь туристскую или этнографическую деревню со всеми необходимыми надворными постройками: трапезной, жилыми домами (они ещё стоят), деревенской баней, конюшней, музеем местного быта, избой кустарных промыслов и сувениров и, конечно, сыроварней, копильней для рыбы, и грибоварней, благо, кругом много морошковых и клюквенных болот, грибных мест. Место чудесное - лес, песчаный пляж, знаменитое озеро Бросно с легендами о «чудовище», рядом Херов хутор со «смирновской» водой, курганы, городища, селища древних жителей... Дать на это ссуду, помочь провести дорогу, освободить года на два от налогов. Уверен, года через два-три Ольховец станет одним из популярнейших мест туризма и отдыха.

Или отдать в ведение переселенцев-офицеров другую, уже несуществующую деревню - Коростино, где доживают свой век избы с провалившимися крышами на берегу живописнейшего Коростинского озера. Ну чем не приют для семейных туристов, любителей дикой нетронутой природы? Построить десятки туристских хозяйств и приютов на месте бывших русских и эстонских хуторов на Волкоте и озёрах.

Всё это даст работу многим местным жителям, а районной казне - существенное пополнение бюджета.

Тогда, может, и жители д. Жуково перестанут продавать коров, а Нина Писаренко купит трактор, заведёт третью и четвёртую корову и завалит свежими экологически чистыми продуктами туристскую деревеньку Ольховец. Вася Захаров соберёт бригаду и поднимет из руин деревню Коростино или возродит старинный гончарный промысел в своей родной деревне Баканово. А Василий Серебренников наконец соберёт-

ся с силами и превратит свою деревню Грибель в туристский приют для семейных туристов и будет водить их на исток р. Волкоты, кормить рыбой из запруженного им водоёма и мёдом из своей деревенской пасеки.

И может быть тогда мальчику Вите Виноградову, совершившему «демографический прорыв» в деревне Скудино, когда он подрастёт, не придётся уезжать из родных мест, потому что в его родном краю появится много интересной и хорошо оплачиваемой работы. И может быть, «завяжут» со старой жизнью и пойдут работать на местную грибоварню безработные бомжи.

Пожалуй, прав был бакановский старожил Василий Иванович - старая деревня умирает. Но России без деревни не жить. И на месте прежних тихих и безмолвных деревень любимого мной Андреапольского края на берегах рек и пустынных озёр вырастут новые дома, гостиницы, туристские хутора, школы и магазины.

Но это будет уже не та деревня, о которой говорил Василий Иванович.

Это будет совсем другая деревня.

За что я люблю тебя, Русь?

Край мой любимый заветный,
Древний погост над рекой.
Двигается еле заметно
Старая Маня с клюкой.

Тиша лежит у ограды,
Ждёт он гостей и меня.
Косточку, как награду,
Он видит, наверно, со сна.

Даль уходящая в синий,
Подёрнутый дымкой туман,
Речушка с венками лилий
И запахов трав дурман.

На кладбище, как в лихолетье,
Как в пору минувших битв,
Блестят сквозь туманы столетий
Надгробия сникших могил.

Да, жизнь наша скудна и бренна,
И в грудь заползает грусть.
За что же люблю я деревню,
За что же люблю тебя, Русь?

Зимний день

Закружило, завьюжило
Деревеньки, луга.
Всё что душу недужило,
То ушло без следа.

Оттого, что метелица
Белым сделала свет.
Сердце стало надеяться,
Что сомнения нет.

Банька топится белая,
Я от снега весь бел.
Знаю, много я сделаю
Для души добрых дел.

После баньки в Пузаново
Я на лыжах пойду,
Жизнь начну свою заново,
Может счастье найду.

И приеду я к вечеру
С песней бодрой из уст.
Душу ласково лечит мне
Угольков сладкий хруст.

А лежанка сутулится,
Заскрипела уж дверь.
Я уснул. А на улице
Завывает метель...

Где находится летописный Буец?

Село Святого Георгия

Где находится летописный Буец

Версия историка К.А. Неволина

»Холм, подверженный ветру»

Что такое новгородская обжа

Жил ли на погосте волостель?

Буец - невидимый град Китеж?

Почему погост стал Жуковским

Весточка из глубины веков

Над Жуковским погостом разноцветным серпом повисла яркая,
вечерняя радуга.

История Андреапольского края оставила немало загадок и тайн, которые ещё ждут своих исследователей. И одна из них - это судьба новгородского городка Буюц, о котором упоминается в средневековых источниках и документах, но следы которого затерялись среди лесов и болот Андреапольского края. Вот уже более 150 лет историки спорят - а где же находилось это средневековое поселение, центр одной из новгородских волостей, игравший большую роль в жизни и торговле Великого Новгорода.

История сохранила нам названия и местоположение многих волостных центров новгородских пятин. Мы знаем, где находится древний городок Курско, Холмский погост, центры новгородских волостей - Морева, Велила, Лопастича, Стерж. Сейчас - это небольшие деревеньки Тверской и Новгородской областей, стоящие на древних водных и сухопутных путях. Но сколько не ищите, вы не найдёте на карте Тверского края ни одной деревеньки с названием Буюц (или, как её называли в некоторых древних грамотах - Буйцы). Как будто кто-то скинул её с поверхности земли и навсегда вычеркнул из нашей памяти.

Первым, кто пытался определить местонахождение этого места, был русский историк К.А. Неволин. Его книга «О погостах и пятинах новгородских» вышла в Санкт-Петербурге в 1853 г., и с неё началось серьёзное изучение новгородских пятин. Он же первым и выдвинул версию о местоположении Буйца - на берегу Лопастичьего озера, рядом с Лопастичьим погостом.

»По писцовым книгам 1495 г., - писал он, - волость Буюц, проименованная так по озеру Буюц, была в верховьях р. Полы, на нынешней границе губерний Новгородской, Тверской и Псковской в уездах Осташковском и Холмском, там, где (на карте. - А.П.) обозначены, между прочим, озёра Тольское, Видбино, Лучанское и другие. Вся эта волость... показывается принадлежа-

щею Юрьеву новгородскому монастырю. По спискам Мин. Внутр. Дел ни в Холмском, ни в Осташковском уездах никакого селения с именем Буец не значится».

Эту точку зрения разделяли многие русские и советские историки, включая таких авторитетов в области русского средневековья, как академики В.Л. Янин и Б.А. Рыбаков. В фундаментальном историческом исследовании, вышедшем в 1974 г. в Ленинграде, - «Аграрная политика Северо-Запада России в XVI в.» помещена карта, на которой Буец тоже расположен неподалёку от бывшего Лопастницкого погоста (см. схему).

Более серьёзные поиски стали предприниматься в последние годы. В места предполагаемого расположения Буйца выезжали археологи из Новгорода и Торжка. И точка зрения Неволлина была подвергнута сомнению. Но серьёзных раскопок не проводилось, и тайна нахождения древнего новгородского поселения до сих пор волнует многих исследователей.

Мы тоже решили принять участие в этом давнем споре и высказать свои предположения и догадки, тем более, что мой дом в д. Жуково, в котором я живу летом, как оказалось, находится в самом центре поисков на бывшей территории Буецкой волости Деревской пятины, где некогда и находился этот летописный Буец, несколько веков назад канувший в Лету, как невидимый град Китеж.

Но ведь не мог же он исчезнуть бесследно? Ведь должны же от него остаться какие-то следы? И почему сохранились древние насыпи, остатки укреплений и даже названия таких же, как Буец, центров новгородских волостей, а тут - ничего: ни фундаментов, ни следов укреплений, ни даже самого названия - и то не осталось. Только в старых летописях нет-нет, да и мелькнёт это слово - и всё.

Закрадывалось сомнение - а существовал ли Буец на самом деле? И почему исчез и почему не сохранил своё имя? А может, его вообще не было или он существовал под каким-то другим названием?

Но такое поселение было, и следы его тоже остались. И оно действительно называлось Буец.

«Отдать Буюцу Святому Георгию»...

О чём говорят русские летописи

Из летописей, жалованных грамот и оброчных книг доподлинно известно, что в средние века значительная часть нынешнего Андреапольского района (деревня Жуково, Любино, Горицы, Бологово и др.) входили в состав Буюцкой волости новгородской Деревской пятины. А самое первое упоминание о Буюце содержится в одной из древнейших русских жалованных грамот 1130 г. В ней говорится, что киевский князь Мстислав Владимирович подарил Буюцкую землю новгородскому Юрьеву монастырю: «Се азъ Мъстиславъ Володимиръ сынъ, държа Руську землю, въ свое княжение повелелъ есмь сыну своему Всеволоду отдати Буице святому Георгиеви съ данию, и съ вирами, и съ продажами, и вено во...кое», а также «далъ рукою своею и осеннее полюдие даровъное, полътретьядесяте гривнь».

В договорных грамотах Новгорода с польским королём Казимиром IV от 1440 и 1470-71 гг. среди волостей, которые должны платить куны Казимиру, наряду с погостами Молвятицей, Стержем, Моревой, Жабной и Лопастичей, упоминается и Буюц. Дело в том, что ещё в конце XIV в. новгородские города Великие Луки и Ржев принадлежали Литве, а Буюц долгое время играл роль пограничной волости. Во всяком случае, в договоре 1494 г. с Москвой Литва обязалась соблюдать границы старых новгородских земель: «а рубеж новгородским волостям, Лукам Великим и Ржеве и Холмскому погосту, и Велиле и Лопастичам и Буюцу, и иным волостем, всей земле новгородской... земле и воде по старому рубежу».

Очевидно, уже в те далёкие времена Буюцкая волость и сам Буюц представляли собой довольно большую хозяйственную единицу, раз они упоминаются в духовных завещаниях князей.

Так, в завещании Ивана III (1504г.) великий князь Московский в число 66 городов, отданных старшему сыну Василию, включил Буюц и Буюцкую волость. А среди городов, передаваемых Василию в княжение, были и Новгород Великий с пригородами, и Ивангород, Ям, Копорье, Орешек, Ладога, Русса, Демян, Порхов, Торжок. «Да в Новгородской же земле даю ему город Холм, и Ве-

лилю, и Буюц, и Лопастыцы и с иными месты, и со всем, что к ним потягло... да Ржеву Пустую ... Даю ему город Псков и з городаы и с волостями и з селы, и всю землю Псковскую. Да сыну же своему Василию даю город Торопец с волостями и с погосты и з селы и со всеми пошлинами, со всем, что к нему потягло; да волости Данково, Любута, Дубна, Рожна, Тура, Биберево, Старцево... как было при мне».

Буюц продолжает упоминаться и в другом духовном завещании - на этот раз царя Ивана Васильевича сыну Ивану (1572-1578 гг.): «да сыну же Ивану в новгородской земле город Холм, Велилю, Буюц, Лопастыцы, и с иными месты и с волостями и со всеми пошлинами и со всем с тем, что им потягло... Да сыну же моему Ивану даю город Псков».

Прямо скажем, Буюц не случайно попал в эти государственные документы, как один из пограничных и влиятельных древнерусских поселений.

В конце XV в. мы видим Буюцкую волость в составе земель новгородской Деревской пятины. Об этом мы знаем из новгородских писцовых, оброчных и переписных книг - интереснейших памятников русского средневековья. Оригинал новгородских писцовых книг обнаружил в середине XIX в. член археологической комиссии статский советник Павел Саввоитов, работая в главном московском хранилище - архиве министерства иностранных дел. Под его редакцией эти рукописные документы под названием «Новгородские писцовые книги» были изданы в С.-Петербурге в шести томах в 1859-1910 гг. В первом томе были собраны документы по Деревской пятине, в состав которой входила и Буюцкая волость.

В писцовых книгах подробно описывались земельные владения, указывались погосты, деревни, дворы и их владельцы, земельные наделы, с которых надлежало платить оброк Юрьеву монастырю или великому князю Московскому. Они до сих пор являются бесценным источником для изучения аграрной истории северо-запада России.

Такие книги начали составляться с XV в., когда новгородские земли стали делиться на административные районы с волостными центрами на местах. А пятинами они назывались потому, что древняя новгородская земля делилась на пять частей, т.е. пятин, каждая из которых состояла из нескольких волостей.

В 1495 г. в Деревскую пятину входили волости: Марева, Вели-ла, Лопастаца, погост и волость Холмская и Буец. В Псковской и Новгородской земле не было больших поселений, а население жило в маленьких деревнях, которые объединялись в приходы при сельских погостах, где имелись церкви и проводились сельские сходы. Несколько погостов составляли волость.

Волость великого князя **БУЕЦЪ**, бывала Юрь-ева монастыря, за Микиѳоромъ да за Михалемъ да за Степанкомъ да за Гридкою да за Илейкою да за Захаромъ, Ивановыми дѣтми Языкова, въ помѣстьѣ.

На погостѣ церковь Покровъ Святѣя Богородицы; дв. попъ Онтонъ, дв. понамарь Ѳилипко, 40 сѣють ржи 2 коробки, а сѣна косятъ 15 копенъ, обжа. На погостѣ жъ дв. Микиѳоровъ, а въ немъ самъ живетъ: пашни нѣтъ. Д. Илигово: дв. Левоникъ, дв. Микулка Петрушины, сѣють ржи пол-

*

Так начинается описание Буецкой волости в оброчной писцовой книге Деревской пятины (1495 г.)

Буецкая, как и другие волости, существовала в течение длительного времени даже после покорения в 1471 г. Новгорода Иваном III и вхождения новгородских земель в состав Московского государства, и утратила своё значение с образованием в начале XVIII в. губерний.

О границах Буецкой волости конца XIV в. мы можем получить представление по переписной оброчной книге Деревской пятины, датируемой 1495 г. В ней приводится перечень деревень, которые платили оброк великому князю Московскому. Среди них немало деревень, которые и сейчас значатся на картах: Илигово, Осечно, Городно, Горицы, Колотилово, Горка, Боброва Лука, Дядькино, Каменно, Колпино и др. Но многие де-

ревни приводятся без названия, а упоминаются как населённые пункты над тем или иным озером с указанием живущих в них хозяев: деревни над Илиговским озером, над Лучанским озером, в районе озёр Городно, Долостцо, Бросно, Бойно, Волкота и т.д.

Причём, в глаза бросается одна особенность: чем ближе к южной границе волости, тем большее количество деревень упоминается в оброчной книге: в районе Илиговского озера - 5 деревень, Осечно - 3, Лучанском - 5, Городно - 5, Каменное - 3, Колпинское - 1, а вот над Долостцом - уже 9, Бросно - 14, а в районе нынешней деревни Жуково и того больше - 15. Всего в Буецкой волости в 1495 г. было 117 деревень «да починок, а дворов 203, а людей 228, а обжа 180 с третью, а сох 60 с полутретью».

Даже в конце XX в. учёные не знали, где находится Буец. На схеме обозначены границы Деревской пятины по книге «Аграрная история Северо-Западной России. Вторая половина XV - нач. XVII вв.» (1971)

Таким образом, основное население волости жило не в районе озера Лопастаца, а в районе нынешнего озера Бакановское и озера Бойно.

В 1988 г. в этих местах побывали археологи Новгородской экспедиции Ленинградского отделения института археологии АН СССР. Они проводили археологические исследования в районе озёр Бакановского, Бойно и Бросно, изучали славянские курганы и селища. Археолог Е.И.Носов в своей статье «Новгородская волость Буйцы. Историко-археологический комментарий» пришёл к выводу, что «именно эти курганные группы на северном берегу озера (Бакановского. - А.П.), судя по всему, и относятся к летописному селению Буйцы». О том, что Буюц находился где-то в окрестностях Бакановского и Жуковского озёр - спорить не приходится. Но где конкретно?

Согласно переписным книгам, в то время все волостные центры пятин располагались на территории погостов. С упоминания о погосте начинается характеристика каждой волости. Описывая Деревскую пятину в 1495 году, писец неизменно указывает: в волости Холмской - «на погосте церковь Спас Преображения», в волости великого князя Велиля - «на погосте церковь Успенье Пречитыя», в волости великого князя Морева - «на погосте церковь Успения Пречистая да другая Велики Никола», в волости великого князя Лопастацы - «на погосте церковь Велики Никола».

О волости великого князя Буюц сказано так: «на погосте церковь Покрова Святыя Богородицы; дв. поп Онтон, дв. пономарь Филиппко, сеют ржи 2 коробьи, а сена косят 15 копен, обжа». Судя по списку церквей, причт и приходов Холмского уезда, который мы обнаружили в Памятной книжке Псковской губернии за 1876 г., в Баканове и его окрестностях никогда не было ни погоста, ни церкви. Они были в Бросно, Торопаце, Лопастаце, Лучане, Бологове... Но не в Баканове.

А вот в находящейся от него километрах в 2-х - деревне Жуково погост был. И издавна там стояла церковь.

Сельский погост. Кладбище или центр волости?

Мне хорошо знаком этот погост. Я живу в д. Жуково напротив старого сельского кладбища, заросшего столетними берёзами. Из окна хорошо видна старая ограда, сложенная из поросших мхом камней, да кресты на могилах. Это, пожалуй, единственная достопримечательность деревни. В ненастную погоду, когда с озера Бойно дует ветер, деревья на кладбище шумят и стонут, и этот гул доносится до нашего дома.

Моя соседка - дачница ворчит:

- Не нравится мне это кладбище - мрачно как-то и неуютно. А я уже привык к этому древнему погосту, где нашли своё упокоение многие поколения местных жителей. Когда-то при кладбище стояла большая кирпичная церковь с двумя приделами. Но в 1950-х гг. её разобрали на кирпич местные мужики, растащили старые иконы, и теперь ничто не напоминает о её существовании.

Когда я смотрю на погост, то не могу отделаться от мысли, что этот погост, и древнее кладбище, и озеро Бойно, и вереница курганов за околицей деревни - всё это остатки какого-то неведомого нам древнего, таинственного, давно ушедшего мира, но с которым и сейчас нас связывают тысячи невидимых нитей. Древние славянские курганы окружают деревню со всех сторон: они тянутся по берегам Бакановского озера и озера Бойно, весь лес по берегу озера Бросно буквально заполнен большими и малыми «сопками», курганами, аккуратно обложенными у основания валунами. Как будто попадаешь в древнюю страну, только недавно покинутую её обитателями. Здесь много столетий назад жили люди, ловили рыбу, пахали землю, любили, рождались и умирали, найдя последнее упокоение и в этих курганах, и на этом тихом заросшем сельском кладбище.

Так уж устроен человек - нам кажется, что мы единственные жители на этой земле, и что мы строим жизнь сами, ни на кого не оглядываясь и ни с кем не считаясь. А на самом деле - мы только продолжаем делать то, что делали до нас десятки предыдущих поколений. Как сказал как-то наш замечательный исто-

рик О. Ключевский: каждое новое поколение стоит на плечах предыдущего.

Здесь всё дышит стариной: и курганы, и древние камни с высеченными на них таинственными знаками, и старинные насыпные городища, и озёра с бесконечными просторами. И почерневшие от времени монеты, которые нет-нет, да и находят жители на своих огородах.

Вот и сегодня мой внук, копая грядки, наткнулся на старую монету с надписью «одна деньга». Таких находок у него уже набралось немало. Он хранит их в большой коробке из-под конфет: здесь и монеты времён Павла I, Александра I, Анны Иоанновны... Самая старая датирована 1735 годом. А рядом с монетами - другие находки: ржавые гвозди с расплюснутыми шляпками и коваными в деревенских кузнях гранями. Видимо, немало тайн хранит эта древняя земля.

Погосты издавна играли на Руси особую роль. Составитель Толкового словаря В. И. Даль так определял слово «погост». Это - «приход сельский; несколько деревень под общим названием; волость; отдельно стоящая на церковной земле церковь, с домами попа и причта, с кладбищем; кладбище с церковью вообще;

От старинного Жуковского погоста сохранилась только ограда, сложенная из камней, скреплённых известью

подворье, заезжий постоялый двор на отшибе вдалеке от селения, одинокий».

Действительно, в нашем представлении погост - это церковь с кладбищем, как правило, стоящая отдельно от окружающих его деревень. В них не сеяли не жали, а жили поп и церковная обслуга. В новгородских землях о таких погостах говорили: «лежит деревенька на горке, а в ней хлеба ни корки» или «звону много, а хлеба нет».

Погосты стали возникать на Руси ещё до её официального крещения. Впервые это название упоминается в Лаврентьевской летописи под 947 г., т.е. за 40 лет до крещения Руси, в которой говорится: «в лето 6455 (946), иде Вольга (княгиня Ольга) Новугороду и устави по Мсте повосты (т.е. погосты) и дани; ловища ея суть по всей земли, знамянья и места и повосты, а сани её стоят в Плескове (т.е. Пскове) и до сего дня».

С XI в. это название уже регулярно встречается в письменных документах, договорных грамотах, переписных и оброчных книгах.

Особенно активно возводятся погосты на Псковской и Новгородской земле в XIV - XV в.в. Тогда же появляются и многие погосты в Холмском уезде: погост Ровное (примерно в 1400 г.), погост Медовое - в версте от Холма (около 1580 г.), погост Жуковичи (около 1550 г.) и др. Жуковский погост - один из самых древних - во всяком случае в 1495 г. здесь уже стояла деревянная церковь, построенная, видимо, значительно ранее.

Церковные погосты были основными форпостами православия в этом первоначально поголовно языческом краю. Они не случайно воздвигались на старых могильниках, жальниках, жертвенниках прежних жителей этих мест.

У каждого погоста был свой приход, который объединял в одну общину десятки деревень и сотни прихожан. Приход жил по своим обычаям и традициям, обладал определёнными правами и обязанностями и по сути был одним из важных элементов управления данной территорией. Первоначально прихожане были наделены даже правом выбора сельского священника.

Его выбирали на сельском сходе, и только потом утверждали церковные власти. Да и их материальное содержание тоже оп-

ределялось приходами. Поэтому и авторитет священников на селе был весьма высок.

В одной из старых книг я нашёл вот такой приговор сельского схода об избрании приходского священника: «Мы выбрали и излюбили отца своего духовного к себе в приход, и как его Бог благоволит к себе и святой владыка его в попы посвятит и будучи ему у нас в приходе служить и к церкви Божией быть подвижну, чтоб церковь Божия не была без святого пения, и у нас в приходе ему к болям и роженицам с причащением и молитвами быть подвижну и со всякими потребами. А он - человек добрый, не бражник, не пропойца, и ни за каким хмельным питием не ходит, в том мы, старосты и мирские люди, ему выбор дали».

Как писал знаток церковной псковской старины священник В. Смире-чанский, большая власть приходов над священниками шла от вольности Новгорода и Пскова, веча и других древнерусских демократических традиций.

Церковные власти также предъявляли к сельским священникам высокие нравственные требования. Они должны быть непорочными, известны прихожанам с детства, а по возрасту не моложе 30 лет (священники) и 29 лет (дьяконы). И, как постановил в 1274 г. Владимирский церковный собор, они должны «панеже же блюсти себя от объядения, и пьянства, и клеветы, и лжи, и прочих неподобных дел».

Но и прихожане должны были соблюдать определённые правила. В 1528 г. новгородский владыка Макарий даже разослал по приходам особую грамоту с наставлениями как следует вести себя в церкви: «а нечто грехом вскачет в церковь пёс или свинья, или в той церкви помост измыти того же дни, да опосле того кропити святою водою, а не служить в той церкви неделю... А в которой церкви какова скверность учиниться, младенец в церкви помочится или кто кровию плюнет, или у кого из носа кровь пойдёт или кто побьётся в церкви, ино то скверное место водою измыти да водою святою пролити, и молитвы говорити: а где церковь будет деревянная, ино то сварное место вытесати да водою же измыти, да кропити святою водою и молитвы говорити».

Но погосты на Руси были не только духовными, религиозными центрами, сельскими приходами. Первоначальная их функция была совершенно другая: это административная единица, а

также место торговли, сбора налогов и податей. Это подворье, заезжий постоялый двор, и только потом населённый пункт с церковью и кладбищем. Не случайно ведь слова - «гость» (купец, торговец) и «погост» происходят из одного корня. А из письменных новгородских источников мы знаем, что в средние века многие погосты были не только административно-территориальными органами местного управления, но и центрами волостей новгородских пятин.

Погосты всегда строили на самых оживлённых торговых дорогах и на высоких местах по берегам рек и озёр. Многие из них охраняли торговые дороги и знаменитый путь «из варяг в греки».

Городки, возникшие вокруг погостов, как правило, укреплялись, обносились валами или деревянными оградами. В случае опасности они превращались в маленькие крепости, под защиту которых собирались крестьяне со всей округи.

В прежние времена Жуковский погост входил в состав Псковской епархии и располагался на территории Холмского уезда Псковской губернии. В Андреапольском краеведческом музее его директор В. Линкевич передал мне любопытный документ из Псковского областного архива: «Ведомость Холмского уезда погоста Жуково за 1813 год». В нём приводятся результаты его обследования за 1813 год.

Тогда священником на погосте был Алексей Игнатьев и жил он вместе с матушкой Дарьей Терентьевой и детьми - Семёном и Параскевой, которые учились в Великолуцком училище. А из других церковнослужителей упоминается дьякон Алексей Стефанов, дьячок Илларион Стефанов («в чтении и пении средствствен») и пономарь Яков Иванов («в чтении и пении исправен»). Как сказано в ведомости, все они - «состояния хорошего», «под следствием не состояли», «ни в каких дурных поступках» и в двоежёнстве не замечены.

В Жуковский приход тогда входили десятки деревень на расстоянии 3-15 вёрст от погоста: Подберезье, Байково (на озере Бойно), Баконово (Баканово), Альховец (Ольховец), Быстри, Заход, Замошье, Заногы, Волок, Антоново, Андронов, Тюхово (Тюково), Рытый Ляд, Запасольный Мох, Новая, Буян Мост, Пещаха (Песчаха), Родина, Студеница, Никольское, Покровское (на оз. Бросно), Ровни. Всего 101 двор, 434 души «мужес-

Так, на наш взгляд, выглядел Жуковский погост в начале XIX в.
Реконструкция Димы Попова

ка пола» и 461 - женска». Все православные, раскольников в приходе не было.

В общем Жуковский приход в 1813 г. занимал всю южную часть прежней Буюцкой волости и являлся как бы её преемником.

Но самое интересное ждало нас впереди, когда мы прочитали текст сопроводительной записки к Ведомости: «В оном погосте - церковь во имя Покрова Божия Матери с приделом Николая Чудотворца. Построена в 1723-м году деревянная, а 2-ая во имя Покрова же Божия Матери с приделом Николая Чудотворца и Нила Столбенского Чудотворца, каменная, построена в 1801-м году... В близости к настоящему погосту имеются погосты Таропатца в 7-ми, Бросно - в 6-ти верстах».

Но ведь и в новгородской переписной книге 1495 г. тоже сказано, что на погосте Буюцкой волости стоит церковь Покрова Святыя Богородицы.

Совпадение? Случайность? Вряд ли - ведь по церковной традиции новая церковь на месте ветхой и пришедшей в негодность

всегда освящалась в честь имени святого, которое носила прежняя церковь. Судя по всему, на месте нынешнего Жуковского погоста, начиная с XV в. (а скорее всего и раньше) стояли деревянные церкви, которые, по мере их ветшания, заменялись новыми, но неизменно освящались как церкви Покрова Богородицы.

Так может нынешнее Жуково и есть тот самый Буец, а Жуковский погост и есть тот самый погост, который стоял на месте древнего Буйца?

«Холм, подверженный ветру.» Откуда пошло название Буйца

Первый исследователь новгородских пятин К.А. Неволин, когда издавал свою книгу в 1853 г., по старым картам и спискам населённых мест так и не нашёл ни селения с именем Буец, ни озера с таким же названием. Однако в оброчной книге Деревской пятины (1495), наряду с названиями озёр, находящихся на территории Буецкой волости, упоминается и озеро Буец: «А угодыя в Бунце за Микифором с братией: озеро Буец всё их...».

В списке населённых мест Псковской губернии, составленной по сведениям 1872-1877 гг., в разделе «Холмский уезд» помещён полный перечень погостов, деревень, усадеб, посёлков и селец Жуково-Торопацкой волости, которая, как сказано в справочнике, «расположена вдоль границы Торопацкого уезда по верховьям р.р. Торопы и Волкоты». И которая как раз размещалась на землях южной части прежней Буецкой волости. Под номером 14740 там упоминается и д. Жуково - «погост при озере Бойно, 77 вёрст от уездного города, 39 вёрст от квартального стана, 3 двора, 4 жителя муж. пола, 7 - женского, церковь православная, водяная мельница» и под номером 14736 Баканово - «деревня, 75 вёрст от уездного города и 37 от квартального стана, 9 дворов, 32 жителя муж. пола и 24 женского». А в скобках указано старое название деревни Баканово - Забуйцы «при озере Забуйце и ручье Сквознихе».

Сохранилось название озера Буец и на старых картах. Правда, мы не нашли его на картах Шмидта (1829) и Шуберта (1840), но на Военно-топографической карте европейской части России, изданной в 1915 г., оно есть и носит на-

звание озера Буйцо, хотя к тому времени уже существовала д. Баканово.

Вот так - а говорят, что от древнего Буйца ничего не осталось. Ещё как осталось - древний погост, где некогда стояла церковь Покрова Богородицы, старые названия Бакановского озера и деревни. Каким-то чудом, пережив столетия, название Буец сохранялось вплоть до конца XIX в. и в названии местной крестьянской общины. В 1890 г. в Жуково-Торопацкой волости было несколько таких общин - Коростинское, Андроновское, Тюховское и ... Забучье (т.е., по-нынешнему, Бакановское). Действительно, если уж и рукописи не горят, то и города не исчезают бесследно.

Правда, тут же возникает вопрос - а почему и деревня Баканово и Бакановское озеро раньше называлось Забучье или Забучье?

На карте Андреапольского района немало названий с приставкой «за»: Заболотье, Залесье, Заволочье, Закрючье, Заречье, Захоломье, Заселица, Заборье, Затрубье... В. Даль объясняет все эти названия так: «за» показывает «пребывание позади чего и вне чего; нахождение позади чего». Заболотье - «край, сторона по ту сторону болота», Заволочье - «место или сторона за волоком», Заречье - «местность за рекой», Заселица - «село, расположенное вдали от большой дороги; окраина поселения, пустырь за селом; отдалённое малонаселённое место, медвежий угол», Заборье - «деревня за бором, за лесом, поле, лежащее за бором», Закрючье - за крюком, за изгибом реки, Захоломье - местность за холмом и т.д. Значит, Забучье или Забучье озеро - это деревня и озеро, находящиеся за Буйцом. А где же тогда находился сам Буец? - На Буецком озере на месте нынешнего Жуковского погоста, а никак не в районе д. Баканово.

И это тоже обычное явление в этих местах. Достаточно сказать, что и озеро Волкота - тоже когда-то носило единое название, а потом с возникновением в её южной части деревни Заборовье, северная часть озера стало собственно Волкотой, а южная - озером Заборовским. Во всяком случае, именно так указано в справочнике 1872 г. А разделяет их узкая протока.

Озеро Охват тоже раньше в северной части называлось Охватом, а в южной - Жаденьем, а Отоловское - собственно Отоловским и озером Гари (в южной части). У Бакановского озера, как

ПСКОВСКАЯ ГУБ.—УП. уездъ холмскій.—статья 2.

477

№	НАЗВАНИЕ НАСЕЛЕН- НЫХЪ МѢСТЪ.	ПОЛОЖЕНИЕ.	РАЗСТОЯНІЕ ВЪ ВЕРСТАХЪ.		ЧИСЛО ДВОРОВЪ.	ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ.		Церкви и молитвенныя зда- нія; учебныя и благотвори- тельные заведенія; почтовые станціи; ярмарки, базары, аристани; фабрики и заводы и т. п.
			Отъ уѣздн. города.	Отъ станок. кварт.		м. п.	ж. п.	
14736	Баканово (Баканово, Забуйцы), дер.	при оз. Забуйца и рч. Сквозныхъ.	75	37	9	32	24	
14737	Байново, селцо.	при оз. Бойнѣ.	79	39	1	1	2	
14738	Литвиново, посело; различн.	при оз. Бойнѣ.	78	36	6	12	8	
14739	Подберезье, дер.	при оз. Бойнѣ.	80	34	3	12	17	
14740	Жуково, волость.	при оз. Бойнѣ.	77	39	3	4	7	Церковь православная. Веде- ная мельница.

Перечень населённых пунктов в районе озёр Бойно и Бакановского по сведениям 1872 г. (в скобках указаны старые названия д. Баканово - Забуйцы и озера - Забуец)

и у других озёр, тоже есть своя перемычка в виде песчаной косы, делящей озеро на две части: собственно Буецкое и Забуецкое. Она хорошо видна на космическом снимке Бакановского озера.

О том, что Жуково - скорее всего и есть наследник древнего Буйца, свидетельствуют и данные местной топонимики. Ведь названия могут многое рассказать, пролить свет на историю данных мест.

Древние поселенцы, основатели Буйца, были не оригинальны. Погост был основан на песчаном холме, на месте древних славянских курганов и был открыт всем ветрам, и сейчас часто дующим с северо-запада. Каждую осень, да и лето, ураганные ветры внезапно обрушиваются на деревню и на кладбище - валят деревья, рвут провода, срывают с крыш шифер и железную кровлю.

Видимо, эту особенность местного климата подметили и основатели Буйца. Словом «буй» у древних славян называлось высокое открытое место, подверженное ветру, и поэтому название Буец можно расшифровать как поселение на холме, подверженном ветру. Ну, а суффикс «ец» указывал на его размеры: о большом поселении мы говорим «город», а о маленьком - «городок» или «городец».

Но в русской топонимике одни и те же термины имеют зачастую и другие значения. По мнению В. Даля, «буй» - это не только

холм, подверженный ветрам. Так называли и «погост, место, где стоит церковь (обычно на возвышенности), место внутри огады церковной; кладбище, могилы, могильник». При этом в словаре делается сноска, что это слово древнеславянское и местное - бытует среди населения Псковской губернии.

У слова «буй», «буян» есть и другие толкования. Буян - это, оказывается, «майдан, вокруг открытое, ровное, возвышенное место; площадка, просторная прогалина», а также «площадь торговая, базар, рынок, торжок, толчок». И совсем уж интересно - так в старину называли речные пристани, место выгрузки товаров. Амбары, стоящие на таких «буянах», величали «буянными анбарами», а работников, занятых на их обслуживании - буянными артелями или просто буянщиками.

Все эти определения, которые мы нашли в словаре В.И. Даля, как нельзя более подходят к характеристике д. Жуково и с точки зрения рельефа, и с точки зрения её расположения на перекрёстке сухопутных и водных путей, и как торгового центра.

Село Святого Георгия. «Буянские анбары» на сельской таможне

И погост и Буец были сооружены здесь, у самой южной границы Деревской пятины не случайно. К.А. Неволин искал Буец где-то в середине волости, руководствуясь вполне здравым смыслом: оттуда легче было управлять волостью, свозить товары, собранные оброки и подати. Да и к Новгороду было ближе.

Но практичные новгородцы рассудили иначе. Для них важнее было торговое да и стратегическое значение этого новгородского форпоста на самых южных границах новгородского государства и на перекрёстке двух очень важных для новгородцев торговых путей - сухопутного и водного. Вот поэтому они, казалось, вопреки элементарной логике, волостной центр основали не в середине, а на самой южной окраине волости.

Через Буец проходила известная в то время сухопутная дорога от Смоленска к Торопцу и Новгороду. Об этой дороге упоминается во многих письменных источниках и документах - Торопец-

кой межевой книге 1629-1630 гг., Выписях из новгородских изгонных книг (1600), Торопецкой писцовой книге 1540 г. Тот, кто владел Буйцом - контролировал не только торговые пути, но и путь на Великий Новгород из южной Руси. Во всяком случае, его никак нельзя было миновать, потому что он был первым волостным центром, с которым приходилось встречаться путникам и купцам, выезжавшими из Смоленского княжества и Черниговской земли в Новгород.

У самого подножия Буецкого холма сухопутная дорога спускалась вниз и пересекала довольно широкую в те времена протоку из озера Буецкого (Бакановского) в озеро Бойно. По ней можно было попасть через озеро Бриссо (Тюковское) в озеро Бросно и затем в Зап. Двину. Об этой водной дороге уже рассказывалось в первом очерке «Волкота как крылатая птица».

Она являлась одним из местных ответвлений водного пути из варяг в греки, которое вело не только в Зап. Двину, но и на озеро Лучане, верховья Пола и Ловати и даже на верховья Волги.

Такое удачное расположение на перекрёстке сухопутных и водных путей и на самой южной границе новгородских земель и определило характер и значение этого средневекового поселения. В начале XIII в. Буец уже был довольно известным и, по средневековым меркам, значительным населённым пунктом. Об этом, в частности, свидетельствуют события 1232 г., описанные в синодальном списке новгородской первой летописи - самой древней из всех сохранившихся больших русских летописных памятников. Составлена рукопись в XIV в., а некоторые учёные датируют её даже более ранним временем - XIII в.

Так вот в этой летописи говорится: «В лето 6740 приидоша ис Чернигова Борис Негочевиць, тысяцкий Михаилъ с братом и Водовикович Петре, Глебъ Сменовъ брат Борисович, Миша, с княземъ Святославомъ Трубечьскимъ на средоговение; и быша в Буеце, селе святого Георгия (курсив мой. - А.П.), и оттола въспятися назад князь Святославъ в Русь...»

А вот его спутники, среди которых была и новгородская знать (тысяцкий и его брат, брат и сын новгородского посадника) вместе с черниговцами отправились из Буйца в Псков, который был в то время под управлением Великого Новгорода, заковали в железное псковского наместника, тем самым подняв мятеж против само-

го Новгорода. Новгородский князь Ярослав в ответ на это поступил решительно и энергично - взял в заложники жён мятежников новгородцев и направил в Псков ультиматум: «мужи мои пустити, а темь путь покажите прочь, откуда пришли».

В общем событие довольно обыкновенное для того времени.

Важно другое - судя по летописи, Буюц уже в XIII в. был крупным по тем временам волостным центром и не только торговым, но и порубежным городком. Не случайно же Трубчевский князь Святослав, который вместе с другими пришёл в Буюц, счёл благо разумным «вспятиться назад», потому что за Буюцом простирались земли другого государства, и он не хотел нарушать границу. Но самое любопытное - то, что вся эта княжеская компания, направляясь в Буюц, въехала не в обычную деревню, сельцо или погост. «Приидоша ис Чернигова» она оказалась «в Буюце, селе Святого Георгия» (разрядка моя. - А.П.), т.е. принадлежащего новгородскому Юрьеву монастырю.

В старину на Руси существовали чёткие разграничения в характеристике населённых пунктов: село, сельцо, деревня, хутор, починок - каждое из них обозначало особую роль поселения в хозяйстве, численности населения. В летописи Буюц не называется деревней - и потому, что к этому времени он был довольно крупным населённым пунктом, и потому, что этот термин получил широкое распространение только в XIV в. (от слова «драть», т.е. «пахать лесную новину»; деревня - это «пашня на месте сведённого - выдранного леса»). И только с XV в. это название появляется в значении «селение, посёлок».

Термин село - значительно древнее, он известен с X в. И первоначально им обозначали феодальное поселение, т.е. имение князя или его приближённых. Потом этим термином стали называть коллективные крестьянские землевладения и поселения вообще. И только с XVII в. село стало употребляться как «сельское поселение с церковью».

Значит, трубчевский князь Святослав со своими новгородскими друзьями въехал во вполне крупное феодальное поселение, к тому же охраняющее южные границы и торговые пути новгородского государства.

Вообще все летописные источники и грамоты того времени, так или иначе касающиеся Буюца, в значительной степени посвя-

щены торговым делам и имущественным отношениям в области взимания налогов, оброков, податей, продаж, вир, вено и таможенных пошлин, которые брали с привозимых товаров.

Учёные много внимания уделили тому месту в жалованной грамоте Юрьеву монастырю (1130), где говорилось о продажах, и особенно неразборчивой фразе с пропуском букв - «вено во...кое».

Ещё И.И. Срезневский предложил читать эти слова как «вено волоцкое» или «вено волочковое». Вено - это плата за что-то. У Даля - это «откуп, выкуп; калым, кладка, столовые, деньги на стол». А «вено волоцкое» - плата за волок, пошлина за перевозку грузов по воде или по дороге, за перевалку, а, может быть, и хранение грузов.

Это означает только одно, что Буюц, так выгодно стоявший на перекрёстке дорог и на въезде в «новгородчину», помимо других своих функций, выполнял ещё и роль не только пограничного и торгового центра, но и таможенной заставы, где с купцов брали пошлины и за провоз товаров (по воде и по дороге), за перевалку грузов и за их сохранность. Вот, наверное, эта подать и была названа в жалованной грамоте на владение Буйцом - «вено волоцкое».

Кстати, такой вид пошлин ещё долго взимался в этих местах, в том числе на Зап. Двине. Торговля по этой реке была большая: из Торопца везли в Ригу мыло, сукно, полотно, тулупы, шкуры, из Витебска - пеньку, конопляное и льняное семя, пшеницу, ячмень, горох, хмель, шкуры, юфть, а вверх по Двине - соль, сельди, вино, коренья, железо.

Торговля была значительная, а складывать товары было негде. Вот тогда царь Алексей Михайлович и дал «жалованную грамоту полоцким мещанам» (1657). В ней говорилось: «прежде сего езживали они, посадские люди, из Полоцка в Ригу с торговыми Двиною рекою, а товары собирали в разных уездах и складывали они те товары в Полотском уезде, в панских и в иезуитских местечках..., и с тех товаров давали анбарщину большую... Анбары для них, посадских людей, для всякия товарной клади, указали мы, великий Государь, построить за острогом, и наши великого Государя пошлины со всех товаров и анбарщину собирать в ратушу против прежнего, по чему сбирано наперёд сего... А за ратушею порожнее место... и то место построить в гостин двор для простора гостина двора».

Также и в Буйце: он должен быть окружён всевозможными постройками, гостинными дворами, трактирами, конюшнями, куз-

ницами и, конечно, «буянными анбарами». Ведь слово «буй» расшифровывается не только как «холм, подверженный ветру», но и «место для выгрузки товаров».

Ну, а если были «анбары», то должны быть в этом селе и те, кто управлял всем этим непростым хозяйством.

Где-то здесь, в центре Буйца, недалеко от погоста и должна была располагаться усадьба управителя волости - волостеля или тиуна.

«На погосте двор Микифоров». Как собирали налоги в древней Руси

В писцовой книге 1495 г. так говорится о Буецкой волости: «Волость великого князя Буец, бывала Юрьевского монастыря, за Микифором да за Михалем да за Степанком да за Гридкою да за Илейкою да за Захаром, Ивановыми детьми Языкова, в поместье». Имя летописного Микифора упоминается и в других местах писцовой книги. Это был один из главных владельцев тамошних земельных угодий. Кроме земли, ему вместе с братьями принадлежали и окрестные озёра: «озеро Буец всё их, в озере Бросне - треть, в озере в Волкоте пятая часть; озеро Буино (Бойно. - А.П.) ... половина».

А где же жил сам Микифор?

Этот ответ мы тоже находим в писцовой книге: «на погосте ж двор Микифоров, а в нём сам живёт: пашни нет». Значит, помимо домов попа Онтона и пономаря Филиппко, на погосте в то время стояло ещё и поместье (не двор, а целое поместье), в котором жил сам Микифор. И при этом он не пахал землю и пашню, в отличие от попа Онтона и пономаря Филиппко, а, значит, жил как помещик за счёт своих угодий, рыбных озёр и крестьян, исправно платящих налоги не только великому князю Московскому, но и ему самому, Микифору, и его братьям.

Интересно, что и в других волостях Деревской пятины главные владельцы земельных угодий да и правители волостей тоже жили на погостах. В Холмском погосте, например, волость была за Василием Объедом и его детьми, и жили они на погосте тоже в

своём поместье, да не одни, а со своими «людьми» - Якушем, Матвейко и Палкой. На погосте ещё жили поп Мартемьян, дьякон Гридка, сторож Ивашко и проскурница Настя, а также крестьяне - Ивашко, Точильник, Гридка Ус, Лучка Матвеев и др. Жителей не так уж мало - наберётся небольшая деревенька.

В Велилах - «на погосте ж дв. княж. Федоровской...дв. церковный дьяк Ортём, дв. сторож Федко»... Кроме них, 6 дворов крестьянских, двор кузнеца. В Мореве - «на погосте ж дв. княж. Федоровской да дв. тивунов (управитель власти. - А.П.) ... да дв. -ямской»; в Лопастиче: «на погосте ж дв. Фёдоров да Васильев да Александров, в нём сами живут; да дв. Иванов, а в нём сам живёт; а людей их: дв. Митяя дьяк, дв. Мокейко, дв. Осташко; а пашни у них нет».

Как мы видим, на погосте не только расположены дома главных землевладельцев, но прямо указывается, что в Мореве, например, на погосте находятся двор самого тиуна и ямская изба, а на других погостах живут волостные дьяки, служители и их люди, которые не занимаются земледелием, - «пашни у них нет».

Это означает, что именно на погосте, а не где-то в других местах, и находился центр управления волостью, где жили и тиун, и дьяки, и другие служилые люди. И вполне возможно, что и буюцкий Микифор, как и моревский «тивун», тоже имел какое-то отношение к управлению волостью, ведь и у него тоже «пашни нет». А может он и сам был буюцким «тивуном».

У волостелей и тиунов было немало обязанностей и главная - сбор налогов с подведомственной им волости. Помещики, наверное, собирали налоги с крестьян своими силами. А вот подати в казну новгородского Юрьева монастыря или великого князя Московского собирали управители волостей с помощью волостных дьяков, писцов и деревенских старост.

С Буюцкой волости оброк собирался немалый: «А нового дохода с 161 обжи (разрядка здесь и далее моя. - А.П.) денгами и с ключничим 9 рублёв Ноугородцкая и 2 гривны и 3 денги; а хлеба поспом всякого и с ключничим 520 и пол-5 коробьи с четвериком, а хмелю пол-10 коробьи с получетвёрткою; а мелкого дохода 79 боранов, 69 полот мяса, 59 куров, 23 сыры, 40 пятков и 2 горсти лну, 60 и пол-3 поярка, пол-5 овчины, пол-207 пострамков сена, 160 с полусажению дров. А со 16 обеж дохода нет: обжу пашет поп

с пономарём, а 15 обож с третью обжею пусты».

Процесс подворовой переписи населения был разработан довольно детально и предполагал участие в этом немалого количества людей. Главными фигурам тут были, конечно, писцы, которых сопровождали подъячие. Но прежде чем писцы приступали к делу, их приводили к «крестному целованию», дабы дело своё они делали честно и добросовестно. Затем писцы разъезжались по деревням и по починкам, а их в Буецкой волости в конце XV в., как мы знаем, было ни много - нimalo, а 117. Прибыв на место, писцы своё дело начинали со сбора так называемых «сказок», т.е. с описаний состояния хозяйств каждого владельца земельного надела, которые заранее готовили для них старосты и другие выборные люди. «Сказки» передавались писцам для дальнейшей работы. Писец обязан был, взяв «сказки», лично перепроверить все включённые в них данные или, как тогда говорили, «всех пересмотреть», произвести межевание земли, установив, сколько обжей пашет крестьянин или сколько копен сена собирает с того или иного луга. В зависимости от этого устанавливался и размер оброков и других платежей в казну. А уже потом каждый писец передавал собранные сведения дьякам для составления писцовой книги по всей волости.

Видимо, и в то время при проведении переписи встречались случаи мздоимства и взяточничества. Поэтому переписчики получали строгие наказания: «а того б еси над выборными старостами берег накрепко, чтоб они живущего в пусто не писали и посулов и поминков (т.е. взяток) от того не имали ни у кого ничего».

Затем книгу везли в приказ, который ведал управлением той или иной территорией. Официальным документом она становилась лишь после её утверждения в приказе. Книги составлялись настолько тщательно, что, начиная с XVIII в., они использовались как справочники по генеалогии русского дворянства и как документы, подтверждающие древность рода и права на владение поместьями и земельными угодиями. В России они признавались официальными юридическими документами.

Крестьяне Буецкой волости платили оброк или подати в разных видах: долей урожая (издолье), посопным хлебом (посп), издольем с деньгами, поспом с деньгами, издольем с поспом и деньгами, одними деньгами. Подати платили рыбой, шкурками зве-

рей, мёдом, прядением и ткачеством. В Деревской пятине был распространён также отхожий промысел - копачей. Своему хозяину - «копанщику» они платили довольно большую пошлину - по 4 деньги с человека.

Буюцкая волость была не самая богатая в Деревской пятине, но тем не менее собранный оброк Московскому великому князю был довольно внушительный. Основной единицей поземельного обложения в новгородских землях в XV-XVIII вв. была обжа. Как сказано у В. Даля, это название происходило от слова обжинать - «обжать все поля, снять всё, что было для жатвы, весь посев или кончить жатву». Обжа - это «мера земли под пашню; сколько человек с лошадей вспашет в рабочий день».

Новгородская обжа равнялась пяти десятинам, т.е. 5,5 гектара. А земля подразделялась на четыре сорта - добрая, средняя, худая и «добре худая». В Буюцкой волости большинство земель было или худыми или «добре худыми», но тем не менее хлеба собирали поспом 520 коробьев. Посп (от слова «ссыпать») - особый вид хлебного оброка, когда подати платили не деньгами, а зерном. У новгородцев деревни, платящие подати не налогами, а хлебом, называли посопными. А коробья - это мера объёма сыпучих тел в старом Новгороде. Одна коробья равнялась 7 пудам ржи (112 кг).

Таким образом, имея пахотной земли 886 гектаров, волость, кроме денежного, платила натуральный земельный налог - около 3700 пудов ржи, т.е. в современном исчислении почти 60 тонн. Чтобы перевести такое количество зерна, требовалось 100-120 подвод - не меньше.

Но ведь вместе с рожью в Москву, Новгород или Старую Русу надо было перегонять ещё целое стадо баранов - почти 80 голов, везти более 60 поярков (по В. Далю поярок - «шерсть, руно с ярки, с овцы по первой осени, первой стрижки»), 207 пострамков, т.е. стогов сена (в XV в. одна копна сена тянула примерно на 6-7 пудов - 90-110 кг и стоила 1,5 деньги), 69 полот мяса (т.е. разрубленных пополам мясных туш).

А ещё 160 сажень дров - без них на Руси в суровые зимы не мог обойтись ни крестьянин, ни великий князь. Дрова в те времена измерялись саженьями: поленицу ставили на землю возле сарая и отмеряли: сажень (немногим более 2-х метров) - в длину и сажень - в высоту. А вглубь ставили полешки длиною каждое в чет-

верть сажени (50 см), в один, два или три ряда. Соответственно, дровяные сажени были однополенные, двухполенные и трёхполенные. Такое измерение объёма дров использовалось вплоть до конца XIX в. В Петербурге трёхполенная сажень дров равнялась 9 куб. сажени, т.е. где-то полтора кубометра дров в современном исчислении.

В писцовой книге не указывается, какие использовали сажени в Буецкой волости - одно, двух или трёх-поленные. Скорее всего, двух или трёх - тогда получается, волость должна была заготовить и перевезти великому князю от 160 до 240 куб. метров дров. Это же не один санный обоз!

И всё это - не считая такого «мелкого дохода» как 59 кур, 23 круга сыра, льняных семян, хмель, овчины, 40 пятков и 2 горсти льна...

В новгородских землях количество собранного льна измерялось в пятках, горстях. Пяток льна, т.е. сноп сжатого льна, как сказано у В. Даля, - это «связка в 50 горстей, повесмо». А горсть льна - «что захватывается в одну горсть, чтобы сжать или вытеребить». Получается, сорок пятков (снопов) - это ещё несколько телег.

Все эти припасы надо было свезти в Буец, собрать оброк со всех даже самых удалённых 117 деревень, организовать десятки конных обозов. Для хранения зерна, скота, продуктов строить хранилища: сараи, загоны, погреба, а для писцов, подъячих, возниц, крестьян из окрестных деревень сооружать постоянные дворы или просто места ночлега и отдыха. Да ещё и позаботиться о про-

Тип русского крестьянина XVIII в.

езжих купцах, торговцах и сохранности их товаров. Сколько же «анбаров» и гостиных дворов стояло на этом месте?

И всем этим волостным хозяйством должен был управлять или волостель или тиун. Значит, где-то здесь на сравнительно небольшом пространстве между берегами Буецкого (Бакановского) и Бойно (Жуковского) озёр возле погоста и должны были находиться и дом тиуна, и ямское подворье, и гостиные дворы, и избы для служилых людей, и ярмарочная площадь, и трактиры. И двор самого Микифора.

Куда же исчезли все эти постройки? Где они стояли? И куда делся сам волостной городок?

Буец - невидимый град Китеж? Куда исчезло летописное село

Буецкая волость продолжает упоминаться в документах, писцовых и межевых книгах и после присоединения новгородских земель в 1478 г. к Московскому государству. Она значится и в приправочных, межевых и перечневых книгах XVI и XVII вв. Но это уже была не та волость, которая известна нам по писцовым книгам 1495 г.

Когда писцы Дмитрий Ефимович Воейков и подъячий Фёдор Протопопов прибыли в 1628 г. на место составления очередной переписи, они обнаружили в «Буецкой волости: 3 сельца... 5 деревень, 47 пустошей; в сельцах и деревнях 6 дворов помещиковых, 6 дворов крестьянских, 3 двора бобыльских, а людей 14 человек». Всего 5 деревень, 14 «людей», но зато почти 50 пустошей, т.е. «незаселённая земля», «покинутая надолго из-под сохи земля, залежь». Это всё, что осталось от прежнего Буйца и его волости, в которой «по старому письму» было около сотни деревень, 186 дворов и 238 «людей»!

Как будто какой-то страшный и разрушительный смерч пронёсся над новгородской волостью, повергнув её в полное разорение и опустошение.

Что же случилось с этим, некогда хлебобобным краем, управлявшим Московскому князю обоз за обозом с хлебом, мясом, стадами баранов, овчинами, курами, сырами и бесчисленными пострамками сена?

В описи уже не упоминаются многие деревни и поместья, не значится там и сам Буюц с погостом, куда-то исчезло даже название Буюцкого озера, которое когда-то принадлежало «Микифору с братьею». Зато всё чаще упоминаются более дальние озёра - Бросно, Долгое, Волкота... Такое впечатление, что в Буюце и окрестностях и переписывать-то было нечего: ни людей, ни земли, а вокруг только одни пустоши.

Вот это столетие XVI-нач.XVII в.в., как мне кажется, и стало трагическим для Буюца, да и для всей Деревской пятины.

Вторая половина XVI в., как свидетельствуют историки, наполнена бурными и тяжёлыми событиями, принесшими краю неисчислимые беды и страдания.

Разрушительной и тяжёлой для новгородских земель была Ливонская война (1558-1583), тянувшаяся 25 лет, кровавый поход Ивана Грозного в 1570 г. на Новгород и Псков, опричнина, охватившая не только города, но и деревню, в том числе Буюцкую волость, тяжёлые повинности, налоги и неурожай. И к тому же эпидемии, моры и поветрия.

От холеры, моровой язвы и чумы гибли десятки тысяч людей, обезлюдели целые города и волости. В те времена это было не меньшим бедствием, чем нашествие Литвы или поляков. В 1446 г. в Пскове от эпидемии умерло почти 50 тыс. человек, а в 1595 г. был такой мор, что Псков вообще обезлюдел, и городские власти вынуждены были для заселения города перевозить сюда жителей из других городов и деревень.

В одном из письменных документов того времени говорится: «...бысть мор в В. Новгороде, зело страшен в Деревской пятине, в деревнях». Пашни зарастали, как раньше говорили, «в кол и в жердь» и даже «в бревно» (в «кол» - пашня заросла кустарником, в «жердь» - уже появился молодой лес, в «бревно» - на бывшей пашне вырос настоящий, спелый лес).

Обыскная книга Деревской пятины 1572-1573 гг. свидетельствует о полном запустении земель: если в погостах юго-западной части пятины, там, где находилась Буюцкая волость, в 1500-1550 гг. числилось 79 запущенных обож, то в 1572 г. пустых обож стало больше 6 тыс. Писцы в 60-80-х гг. XVI в. бесстрастно фиксируют причины запустения: от мора, поветрий, голода, от опричников, от «большой дороги» и ратных людей.

Буец как раз и стоял на такой «большой дороге», ведущей в Новгород. По ней проходили отряды Малюты Скуратова, считая всё на своём пути. На ней разбойничали многочисленные шайки грабителей. По ночам совершали набеги на деревни помещики из окрестных опричных погостов. Есть сведения, что и Буецкий погост тоже был взят в опричнину.

Ватаги «лихих людей» жгли деревни, грабили и убивали крестьян, а оставшихся с жёнами, детьми и «всеми животными» уводили с собой. Многие крестьяне, спасаясь от насилия и грабежей, разбегались «безвестно» и уходили от дороги в глухие непроходимые места.

Писцы 1580-х гг., прибыв для составления новых писцовых книг, бродили по волости, словно по пустыне, отыскивая ещё оставшихся в живых жителей. На обширной территории Деревской пятины, где раньше было более 50 погостов, сохранилось всего 1333 двора, а население составляло всего лишь 7%, если сравнивать с результатами переписи 1495 г.

За неполное столетие (с 1500 по 1582-83 гг.) количество крестьянских дворов сократилось в 14 раз, «людей» - почти в 15, а число жителей с 96 тыс. до 6,8 тыс. Буецкая волость представляла собой безлюдную местность, где жизнь ещё теплилась разве что в глухих лесах и болотах.

Писцовые книги 1582-1583 гг. (конец Ливонской войны) рисуют страшную картину запустения Деревской пятины и не только от «государевых», но и от «литовских людей» - литовских и польских отрядов, поголовно истреблявших местное население.

В 1580-81 гг. Стефан Баторий взял Холм и Холмскую волость, в 1606 г. на эти земли пришли отряды Сапеги. В 1610-1613 гг. - новое вторжение поляков, наступил период «смуты», который прозвали в народе «ляхолетьем».

Писцовые книги Деревской пятины конца XVI - нач. XVII вв. буквально кричат о запустении и разорении здешних мест. «Дер. Меглино выжжена, а в ней был двор помещиков, сожжён, а пашни было 3 обжи, а нынче пусто стоит и 89 (т.е. в 1589)-м году ни пахано, ни кошено». «В Демоне ж... было по книгам 13 деревень, деревни пусты и лесом поросли». «Сожжены 5 дворов, а тех побиты и в полон пойманы, и от войны безвестно нет 12 человек».

Литовцы и поляки не только жгли деревни и убивали мест-

ных жителей, они грабили церкви и поджигали православные погосты. «Погост Полоновский у озера у Селигера воеван и жжён. На погосте храм Николы Чудотворцы ... Попов двор сожжён...» Погост Молвотицы у Щеберихи: «да тутю же на погосте дворы церковные сожжены: всего 7 дворов». Погост Вельевский: «А на погосте храм был Михайло Архангел, сожгли литовские люди».

В «Росписи, сколько в Деревской пятине в Жихореве половине Рябчикова пустых погостов» говорится: «погост Курский, погост Намютц-кой, погост Семёновской, погост Поддубской, рядок в Русе в Мореве, рядок на Холму, рядок Курское городище, погост Берёзовской, погост Барковской, погост Листовской, погост Тюхолской, в Курском присуде в Кобыле, в Курском же присуде в Черенчевитцком погосте, погост Рамышевской, погост Ясенской Курского ж присуду, погост Коротцкой. И все погосты пусты и жильцов в них нет».

Такое же положение было и в Буецкой волости: деревни разорялись, а погосты разграблялись и сжигались.

Вот в этот, пожалуй, самый тяжёлый период в истории края, и произошли трагические события, приведшие, по-моему мнению, к гибели средневекового Буйца, потерявшего к тому времени значение торгового, административного и пограничного центра.

Подобная же участь постигла и другие волостные центры Деревской пятины - Велилу, Мореву, Лопастницу, Стерж. Но от них хотя бы остались деревни и прежние названия. А от Буйца - ничего.

Именно тогда это село, стоящее на «большой дороге» и было разорено, сожжено и стёрто с лица земли. Уничтожены были и все деревни вокруг, а жители бежали в окрестные леса.

Подобное случалось в то время и не с такими поселениями, как Буец.

Историк Н.В. Затейщиков рассказывает в своей книге «Город Холм и его уезд» (1891), как во время одного из нашествий Стефана Батория (1581) «исчез» город Холм. Он был полностью сожжён и уничтожен, а оставшиеся в живых жители бежали в окрестные леса. Шли годы, и о разрушенном городе стали забывать, его развалины заросли лесом, и теперь уже мало кто знал, что на этом месте некогда стоял город. И никогда бы не узнали, если однажды в эти места случайно не забрели охотники. Они заметили среди леса развалины Ильинской церкви, расчистили место и об-

Некоторые учёные считают, что именно на этом месте находился летописный Буюц. Район д. Жуково

наружили остатки некогда стоявшего здесь города. Но прошло ещё много лет, прежде чем люди стали возвращаться на свои пепелища и снова селиться в этих местах.

А что же тогда говорить о деревянном Буйце? Постепенно стало забываться и место, где находилось это село, и его название. От него остался только холм, где некогда стояла, тоже, наверное, сожжённая, церковь Покрова Богородицы, да старое название озера - Буюц.

Наверное, люди ещё долго не хотели селиться на буюцком холме, и когда позже они вернулись в эти места, они построили деревню уже в другом месте - на самом восточном краю озера и дали ей название - Баканово (Забуюц).

Под таким названием она и вошла в список населённых мест Холмского уезда (1872г.). Прежнего волостного центра Буюц в нём уже не значилось.

Не значилось оно и в более ранних официальных документах, начиная с 1836-1840-х гг., когда по распоряжению статистического отделения при совете министерства внутренних дел в губернии

ях стали составляться официальные списки населённых мест для направления центральным властям. Списки подготавливались по каждому уезду в алфавитном порядке, а сам документ назывался так: «Азбучный список всем церквам, местечкам, селениям, погостам и деревням (название уезда), исправником (фамилия, имя, отчество) составленный в ... месяце ... года».

Так вот в этом официальном списке, которым пользовался и К.А. Неволин, ни в Холмском, ни в Осташковском уездах деревня под названием Буюц действительно не значилась. Потому что к тому времени этого названия уже не существовало и вместо него уже давно употреблялось - д. Жуково, Жуковский погост. Исчезло и название Буюцкого озера, оно стало называться Бакановским по имени деревни, возникшей значительно позже.

Как Буюц стал Жуковым. Весточка из глубины веков

В этот период происходят большие изменения и в составе владельцев буюцких земель. Ещё в 1478 г. Иван III, покорив Новгород, провёл конфискацию земель новгородских бояр и раздал их московским боярам. Юрьев монастырь, которому Буюцкая волость платила дань, сразу лишился 409 обож. В 1481-86 гг. конфискованные земли широко раздавались московским помещикам. Этот процесс продолжался и позднее: «порозжие земли», которые лишились своих хозяев в ходе войн и набегов, раздавались новым владельцам и их детям.

Вместо Микифора с братьями - владельцев Буюцкой волости в 1495 г., в XVII веке появились новые хозяева - «дворяны, и дети боярские, и вдовы, и недоросли в поместьях и в вотчинах», за которыми значились «и сёла, и деревни, и полудеревни, и погосты, и починки, и пустоша, и земляца, и полустаны, и полусельца во всех станах и волостях Холмского уезда, и порозжия земли». Появился и новый термин для обозначения несуществующих деревень - ч.б.д. (что была деревня).

Характерно, что и сами погосты теперь начинают «значиться» за новыми владельцами земель. Поэтому некоторые из них и на-

чинают называться по имени деревни или местности, которыми владеют или где живут новые хозяева.

Прошло, наверное, немало времени, когда вокруг бывшего Буюцкого погоста возникло новое поселение, а то место, где раньше стоял Буюц и сам погост, начало ассоциироваться с фамилией местного помещика или владельца земельного участка.

Но был ли такой владелец на самом деле и носил ли он фамилию Жуков?

В одной из книг я обнаружил список фамилий помещиков и вотчинников Холмского уезда, которые упоминаются в переписных и оброчных книгах по старым новгородским волостям за 1596-1629 гг. В этом списке значились разные фамилии: Арбузовы, Агарковы, Борисовы, Большовы, Веригины, Глазовы, Глазуновы, Гафидовы, Дементьевы, Зеленые, Захаровы, Игнатовы, Измайловы, Колокольцевы, Коведяевы, Кумелевы, Корниловы, Коптевы, Кафтыревы, Коромалины, Короватые, Калитины, Ломаковы, Лихачёвы, Макаровы, Нащокины, Нефёдовьевы, Обьедовы, Обашевы, Подчертковы, Семичевы, Сокуровы, Скворцовы, Татариновы, Турульевы, Хлоповы, Челищевы, Чоглоковы, Шаховские (князья), Шамшевы, Федковы, Федцовы...

И среди них - вот удача - фамилия братьев Жуковых!

Я решил проверить, в каких волостях имели земли эти помещики. И вот, что получилось.

В волости Лопастницкой были деревни и угодья, принадлежащие Шаховским, Глазовым, Шамшевым и др. Но там не значилось землевладельцев с фамилией Жуковы.

В волости Велильской упоминаются фамилии Коведяевых, Шамшевых, Зеленых, Нащокиных, но Жуковых среди помещиков тоже нет.

Такое же положение было и в волости Моревской - там тоже земли принадлежали Шаховским, Шамшевым, Зеленым и Измайловым, но я не нашёл ни одного помещика с фамилией Жуков.

И только в одной волости Жуковы наконец-то обнаружили. И это была волость Буюцкая.

В переписной книге XVI в. указаны два участка, которыми владели братья: один участок был записан «за Васильем и Тоимом Фёдоровыми Жуковыми», а другой - «за Иваном Фёдоровым Жуковым». В общем получается так, что земли в Буюцкой волос-

Деревня Жуково. На заднем плане - кладбище на месте бывшего погоста

ти между 1495 и 1629 гг. перешли от потомков братьев Языковых в собственность уже других братьев - Жуковых.

Известно не так много случаев, когда погосты назывались именами собственными, свидетельствующими о принадлежности названия какому-либо лицу. Обычно они назывались по местности - Стерж (озеро), Лопастаца (озеро), Бросно (озеро), населённому пункту (Велила, Молвотицы, Берёзовец) или именем святого, в честь которого он освящён (Преображенский, Никольский, Успенский). Но есть и отимённые названия - Борисов погост, Савин погост, Жуковский погост.

Кто он был, этот человек по прозвищу или фамилии Жук? Сказать трудно. Но возможно именно от него и пошли названия и данной деревеньки и церковного погоста.

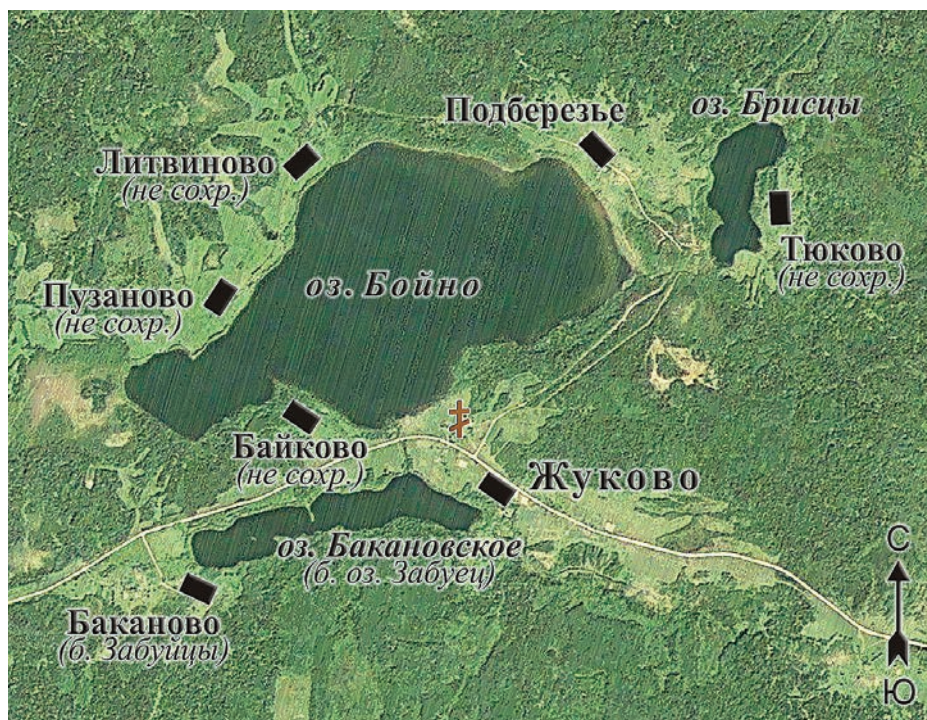
Вообще «жуковских» названий в тверском крае довольно много: это и деревни - Жук, Жуки, Жуков, Жуково, и урочища - Жуково, Жук, Жуковка, и реки - Жуковец, Жуковица и даже озеро Жуковское. Некоторые из них находятся не так уж далеко от центра бывшей Буюцкой волости: несколько деревень с названием Жуково (район озера Вселуг, вблизи посёлков Оленино и Нелидо-

во), д. Жук (на р. Селижаровке), урочище Жуково (на р. Паникли в районе пос. Нелидово), оз. Жуковское (в районе пос. Бологое), полуостров Жуково (на Селигере) и др.

На Руси прозвище Жук, откуда и пошла фамилия Жуковых, была весьма распространённая. Возможно, среди них были потомки тех самых братьев Жуковых, о которых говорится в переписной книге начала XVII в.

Во всяком случае в 1813 г., как сказано в Ведомости обследования погоста, это место уже существует официально как «Холмского уезда погост Жуково». Как Жуковский погост он значится и на картах Щмитда (1829), Шуберта (1840), на карте 1915 г. Но ещё раньше на этом месте с 1723 г. стояла деревянная церковь Покрова Богородицы, которая в 1801 г. была заменена на каменную.

Вот с этой деревянной церкви, а может быть и более ранней, и пошло название Жуковского погоста.

Так выглядит озеро Бойно из космоса. В скобках указаны уже не существующие деревни

* * *

В 2005 г. в районе д. Жуково побывала Новоржевская археологическая экспедиция Всероссийского историко-этнографического музея во главе с А.Н. Фроловым. Между деревнями Жуково и Баканово она обнаружила следы средневекового поселения XI-XVII веков. В раскопках и кротовых выбросах были найдены пломба середины XII - нач. XIII в., бронзовый браслет, дархем - византийская монета XI в., осколок старинной печати, другие бронзовые и керамические предметы. Это поселение находится на северном берегу Бакановского озера и занимает довольно большую площадь - около 5 гектаров. Культурный слой в этих местах составляет около 20 см.

На глубине 39-44 см в северо-западной части поселения обнаружено пятно ямы и скопление очажных камней.

Вместе с А. Фроловым в работе экспедиции принимал участие директор Андреапольского краеведческого музея В. Линкевич.

- Ну, вот, - сказал он мне при встрече, - вопрос о местонахождении Буйца можно считать закрытым.

- Значит, Буец находился на этом поле? - переспросил я.

Линкевич утвердительно кивнул головой.

Но мне кажется, что ещё рано ставить точку. И тайна существования старого новгородского села, погребённого под толстым слоем песка, ещё далеко не раскрыта. Как и не решён вопрос о месте его расположения. По-моему, поиски этого средневекового новгородского поселения только начинаются. Ведь серьёзных археологических раскопок, вроде тех, что вела Я. Станкевич, в этих местах давно не проводилось. Так что новые открытия и новые находки - ещё впереди.

Что же касается меня, то я никак не могу отделаться от ощущения, что древний городок находился где-то здесь, совсем рядом с жуковским погостом, на этом «холме, подверженном ветру». И когда я иду мимо кладбища, вдоль развалин древнего погоста, по той самой «большой дороге», на которой и стоял старинный городок, меня не покидает мысль, что здесь, под землёй, под моими ногами и лежат развалины, «села Святого Георгия», что я шагаю не по зелёной траве, а по фундаментам старых построек, деревянным мостовым, по обгоревшим от пожара брёвнам. Иду по невидимому и призрачному городку, ушедшему под землю, как леген-

дарный град Китеж. И мне кажется - стоит только копнуть эту землю, и старое средневековое село восстанет перед нами во всей своей сказочной красоте.

В период рассвета это было большое поселение, раскинувшееся вдоль дороги между озёрами Буюцким (Бакановским) и Бойно (Жуковским). Но центр его, мне кажется, был всё-таки на самом холме возле нынешних каменных стен жуковского кладбища. Здесь жила, если так можно выразиться, буюцкая элита - волостель (тиун), дьяки, писцы, находилась торговая площадь, гостиные двory, трактиры, волостное управление. А там, где сейчас стоит дом крестьян Писаренок, на самом крутом гребне холма возвышалось поместье самого Микифора. Ближе к Бакановскому озеру теснились административные постройки, а где-то возле нынешнего магазина была застава, въезд в село. Именно отсюда, наверное, подъехал к Буюцу отряд новгородцев и черниговцев во главе с князем Святославом в 1232 г. И встречали их колокольным звоном тогда ещё деревянной церкви Покрова Богородицы.

Но был и другой, деловой и торговый Буюц. Совсем рядом за речкой по дороге в сторону д. Баканово. Здесь находилась речная пристань, а на широком поле вдоль «большой дороги» простирался своеобразный посад с «анбарами», сараями, кузницами, конюшнями, избами ювелиров, гончаров, ткачей ... Это была уже «Забуйцовская» часть большого поселения.

Интересно, что разным частям поселения соответствуют и расположенные рядом группы погребальных сооружений. Они воздвигались, как правило, вблизи древних поселений, но в некотором отдалении от них. Ар-

Этот медный нательный образок Дима обнаружил, копая грядки на нашем огороде в д. Жуково

хеологи обнаружили здесь несколько больших групп могильников (сопок, жальников, длинных курганов), относящихся ко второй половине I тыс. н. э., т.е. времени зарождения Буйца. Одна группа курганов тяготела к «забуйцовской» части поселения, где находятся свыше 50 курганов и жальнических могил. А к центральной части Буйца тяготеют другие группы курганов, в том числе длинные, по берегу озера Бойно. Именно здесь, на наш взгляд, хоронили жителей буецкого поселения, расположенного вокруг погоста.

Эти два поселения разделяла протока, соединяющая озеро Буец с озером Бойно, которое, кстати, в отличие от озера Буец, сохранило своё первоначальное название.

Валерий Линкевич (слева) превратил краеведческий музей в один из лучших районных музеев Тверской обл., справа - автор книги А. Попов

* * *

От былой славы «села святого Георгия» сохранился ныне только высокий холм со старинной каменной оградой, остатки прежней «большой дороги» вокруг кладбища на Торопец и Холм, поле, где проходили деревенские ярмарки и сельские сходы да древние курганы - свидетели давних исторических событий.

Жуково ещё долго продолжало быть волостным центром тех территорий, которые раньше входили в состав Буецкой волости. Да и позже, уже в советское время, эта деревня оставалась центром сельсовета со всей положенной в то время инфраструктурой - почтой, школой, магазином, пекарней.

Но вслед за древним Буйцом, Жуково - как центр сельсовета не смогло выдержать испытания временем, пережить те невзгоды и потрясения, которые обрушились на нашу деревню уже в наше время, в условиях новой российской смуты.

Район д. Жуково с его обилием древних памятников разных эпох (селищ, городищ, жальников, погребальных комплексов), с расположенным на его территории старым новгородским городком Буец - это настоящий археологический заповедник под открытым небом, требующий глубокого изучения и сохранения для будущих поколений.

Сама земля таит в себе много тайн и загадок. И старый Буец время от времени выдаёт их как драгоценные подарки. Вот и моему внуку однажды повезло: копаясь на огороде, он наткнулся на глиняный ком земли. Расчистил его от грязи и ахнул: на ладони лежала медная позеленевшая литая дощечка с отверстием наверху. Сколько она пролежала в земле - неизвестно, но на её лицевой стороне явственно проступало барельефное изображение Иисуса Христа с надписью на старославянском языке.

Размер образка составил 5х4 см. Вверху была отлита головка с отверстием, видимо, для шнурка, чтобы носить образок на шее. Иконка находилась в хорошем состоянии, только слева с самого края была видна глубокая царапина, которая, правда, не дошла до самого изображения. Это была нательная медная иконка, которые мы потом видели в Московском Историческом музее. Датируются они разным временем от XV до XVII вв.

Кто её потерял, и сколько лет она пролежала в земле? Ведь по старым временам такие литые из металла иконки стоили недёшево, да и грех было терять подобные реликвии. А может, это была вовсе и не случайная потеря, а глубокий след на иконке - не вмятинка от лопаты или лемеха плуга, а от удара какого-то колющего оружия, перерубившего шнурок, на котором он висел на шее жителя Буецкой волости. И, может быть, именно образок и спас от смерти неведомого нам защитника Буйца? Вряд ли когда-нибудь мы узнаем об этом.

P.S. Вчера мы с внуком ставили новые столбы для ограды на нашем приусадебном участке. И вдруг лопата громко звякнула о какой-то камень. Расчистили яму - под слоем дёрна на глубине

около 40 сантиметров показалась кладка от фундамента какого-то дома из крупных камней-валунов, точно таких же, из которых сложена и кладбищенская ограда.

Ещё одна весточка из глубины веков?

Со словарём В.И.Даля в рюкзаке

Буец. Упоминается в русских летописях и средневековых документах, а также в Переписной книге Деревской пятины под 1495 г., как центр одной из новгородских волостей, плативших дань сначала новгородскому Юрьеву монастырю, а потом великому князю Московскому. До сих пор историки и археологи спорят о том, где находилось это средневековое поселение. Версии разные.

Не случайно и непросто
Он возник вблизи погоста¹.
В пользу церкви волостель²
Собирал здесь дань с «людей³».
Жил здесь поп отец Онтон,
Косил сена пять копён⁴.
А землёй владели вместе
Братаны в одном поместье.

Волость вся была за Гридкой,
За Михалем - очень прытким,
За Микифором, Захаром,
Степанком, совсем не старым,

И, конечно за Илейкой -
Жили все одной семейкой.
Все платили князю дань:
И попробуй - не отдай.

Гривны, хлеба коробьи⁵

¹ Погост новг. - «приход сельский; несколько древень под общим управлением одного прихода; волость, отдельно стоящая на церковной земле церковь с домом попа и причта, с кладбищем; подворье, заезжий постоялый двор на отшибе»...

² Волостель - «властитель, заведующий областью, правительственное лицо, начальник, волостелин, волостной голова».

³ «Люди» - «человек; ныне: простолюдин или человек из черни, мужиков» (в новгородских землях - глава семейства, женатый мужик. - А.П.).

⁴ Копна - примерно 6-7 пулов сена (90-110 кг).

⁵ Коробья - объём сыпучих тел в древнем Новгороде, одна коробья равнялась 7 пудам ржи - 112 кг.

Со двухсот почти обжи¹.
Семь десятков баранов²,
Сена двести пострамков³.

А ещё - полста куров⁴,
Шесть десятков поярков⁵,
Хмеля, сорок льна пятков⁶,
Ну, и двести сажен дров.

Всё везли сюда, в погост,
В разговенье и на пост.
Волость вся платила дань -
И попробуй не отдай.
Но пришла беда в Буец,
И настал ему конец.
Всё спалили ворога -
И деревни, и дома.

Заросла земля травой,
Только ветра слышен вой.
И теперь уж не понять,
Где же тот Буец искать.

Толь в Баканове⁷, Байкове⁸-
Это прямо у дороги.
В голове - сумятица -
Возможно, и в Лопастиче⁹.

* * *

Хоть повержен он врагами,
Верю - город где-то рядом:
Скорей всего, что в Жукове,
Где живу я с внуками.

¹ Обжа - «мера земли под пашню; сколько человек с лошастью вспашет в рабочий день; обжа местами считается в 125 саж. длины, в 32 саж. шир., а в нвг. обжа пять десятин».

² Бараны - бараны. - А.П.

³ Пострамок - стог сена. - А.П.

⁴ Куров - кур.

⁵ Поярок - «шерсть, руно с ярки, с овцы по первой осени, первой стрижки».

⁶ Пяток льна - «связка в 50 горстей, повесмо»; «что захватывается в одну горсть, чтобы сжать и вытрепать лён».

⁷ Баканово - деревня на берегу Бакановского (Забуецкого. - А.П.) озера.

⁸ Байково- деревня на берегу озера Бойно (не сохранилась. - А.П.).

⁹ Лопастича- погост на одноимённом озере - одно из предполагаемых мест расположения городка Буец. - А.П.

Над погостом

*Я пойду по тропе постоять над погостом
И о жизни своей не спеша погрустить.
В этом мире мне жить и легко и непросто,
И сирень скоро будет, как в детстве, цвести.*

*Сколько гроз прошумело мне скажет невольно
Старый клён, прислонившись к ограде стволом.
Мне стоять над погостом и грустно и больно,
Ну а годы летят, их смывает дождём.*

*И кресты уже стали совсем незаметны,
И неясен к могилам нехоженный путь.
Я пойду по тропе помолчать в край заветный
И усопших, в земле, что лежат, помянуть.*

Образок

Этот знак мне от Господа послан
С чистым ликом Иисуса Христа.
Благодарен тебе я, Апостол,
Благодарен я вам, небеса.

Видно это - отметина Божия.
Мне другая судьба суждена.
Значит, жизнь не зря будет прожита,
И наступят мои времена.

Следы на камнях

Странное хобби краеведа Ильина

Камень «Степан» на тверской земле

Куда плывёт каменная щука?

Могут ли камни путешествовать?

Ключи от тайны

Следы великанов

Сколько лет следовикам?

Путешествуя по Тверскому и Псковскому краю, мы часто наталкивались где-нибудь в глухом лесу или болоте на странные валуны, обросшие мхом и лишайником. Как будто ничего необычного - камни, как камни, каких ледник немало оставил в этих местах. Но если отчистить их от мха, то на некоторых из них можно явственно заметить странные знаки: ладони рук, человеческие следы и следы животных, какие-то, непонятные круги, «зонтики», «грибы», «вилы», «ключи», «рыбы» и геометрические фигуры. Как они появились на гранитных валунах, игра ли это природы или дело рук человека? А если человека, то зачем он выбивал в граните эти непонятные знаки и что хотел ими сказать своим соплеменникам и сообщить нам сквозь туманную даль веков?

Прошло уже более двадцати лет, как я увидел первый такой камень в районе Селигера. Мы, наверное, так и прошли бы мимо него, если бы не заметили на боковом срезе камня чёткое изображение ноги человека. Тогда я и не предполагал, что поиск вот таких таинственных камней со странными и непонятными знаками и станет на много лет моим самым страстным и сильным увлечением.

А началось всё со случайного знакомства с одним беспокойным и равнодушным человеком.

Странное хобби краеведа Ильина. «Отец» следовиков

Однажды (я тогда работал редактором в одном из московских издательств) дверь отворилась, и в комнату вошёл пожилой человек. Был он в военного покроя плаще, фуражке со звездой и забрызганных грязью пыльных кирзовых сапогах. Как будто только что вышел из леса. А в руках держал походную офицерскую кожаную сумку, туго набитую какими-то бумагами.

- Сергей Николаевич Ильин, - представился он, - краевед из города Шуя.

И положил передо мной пачку фотографий.

Сначала я даже не понял, что на них изображено. Какие-то обросшие мхом валуны, а на них неизвестно кем выбитые непонятные и загадочные изображения: следы ног человека и животных, ладони рук, крест, странные грибовидные фигуры на боку гранитной глыбы...

Сергей Николаевич сел и начал рассказывать о своём странном хобби - поисках в районе Селигера камней с выбитыми на них загадочными знаками.

Есть ещё такие увлечённые люди, которым сколько бы не было лет (а Сергею Николаевичу тогда перевалило за шестой десяток), всё интересно в нашей жизни, которые не потеряли способность удивляться, и которым позарез надо проникнуть в тайны того явления, с которым он столкнулся в своей жизни. Таких людей зовут краеведами. Они сами делают свою жизнь интересной и заражают своей энергией и любознательностью окружающих.

А жизнь Сергея Николаевича была действительно интересная, богатая испытаниями и приключениями, как и само время, в которое он жил. Солдат первой мировой войны, доброволец, вступивший в Красную Армию в 1918 году, участник Гражданской войны, политрук полка. Воевал на Перекопе, служил в 51-ой Перекопской дивизии. Принимал участие в подавлении кулацкого мятежа в Шацке Рязанской области («такой был приказ», - говорил).

Потом простого рязанского паренька потянуло в небо, стал лётчиком. Был в первой тысяче советских парашютистов. Однажды «для форсу» приземлился на землю с развёрнутой газетой в руках.

Газету раскрыл, а ноги при приземлении согнуть не успел. Провалился в больницу несколько месяцев со сложными переломами.

Потом увлёкся горным туризмом и альпинизмом. Без альпинистского снаряжения поднялся на Эльбрус. Простудился, заболел. С тех пор плохо слышал - оглох на одно ухо.

Когда его спрашивали: «Ну зачем тебе всё это? Живи спокойно», отвечал: «Так ведь жизнь-то какая-то интересная, зачем же от неё бегать».

Перед войной судьба забросила его на Селигер на туристскую базу, где он работал заместителем директора по культурно-воспитательной работе. Вот здесь-то впервые и услышал от местных жителей о таинственных камнях с высеченными на них непонятными знаками. Здесь в 1940 г. он нашёл возле д. Конец свой первый камень со следом ноги человека. Назвал этот камень «следовиком». Потом этот термин привился и вошёл в научную литературу.

После Великой Отечественной войны снова вернулся на Селигер и продолжал поиски. Всего в верховьях Волги он обследовал одиннадцать следовиков, исходил пешком сотни километров. Каждое лето укладывал в рюкзак своё нехитрое снаряжение, брал фотоаппарат, бинокль и отправлялся на поиски новых камней. И всё это - за свой счёт, на свою не такую уж большую пенсию.

Мы подружились с Сергеем Николаевичем. Я бывал у него дома в Шué, знакомился с архивом. Вместе с ним мы написали не-

Один из первых исследователей камней со знаками - С.Н. Ильин (1899-1991) - краевед из г. Шуи Ивановской обл. у каменного креста в д. В. Аполец Андреапольского района Тверской обл. Из архива И.Д. Маланина. Снимок 1960-х гг.

Свой первый следовик С.Н. Ильин нашёл ещё до Великой Отечественной войны - в 1940 г. в районе озера Селигер (д. Конец). Теперь он хранится в Осташковском краеведческом музее. Фото А.С. Попова

сколько статей, делали сообщения в институте археологии в Москве о найденных камнях...

Именно от него я заразился «каменной» болезнью, с его лёгкой руки стал охотником за камнями. И сам уже нашёл не один десяток этих удивительных памятников нашего далёкого прошлого.

В 1991 году Сергея Николаевича не стало. Он не дожил несколько лет до своего столетия. Но его дело продолжают десятки краеведов из разных областей нашей страны, а учёные непременно ссылаются на его находки в своих научных трудах. Значит, жизнь была прожита им не напрасно.

Находки декабриста Ф.Н. Глинка. *Первый краевед Тверского края*

Но С.Н. Ильин был не первым, кто обратил внимание на камни со знаками. Люди знали об их существовании много веков назад. Едва ли не первое упоминание о них мы находим в трудах «отца истории» Геродота (V в. до н.э.). В своих Заметках о древней Скифии он писал: «Достопримечательностей страна эта не имеет, за исключением разве очень больших многочисленных рек. Впрочем, можно упомянуть здесь ещё об одной достопримечательности Скифии, помимо рек и обширности равнины, а именно: на берегу реки Тиры (т.е. Днестра. - А.П.) показывают ступню Геракла в скале, похожую на след человека, но в два локтя длины».

В России начали собирать сведения о таких камнях с начала XX века. Русский путешественник Г. Спасский, проезжая в 1809 году по южным Алтайским горам, отмечал: «На южном берегу Иртыша подле самого крепостного вала (Бухтарминской крепости) находится вещь достопамятная и любопытная для всякого путешественника. Это два следа человеческие: один длиною в 5, другой в 2 ? вершка (22 и 11 см. - А.П.) и несколько камней обыкновенной величины, тиснутые на гранитном камне... Вероятно, они принадлежат к числу тех древних памятников, которые во многих местах предки оставили изысканию потомков... Подобными предметами доньше ещё в некоторых странах Азии коварство лам и имамов уловляет щедрость легкомысленных молельщиков».

Не обошёл эти памятники своим вниманием и наш знаменитый историк Н.М. Карамзин. В первом томе своей «Истории государства Российского», вышедшем в 1818 году, он писал: «Памятниками каменносечного искусства древних славян остались большие гладко обделанные плиты, на коих выдолблены изображения рук, пят, копыт и проч.»

Другой исследователь - известный русский археолог З.Д. Ходаковский, положивший начало раскопкам славянских городищ и курганов, во время поездки по северным губерниям России в 1821-1822 гг. также поделился своими впечатлениями об этих знаменательных камнях. А путешественник и этнограф Павел Якушкин (1822-1872 г.г.) в своих путевых заметках рассказывал о легендах

и преданиях, которые бытовали в Новгородской губернии, о кладках, якобы зарытых под валунами.

Но первым из российских историков и краеведов, кто серьёзно заинтересовался изучением и поиском камней средней полосы России, был давний друг З.Д. Ходаковского, поэт, декабрист, герой Отечественной войны 1812 года, Фёдор Николаевич Глинка (1786-1880). После подавления восстания 1825 года он, наряду с другими декабристами, был арестован и заточён в Петропавловскую крепость. Допросив его и убедившись в том, что Глинка не принимал участия в подготовке восстания, Николай I сказал: «Глинка, ты совершенно чист, но всё-таки тебе надо окончательно очиститься».

Фёдор Николаевич был отстранён от воинской службы и послан сначала в Олонецкую, а потом, в 1830 году, и в Тверскую губернии. Здесь он женится на тверской помещице, владельнице имения в сельце Кузнецове Авдотье Павловне Голенищевой-Кутузовой.

В 1830-х годах Ф.Н. Глинка каждое лето проводит в этой усадьбе и занимается, как бы мы сейчас сказали, изучением родного края. Особенно плодотворным для изысканий было лето 1835 года. Неподдалёку от усадьбы Фёдор Николаевич нашёл немало интересных камней, знаки на которых он принимал за «рунические».

Сбор камней был поставлен на широкую ногу. Каждому крестьянину, который доставлял ему в усадьбу какой-либо камень, Глинка выплачивал пятиалтынную монету. Так что поиск камней превратился в своеобразный промысел.

Один из камней был извлечён из деревенской мостовой. Датский профессор Финн-Магнусен, к которому попал рисунок этого камня, сделанный Глинкой, признал в начертанных на нём линиях руническую надпись. Расшифровал он её так: «Иварови (или Ингварови, или Игореви) взят», т.е. камень поставлен на могиле Ингвара, по мнению датского профессора, - знаменитого шведского полководца, умершего в России от какой-то болезни. Современники скептически отнеслись к этой версии, да и к подлинности самой надписи, посчитав чёрточки и вмятины игрой природы. Но камень был действительно заслуживающим внимание - на нём, кроме «рунической надписи», было ещё выбито и изображение подковы. Финн-Магнусен нашёлся и здесь: под этим камнем, считал он, вместе с хозяином похоронена его любимая лошадь.

Самым интересным памятником, найденным Ф.Н. Глинкой, стал камень с надписью «Степан». Он вызвал немало споров и дискуссий в прессе того времени и стал одним из первых экспонатов Тверского краеведческого музея. В 1873 году Глинка дарит музею все найденные им камни, в том числе и «Степана». Камень водворили в одном из залов музея на почетное место и присвоили ему музейный номер - сорок второй. Там он и находился до Великой Отечественной войны.

Однажды я поинтересовался у работников музея: «А где же выставлен камень «Степан»?». В ответ они только руками развели: «Не знаем. Наверное, пропал вместе с другими экспонатами во время войны». Так что пропавшими на войне бывают не только люди, но и камни.

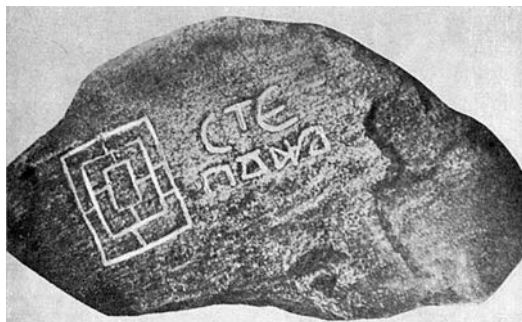
Уникальный памятник утрачен, но сохранился рисунок, сделанный рукой Глинки. Кроме надписи, на рисунке был изображен четырехугольник в виде «лабиринта». Федору Николаевичу принадлежит и первое исследование, посвященное этим древним памятникам, - «Мои заметки о признаках быта и камнях, найденных в Тверской Карелии, в Бежецком уезде» (1837).

Ф.Н. Глинка был интересным человеком, играл большую роль в Твери и губернии. Его избрали предводителем местного дворянства. Он был основателем Тверского краеведческого музея. Его с полным правом можно назвать и одним из первых русских краеведов, исследователей Тверского края.

Широко известны его предложения, сделанные Обществу истории и древностей российских о доставлении обществу «рисунков, снимков, чертежей, старинных земляных насыпей, курганов, дерев,

Фёдор Николаевич Глинка (1789-1880) - писатель, декабрист, герой Отечественной войны 1812 г. и ...один из первых тверских краеведов

Камень «Степан», найденный Ф.Н. Глинкой в 1835 г. в окрестностях своего тверского имения в сельце Кузнецово. Рис. Ф.Н. Глинки

считаемых заветными (дубов, сосен и проч.), заметных камней, особенно имеющих в народе прозвание (например, кудак - камень, конь - камень и проч.), изваяний, называемых людьми или бабами».

Это была одна из первых общероссийских краеведческих программ по поискам, выявлению и исследованию «дивных камней», которые

ныне ученые называют «почитаемыми объектами».

...Когда-то, еще в конце 1970-х годов, мне удалось разыскать это сельцо Кузнецово, где на берегу речки Каменки - притока Медведицы, Ф.Н. Глинка нашел камень «Степан». Находилось оно совсем недалеко от Твери возле села Прудово в самом центре Тверской Карелии. Усадьба была в полном запустении. Остались только камни от фундамента, флигель (по-видимому, людская), где раньше размещалась начальная школа, да разросшийся запущенный парк, где некогда среди других камней стоял, прислонившись к березе, знаменитый «Степан».

И ничто уже не напоминало о том, что некогда здесь жил один из замечательных сынов Отечества и первых краеведов России - Федор Николаевич Глинка.

От усадьбы сохранился только колодец, в котором никогда, даже в самое засушливое лето, не переводится вода.

По следам археологической карты. Камень на скотном дворе

Предложения, сделанные Глинкой Обществу истории и древностей российских, были обращены к сотрудникам губернских статистических комитетов, получивших широкое распространение в России во второй половине XIX в.

Статистические комитеты поддержали инициативу Ф.Н. Глинки и много сделали для изучения местного края. Многие материалы статистических комитетов публиковались в специально созданных в то время Прибавлениях к газетам «Губернские ведомости», которые стали своеобразными информационными органами этих комитетов.

Именно в этот период не отдельные личности, как Ф.Н. Глинка, а широкая общественность на местах начинает интересоваться выявлением и изучением древних памятников. На основании рассылаемых статистическими комитетами анкет начинают создаваться первые своды памятников и губернские археологические карты. Чуть ли не каждая губерния к концу XIX - началу XX в. имела такую карту.

В них содержались любопытные, но зачастую непроверенные сведения о памятных камнях, присланные местными помещиками, учителями, священниками, студентами, землемерами. В картах содержались сведения не только о камнях с отпечатками следов человека и животных, но и с какими-то непонятными изображениями наподобие «кочерыжек», «костылей с крюками наверху», «лопат», «вил», «серпов», «трезубцев», «ножниц», «ободов колес», «пирогов», «серпов», «котлов», «грибов», «цветков», «гадюк» и даже «парашютов».

В археологической карте Тверской губернии, изданной в Твери в 1903 году, мы нашли под номером 40 и упоминание о камне «Степан».

Губернские археологические карты стали неизменными спутниками наших экспедиций по Тверской, Псковской и Новгородской областям.

По одной из них - «Материалы для археологической карты Псковской губернии», изданной в 1916 году, мы совершили несколько путешествий по древностям Псковской области. Пришлось убедиться: многие памятники, включенные в карту ее автором псковским историком и краеведом Н.Окуличем - Казариным, оказались утраченными - были разбиты, взорваны, разрушены во время Великой Отечественной войны, перемещены в другие места, вмурованы в фундаменты домов...

И только иногда нас ждала удача. Под номером 134 в археологической карте значился памятник, о котором сказано было как бы

вскользь, одной ничего не говорящей фразой: «Деревня Гверстель (Марамоха) - камень с какими-то знаками». И всё.

Но именно этот камень оказался настоящей находкой, причем в буквальном смысле слова откопанной из навозной кучи. Огромный валун лежал на скотном дворе, заросший полынью, травой и заваленный навозом. Мы бы так и не заметили его, если бы доярки не подсказали: «Да вот он, у изгороди лежит»

Когда мы очистили камень от грязи, то увидели огромный валун 4,6 м в длину и 2,2 м в ширину. Вниз к земле тремя ярусами спустились выбитые в камне круглые отверстия - «котлы», как их называли местные жители. Такое впечатление, что кто-то поставил раска-

Этот камень мы откопали на скотном дворе псковской деревушки Марамоха. Местные жители называют его «Котловастым». В исследованиях принимал участие известный пушкиновед С. Бочаров. На снимках: камень до и после расчистки. Фото А.С. Попова

ленные чугунки прямо на лёд, и они оставили на камне глубокие вмятины. Размеры днищ «котлов» были примерно одинаковы: от 30 до 38 см. На дне некоторых из них были выбиты круглые углубления диаметром 6-7-9 см и глубиной около 2 см, а у других - небольшие точки.

Мы насчитали 14 кругов - три в первом ярусе, пять - во втором и шесть - в третьем, самом верхнем.

Кому и для чего понадобилось долбить этот огромный валун и выбивать на нем удивительно правильной формы круги, а потом обрабатывать и шлифовать эти круглые «тарелки»?

Посмотреть на нашу находку сбежалась вся деревня. Как ни странно, но многие видели этот камень впервые. Доярки ходили вокруг и цокали языками от удивления.

К сожалению, этого камня в д. Марамоха уже нет. После нашей публикации в журнале «Наука и жизнь» этим памятником заинтересовался С.С. Гейченко, тогдашний директор Пушкинского заповедника в Михайловском. По его указанию камень погрузили на трейлер и доставили в заповедник. И теперь он лежит там, обозначая границы «дедовских владений».

Может быть, для посетителей заповедника этот камень и представляет интерес, а для научных исследований памятник, вырванный из природной среды, к сожалению, теряет свою научную ценность.

* * *

Об этом камне еще до революции в псковский губернский статистический комитет сообщил местный священник с погоста Котельно. В археологической карте Н. Окулича-Казарина он значился под № 55: «Погост Котельно Корешовской волости Островского уезда. Городище под названием Городок. Вал и ров. Плоский камень 2 аршина длины и 1 1/2 аршина ширины (1,4 м и 85 см. - А.П.) с рельефным изображением рыбы».

О таком знаке мы слышали впервые. И сохранился ли он? Ведь местный батюшка прислал эти сведения почти 100 лет назад.

Мы попали в д. Котельно вечером, добравшись до нее рейсовым автобусом от г. Острова. Там подтвердили: «Есть такой камень, есть. Лежит на берегу ручья. А на нём знак рыбы. Говорят, щука это».

Местный паренек Венька взялся нас проводить туда на следующее утро.

Камень лежал невдалеке от деревни на небольшой холмистой поляне. Батюшка с погоста Котельно прислал правильные сведения: это место до сих пор носит название Городок. Здесь находилось древнее славянское городище, а рядом - старый заросший деревьями погост. Местные ребяташки нет-нет да и находили на Городке старинные вещи: наконечники от стрел, ржавый ключ, черепки от глиняной посуды...

Это всё, что осталось от выбитого на камне изображения «рыбы». С помощью местных ребятишек из д. Котельно (Псковская обл.) мы постарались собрать этот знак из осколков камней. Фото А.С. Попова

- Вот он,- обрадовано закричал Венька, - а наверху «щука». И осекся на полуслове.

Изображение рыбы исчезло. Вместо нее на камне чернела сколотая верхушка, а вокруг разбросаны головешки от костра и почерневшие от копоти каменные осколки.

А случилось вот что. Еще утром местные ребятишки, которые пасли коров, решили обогреться и разожгли костер на верхушке камня. Он треснул от огня, и «рыба» развалилась на мелкие кусочки. От нее на валуне остался только один «хвост». Древний рисунок был разрушен.

Но через несколько минут из кустов выскочил довольный Венька с грудой осколков в руках.

- Нашёл, - радостно крикнул он. Мы долго отмывали камень от копоти и колдовали над осколками.

Через два часа «щука» была собрана. И вот она лежит перед нами в первозданном виде: хищная пасть с острыми зубами, длинный, как палка, хвост, толстое туловище. Рыба как рыба, только без... плавников.

Мнение местных жителей было единодушным.

- Та это рыба, та и выглядит так, как до вашего приезда.

Мы сфотографировали камень, сделали замеры. Длина рыбы составила 68 см, ширина в спинной части - 15 см, а глубина всего изображения - 2,5 см.

Но на душе было грустно: древний рисунок был разрушен, разрушен глупо, по мальчишескому недомыслию. Сколько веков этот камень пролежал возле древнего Городища, и надо вот - памятник исчез в одночасье, как и много других подобных же достопримечательностей, нанесенных на старую археологическую карту.

И только одно согревало нас: мы все-таки успели, мы сохранили этот знак на своих фотографиях, и мы не дали вычеркнуть этот интересный памятник из археологической карты псковского края.

Осенью, когда мы вернулись в Москву, я получил от Веньки письмо: «Привет из Котельно, - писал он. - Вы просили написать про «щуку». Ну, тогда отвечаю. У «щуки» плавников не было. Я спрашивал многих людей, и все говорили, что плавников не было. А щукой её называют не знаю почему. Я спросил у старух, они ответили: «Мы тоже не помним». Видно эта рыба выбита давно, а когда климат изменился, то здесь и назвали её щукой. И вот еще что. Этих парнишек-пастухов, что разожгли костер на рыбе, мы с моим другом Мишкой нашли и как следует отколошматили. У меня, правда, под правым глазом тоже синяк, но это ничего - у них синяков больше. Так им и надо: не будут охальничать. А нашу рыбу жалко. Там только кончик хвоста и остался. Но все осколки, которые мы с вами отыскивали, я храню у себя дома - вдруг кому-нибудь из ученых пригодятся. Правда, ведь могут пригодиться?»

Ключи от тайны. Письмо пенсионера И.И. Смирнова

В Псковской области мы обследовали около 20 камней, пользуясь сведениями старой археологической карты. Но вскоре и этот источник стал иссякать, да и нам хотелось найти новые еще никому неизвестные памятники. Такая возможность появилась после наших публикаций в газетах и журналах - «Наука и жизнь», «Знание - сила», «Родные просторы».

Мы не ожидали стольких откликов. Ежедневно я вынимал из своего почтового ящика несколько писем. Содержание их было примерно одинаковым: «Возле околицы нашей деревни лежит ка-

мень со следом Богородицы. Правда ли это?», «Когда я был маленьким и жил в деревне, помню, мы бегали к Синему камню, на котором был выбит след огромной человеческой ступни. Что это такое?», «Приезжайте, у нас лежит камень с каким-то непонятным знаком. Ждем».

Большинство писем было все из тех же областей - Псковской, Тверской, Ленинградской, Вологодской, а также из Эстонии и Литвы, где находили точно такие же камни.

Одно из писем пришло от московского пенсионера Ивана Ивановича Солнцева. Он сообщал, что не был в своей родной деревне Краснодубье, что на Псковщине, с 1932 года, но на всю жизнь запомнил родные места: и тихую речку Ситню, в которой любил купаться, и старинные укрепления, и древние могильники у деревни, которая носила такое странное название - Замогилье. А в болотистой лощине между деревнями Студенец и Краснодубье, он это хорошо помнит, находилось три необычных камня. «На первом изображен «ключ», - писал Иван Иванович, - в нескольких метрах от него (к северо-востоку) лежит второй камень, на котором ясно выбит след ступни, обращенной пятой к камню с ключем, а носком также на северо-восток. Еще в нескольких метрах от второго камня до 1944-1946 годов находился третий с четким изображением стрелки, напоминающей стрелку от компаса. . .

В детстве я часто ходил с другими мальчишками искать клад в этих местах. Конечно, ничего не нашли. К сожалению, я не смогу назвать Вам фамилии местных жителей, которые

Камень «Ключ». Мы обнаружили его в болоте возле псковской деревни Краснодубье. Знак, выбитый на нём, до сих пор не удалось найти ни одному из исследователей. А нам повезло. Как тут не схватиться за голову?

бы знали место, где находятся эти камни. Об этих камнях знало несколько краснодубьевских стариков. Но все они умерли.

Простите, что пишу так много. Мне уже 66 лет. Конец жизни недалёк, и хотелось бы поделиться с Вами тем, что я знаю о своем родном крае».

Вот такое письмо. А к нему была приложена нарисованная от руки схема: три камня со знаками. И это само по себе было удивительно. Большинство камней, которые мы видели, были одиночками-«бобылями». А здесь на схеме обозначены сразу три камня. И если знаки следов мы видели на многих камнях-следовиках, читали о них в дореволюционной литературе, то изображение «ключа» не упоминалось ни в одном из известных нам источников.

. . .Иван Иванович оказался прав: не так-то легко оказалось найти эти камни. Вместе с местным мельником, который, кстати, помнил и автора письма («вместе с мальчишками искали под камнем клад»), мы целый день бродили по болоту, называемому по-местному Коровьей Лядиной. Но так ничего и не нашли. «Видно, запямятовал», - признался мельник.

Камень мы нашли уже ближе к вечеру. Он лежал в болоте, поросшем кустарником, и сверху был завален пожелтевшими листьями. На его совершенно плоской вершине мирно грелись на солнце две черные гадюки. Увидев нас, они злобно зашипели и нехотя уползли в свои норы. Это был необычный камень. Знаки, которые мы видели раньше, как правило, выбивались на естественно окатанных валунах. А здесь вершина камня была стесана, и на этой плоской, как стол, поверхности мы увидели четкие контуры огромного и загадочного знака, по форме напоминающего ключ.

Помню, как нас поразили его размеры: длина - 75 см, ширина - 21, выступ на конце - 52, а диаметр круглой «бородки» равнялся 30 см. Таким ключом впору открывать ворота какой-нибудь неприступной средневековой крепости.

Пользуясь схемой И.И. Солнцева, мы пытались найти два других камня. Как сообщал автор письма, на одном из них был выбит след человека размером не менее 35 см, «создавая впечатление бескаблучной обуви, точно кто-то ступил на камень кожаным постолом». Мы измерили длину подошвы своих ботинок: самый большой из них тянул сантиметров на 28 (43-й размер), значит этот, каменный след, был не менее 50-размера. Чем не след великана?

На третьем камне, по свидетельству И.И. Солнцева, был выбит знак, похожий на стрелку. «Она имела вид точной компасной стрелки шириной в толстой части примерно 7-9 см и длиной 33-37 см... В детстве, да и в более позднем возрасте, я часто ходил искать клад в этих местах».

В поисках этих камней мы облазали все болото. Но тщетно: камни пропали, и никто не мог сказать, что видел их за последние десять лет.

. . . Уже смеркалось, когда мы отправились в обратный путь. Обернулись - на «ключе» снова лежало несколько черных клубков, словно змеи оберегали от посторонних взглядов и этот камень, и тайну высеченного на нем загадочного знака.

Тайна Рюриковичей и «следы великанов». *Богатыри или инопланетяне?*

Когда С.Н. Ильин, а вслед за ним и другие краеведы, заинтересовались поисками камней, большинство учёных имело о них весьма смутное представление. Да, они знали по дореволюционной литературе, что такие камни вроде бы существовали, но на местности их не видели и относились к ним весьма скептически.

Во всяком случае, когда я показал фотографии первых своих находок известным тогда археологам, то профессор А.Я. Брюсов (знаток неолита и бронзы, кстати, младший брат поэта В.Я. Брюсова) отмахнулся от меня, как от назойливой мухи: «Не верю я в ваши следовики. Займитеська лучше петроглифами». Профессор О.Н. Бадер (исследователь каменного века и наскальных изображений Каповой пещеры на Урале) был более снисходителен, но и он не признал следовик, который мы с ним вместе обследовали во Владимирской области, за археологический памятник: «Почему Вы думаете, что эта вмятина - дело рук человека?».

Долгие годы поисками камней в основном занимались краеведы. Они выявили немало примечательных валунов, до тех пор неизвестных исследователям, и главное, привлекли к нам внимание специалистов и общественности.

Сейчас уже все признают, что мы имеем дело с интереснейшими памятниками нашего далекого прошлого, которые необходимо

выявлять, изучать и сохранять.

Если краевед С.Н. Ильин обнаружил и исследовал в 1950-х гг. всего одиннадцать следовиков, то к настоящему времени выявлены уже сотни таких объектов, а общее их количество перевалило за несколько тысяч и постоянно растёт. Уже составлены своды памятников по Псковской, Ленинградской, Тверской и Новгородской областям. Только в одной Псковской области выявлено 130 объектов, а в Новгородской области к 1991 году их насчитывалось уже более 120.

Знаки, выбитые на камнях, весьма разнообразны. Наиболее многочисленные - следы человека и животных: кабана, лося, медведя, птиц. Эта группа камней по территории тяготеет к северо-западным областям России.

Вместе с тем немало камней с чашевидными и котлообразными углублениями, наподобие нашего «Котловатого», а также валуны с «вдавленными пальцем ямочками». Их больше всего в Прибалтике, особенно в Эстонии и Литве.

Немало камней с надписями, крестами, различными геометрическими фигурами: кругами, треугольниками, решетками, квадратами.

Многие изображения повторяются, но есть и такие, которые встречаются только в единичном варианте.

Как правило, с этими памятниками связано множество легенд, преданий, языческих и христианских обрядов, которые нашли отражение в фольклоре, народных сказках, былинах. Они издавна почитались местными жителями как святыни, обладающие какими-то таинственными, волшебными и магическими свойствами. Не случайно их называли «дивьими» камнями.

За камнями утвердилась устойчивая легенда, что под ними спрятаны клады и несметные сокровища. Многие валуны действительно были «изучены» кладоискателями ещё в XIX в.

В старину по деревням Тверской и Псковской губерний ходили таинственные списки с указанием, где и как искать клады, якобы зарытые под этими камнями. Об одном из таких списков, на который натолкнулся эмиссар В. Даля путешественник Павел Якушкин, я уже рассказывал в очерке «Волкота как крылатая птица».

В этом списке упоминается и о красных камнях, под которыми якобы тоже зарыты клады, вроде обнаруженного нами камня на

берегу Отоловского озера. Но кладоискателей ждало разочарование, потому что ценность таких камней заключалась не в мифических кладах и в «котлах», наполненных золотыми монетами, а совсем в другом - они оказались интересными археологическими памятниками, дошедшими до нас из глубины веков.

Таким камням приписывались разные магические качества и сверхъестественные, волшебные свойства. Считалось, что следы на валунах помогают от ревматизма и болезней ног, вода, которая скапливается в следах, излечивает от глазных болезней. Есть камни, помогающие избавиться от пьянства, душевной хвори и даже влияющие на судьбу человека. В Карелии в следок клали деньги «на счастье». В Литве известны валуны, якобы способствующие деторождению. В старину девушки, желающие иметь ребенка, оставляли на таких камнях ночные рубашки.

С.Н. Ильин в своей работе «Камни следовики в Верховьях Волги и Западной Двины» (так и не опубликованной) считал, что выбитые на них следы являются своеобразными знаками собственности на территорию, занимаемую тем или иным первобытным племенем, а следы животных - тотемными знаками этого племени. По его мнению, направление следа указывало на границы этих племенных владений, которую можно проследить по другим валунам. И на основании этого он мечтал составить карту расселения древних племён, населявших северо-западную часть России.

Сейчас большинство ученых считает, что эти камни - ни что иное, как жертвенные памятники, свидетельствующие о широком распространении в древности языческого культа поклонения камням.

Об этом сообщают и многие средневековые письменные источники. Так, немецкий миссионер Гембольд (ок. 1125 - после 1177) в своей «Славянской хронике» сообщает, что славяне, желая укрепить свое обещание, клялись камнями, которые они почитали, как возвышенные существа.

Отголоски этого культа мы находили и в устойчивой традиции почитания камней, сохранившейся в некоторых местностях вплоть до последнего времени.

В Нижегородской губернии еще до революции в головах умирающих ставили сосуд с водой, полотенце и камень. В Калужской области на 40-й день после смерти на могилу покойного клали при-

крытый полотенцем камень. А в деревнях Лужского района (ныне Ленинградская обл.) существовал обычай ставить на камень гроб для прощания с покойником. Такие камни называли «Могильными».

По старинным преданиям в могильном камне скрывались души умерших предков, которым надо поклоняться и которых надо ублажать дарами.

К культовым относятся и камни с «вдавленными пальцем ямочками» и так называемые чашечные валуны. Среди них - и найденный нами камень «Котловастый». По-видимому, в «котлах» или возле камня наши далекие предки разжигали огонь для жертвоприношений, а на площадке вокруг него, уложенную мелкими камнями, разводили поминальные костры.

О назначении камней с ямочками в дореволюционной литературе высказывались самые любопытные предположения: и то, что ямки - это отверстия, куда вставляли деревянные палочки для добывания огня, и, то, что это неизвестная игра наших далеких предков. Высказывалось мнение, что камень «Котловастый» - мастерская для изготовления пушечных ядер, которые якобы вырезали из камня.

Уже в наше время получила распространение версия: выбитые на камнях ямочки - это карта звёздного небосклона, своеобразный «лунный календарь», которым пользовались древние племена. Не случайно «ямки» называют «лунками», что подтверждает, считают авторы этой версии, космическую связь камня с луной.

Ямочки на камнях, по всей вероятности, выбивали в память об умерших: считалось, что их души покоятся в камне, соприкасаясь таким образом с божеством подземного мира. Количество выбитых ямочек на валунах различно и, видимо, соответствовало числу захороненных соплеменников, обитавших в этих местах.

Один из таких культовых камней был обнаружен в Эстонии в 1964 г. недалеко от Таллина. Размеры камня впечатляют: его длина в окружности - более 12 метров, а общее количество выбитых ямочек составляет 395. Местные жители называют этот камень «Колдунским».

А самый большой жертвенный камень тоже находится в Эстонии в Хартюском районе. Его окружность - 34,5 м, высота - 6 м. Сверху, как и на «Котловастом» камне, высечены круглые отвер-

Валуны со знаками можно встретить не только в лесах и болотах. Этот жертвенный камень с ямочками обнаружен в Москве в районе Строгино на Таллинской ул., д. 13/3. Фото из архива Лаймуса Василявичуса

ствия диаметром 50 см. Этот камень называется «Девичьим».

К жертвенным камням, видимо, принадлежат и валуны со следами великанов или богатырей. Как правило, они выбивались на больших валунах, и от обычных следовиков с нормальными по величине следами человека (мужскими, женскими, детскими) их отличают гигантские размеры. Вспомним, что след Геракла по Геродоту равнялся двум локтям в длину (локоть - старинная мера длины, равен расстоянию от плечевого сустава до конца среднего пальца, т.е. около 40 см). Значит, длина стопы Геракла была около 80 - 90 см. Если принять длину стопы обычного человека, каких немало выбито на следовиках, равную 26 - 27 см и рост около 180 см, значит рост Геракла мог достигать более 5 м. Как и полагается гиганту.

Следы великанов на известных камнях меньше, но всё равно впечатляют. Так, на камне «Крестовик» (район Селигера) он составляет более 50 см, примерно такого же размера другой след в Псковской области возле д. Сохново (57 см.)

Несколько меньше след на камне, который находится на Куликовом поле возле села Рождествено Тульской области. Как писал исследователь этого памятника В. Афанасьев, на нём видны «от-

четливо выраженные следы человеческой ступни в размере шага великана или человека огромного роста. Длина ступни около 33 см с ясным отпечатком всех пяти пальцев, имеется и правильное очертание пятки»... Сохранилось предание, что это - след Александра Невского, якобы, пришедшего на помощь Дмитрию Донскому в день битвы с Мамаем.

Несколько лет назад нам удалось обследовать ещё один такой камень на Урале - в Пермской области в 6 км от г. Красновишерска. Он находится на самой вершине горы Полюд (см. рис.), стометровой скалой нависшей над рекой Вишерой. По преданию, сказочный богатырь стал похвастаться своей силой: «Если б в небо кольцо мне ввернуть, притянул бы я небо ясное к горе своей». И тут

же был наказан - превратился в огромный камень, а на вершине остался отпечатанный огромный след ноги богатыря. Об этом следе в легенде говорится так: «У богатыря одна ступня была семь четвертей! Кинуть за десять верст камень в 100 пудов для него было пустой забавой».

След Полюда на камне, как и на «Крестовике», не очень четкий, но примерно такого же «богатырского» размера - более 50 см. Он издавна почитался местными жителями, а у самого камня на вершине горы Полюд в 1909 году была сооружена каменная часовня (не сохранилась). По легенде под камнем зарыты сокровища богатыря, которые безуспешно пытались найти кладоискатели.

*Камень-следовик, найденный в окрестностях пос. Торопаца Андреапольского р-на Тверской обл.
Фото В.К. Разживина*

*На огромной горе Полюд возле г. Красновишерска Пермской обл. на каменной плите находится местная достопримечательность - след богатыря Полюда, а рядом выбиты такие же ритуальные ямочки, как и на строгинском камне.
Фото А.С. Попова*

Одинаковость размеров следов великанов - это случайность, совпадение? Или размер ступни играл какую-то роль в верованиях древних жителей края?

Следы великанов, кстати, найденные в различных местах нашей планеты, и связанные с ними легенды о «больших людях», обитавших некогда на земле, дали пищу для многих предположений. В популярной литературе появились версии о «пришельцах» из других миров, которые якобы «прилетели» на землю и которым первобытные земляне стали поклоняться как божественным существам.

Часто следы великанов связаны с легендами о «велесах» и «волотах» - богатырях, которые переносили камни и оставили на них следы своих ног. У славян это мифологическое существо называ-

лось Велес, у латышей Велнс, у литовцев Вяльняс. В верховьях рек Волги и Зап. Двины немало названий с корнем волос - велес: озера и деревни - Велье, Волосово, реки Велиса, Велейка и др.

Это - тоже отражение культа древнего божества, связанного с подземным миром. Не случайно, многие почитаемые камни носят название «чёртовых». А величина ступни указывает на роль и значение этого мифологического существа в жизни его почитателей, в их представлениях об окружающем мире. У Хозяина камня и покровителя здешних мест не может быть маленькой ступни.

Легенды о поклонении «бесовским камням» издавна бытовали на русском севере. Вот, что сообщал, например, в 1534 году архиепископ новгородский и псковский Макарий: «А в Чуди и в Ижоре и в Кореле и во многих русских местах в прежереченых оных скверные мольбища идолские удержашася и до царства...великого князя Ивана Васильевича...Суть же северных молбищ их лес и камене и реки и блата и горы и холмы. . .»

Однако не все камни имели культовое значение. В средние века в наших северо-западных областях большое распространение получили валуны и каменные кресты, которые выполняли самые что ни на есть земные, зачастую практические функции: указывали на границы владений, служили топографическими ориентирами, а выбитые на них знаки и надписи обозначали знаки собственности или указывали на какие-либо памятные события. Такие памятники называют межевыми, памятными, путевыми в зависимости от их назначения. В одном из старинных актов 1591 года читаем: «Лежит граница. Усвячею рекою уверх до Синего камня на правую руку на суходол, тым суходолом... на мох чмотый, прозываемым Любовецким». А вот выдержка из другого документа - Мировой грамоты, подписанной крестьянами-смердами с боярином Григорием Семёновичем в 1375 году об установлении границы крестьянских и боярских земель: «...да Анусарою рекою вверх на Великий камень». Здесь камни выступают в роли топографических ориентиров, своеобразных пограничных столбов.

По-видимому, к межевому типу камней относится и камень «Степан», найденный Ф.Н. Глинкой. Хотя здесь и нет единого мнения.

Русские академики Ф.И. Круг и А.М. Шегрен, датский профессор Финн-Магнусен доказывали, что выбитый на нём слева от сло-

ва «Степан» знак «лабиринта» - обозначение места поединка, во время которого погиб неизвестный нам Степан, а сам камень - надгробная плита на его могиле. Но раскопки, произведённые еще Ф.Н. Глинкой, показали, что под камнем не было никакого захоронения. Другие считали, что «лабиринт» - это фигура для игры в мельницу, известную на Руси чуть ли не с XII в. Но тогда причем же здесь Степан? Уже в наше время академик Б.А. Рыбаков увидел в выбитом на этом камне знаке «лабиринта» архитектурный чертёж древнерусских зодчих.

Такие же знаки «лабиринта», или «вавилонны», выбиты на камне близ села Тутань на Верхней Волге и на так называемой плите Трувора в Изборске на Псковщине, где в V- VI вв. н. э. находился племенной центр кривичей. Учёные находят аналогии этому знаку среди княжеских знаков собственности. И значит лежал камень «Степан» на границах владения некого Степана. Впоследствии, к этому мнению присоединился и директор тверского музея А.К. Жизневский. По времени надпись на камне «Степан» относят к XII-XIII вв.

А так называемые Борисовы камни явно выполняли путевую роль. Лежат они в русле р. Западная Двина в районе белорусского города По-лоцка. На камнях выбита надпись: «Господи, помози рабу своему Борису» с изображением православного креста. Как установил первый исследователь камней А. Сапунов (1890 г.), эти надписи сделаны во время княжения полоцкого князя Бориса Все-славовича (умер в 1128 г.). Камни лежат на бурном порожищем участка реки, и когда кормщики приближались к нему, они выходили на берег, совершали молитву и просили у Бога благополучного сплава. Так что одновременно с путевой функцией эти валуны играли роль и своеобразных магических камней-оберегов.

Путевое и межевое значение некоторых валунов подтверждают и каменные кресты, которые ставили на древних водных путях и волоках. Наиболее известный из них - знаменитый Стерженский крест, который стоял некогда при впадении Волги в озеро Стерж, а ныне хранится в Тверском краеведческом музее. Если бы не высеченная на нём надпись, мы никогда бы не узнали о его назначении. Этот крест поставил в 1133 году Иванко Павлович при углублении верховьев реки Волги для улучшения форватора. К такому же типу крестов можно отнести и Тороповский крест, перевезён-

ный в 1978 г. местным краеведом А.В. Рачеевым в г. Андреаполь (Тверская область), а также другой крест - Аполецкий из д. Верхний Аполец тоже Андреапольского района, который находился на волоке между р. Пола и бассейнами 3. Двины и Волги.

На камнях встречаются и другие знаки, зачастую трудно поддающиеся расшифровке. Среди них камни с изображениями стрелок, решёток, различных геометрических фигур.

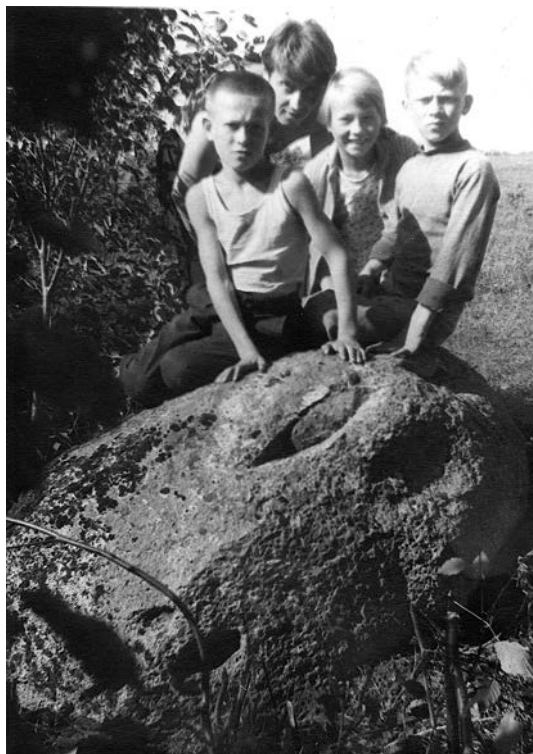
Редко встречается на камнях и изображение «стрелки», а может быть «копья». Нам посчастливилось найти один такой камень в Псковской области, в районе д. Волково (см. рис). Выбитый на камне знак очень напоминал компасную стрелку, о которой нам сообщил пенсионер И.И. Солнцев. Даже размер совпадал: длина - 36 см, ширина - 8 см, глубина в заострённой части - 4 см. В общем, одинаковые «стрелки», одна к одной, хотя камни отстояли друг от друга на многие километры.

Волковский камень оказался богат и на многие другие знаки. Всего мы их насчитали девять: два больших следа человека (30 и 33 см - след великана?), ступня взрослого человека (18 см), детский след (9 см), след копытного животного (кабана?), четкий равнобедренный треугольник со сторонами 5,5 и 9 см, точка возле одного из следов и несколько других непонятных знаков.

Этот камень оказался самым обильным на знаки из всех камней, которые мы видели.

Сколько лет следовикам? *Разные мнения учёных*

Как видим, знаки на камнях имели разное назначение и наносились на валуны на протяжении многих веков. И под одним слоем знаков на одних и тех же валунах мы находим другие, более древние слои. Об этом свидетельствует и разная степень их сохранности. Так, на камне «Крестовик» хорошо сохранились «грань» - древнерусский межевой знак, известный по документам с XIV в., и тамга Рюриковичей (XII-XIII вв.) и очень плохо «след великана»; на камне «Степан» - рядом с чётко выбитой надписью и знаком «вавилон» - слабые изображения следа обутой ноги. Это же относится и к Волковскому камню - рельефно выбитая «стрела» соседствует с

Мы бы не отыскиали этот камень, если бы не местные ребятишки из псковской д. Волково. На нём был выбит знак, похожий на стрелку от компаса, а также следы человека и животных. Всего мы насчитали девять знаков. Фото А.С. Попова

полуразрушенными следами животных и человека.

Когда же и как выбивались эти таинственные знаки?

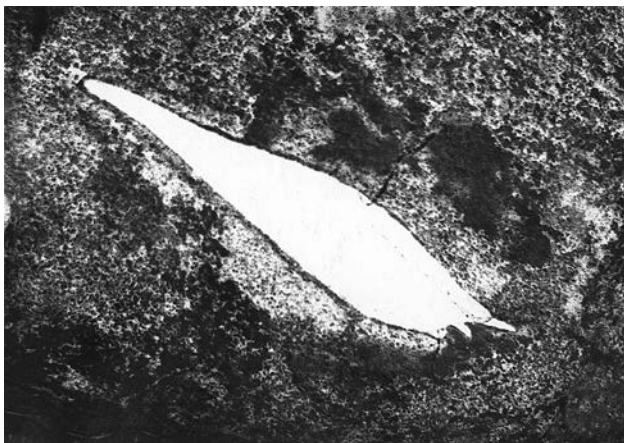
Многие исследователи относят следовики и другие памятные валуны к славянскому периоду как к дохристианскому, так и более позднему, уже христианскому времени - русскому средневековью и связанной с этим массовой колонизацией Русского Севера (XV-XVI вв.). И для этого есть все основания.

Надписи на камнях «Степан», Борисовых камнях, тамга Рюриковичей на камне «Крестовик», многие межевые, путевые и поклонные валуны и каменные кресты можно действительно отнести к славянскому периоду. Это подтверждают и археоло-

гические раскопки: возле многих камней находят следы жертвенных костров, останки керамики и других предметов X-XV вв.

Во многих деревнях нашего северо-запада до недавнего времени был распространён обычай почитания выбитых на камне следов, которые принимались за святые... Одно из таких свидетельств принадлежит Н.В. Гоголю, который в конце 1840-х гг. совершил путешествие по святым местам Палестины. В письме поэту В.А. Жуковскому он сообщает: «Помню, что на святой Элеонской горе видел след ноги Спасителя, чудесно вдавленный в твердом камне, как бы в мягком воске, так что видна малейшая выпуклость и впадина необыкновенно правильной пяты».

Известно бесчисленное множество «следов», якобы оставленных на камнях православными святыми - так называемые «божьи стопки»: Иисуса Христа, Богородицы, Александра Невского, Дмитрия Донского, Святого Николая, Кирилла Белозерского...

На рисунке вы видите контуры «щуки» на Котельническом камне (длина 68 см).

Возле следовиков строились часовни и церкви, воздвигались монастыри и лавры. Так, следовик на территории Почаевской Лавры на Украине - является святыней этой православной обители, а выбитый след женской ноги до сих пор почитается как «след богородицы», якобы явившейся на этом камне в 1340 г. Вода, скапливающаяся в «цельбоносном следке», считается целебной. Да и на главной иконе лавры - Почаевской Божьей матери богородица изображена стоящей на камне, на котором явственно виден следок от ее ноги.

Возникновение культа почитания «святых стопок» прямо связано с христианским периодом освоения русского северо-запада. Но многие данные говорят о том, что жертвенные обряды совершались возле этих «святых» камней намного раньше, чем в эти места пришли славяне. Христианская церковь лишь переосмыслила более древние языческие верования и символы, превращая их в свои христианские обряды.

Именно в этот период рядом с уже существующими изображениями следов стали выбиваться знаки православных крестов, как бы изгоняющих из камней их прежний «бесовский» дух и одновременно превращающих эти камни и следы на них - в новые христианские святыни. Этот процесс особенно интенсивно проходил в XIV-XV веках.

Вообще бывает трудно определить возраст знаков только по их очертаниям. Особенно, если речь идёт о таких единичных

изображениях, как, например, на камне «Ключ». Как известно, еще Н.М. Карамзин склонялся к древнеславянским корням таких памятников. К этому мнению пришли и некоторые современные исследователи, которые нашли аналогию этому знаку на днищах славянских горшков. Подобными клеймами во времена раннего средневековья гончары метили свою посуду. Значит, «ключ» - это славянский знак (а может и геральдический знак, как тамга Рюриковичей на камне «Крестовик»?) и сам камень, следовательно, является межевым.

А вот академик В.Л. Янин, которому я показывал свою находку, сказал, что «ключ» никакого отношения не имеет ни к древнерусской геральдике, ни вообще к славянам и, скорее всего, является более древним памятником периода бронзы или железа. А может это и не «ключ» вообще, а изображение какого-то другого предмета, например, бронзового топора?

И действительно, имеется немало свидетельств о более раннем использовании многих из этих памятников еще до прихода в эти места славян.

Уже давно замечено, что больше всего культовых камней со знаками найдено в Прибалтике. В Эстонии одних только чашевидных камней выявлено более 1100, в Латвии на конец 1980-х годов было известно 343 таких камня, в Литве - более 300, в Финляндии - около 300. Затем по мере удаления от Прибалтики на восток и на юг их количество постепенно убывает.

Следовательно, можно говорить о существовании какого-то центра и каких-то племён - носителей более древних, чем славянские, пластов сознания, связанных с почитанием камней. И с постепенной миграцией этих племен на восток.

Если посмотреть на карту, то территория распространения этих памятников охватывает Прибалтику и северо-запад России и почти полностью совпадает с местами обитания балтских племён, которые уже в период бронзового века (I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.) занимали эти территории.

Археологические раскопки в Литве возле камня с ямочками вблизи городища Имбаре подтвердили - жертвенные обряды рядом с этим валуном совершались уже в I тыс. до н.э. Здесь найдены останки керамики и другие предметы, относящиеся к I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.

Поклонение камням у балтских племён было широко распространено на протяжении всего бронзового и железного веков. Знаки на скалах Южной Швеции тоже относят к 1200 - 1000 гг. до н.э. К этому же периоду можно отнести и многие жертвенные камни: чашечные, с «вдавленными пальцем ямочками», некоторые следовики и наш камень «Котловастый».

Славяне, в первые века н.э. пришедшие на северо-запад России, долгое время существовали рядом с балтами, а к VI-VIII вв., видимо, ассимилировались с местными племенами и, переняли у них многие языческие обряды и обычаи, в том числе связанные с поклонением камням.

Но были ли балты первыми?

Есть все основания считать, что культ почитания камней и связанный с ним обычай - наносить знаки на валунах, своими корнями уходит в более глубокие времена - III- II тыс. до н.э. Наиболее древние камни со знаками, видимо, тоже относятся к этому времени. Об этом говорят не только данные археологических раскопок, но и тяготение некоторых памятных камней к древним могильникам и неолитическим стоянкам.

Бросается в глаза и схожесть знаков на камнях с петроглифами Карелии. Давно замечено, что некоторые изображения (в том числе и до сих пор не расшифрованные) перекликаются друг с другом. Как будто древние художники вкладывали в них один и тот же понятный только им одним смысл. Среди этих знаков - и наша «рыба».

И таких похожих изображений, включая следы ног, немало на петроглифах Карелии и валунах северо-запада России.

Петроглифы Карелии датируются первой половиной II тыс. до н.э. Примерно к этому же периоду или немного более позднему следует отнести и знаменитый камень «Щеглец» из Новгородской области - едва ли не единственный известный нам памятник на северо-западе России с комплексом петроглифических рисунков. Камень действительно уникальный. На скосе огромного валуна (длина - 3,7 м, ширина - 1,6-2,3 м) высечена целая композиция изображений, причём в совершенно другой, нежели следовики, манере - контурной гравировки: ступни и ладони рук, большой круг с вписанным в него крестом, а сверху - две странные зонтикообразные фигуры. Причём, правая очень похожа на какое-то загадочное

На камне «Щеглец» вблизи Великого Новгорода неизвестными нам древними художниками высечена целая группа изображений - ступни ног, ладони рук, большой круг и зонтикообразные фигуры, похожие на странные неземные существа. Фото из архива С.Н.

инопланетное существо.

Археолог А.А. Формозов, который обследовал этот камень, считает, что на нем выбит солярный знак, изображающий солнечную колесницу. Предполагают, что зонтикообразные фигуры - это изображение штандартов вождя. Такие же знаки обнаружены на стене грота Мурзак-Коба в Крыму, а у древних шумеров подобные изображения означали «глаз, видеть, лицо».

Что же касается следов, то крест внизу, как считают некоторые исследователи, указывает, что это след обутой ноги (в сандалиии). Но возможно и другое предположение - что это намёк на какой-то магический обряд, связанный с этим камнем. По сведениям этнографов до революции в некоторых деревнях Ярославской губернии бытовал такой обряд: когда кто-то надолго уезжал из деревни, то на песке рисовали контуры его следа и топором выбивали внутри две линии - крест накрест (как на «Щеглеце»), чтобы в дороге с ним ничего не случилось. Вот такой дорожный оберег.

А.А. Формозов нашёл аналогии этим знакам на скалах Швеции и Каменной Могилы под Мелитополем, которые позволяют отнести время появления знаков на «Щеглеце» - ко второй половине бронзового века - концу II - началу I тыс. до н.э.

Но самое интересное, что при расчистке камня на верхней его части были обнаружены два чашевидных углубления, правда, плохо сохранившиеся. А это значит, что возможно камень «Щеглец»

ещё раньше, чем на него было нанесено изображение солнечной колесницы, мог использоваться как жертвенник, наподобие таких же чашечных камней.

Теперь уже ясно, что камни со знаками нельзя отнести к какому-либо одному времени. Они хранят тепло рук древних каменотесов от неолита до русского средневековья. Каждое новое поколение оставляло на камнях свои следы, зачастую используя или переосмысливая назначение выбитых ранее изображений. Поэтому многие первоначально культовые камни в средние века превращались в межевые, путевые или пограничные, древние символы язычества (следы) - в «божьи стопки», а на жертвенных камнях бронзового века - выбивались княжеские знаки собственности русского средневековья. Вот такой своеобразный многослойный пирог, где один временной слой очень трудно отделить от другого.

С изучением этих интереснейших памятников надо спешить: их число с каждым годом сокращается, многие потеряны безвозвратно. Место их расположения забывается в связи с исчезновением многих деревень. И теперь уже трудно представить подлинную территорию расположения камней. Да и археологические раскопки возле них начали производиться только в последнее время. Поэтому многие знаки не поддаются датировке, и мы можем только догадываться об их смысле и назначении.

Не изучена и сама техника нанесения изображений, что позволило бы не только более точно определить их возраст, но и провести грань между знаками, выбитыми рукой человека, и природными изображениями, которые тоже встречаются на камнях.

И конечно, надо, чтобы изучение памятников проводилось комплексно с привлечением ученых разных специальностей - историков, археологов, этнографов, фольклористов, филологов, геологов. Может быть, тогда мы сможем наконец-то приоткрыть завесу тайны исчезнувшей «каменной цивилизации», в течение веков и тысячелетий существовавшей на нашей земле.

* * *

Культовое поклонение камней было известно в Верховьях Зап. Двины, по-видимому, ещё до появления здесь славян. Если в Прибалтике, Белоруссии число этих памятников исчисляется сотнями, то к востоку их становится значительно меньше, по мере удаления

от Прибалтики, Псковской и Новгородской областей.

В Андреапольском районе систематических поисков камней со знаками, к сожалению, не проводилось. В старых археологических картах тоже в основном отмечалось наличие курганов, сопок и древних славянских городищ, но в них почти нет упоминаний о культовых камнях, разве что за исключением района озера Селигер.

Однако подобные памятники встречаются и на территории Андреапольского района.

В краеведческой литературе сообщалось о камне со следами культа медведя возле д. Новая на р. Русановке, о камнях-следовиках в Торопацком сельском поселении. Вместе с местным краеведом В.К. Разживиным мы пытались найти камень со следом человеческой ноги в 2004 г. в окрестностях пос. Торопаца, но тогда нас постигла неудача.

На следующий год Валерию Константиновичу удалось вместе с группой краеведов-школьников обнаружить камень-следовик (см. фото), примерно такой же, какие мы видели в районе Селигера. Но в этих местах есть и другие камни, без высеченных знаков, но, по всей вероятности, тоже имеющих культовое значение. Кроме Красного камня на берегу Отоловского озера, я отнёс бы сюда и ещё один подобный камень, обнаруженный нами на берегу Бакановского озера (Андреапольский район) вблизи древнего славянского поселения X-XI в.в. на месте предполагаемого нахождения средневекового волостного центра Буйцы.

Культ поклонения камням, видимо, был привнесён в Верхнее Подвинье псковскими кривичами, позаимствовавших эти обряды и обычаи у древних балтийских племён, с которыми долгое время жили по соседству.

Во всяком случае, как считают учёные, вполне очевидна связь между территориями распространения камней-следовиков, расселением племён псковских кривичей в IX-XIII в.в. и распространением культуры длинных курганов. В Верховьях Зап. Двины как раз и находилась восточная граница расселения псковских кривичей и новгородских словен.

Но, возможно, этот древний культ камней распространился в этих местах и с более древних времён.

Много ещё тайн хранит Тверская земля.

Порою мы не сознаём

*Порою мы не сознаём,
Что всё земное быстротечно.
И тем быстрее проживём,
Коснувшись времени беспечно.*

*По мне бежит неяркий свет,
Он на лице моём играет.
Я понял с детства, с малых лет
Как время быстро пролетает.*

*Вот только встретил я весну,
За нею наступило лето,
И сосны там, на берегу,
Уж пламенеют все с рассветом.*

*Был в детстве берег так далек,
Почти не видно было края,
Трещал в кострище уголёк,
Почти совсем не дотлевая.*

*Всё было так до той поры,
Пока не понял я, в чем дело -
Быстрее стали тлеть костры,
Над ними небо побледнело.*

*По мне бежит неяркий свет,
Он на лице моём играет.
Я понял с детства, с малых лет
Как время быстро пролетает.*

Юность не вернется

*Нету сердцу мест родней,
Там, где дождик льётся.
И пускай звенит ручей
На восходе солнца.*

*Знаю, годы коротки -
Жизнь, она не вечна,
Ты прими мои стихи,
Край мой бесконечный.*

*Будут так же течь года,
Жить другие люди.
И любить мои края
Кто-то новый будет.*

*Зазвенит опять ручей
На восходе солнца,
Но не станет прежних дней -
Юность не вернётся.*

Стоит ли оглядываться назад? Вместо заключения

У каждого человека есть самое родное место на земле - где он родился, провёл своё детство, научился любить природу, познал первую любовь и свои первые детские огорчения. У каждого есть свой исток, который навсегда останется самым чистым, незамутнённым, самым счастливым местом на земле. Но жизнь часто уводит человека всё дальше и дальше от родного дома, и путь этот бывает длинным и извилистым. И не всегда человек возвращается к своим истокам, а если и возвращается - дорога к нему тоже бывает долгой и непростой.

Но у каждого есть свой исток, откуда начиналась его жизнь, и у каждого свои пути возвращения в детство. А бывает и так, что и возвращаться-то некуда - нет деревни, где ты родился, пересохла речка, где ты купался в детстве, заросла дорога к твоему родному дому.

Но это вовсе не значит, что ты забыл своё детство, забыл места, откуда ты отправился в большую и самостоятельную жизнь. Потому что родные с детства места никогда не забываются, они всегда с тобой, в твоей душе, и память о них, как незаживающая рана, болит, ноет и не даёт покоя.

У каждого народа тоже есть свои истоки, свои роднички, которые, иногда с большим трудом пробивают себе путь через болота и горные хребты, чтобы вместе с другими родниками и речками, наконец, влиться в огромную реку и обрести силу, спокойствие и уверенность. Не всем родничкам, как и речкам, удаётся пробиться через леса и завалы, не всем доводится добежать до большой и спасительной реки, чтобы вместе с нею, уже сообща, пробивать себе дорогу дальше.

Меня всегда пугает мысль, что мы со свойственными современному человеку высокомерием и эгоизмом, часто ничего не замечаем вокруг себя или, наоборот, стараемся приписывать себе то, что сделано не нами, и даже то, что сделано до нас другими. И вроде бы не

замечаем, что умирает нынешняя деревня, что рушатся дома, в которых мы родились, что лежат в разорении сельские погосты, в которых веками молились наши предки, крестили наших дедов и прадедов и отпевали усопших на деревенских кладбищах.

Мы равнодушно проходим мимо курганов, тянувшихся бесконечной чередой вдоль реки Волкоты, озёр Бросно, Бойно, Бакановского: это, мол, далёкая от нас жизнь, это история. Но мы-то все тоже вышли из этой истории, и как речки, рождаются в родниках, когда-то тоже вышли из одной исторической купели, сначала сплотившись в племена, а потом став единым русским народом и государством. И в каждом из нас течёт хоть маленькая, почти невидимая глазом, но капля крови тех первых аборигенов этого озёрного края, которые тут жили и умирали, уступив место другим поколениям. Но, прежде чем найти своё упокоение на сельских погостах, давали жизнь своим детям, чтобы не иссяк тот родниковый поток, который, верили они, приведёт их к новой благополучной и счастливой жизни. И, сами не ведая, приближали наше будущее и будущее наших детей.

Вот почему вся наша история мне представляется одним большим потоком с бесконечными ручейками, которые, как и каждое поколение, всё время напряжённо искало ту единственную и спасительную главную дорогу, как маленькие речки ищут глубокую и полноводную реку. Дорогу, которая вывела бы их на широкую историческую магистраль, по которой они могли бы идти вперёд, не боясь потеряться во мгле.

Поиск этой дороги был сложен и непрост. Иногда народы сворачивали с неё, и теряли перспективу и веру в свой будущий путь. Так было и во времена татаро-монгольского ига, и в польское нашествие начала XVII в., и в наше «смутное время» - уже в 90-е годы XX столетия.

История склонна повторяться, но эти печальные повторения, каким бы временем они не были отделены одно от другого, имеют одну, общую особенность - утрату веры, а если сказать проще - потерю народного духа.

Вера - как будто бы понятие нематериальное и эфемерное, это - не ракеты, не танки, не пушки, не дома и заводы. Но если уж говорить, чем Россия всегда побеждала, - так это именно верой, крепостью духа, народным единением.

И вот когда народ, даже в самую тяжёлую годину, наконец, со-

бирался с духом, он и одерживал победу, снова возвращаясь на главную дорогу своего исторического развития.

И каждый раз в качестве нравственной опоры и поддержки обращался к своим духовным истокам, своей истории и исторической памяти, которые помогали ему выстоять, пережить лихолетье и победить...

Если мы сейчас снова начинаем говорить об уважении к прошлому, возвращении к своим истокам, духовным ценностям, своему национальному укладу жизни - значит, Россия снова воспрянет духом, пытаясь занять своё, определённое ей место в истории.

И я верю - мы ещё увидим Россию в числе самых богатых, самых сильных и самых авторитетных мировых держав. Она ещё скажет своё слово, но не силой бомб и ракет, а силой духа, миролюбия и нравственного авторитета. Наше Отечество выстрадало это право всей своей многотрудной и вместе такой героической историей.

Надо только, чтобы каждый из нас не забывал своих корней, своей веры, своего прошлого и своих истоков, какая бы длинная дорога к ним не вела.

* * *

Время обладает одним удивительным свойством. Оно проходит, и мы вроде бы уже никогда не сможем вернуть его обратно. Но очень часто оно возвращается и заставляет нас оборачиваться назад, в своё прошлое. А подчас и с укором смотрит нам в спину, напоминая о хороших и добрых делах, совершённых нашими предками.

Петербургский путешественник Иосиф Белов, посетивший в 1849 г. тогда ещё небольшое сельцо Мачихино, или как он его называет, Андринополь, с восторгом пишет о том, каким был этот удивительный городок в прошлом, полтора столетия назад:

«Сельцо Мачихино, где я теперь расположился, по приятности и красоте местоположения, есть одно из лучших в окрестности. - Оно лежит на левом берегу Западной Двины, на открытой равнине, и принадлежит г. N..., хотя сама эта усадьба по виду кажется и небогата, но к ней примыкает прекрасный сад, расположенный в английском вкусе; там меж тенистых еловых и тополевых аллей, растёт много черёмухи и других ароматических кустарников: кой-где находятся цветники, лужайки и насыпные курганы, по местам сооружены красивые беседки, далее же к Западной Двине примыкает гус-

тая роща. - На противоположном берегу сказанной реки находится также усадьба, которой обширный сад почти смежен с Мачихинским, от того не только эти рощи, но и вблизи лежащие окрестности наполнены приятных благовоний. - В конце этого сада над Западной Двиной возвышается церковь, это есть погост Дубна, за которым вновь приятно раскинута усадьба, принадлежащая г. NN..., вообще берега этой реки, унизанные деревьями и покрытые рощами, картинно живописны.

Андринополь пользовалось прежде большею известностью не только в Тверской, но и в смежных с ней губерниях. Но слава его блеснула и померкла!

Здесь находятся, как о том сказано прежде, минеральные воды; а потому в Андринополе построено до десяти больших домов с принадлежащими к ним службами, эти корпуса разделены на отделения, где помещались целые семейства. - В Мачихине также находились: трактир, кофейня и дом для публичного собрания, сюда приезжали во время лета не только желающие пользоваться минеральными водами, но равно и для препровождения времени: богатые помещики, артисты и музыканты; в саду по вечерам гремел оркестр; светские люди, иные в зале собрания танцевали, другие прогуливались по аллеям и в роще, словом, весь Андринополь тогда был в движении и полон жизни; на это время: квартиры и содержание были здесь весьма дороги; теперь же в Андринополе всё пусто, дома, никем не обитаемы, приходят в разрушение, нет ни дома публичного собрания, ни кофейни, ни трактира. - В этом прекрасном саду, прежде так блестящем роскошью и людьми большого света, редко увидишь теперь кого-нибудь прогуливающегося из дома г-жи N..., здесь проживающей, и на улице сказанного сельца, кроме хорошеньких крестьянских мальчиков, также никого не видно.

Со смертью г. N..., прежнего владельца этого имения, пала и слава сельца Андринополя, он основал здесь заведение минеральных вод, содержал при них искусных докторов, старался доставить разного рода удовольствия для посетителей; теперь же никто об этом не заботится, нынешний его владелец не живёт в своём имении.

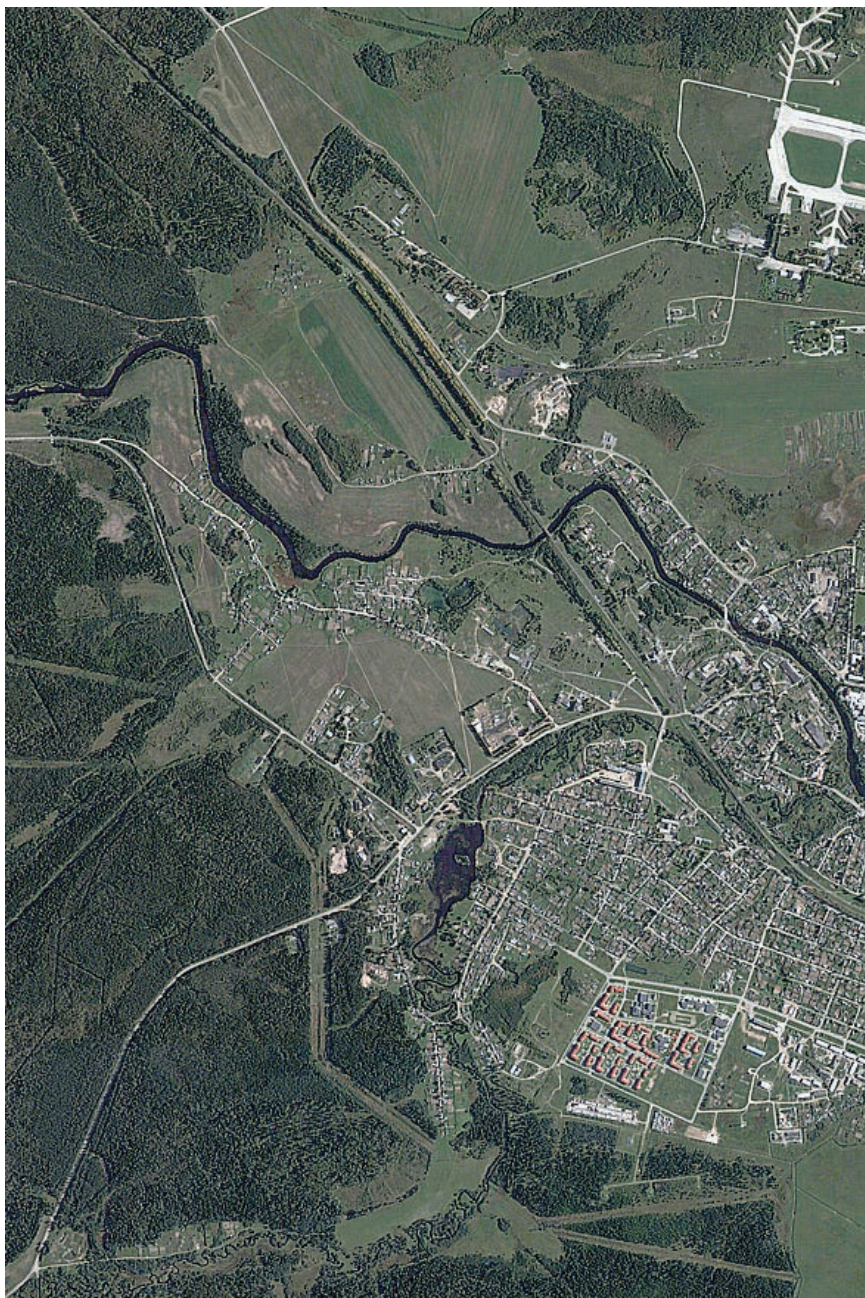
Из середины Андринополя лежит широкая, осенённая по обе стороны высокими развесистыми берёзами дорога, в конце её, расстоянием от сельца в полуторе версте, возвышается огромное здание Дорического вкуса, на фронтоне которого значится 1810 год, то есть:

время основания в нём минеральных вод. - Внутри этого строения находятся: обширный, некогда богато украшенный лепною работою зал, а среди последнего бассейн минерального источника; с правой и левой стороны сказанной залы ведут коридоры в небольшие комнаты, где прежде были устроены ванны. - Теперь потолки этого здания рушатся, лепные его украшения отчасти лежат в грудах мусора, пол выломан, бассейн засыпается и подёрнут плесенью, но источник всё журчит, кажись, будто жалуется на непостоянство и превратности судеб!»

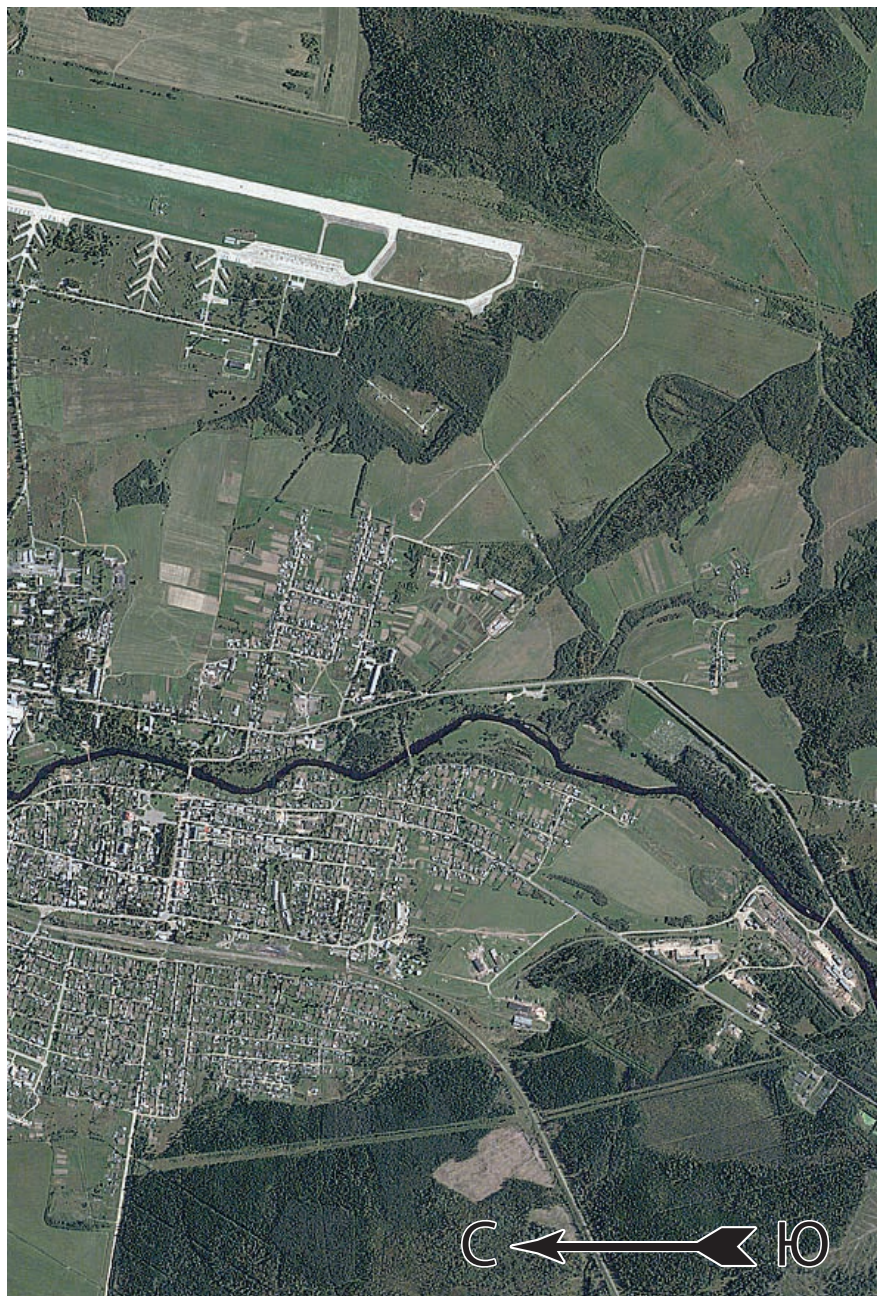
Так что, думая о будущем, не лишне заглянуть и в прошлое, в те времена, когда село Андринополь пользовалось большой известностью, а его слава гремела не только в Тверской, но и в других губерниях.

Не знаю почему, но путёвые заметки И. Белова ныне воспринимаются нами как воспоминание о будущем.

Так что время от времени всем нам бывает полезно оглядываться назад, к своим истокам.

Город Андреаполь. Так он выглядит из космоса

Песня об Андреаполе

Мне б поселиться в этом городке,
Там, где по улочкам блуждают думы,
Где жизнь идёт спокойно вдалеке
От суеты, гуденья и от шума.

Встречает здесь меня река Двина.
На берегу стою с тобою схожий.
И новый день настал для нас погожий,
На небе же, как птицы, облака.

Ах, Андреаполь, я в тебя влюблён!
Я о тебе пою, скорблю и помню.
С утра я слышу, как хрустальный звон
Среди берёз несётся с колокольни.

Мне б поселиться в городке моём.
Как я хочу, чтоб вновь настало лето!
И верю, что с тобою вместе где-то
Мы песню не последнюю споём.

Ты прощай, мой край родной

Ты прощай, мой край родной.
Над рекой закаты...
Годы, годы чередой
Всё плывут куда-то.

Помню я лесную тишь,
Помню луг далёкий,
Где в реке поёт камыш
Грустный, одинокий.

Ты прощай, осенний лес,
Солнцем убаюкан.
Промелькнул ты и исчез.
Глубока разлука...

Но наступит снова май,
Шелестя осокой.
Я вернусь к тебе, мой край,
Из страны далёкой.

Содержание

Озёрный край.....	5
-------------------	---

Волкота как крылатая птица

Старая почта. "Деревня моя, золотые осинки".....	14
Четверо в лодках. Не считая Маруськи.....	25
Со словарём В.И. Даля в рюкзаке.	
Откуда пошли названия деревень?.....	35
Озеро Бросно. Дорога к храму.....	55
Бенёк. В гостях у "хозяина" динозавра.....	73
Озеро Волкота. Остров Кур - почему его так назвали?.....	91
Можно ли путешествовать по старым картам?	
Карта Ф.Ф. Шуберта.....	102
Бобровая Лука. Исчезнувшие деревни.....	115
Горицы. Реквием по деревенским школам.....	129
Памятные книжки губерний. О чём писали краеведы 100 лет назад.....	144
Макаровское озеро. Заколдованный исток.....	162
Так где же начинается Волкота?	
Странная версия гидролога Штукенберга.....	178
Песчаха. Археологическое царство Ядвиги Станкевич.....	189
Волок. Разговор в сельской администрации.....	208
Быстри, Боталы, Стеклино. "За ноги в ям быстри волок".....	222
Озеро Отолово. Путешествие в Москву.....	237
Таинственный камень. Псковские исследователи Тверского края.....	259
Семченки. Большой Каньон.	
Спасение "философского парохода".....	276
Стоянка на р. Городнице. "Тихая моя Родина".....	288
Деревня Волкота (Треботка) - озеро Охват.	
Поход окончен. Поиски продолжаются.....	300
Аксёново. "Здесь течёт река Тудёр".....	313
Грибель. Так вот ты какой , исток Волкоты!.....	326
Есть ли у деревни будущее? Размышления у истока.....	348

Где находится летописный Буюц?

"Отдать Буйце Святому Георгию"	
О чём говорят русские ле-тописи.....	381
Сельский погост. Кладбище или центр волости?.....	386
"Холм, подверженный ветру". Откуда пошло название Буйца.....	392
Село Святого Георгия. "Буянные анбары" на сельской таможне.....	395
"На погосте двор Микифоров". Как собирали налоги в древней Руси.....	399
Буюц - невидимый град Китеж? Куда исчезло летописное село.....	404
Как Буюц стал Жуковым. Весточка из глубины веков.....	409

Следы на камнях

Странное хобби краеведа Ильина. "Отец" следовиков.....	424
Находки декабриста Ф.Н. Глинки. Первый краевед Тверского края.....	427
По следам археологической карты. Камень на скотном дворе.....	430
Ключи от тайны. Письмо пенсионера И.И. Смирнова.....	435
Тайна Рюриковичей и "следы великанов". Богатыри или инопланетяне?.....	438
Сколько лет следовикам? Разные мнения учёных.....	447

Стоит ли оглядываться назад?

Вместо заключения.....	457
-------------------------------	------------

Отзывы и заказы направлять по адресу:

e-mail: serpovovser@mail.ru

или

по тел. : +7-916-833-01-73

С. Попову

Алексей Сергеевич Попов

Дорога к истоку. Записки краеведа

Редактор В.Сидорчук

Художник О. Козлов

Компьютерный набор С. Дума

Вёрстка и спуск полос ООО «Издательство ИНИКО»

Подписано в печать 12.12.1212. Формат 60х84 1/16

Гарнитура «AGNew HandBook». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 00. Тираж 500. Заказ №480

Отпечатано в ООО «Академия печати»

г. Тверь, ул. Лукина, д.9

тел.: (4822) 32-47-70

Автор книги «Дорога к истоку»

Алексей Сергеевич Попов родился в небольшой подмосковной деревне Талицы Пушкинского района Московской области, где его отец – известный краевед 1920-х годов – заведовал сельской средней школой, а мать работала учительницей. От своего отца унаследовал увлече-

ние краеведением и интерес к изучению родного края. С 1939 г. вместе с родителями каждое лето проводил в пос. Удомля Калининской (ныне Тверской) области. Оттуда, наверное, и интерес к этому удивительному озёрному краю, его истории и природе. Уже будучи журналистом (он окончил Московский государственный университет), занимается изучением этого края, путешествует по нему пешком и на байдарке, знакомится с его историей. Автор нескольких краеведческих книг, в том числе по Тверскому краю: «В поисках Дивьего камня» (1981) и «Загадка Янтарной реки» (1989) – о поиске истока Западной Двины.

В 1980–90-х годах работал зав. редакцией туристской и краеведческой литературы издательства Профиздат, директором издательства Российского фонда культуры «Отечество», руководил издательством «Крайтур» (краеведение и туризм). Основатель и главный редактор краеведческого альманаха «Отечество» (1990–2000). Член Союза журналистов России, действительный член Русского Географического общества.

С 1989 г. летом и осенью живёт в д. Жуково Андреапольского района Тверской обл., которую считает своей второй родиной.